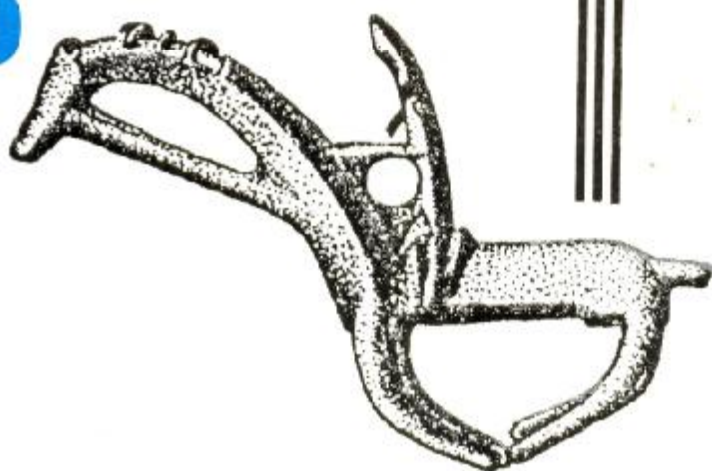

*К 70-летию
Э.В.Шавкунова*

**ИСТОРИЯ
И АРХЕОЛОГИЯ
ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА**

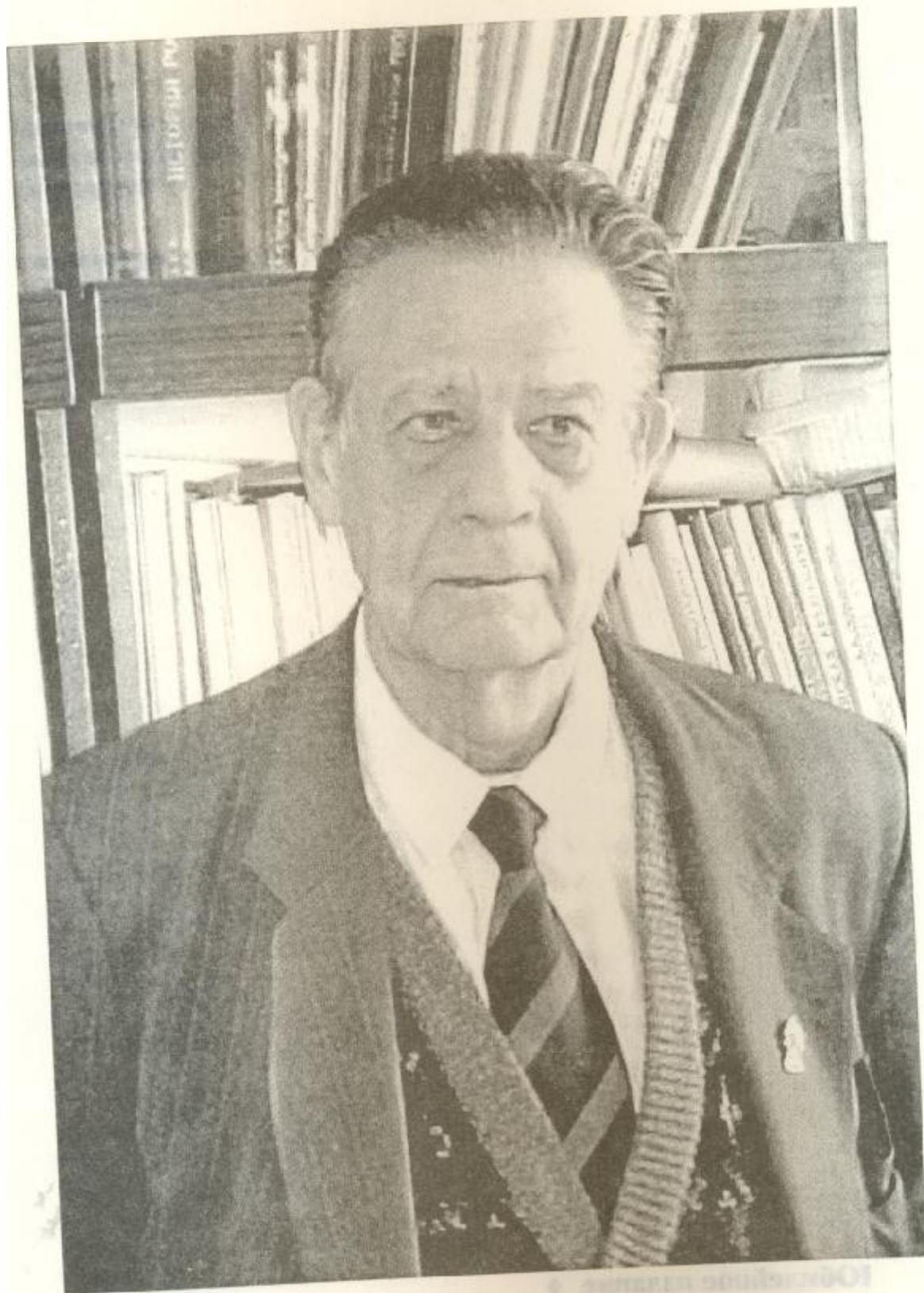
**Дальневосточный
государственный
университет**

**Институт истории, археологии
и этнографии ДВО РАН**

Юбилейное издание ◆

К семидесятилетию Э.В. Шавкунова

К сессии съезда Г.И. Ильяшенко

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

К 70-летию Э.В.Шавкунова

ББК 63.4
И 90

Ответственные редакторы:

Н.Н. Крадин, доктор исторических наук;

А.А. Крупяно, кандидат исторических наук;

В.В. Совастеев, доктор исторических наук, профессор

Рецензенты:

Кафедра всеобщей истории Уссурийского пединститута
(зав. каф. д. ист. наук, проф. Д.В. Лихарев);

Ю.Е. Вострецов, канд. ист. наук, ст. научный сотрудник

Утверждено к печати

Ученым советом Дальневосточного государственного университета,

Ученым советом Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН

ЭРНСТ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАВКУНОВ: МЕЧТА, ВОПЛОЩЕННАЯ В РЕАЛЬНОСТЬ

*"Я с детства решил стать археологом"
(Из интервью с Э.В.Шавкуновым)*

Во многом судьба человека определяется им самим. Имея четко поставленную цель в жизни, прилагая к ее достижению все свои усилия, можно добиться значительных успехов в любой сфере человеческой деятельности. Именно к людям такого типа и относится Эрнст Владимирович Шавкунов, судьба которого вот уже около 50 лет связана с археологией Дальнего Востока России. За прошедшее время он превратился из начинающего археолога в признанного как в России, так и за рубежом специалиста в области средневековой археологии Приморья и Приамурья, защитил кандидатскую и докторскую диссертацию, стал профессором, совершил ряд научных открытий в археологии региона, воспитал целую группу учеников.

Э.В.Шавкунов родился 23 марта 1930 г. в г. Смоленске. Отец его был комиссаром танковой бригады, которая базировалась в Белоруссии. В 1937 г. он был уволен в запас по состоянию здоровья. До начала Великой Отечественной войны семья проживала в г. Щучине Гродненской области. В первый же день войны город бомбили. Отец Э.В.Шавкунова - Владимир Васильевич - сумел отправить его с матерью в эвакуацию, но сам погиб уже в начале войны. До 1944 г. Э.В.Шавкунов с мамой жил в Астраханской области и, как миллионы советских людей, познал все тяготы военного времени. Было голодно, 2 года он не имел возможности учиться. Только после переезда в Кировскую область ему удалось закончить 8-летнюю школу. В 18 лет Э.В.Шавкунов пошел работать стрелком ВОВР и одновременно продолжал обучение в вечерней школе молодежи. В 1950 г. школа была закончена и встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути. Однако для Э.В.Шавкунова он уже был определен. Однажды в детстве он прочитал статью о легендарной Атлантиде и с этого времени и мечтал стать археологом. Э.В.Шавкунов решил поступать в Ленинградский университет на исторический факультет. Однако судьба распорядилась несколько иначе. Когда Э.В.Шавкунов приехал в город на Неве, в приемной комиссии университета выяснилось, что его документы переданы на восточный факультет. Стране нужны были специалисты по Китаю. Казалось бы, мечта об археологии отдалается, но это оказалось совсем не так. Наступил 1953 год - год, знаменательный и для Э.В.Шавкунова лично в определении его научной дороги, год, знаменательный и для археологии целого региона нашей страны - Дальнего Востока. Под руководством А.П.Окладникова при Ленинградском отделении Института истории материальной культуры образовывается Дальневосточная археологическая экспедиция. Одним из членов этой экспедиции и становится третьекурсник востфака ЛГУ Э.В.Шавкунов. Начиная с 1953 г., он являлся постоянным участником полевых исследований, возглавляемых А.П.Окладниковым - работал на Ангаре, участвовал в разведке по Шилке и Амуру. Ему посчастливилось стать свидетелем и автором первых археологических открытий ДВАЭ в Приморье. Уже в первые годы работы экспедиции были обнаружены такие хорошо известные в археологии Приморья памятники, как поселения Рудная Пристань, Семипятная, Харинская, Крсунь, Кировское, стоянка у деревни Осиновки и целый ряд других. К открытию трех последних из названных памятников Э.В.Шавкунов имел непосредственное отношение.

А.П.Окладников воспитал целую плеяду археологов, которые достойно продолжают дело своего учителя и работают во многих районах нашей страны. Э.В.Шавкунов стал первым его учеником, кто связал свою жизнь и работу с Приморьем. Еще в студенческие годы начала определяться тематика научных исследований Э.В.Шавкунова. Его заинтересовали средневековые памятники Приморья. По этой проблеме он написал курсовые работы и дипломную работу, посвященную государству Бохай, которую успешно защитил в 1955 г. В этом же году после окончания университета он принимает окончательное решение переехать в Приморье (хотя имел два предложения о поступлении в аспирантуру и мог остаться в Ленинграде) и уезжает во Владивосток, где поступает работать на должность старшего лаборанта в недавно созданный Отдел истории, археологии и этнографии при Дальневосточном филиале СО АН СССР. Образование Отдела - первого научного учреждения гуманитарного профиля на Дальнем Востоке - во многом произошло благодаря усилиям А.П.Окладникова. Отдел истории в те годы был небольшим по

численности (всего 4 человека) и Э.В.Шавкунов стал в нем первым, кто посвятил свои научные исследования изучению археологических памятников Приморья. На протяжении последующих 45 лет произошли существенные и кардинальные изменения в организации археологических исследований на юге Дальнего Востока России: Отдел истории пополнялся и укреплялся кадрами, оформлялись направления исследований. В 1971 г. Отдел был преобразован в Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, где одним из самых крупных было подразделение археологов. Э.В.Шавкунов активно участвовал в процессе становления и развития академических исследований в области археологии в регионе. С 1965 г. он руководил лабораторией археологии в Отделе, а с 1970 по 1992 год возглавлял сектор археологии средневековых государств в Институте. Под его руководством сектор приступил к планомерным и широкомасштабным исследованиям средневековых памятников Приморья, начал вести работы на Амуре. Объектами раскопок стали как городища, так и селища, могильники. Полученный большой массив новых археологических материалов потребовал своего осмысления, что выразилось в серии статей, опубликованных сотрудниками сектора, защите кандидатских диссертаций, создании первых коллективных монографий. Под руководством Э.В.Шавкунова сектор археологии средневековых государств становится зрелым и высококвалифицированным научным коллективом.

Опыт, полученный в отрядах ДВАЭ, позволил Э.В.Шавкунову со второй половины 1950-х гг. приступить к самостоятельным полевым работам. Уже их начало принесло значительное открытие: в ходе археологической разведки по Амуру в 1957 г. у с. Кумара были обнаружены изделия человека, относящиеся к палеолиту. Основной целью его полевых работ в Приморье в этот период были поиски и исследования бохайских памятников, выяснение их характерных черт и отличий от других памятников эпохи средневековья. Эти исследования были пионерскими, так как никто до Э.В.Шавкунова такими изысканиями специально не занимался. В долине р. Кроуновки Э.В.Шавкуновым были найдены две буддийских кумирни - на сопках Копыто и Абрикосовой. В 1958 г. были проведены раскопки на сопке Копыто - первые исследования бохайского памятника в Приморье. Материалы раскопок двух кумирен, а также сведения из китайских летописей легли в основу кандидатской диссертации Э.В.Шавкунова, защищенной в 1962 г. в Новосибирском государственном университете (научный руководитель А.П.Окладников).

1960-е - 1980-е годы - время активных полевых работ, проводившихся Э.В.Шавкуновым в Приморье. В отличие от предшествующего периода объектом исследования становятся городища и связанные с ними жилые и производственные комплексы, наиболее полно отражающие хозяйство, быт и культуру средневекового населения региона. Практически все наиболее известные в средневековой археологии Приморья городища впервые были обследованы им. Можно назвать такие памятники, как городище на Стоговой сопке, Николаевское, Екатериновское, Лазовское, Новопокровское, Скалистое, Ананьевское городища и целый ряд других (всего около 40). Э.В.Шавкунову принадлежит и честь открытия нескольких интересных памятников первобытной археологии в Приморье. К перечисленным выше, можно добавить поселение Малая Подушечка, ставшее хорошо известным после исследований Ж.В.Андреевой и давшее находку первого янковского могильника.

Знаменательным для исследователя был 1962 г., когда произошло подлинно научное открытие Шайгинского городища, имеющего в настоящее время мировую известность.

С 1963 г. начались многолетние исследования городища, начался новый этап в изучении чжурчжэньских памятников Приморья. Результаты работ на Шайгинском городище - это несомненный феномен в дальневосточной археологии: по объему раскопок, по числу изученных объектов, по количеству полученных находок. Трудно переоценить научную значимость добытых материалов для характеристики материальной и духовной культуры чжурчжэнь государства Восточное Ся. Памятник раскапывался 30 лет и бессменным руководителем экспедиций являлся Э.В.Шавкунов. "Шайга", как называют городище археологи-медиевисты Приморья, стала своего рода школой для них, и большинство специалистов неоднократно принимали участие в полевых исследованиях этого памятника. За 30 полевых сезонов на городище было вскрыта площадь около 50000 кв.м., раскопано 278 жилищ, 86 амбаров, 65 хозяйственных дворов, 6 зданий общественно-административного типа, 8 мастерских, редут с 3 жилищами и центральные ворота. В археологии Дальнего Востока нет другого памятника, исследованного так крупномасштабно. По его материалам или с их активным привлечением был защищен ряд кандидатских диссертаций (В.Д.Леньков, С.М.Тупикина, Н.Г.Артемьева и др.). Сам Э.В.Шавкунов свою докторскую диссертацию посвятил сложнейшей проблеме этногенеза чжурчжэнь и характеристике их материальной и духовной культуры. И в диссертации, защищенной в 1984 г., и в моно-

графии, опубликованной в 1990 г., большое место занимал анализ материалов Шайгинского городища.

Как отмечал Э.В.Шавкунов в интервью автору, весь комплекс находок на Шайгинском городище для него уникален, но особенно памятны ему были артефакты, связанные с духовной культурой и искусством чжурчженей (зеркала, нэцке и др.). Нельзя не отметить и находку в 1976 г. на городище серебряной пайцзы - верительной бирки - первой пайцзы, предшествующей монгольским, обнаруженной на территории СССР, первой чжурчженской в мире.

Археологические исследования в целом, и работы на Шайгинском городище в частности принесли широкую известность Э.В.Шавкунову. Он по праву стал ведущим специалистом в области средневековой археологии Дальнего Востока.

В 1970 и 1972 гг. Эрнсту Владимировичу посчастливилось побывать в Монголии, где им был обнаружен ряд новых археологических памятников древних и средневековых кочевых цивилизаций. Однако самая яркая находка была сделана неподалеку от центра сомона Дашинчилэн Булганского аймака. В развалинах субургана совместно с монгольским археологом Х.Пэрлээ им была найдена коллекция берестяных книг и среди них уникальный юридический документ - восемнадцать монгольских уложений конца XVI - первой трети XVII вв. (так называемые "Восемнадцать степных законов"). Впоследствии они были опубликованы Х.Пэрлээ в 6 томе серии *Monumenta Historica*, издаваемом Институтом истории АН МНР.

В 1990-е гг. у отечественных специалистов появилась возможность проводить совместные исследования археологических памятников с зарубежными коллегами. Закономерно, что один из первых такие работы в Приморье осуществил Э.В.Шавкунов. Исследования с корейскими и японскими археологами стали регулярными и, несомненно, играют положительную роль в дальнейшем изучении средневековой археологии и истории региона.

Прошло более 40 лет с начала полевых работ в Приморье Э.В.Шавкуновым. Десятки экспедиций, тысячи пройденных километров, радость новых открытий. Все это было и наверняка будет еще, так как Эрнст Владимирович не мыслит себя вне поля, не мыслит себя без археологии. В 1999 г. им были закончены раскопки буддийской кумирни на сопке Абрикосовой. Исследования в долине р. Кроуновки, начатые еще в 1950-х гг., получили свое логическое завершение.

Перу Э.В.Шавкунова принадлежит более 200 опубликованных работ, где нашли отражение итоги его археологических работ на юге Дальнего Востока России. В их число входит три индивидуальных и более десяти коллективных монографий. Из них несколько были переведены и изданы в КНР и Корее. Неоднократно он участвовал в написании учебных пособий и справочников. Более 40 работ опубликовано за рубежом. В архив Института археологии РАН слано около 40 отчетов о полевых исследованиях. Э.В.Шавкунов неоднократно являлся ответственным редактором археологических сборников и монографий.

В работах Э.В.Шавкунова затронут широкий круг проблем средневековой археологии и истории юга Дальнего Востока России. По многим из них предложены оригинальные и аргументированные решения, по некоторым выдвинуты интересные гипотезы. Характерная черта публикаций Э.В.Шавкунова - комплексное использование для своих выводов данных археологических, письменных источников, этнографических материалов.

Одной из основных задач начального этапа современного периода развития археологии на юге Дальнего Востока России было систематизация и периодизация археологических памятников. Вслед за своим учителем - А.П.Окладниковым - эту работу для средневековых памятников Приморья начал Э.В.Шавкунов. Во многом благодаря его усилиям, удалось четко разделить бохайские памятники от чжурчженских. В публикациях 1960-х - 1970-х гг. Э.В.Шавкуновым была разработана классификация средневековых городищ и жилищ Приморья, много внимания уделялось анализу и интерпретации полученного археологического материала. В этот же период проходило формирование концепции исследователя о ходе средневековой истории региона, роли в ней государства Бохай и империи Цзинь. Анализ имеющихся данных позволил Э.В.Шавкунову прийти к заключению об исключительно высокой роли бохайского и чжурчженского государств в историческом процессе в Восточной Азии, об их суверенности, о самобытности культуры. Эти мысли наиболее акцентировано нашли отражение в его кандидатской и докторской диссертациях и монографиях, опубликованных после их защиты. Подтверждение своих выводов Э.В.Шавкунов прежде всего видел в результатах археологических работ, развернувшихся в дальневосточном регионе.

В конце 1980-х - начале 1990-х гг. в издательстве "Наука" вышли две коллективные монографии, посвященные археологии Дальнего Востока, которые как бы подводили промежуточные итоги изучения региона ("*История Дальнего Востока России с древнейших времен до XVII века*", "*Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России*"). В обеих книгах одним из основных авторов и редактором являлся Э.В.Шавкунов.

Своего рода "коньком", одной из любимых тем в научной деятельности Э.В.Шавкунова является изучение искусства и религии средневековых народов Дальнего Востока. Это чувствуется и по стилю работ, которые всегда написаны живым и образным языком. Специальным объектом его исследований стали бронзовые зеркала и изэке. Многолетнее изучение бронзовых зеркал, выяснение семантики изображений на них, определение их религиозно-культового назначения было подытожено Э.В.Шавкуновым в монографии *"Тайны древних зеркал"*, опубликованной в 1993 г. Изучение бронзовых зеркал в совокупности с исследованием других археологических материалов и летописных источников приводят Э.В.Шавкунова к мысли о существовании наряду с Великим шелковым путем еще одного более северного торгового пути, названного им Соболей дорогой.

Одной из важных и актуальных задач для любого археолога является выяснение генезиса тех или иных предметов материальной культуры древнего человека. Одну из таких загадок удалось решить Э.В.Шавкунову. Речь идет о изэке - художественно оформленных брелоках, изготовленных из поделочного камня, стекла или бронзы и изредка находимых на средневековых памятниках Приморья. После исследований Э.В.Шавкунова стало ясно, что родину этих изделий нужно искать не в Японии (как считалось ранее), а на материке. В связи с этим хотелось бы привести любопытный факт из биографии Э.В.Шавкунова. Изучение изэке привело к появлению любопытного хобби у него - вырезать вещи подобные этим брелокам. Символично, что у археолога Шавкунова даже увлечение навязано его профессиональной работой.

Много внимания уделял и уделяет Э.В.Шавкунов изучению религии бохайцев и чжурчженей. Исследователь приходит к очень важному выводу, что, несмотря на появление буддизма, распространенного главным образом среди представителей господствующих классов, основной религией в обществе был шаманизм, имеющий местные корни.

В средневековой археологии Дальнего Востока России еще много нерешенных и дискуссионных проблем. Научный поиск продолжается и значительное место в нем занимают исследования Э.В.Шавкунова.

Э.В.Шавкунов - яркий представитель школы А.П.Окладникова на Дальнем Востоке. За время своей научной деятельности он сам воспитал целую группу учеников, работы которых известны как в России, так и за рубежом. Под его руководством был написан и защищен ряд кандидатских диссертаций (В.Д.Леньков, Л.Е.Семениченко, С.М.Тупикина, В.И.Болдин, А.Л.Ивлиев и др.). В 1991 г. Э.В.Шавкунову было присвоено звание "профессор" и это было закономерной оценкой его работы по подготовке научных кадров. С 1994 г. по настоящее время Э.В.Шавкунов является заведующим кафедрой археологии, этнографии и истории мировой культуры в Дальневосточном государственном университете. Руководство кафедрой он сочетает с педагогической деятельностью, читая два спецкурса "Мегидика полевых археологических исследований" и "Юг российского Дальнего Востока в эпоху раннего средневековья".

Э.В.Шавкунов избран действительным членом Российской академии социальных наук. Он

**Библиография научных трудов
доктора исторических наук, профессора
Эрнста Владимировича Шавкунова**

Монографии, разделы в коллективных трудах, препринты

1. Приморский край / К.А.Адамчик, Д.Г.Анистратенко, П.А.Антохин и др. - Владивосток: Примор. Кн. изд-во, 1958. - 474 с.
2. Очерки истории советского Приморья: (от эпохи первобытнообщинного строя до настоящего времени): Учеб. пособие / Ж.В.Андреева, В.М.Вишневецкий, И.М.Гончаренко и др. - Владивосток: Примор. Кн. изд-во, 1963. - 224 с.
3. Древняя Сибирь: (Макет 1 тома "Истории Сибири"). - Улан-Удэ, 1964. - 739 с.
4. История советского Дальнего Востока: (от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): Проспект: В 2 т. / Ж.В.Андреева, А.М.Гончаренко, И.М.Гончаренко и др. - Владивосток, 1967. - 100 с.
5. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. - Л.: Наука, 1968. - 128с.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т.1: Древняя Сибирь / Ж.В.Андреева, З.Я.Бояршина, А.П.Деревянко и др. - Л.: Наука, 1968. - 454 с.
7. История советского Приморья: Учеб. пособие / Ж.В.Андреева, А.В.Больбух, В.М.Вишневецкий и др. - Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1970. - 222 с.
8. История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): В 4 т. Т. 1. Кн. 1. Первобытное общество на территории Дальнего Востока СССР: Макет / А.П.Окладников, Ж.В.Андреева, Д.Л.Бродянский и др. - Владивосток, 1974. - 168 с.
9. История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): В 4 т. Т. 1. Кн. 2. Средневековые государства Дальнего Востока СССР и смежных территорий Азии. Исторические предпосылки открытия русскими людьми дальневосточных земель (VII - начало XIII в.): Макет / А.И.Крушанов, В.С.Кузнецов, В.Д.Леньков и др. - Владивосток, 1974. - 159 с.
10. История советского Приморья: Учеб. пособие / Ж.В.Андреева, А.И.Крушанов, Г.С.Куций и др. - 2-е изд., перераб. и доп. - Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976. - 144 с.
11. Очерки истории средневековых государств народов Дальнего Востока СССР и смежных территорий Восточной Азии (VII - начало XIII вв.): В 3 т. Проспект. Владивосток, 1976. 31 с. - Совместно с А.И.Крушановым.
12. История советского Приморья: Учеб. пособие / Ж.В.Андреева, А.П.Деревянко, А.И.Крушанов и др. - Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984. - 134 с.
13. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Ж.В.Андреева, Н.Г.Артемяева, Д.Л.Бродянский и др. - М.: Наука, 1989. - 375 с.
14. Зеркала в магико-религиозных обрядах в древности и средневековье. - Препр. - Владивосток, 1990. - 38 с.
15. Культура чжурчженей-удиг XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. - М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. - 282 с.
16. Сушэни - праины: (К постановке проблемы). - Препр. - Владивосток, 1990. - 26 с.
17. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. - февраль 1917 г.) / А.Р.Артемяев, Л.И.Галлямова, Л.Я.Ивашенко и др. - М.: Наука, 1991. - 471 с.
18. Тайны древних зеркал. - Владивосток: Дальпресс, 1993. - 52 с.
19. Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России / Н.Г.Артемяева, В.И.Болдин, Т.А.Васильева и др. - М.: Наука, 1994. - 219 с.
20. От шаманского бубна до луча лазера (Очерки по истории медицины Приморья) / А.В.Гарковик, Г.П.Исаева, В.Н.Котельников и др. - Владивосток, 1997. - Ч. 1. - 160 с.
21. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. - 596 с. - Коллектив авторов.
22. История российского Приморья: Учеб. пособие для 8-9 классов общеобразовательных учреждений всех типов / А.Р.Артемяев, Н.А.Беляева, А.С.Вашук и др. - Владивосток: Дальнаука, 1998. - 248 с.

Статьи

23. Новые находки средневековых монет в Приморском крае // Эпиграфика Востока. - 1955. - Вып. 10. - С.95-97.
24. К вопросу о письменности бохайцев // Сов. востоковедение. - 1958. - № 6. - С.82-84.
25. Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VII-XII вв. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. - М., 1958. - С.151-156.
26. Новые нумизматические находки в Прибайкалье и Приморском крае // Эпиграфика Востока. - 1958. - Вып. 12. - С.78-81.
27. Крупный исследователь древней Сибири и Дальнего Востока // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1959. - Т. 1. - С.7-12.
28. Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I-III вв. н.э. // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1959. - С.37-74.
29. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья // Тр. Бурят. комплексного НИИ СО АН СССР. Сер. востоковедения. - 1960. - Вып. 3. - С.174-193.
30. Клад чжурчжэньских зеркал // МИА. - 1960. - № 86. - С.231-237.
31. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956-1958 гг. // МИА. - 1960. - № 86. - С.238-243.
32. Погребение с бронзовыми кинжалами на р. Майхэ (Приморье) // СА. - 1960. - № 3. - С.282-288. - Совместно с А.П.Окладниковым.
33. О датировке бронзовых дисков и печати, обнаруженных в Приморском крае // Эпиграфика Востока. - 1961. - Вып. 14. - С.114-120.
34. О результатах археологических исследований в Славянском районе в 1958 году // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1961. - Т. 2. - С.173-186.
35. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. СО. Ин-т истории, филологии и философии. - 1962. - 18 с.
36. К вопросу о расшифровке малой кидань-чжурчжэньской письменности // Эпиграфика Востока. - 1963. - Вып. 15. - С.149-153.
37. Когуресский сосуд III в. // СА. - 1963. - № 3. - С.228-231. - Совместно с Ю.В.Аргудлевой.
38. Новое о самоназвании киданей // Эпиграфика Востока. - 1963. - Вып. 15. - С.147-148.
39. Бохайские памятники Приморья (по исследованиям 1960 г.) // Древняя Сибирь. - Новосибирск, 1964. - Вып. 1. - С.84-105.
40. Следы пребывания монголов в Приморье // Зап. Прим. филиала ГО СССР. - 1965. - Т. 1(24). - С.116-118.
41. Бохайское городище вблизи пос. Краскино в Приморье // Зап. Прим. филиала ГО СССР. - 1966. - Т. 25. - С.141-144.
42. Общество изучения Амурского края и археологические исследования на Дальнем Востоке // Зап. Прим. филиала ГО СССР. - 1966. - Т. 25. - С.29-34.
43. Раскопки на Николаевском городище (1960-1962 гг.) // Сибирский археологический сборник: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. - Новосибирск, 1966. - Вып. II. - С.286-296.
44. Итоги исследовательской и научно-организационной работы Отдела истории, археологии и этнографии Дальневосточного филиала им. В.Л.Комарова СО АН СССР за 1965 г. // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1967. - Т. 7. - С.3-13. - Совместно с А.И.Крушановым, Ю.А.Семом.
45. Культура чжурчжэней Приморья по материалам археологических раскопок 1960-1965 гг. // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1967. - Т. 7. - С.26-31.
46. Новое о чжурчжэнях // Дальний Восток. - 1967. - № 1. - С.139-142. - Совместно с Г.Пермяковым.
47. Крупный исследователь древних культур Азии // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1968. - Т. 6. - С.3-7. - Совместно с А.И.Крушановым, Ю.А.Семом.
48. О некоторых итогах предварительного анализа текстов чжурчжэньских письменных памятников XV столетия // Изв. СО АН СССР. - 1968. - № 1: Сер. обществ. наук, вып. 1. - С.78-86.
49. О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья // Тр. Дальневост. филиала СО АН СССР. Сер. ист. - 1968. - Т. 6. - С.186-191.
50. История и культура чжурчжэней в освещении русских и зарубежных исследователей и критика их основных положений // Проблемы истории Дальнего Востока. - Владивосток, 1969. - С.111-127.
51. О назначении чжурчжэньских миниатюрных скульптурок из камня // Изв. СО АН СССР. - 1969. - № 6: Сер. обществ. наук, вып. 2. - С.91-93.

52. О результатах предварительных обследований средневековых памятников в Приморском и Хабаровском краях осенью 1969 г. // Тр. ДВНЦ АН СССР. Сер. ист. - 1971. - Т. 8. - С.73-77.
53. По городам погибшей империи // Знание - сила. - 1971. - № 5. - С.39-40.
54. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища // СЭ. - 1972. - № 3. - С.128-133.
55. К вопросу о датировке древних золотых разработок Приморья // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. - 1973. - Т. 9. - С.123-125.
56. К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963-1966 гг. // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. - 1973. - Т. 9. - С.72-89.
57. Находка древнейшего календаря народов советского Приморья // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. - 1973. - Т. 9. - С.132-135.
58. О назначении подвесных бронзовых рыбок и оленьего рога с Шайгинского городища // СА. - 1973. - № 1. - С.264-270.
59. Советские ученые о чжурчжэнях // Проблемы Дальнего Востока. - 1973. - № 3. - С.135-146.
60. Итоги, задачи и перспективы археологических исследований на советском Дальнем Востоке // Материалы по истории Дальнего Востока. - Владивосток, 1974. - С.22-27. - Совместно с Ж.В.Андреевой.
61. Каменный чекан из Южного Приморья // СА. - 1974. - № 3. - С.246-248.
62. Тамги народов южной части советского Дальнего Востока и некоторые проблемы этногенетических связей (XII-XIX вв.) // Древняя Сибирь. - Новосибирск, 1974. - Вып. 4. - С.196-204. - Совместно с Ю.А.Семом.
63. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ предков у чжурчжэней // СЭ. - 1975. - № 4. - С.110-120.
64. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре - городище Сикачи-Алян // СА. - 1975. - № 3. - С.158-171. - Совместно с О.В.Дьяковой.
65. О происхождении одного орнаментального мотива у чжурчжэней // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. - Владивосток, 1976. - С.143-147.
66. О результатах археологических исследований на Ананьинском городище в 1972-1974 гг. // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. - Владивосток, 1976. - С.112-120. - Совместно с В.А.Хоревым.
67. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. - Владивосток, 1976. - С.52-70.
68. Орудия обработки зерна и способы хранения его у чжурчжэней // СЭ. - 1976. - № 2. - С.118-124. - Совместно с В.И.Болдиным.
69. Морские организмы в жизни древнего человека // Биология моря. - 1977. - № 1. - С.81-90. - Совместно с Е.В.Красновым, Г.А.Евсеевым, В.А.Татарниковым, Л.Н.Беседновым.

79. Шайгинская пайцза // Вопр. истории. - 1982. - № 8. - С. 187-189.
80. Дикие и домашние животные Шайгинского городища // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. - Владивосток, 1983. - С. 70-79. - Совместно с Э.В.Алексеевой.
81. Медные фигурки всадников с Шайгинского городища и их назначение // Первобытное искусство: Пластика и рисунки древних культур. - Новосибирск, 1983. - С. 131-143.
82. Изображение овцебыка из Нонинского могильника // Древний и средневековый Восток. - М., 1985. - Ч. 1. - С. 3-11. - Совместно с Э.В.Алексеевой.
83. О стоимости зеркал у чжурчжэней // Древний и средневековый Восток. - М., 1985. - Ч. 1. - С. 224-235.
84. Сибирские корни японских изцке // Рериховские чтения 1984 года: Материалы конф. - Новосибирск, 1985. - С. 272-278.
85. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири. - Новосибирск, 1985. - С. 146-155.
86. 60-летие Н.Н.Дикова // Вопр. истории. - 1985. - № 10. - С. 108-109. - Совместно с А.И.Крушановым, Ж.В.Андреевой.
87. Археологические исследования на Шайгинском городище в Приморском крае в 1984 году // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1986. - С. 195-200.
88. Локализация гидронима Хэйшуй и проблема этнической принадлежности "амурских чжурчжэней" // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: Материалы XIII Дальневост. науч. конф. по пробл. отеч. и зарубеж. историографии. - Владивосток, 1986. - С. 51-62.
89. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. - Владивосток, 1987. - С. 80-95. - Совместно с Л.В.Коньковой, В.А.Хоревым.
90. Еще раз об этимологии этнонима монгол // Древний и средневековый Восток. - М., 1987. - С. 165-171.
91. Исследования Шайгинского городища // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1987. - С. 193-197.
92. О происхождении двух бронзовых зеркал из случайных находок в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. - Владивосток, 1988. - С. 59-69.
93. О семантике декора из четырех лепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. - М., 1988. - Ч. 2. - С. 352-363.
94. Согдийская колония VIII-X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. - Владивосток, 1988. - С. 100-105.
95. Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // СА. - 1989. - № 1. - С. 267-270.
96. Бронзовая бирка с изображением рыбы из Николаевского городища // СА. - 1989. - № 1. - С. 267-270.

106. Бохайская кровельная черепица с зооморфным мотивом // СА. - 1991. - № 1. - С.269-271.
107. Бохайская плакетка из Приморья с изображением буддийской кумирни // СА. - 1991. - № 4. - С.245-248. - Совместно с А.Л.Ивлиевым.
108. О личной гигиене чжурчжэней (по материалам археологических раскопок) // Медико-социальные проблемы охраны здоровья населения на Дальнем Востоке. - Владивосток, 1991. - С.100-104, 105-108. - Совместно с Л.Н.Гусевой.
109. Хирургические инструменты чжурчжэней (по материалам раскопок Шайгинского городища) // Медико-социальные проблемы охраны здоровья населения на Дальнем Востоке. - Владивосток, 1991. - С.92-99. - Совместно с Б.Д.Лищинским, А.М.Ходовым.
110. С объективных позиций: Бохай в трудах корейских исследователей (по публикациям Сон Ки Хо, Республика Корея) // Россия и АТР. - 1992. - № 2. - С.70-80.
111. Новые находки средневековых зеркал в Приморском крае // Российская археология. - 1992. - № 2. - С.221-228. - Совместно с В.А.Хоревым, Ф.П.Тригуб.
112. Соболя дорога согдийцев // Россия и АТР. - 1992. - С.60-66.
113. Бохайские топонимы и гидронимы Приморья и их идентификация с современными географическими названиями // Исторические названия - памятники культуры: Вторая Прим. краев. науч.-практ. конф. - Владивосток, 1993. - С.74-78.
114. Культ зайца у чжурчжэней // Краевед. вестн. - 1993. - Вып. 1. - С.91-94.
115. Некоторые итоги археологических исследований на Шайгинском городище в 1990 г. // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. - Владивосток, 1993. - С.31-37, 82-85. - Совместно с В.Д.Леньковым, В.Э.Шавкуновым.
116. О зарубежных концепциях истории Бохая // Вестн. ДВО РАН. - 1993. - № 1. - С.88-94.
117. Амурские чжурчжэни - миф или реальность?: Полемика. заметки по поводу одной затянувшейся дискуссии // Россия и АТР. - 1994. - № 1. - С.5-14.
118. Было ли у бохайцев узелковое письмо? // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. - Владивосток, 1994. - С.110-114.
119. О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. - Владивосток, 1994. - С.48-56.
120. Первое археологическое свидетельство чжурчжэньско-тангутских связей // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. - Владивосток, 1994. - С.94-99.
121. Подвесной светильник кроуновской культуры Приморья // Вестн. ДВО РАН. - 1994. - № 5-6. - С.249-250.
122. Предварительные итоги российско-корейских археологических исследований 1993 года // Вестн. ДВО РАН. - 1994. - № 2. - С.105-110.
123. The Sogdians' Sable Way // Russia and the Pacific: Digest. - Vladivostok, 1994. - P.78-84.
124. Бохай в судьбах народов Восточной Азии // Вестн. ДВО РАН. - 1995. - № 4. - С.115-124.
125. К вопросу о северо-восточном ответвлении Соболевой дороги // Вестн. ДВО РАН. - 1995. - № 4. - С.124-127.
126. Находка постаamenta каменного фонаря вблизи Абрикосовской кумирни // Вестн. ДВО РАН. - 1995. - № 3. - С.109-111.
127. О специфических особенностях формирования культуры Бохая // Вестн. ДВО РАН. - 1995. - № 1. - С.92-96.
128. Раскопки на сопке Копыто // Вестн. ДВО РАН. - 1995. - № 2. - С.103-107.
129. Декор бохайской кровельной черепицы и его классификация // Археология Северной Пацифики. - Владивосток, 1996. - С.127-144.
130. Задачи и итоги бохаеведения в России на современном этапе // Приморье в древности и средневековье (Материалы регион. археол. конф.). - Уссурийск, 1996. - С.23-27.
131. Находка аббасидской драхмы в долине реки Арсеньевка // Вестн. ДВО РАН. - 1996. - № 4. - С.145-146.
132. О сакральной сущности декора концевых дисков средневековой черепицы Приморья // Древнее искусство тихоокеанских культур. - Владивосток, 1996. - С.121-139.
133. Первые археологические свидетельства о связях Бохая с государством Силла // Археология Северной Пацифики. - Владивосток, 1996. - С.104-109.
134. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестн. ДВО РАН. - 1996. - № 2. - С.71-74.
135. Государство Бохай и средневековая Корея // Россия и АТР. - 1997. - № 2. - С.44-48.
136. Еще одно изображение овцебыка // Россия и АТР. - 1997. - №1. - С.42-44.
137. Исследования на Абрикосовском селище в 1996 г. // Вестн. ДВО РАН. - 1997. - № 1. - С.82-85.
138. Из чжурчжэньских памятников ... Шахматные фишки // Россия и АТР. - 1998. - № 1. - С.75-79. - Совместно с В.Э.Шавкуновым, Н.Б.Аюшиным.

139. Наконечники стрел Марьяновского городища // Россия и АТР. - 1998. - № 3. - С. 107-113.
140. Новые находки. Раскопки на дворе Абрикосовской кумирни и на Ауровском городище в 1997 г. // Россия и АТР. - 1998. - № 1. - С. 72-74.
141. Шаманство у бохайцев и чжурчженей по материалам археологических источников // Россия и АТР. - 1999. - № 2. - С. 70-80.

Тезисы докладов и сообщений, заметки

142. В Сибири и на Дальнем Востоке // Вестн. ЛГУ. - 1954. - Вып. 1. Сер. обществ. Наук, № 3. - С. 215-218. - Совместно с Ю. Журавлевым, В. Ларичевым, Ю. Сазоновым, В. Шкарбоненко.
143. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. и сообщ. - Иркутск, 1960. - С. 59-62.
144. Мохэские родоплеменные названия и их связь с этнонимами XVII-XX вв. // Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока: Тез. докл. и сообщ. - Владивосток, 1960. - С. 50-51. - Совместно с Ю. А. Семом.
145. Приморье и смежные с ним районы Дальнего Востока в I-XI вв. // Тезисы докладов на сессии Совета Дальневосточного филиала СО АН СССР по итогам научных исследований 1960 г. - Владивосток, 1961. - С. 46-47.
146. К вопросу о периодизации и классификации средневековых памятников Приморья // Вопросы истории советского Дальнего Востока: Тез. докл. и сообщ. На IV Дальневост. науч. конф.: Секция археологии, истории дооктябрьского периода, этнографии и филологии. - Владивосток, 1965. - Вып. 2. - С. 17-19.
147. Основные итоги изучения сучанского комплекса памятников эпохи чжурчженей // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней): Тез. докл. и сообщ. на секции гуманитар. наук Совета Дальневост. филиала СО АН СССР по итогам исследов. и научно-организ. работы за 1964 г. - Владивосток, 1965. - С. 69-75.
148. Раскопки на Шайгинском городище // Археологические открытия 1968 года. - М., 1969. - С. 239-240.
149. Раскопки на Шайгинском городище // Археологические открытия 1969 года. - М., 1970. - С. 211-212. - Совместно с В. Д. Леньковым, С. М. Тупикиной.
150. Археологические исследования на Шайгинском городище в Приморском крае // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. - М., 1972. - С. 299-300.
151. Исследования на Шайгинском городище // Археологические открытия 1971 года. - М., 1972. - С. 304-305.
152. Могильник Луданникова сопка // Археологические открытия 1971 года. - М., 1972. - С. 303-304. - Совместно с Ю. М. Васильевым.
153. Раскопки на Круглой Сопке // Археологические открытия 1971 года. - М., 1972. - С. 301-302. - Совместно с Л. Е. Семенченко.
154. Еще о "Спящей красавице" // Дальний Восток. - 1973. - № 12. - С. 117-119.
155. Исследования на Шайгинском городище и в районе Сикачи-Аляна // Археологические открытия 1972 года. - М., 1973. - С. 250. - Совместно с В. Д. Леньковым.
156. Мезолитическая стоянка близ с. Тимофеевки // Археологические открытия 1972 года. - М., 1973. - С. 221-222. - Совместно с А. М. Кузнецовым.
157. Обследование гуннских городищ в Монголии // Археологические открытия 1972 года. - М., 1973. - С. 506-507.
158. Исследования в Приморском крае // Археологические открытия 1973 года. - М., 1974. - С. 234-235. - Совместно с В. А. Хоревым, В. Д. Леньковым.
159. Исследования на Шайгинском городище // Археологические открытия 1974 года. - М., 1975. - С. 242-243. - Совместно с В. А. Хоревым.
160. Исследования на Шайгинском городище // Археологические открытия 1975 года. - М., 1976. - С. 287-288. - Совместно с В. А. Хоревым.
161. Работа Шайгинского отряда // Археологические открытия 1976 года. - М., 1977. - С. 253-254.
162. Пятнадцатый год исследований на Шайгинском городище // Археологические открытия 1977 года. - М., 1978. - С. 284-285.
163. Раскопки на Шайгинском городище // Археологические открытия 1979 года. - М., 1980. - С. 241-242.
164. Основные итоги, задачи и перспективы медиевистских исследований на Дальнем Востоке СССР // XV Дальневосточная научная конференция "XXVII съезд и проблемы развития

- Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Азии": Тез. докл. и сообщ. - Владивосток, 1986. - Вып. 4. - С. 7-12.
165. Раскопки на Шайгинском городище // Археологические открытия 1985 года. - М., 1987. - С. 293.
166. Скифские и индоиранские богини с зеркалами и их дальневосточные параллели // Конференция "Религиозные представления в первобытном обществе": Тез. докл. - М., 1987. - С. 212-215.
167. Великий шелковый путь и Соболя дорога согдийцев // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО, Самарканд, 1-6 окт. 1990 г. - Ташкент, 1990. - С. 73-76.
168. Бохай // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. - М., 1994. - Т. 1. - С. 281.
169. Изображение овцебыка на изделиях из сюннуских памятников Монголии и Забайкалья // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Междунар. конф.: (Тез. докл.). - Улан-Удэ, 1996. - Ч. 1. - С. 36-37.
170. Многообразие религий Бохая как отражение полиэтничности и многоукладности общества // Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции "Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему". - Владивосток, 1996. - С. 109-110.
171. Древнее искусство нэцке // Вестн. ДВО РАН. - 1998. - № 5. - С. 52-а - 52-г.

Список научных трудов, опубликованных за рубежом

172. Chzhurchzhenian Miniature Stone Sculptures // The Journal of the International Netsuke Collectors Society. - 1973. - Vol. 3. - № 2. - P. 30-33.
173. The Chzhurchzhenian Netsuke // The Journal of the International Netsuke Collectors Society. - 1975. - Vol. 3. - № 2. - P. 26-36.
174. Советские ученые о чжурчжэнях // Сулянь каогу вэньсюань (Избранные советские труды по археологии). - Пекин, 1980. - С. 344-363. - Кит. яз.
175. Археологические памятники бохайской культуры в Приморском крае СССР // Дунбэй каогу юй лиши (Археология и история Северо-Восточного Китая). - Пекин, 1982. - Ч. 1. - С. 231-243. - Кит. яз.
176. Бохайские памятники Приморья // Сибэриа кёкуто:-но ко:когаку. Энкайсю:хэн (Археология Сибири и Дальнего Востока). - Токио, 1982. - Т. 2: Приморье. - С. 296-321. - Яп. яз.
177. Исследования на Шайгинском городище // Сибэриа кёкуто:-но ко:когаку. Энкайсю:хэн (Археология Сибири и Дальнего Востока). - Токио, 1982. - Т. 2: Приморье. - С. 416-417. - Яп. яз.
178. Новые находки оваловидных монет в Приморском крае // Сибэриа кёкуто:-но ко:когаку. Энкайсю:хэн (Археология Сибири и Дальнего Востока). - Токио, 1982. - Т. 2: Приморье. - С. 418-419. - Яп. яз.

186. Раскопки на Шайгинском городище // Лиши юй каогу синьси. Дунбэйя (Информация по истории и археологии. Северо-Восточная Азия). - Чанчунь, 1984. - № 3. - С.32-33. - Кит. яз.
187. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморском крае // Миньцзу ши нвэнь цзи (Сборник переводных работ по истории этносов). - 1985. - № 13. - С.9-100. - Кит. яз.
188. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморском крае // Хэйхэ сюэкань (Научный журнал Хэйхэ). - 1985. - № 1. - С.95-102. - Кит. яз.
189. Памятники культуры Бохая в Приморском крае // Пэксан хакло. - 1985. - № 30-31. - С.197-207. - Кор. яз.
190. Раскопки Шайгинского городища // Лиши юй каогу синьси. Дунбэйя (Информация по истории и археологии. Северо-Восточная Азия). - Чанчунь, 1990. - № 2. - С.85. - Кит. яз.
191. Бохайская верительная бирка из бронзы, обнаруженная в Приморском крае // Хан-гук кодэ-са нончхон (Сборник работ по древней истории Кореи). - Сеул, 1991. - Вып. 3. - С.419-423. - Кор. яз.
192. Находка в Советском Союзе на Николаевском городище бронзовой верительной бирки в форме рыбки // Бэйфан взньу (Северные древности). - 1991. - № 1. - С.102-103. - Кит. яз.
193. Соболья дорога - торговая трасса на северо-востоке Азии // Кита кара-но бунка-но мити-о сагуру - хэйронтянсье, энкайсю, карафутто, хоккайдо (Поиски пути культур с севера - провинция Хэйлунцзян, Приморский край, Сахалин, Хоккайдо). - Саппоро, 1991. - С.33. - Яп. яз.
194. Бохайская плакетка с изображением Будды, обнаруженная в Приморье // Мисуль чарё (Материалы по искусству). - [Сеул], 1992. - № 50. - С.112-116. - Совместно с А.Л.Ивлиевым. - Кор. яз.
195. Географическое положение "хэйшуй" и вопрос об этнической принадлежности "амурских чжурчжэней" // Хэйхэ сюэкань (Научный журнал Хэйхэ). - 1992. - № 1. - С.61-69. - Кит. яз.
196. Орнаментированная бохайская черепица с изображением "неумирающей птицы" // Мисуль чарё (Материалы по искусству). - [Сеул], 1992. - № 50. - С.107-111. - Кор. яз.
197. Проблемы изучения Бохая в Южной и Северной Корее // Пуххан Ёнгу. (Исследования Северной Кореи). - 1992. - Кн. 3, № 4, вып. 10. - С.197-207. - Кор. яз.
198. New Data to Commercial and Business Intercourse between Peoples of Middle Asia and Peoples of Primorye Area along the Sable Road during the Twelfth Century and the First Third of the Thirteenth Century // Preliminary Reports on "Research Project of the Historical and Cultural Exchange of the North" in 1991. - Sapporo, 1992. - P.51-60.
199. Из истории изучения Бохая в России // Образование бохайской народности и история ее изучения. - Сеул, 1993. - С.15-27, 29-46. - Кор. и рус. яз.
200. История Дальнего Востока с древнейших времен до XVII века. - Харбин: Хазэрбинь чубаньшэ, 1993. - 464 с. - Коллектив авторов. - Кит. яз.
201. Покровская культура Приамурья: проблемы датировки и этнической интерпретации // Хоккайдо кокогаку. - 1993. - № 29. - С.29-33. - Совместно с Ю.М.Васильевым. - Яп. яз.
202. The Sogdian Sable Road in the History of the North-Eastern Asian People // Preliminary Reports on "Research Project of the Historical and Cultural Exchange of the North" in 1992. - Sapporo, 1993. - P.93-100. - Яп. яз.
203. Бохайские памятники Приморья // The Reconstruction of Korean History in the North-Eastern Region in China and Far-Eastern Region in Russia. - Seoul, 1994. - P.47-55, 57-64. - Кор. и рус. яз.
204. Некоторые вопросы культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований // Бэйфан взньу (Северные древности). - 1994. - № 2. - С.100-102, 117. - Кит. яз.
205. Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском районе Приморского края в 1993 году // Росиа ёнхэчжу пальхэ ючжок (Раскопки памятников бохайской культуры Приморья России). - Сеул, 1994. - С.335-420. - Совместно с Н.Г.Артемиевой, Т.А.Васильевой, Е.И.Гельман, С.М.Тупикиной. - Рус. яз.
206. Изучение Бохая в России // The Society of North-Eurasian Studies. Newsletter. - 1996. - No. 7. - P.6-9. - Яп. яз.
207. Некоторые аспекты культурогенеза чжурчжэней в свете новейших археологических исследований // Дунбэй я каогу цзыляо нвэнь цзи. Элосы чжуаньхао (Сборник переводных работ по археологическим материалам Северо-Восточной Азии. Российский выпуск). - Харбин, 1996. - С.45-51. - Кит. яз.
208. Приморский край России и история Бохая. - Сеул: Миньмса, 1996. - 341 с. - Совместно с Н.Г.Артемиевой, В.И.Болдиным и др. - Кор. яз.
209. Russian Studies on Bohai: 7th - 10th Century Kingdom in Northeast Asia // Asian Research Trends. - 1996. - No. 6. - P.97-105.

210. Государство Бохай и его племена на Дальнем Востоке России. - Чанчунь: Педагогический университет Северо-Восточного Китая, 1997. - 255 с. - Совместно с Н.Г. Артемьевой, В.И. Болдиным и др. - Кит. яз.
211. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Бэйфан вэнь (Северные древности). - 1997. - №1. - С. 96-98. - Кит. яз.
212. Приморский край в эпоху Бохая // Тайган сёкоку-ниокэру Боккай кэнкю ромбунсю (Сборник работ по исследованию Бохая в странах противоположного берега [Японского моря]. - Тоёма, 1997. - С. 13 - 30. - Совместно с Л.Е. Семениченко. - Яп. яз.
213. Объективная позиция - Бохай в трудах корейских исследователей // Дунбэй я каогу цзыляо изэнь цзи. Бохай каогу (Сборник переводных работ по археологическим материалам по археологии Северо-Восточной Азии. Археология Бохая). - Харбин, 1998. - С. 33-38. - Кит. яз.
214. О судоходстве в средние века в Приморском крае // Дунбэй я каогу цзыляо изэнь цзи. Бохай каогу (Сборник переводных работ по археологическим материалам по археологии Северо-Восточной Азии. Археология Бохая). - Харбин, 1998. - С. 155-158. - Кит. яз.
215. Данные археологии о шаманизме бохайцев и чжурчжэней Приморья // Кодай кокка боккай-то ниппон-но ко:рю-никансуру кохогакутэки тэса (Археологическое исследование обмена между древним государством Бохай и Японией). Приложение. - Токио, 1999. - С. 1-11. - Яп. яз.
216. Research Report on Russia's Primorsky Culture Relics on the Parhae Kingdom. - Seoul: The Koryo Academic And Cultural Foundation, 1999. - 362 p. - Коллектив авторов. - Кор. и рус. яз.

Научное редактирование

217. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. - Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. - 440 с.
218. История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): В 4 т. Т. 1. Кн. 1. Первобытное общество на территории Дальнего Востока СССР: Макет / А.П. Окладников, Ж.В. Андреева, Д.Л. Бродянский и др. - Владивосток, 1974. - 168 с.
219. История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней): В 4 т. Т. 1. Кн. 2. Средневековые государства Дальнего Востока СССР и смежных территорий Азии. Исторические предпосылки открытия русскими людьми дальневосточных земель (VII - начало XIII в.): Макет / А.И. Крушанов, В.С. Кузнецов, В.Д. Леньков и др. - Владивосток, 1974. - 159 с.
220. Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). - Новосибирск: Наука, 1974. - 186 с.
221. Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. - Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. - 164 с.
222. Материалы по этнокультурным связям народов Приморья и Приамурья. - Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. - 164 с.

Отчеты о полевых археологических исследованиях

233. Отчет о результатах полевых исследований на территории Приморского края в 1955-1956 гг. // Архив Института археологии РАН. - Р-1, № 1316. - 43 л.
234. Отчет о результатах археологической разведки на Амуре в 1957 г. // Архив ИА РАН. - Р-1, № 1613. - 38 л.
235. Отчет об археологических раскопках Дальневосточного филиала СО АН СССР в 1958 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 1719. - 44 л.
236. Отчет о раскопках бохайского памятника в долине р. Чапигоу, произведенных археологическим отрядом Отдела истории, археологии и этнографии ДВ филиала АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. - Р-1, № 1877. - 25 л.
237. Отчет об археологических раскопках в долине р. Чапигоу в Приморье. 1960 г. // Архив ИА РАН. - Р-1, № 2230. - 36 л.
238. Отчет о раскопках парадной арки на территории Николаевского городища в 1960 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 2424. - 21 л.
239. Отчет о полевых археологических исследованиях в долине р. Сучан в Приморском крае в 1962 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 2581. - 37 л.
240. Отчет об археологических исследованиях на юге Приморского края в 1963 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 2678. - 86 л.
241. Отчет об археологических раскопках на территории Шайгинского городища в 1964 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 2848. - 59 л.
242. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1965 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 3050. - 117 л.
243. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1966 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 3243. - 89 л.
244. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1967 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 3444. - 114 л. - Совместно с В.Д.Леньковым.
245. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 3652. - Совместно с В.Д.Леньковым.
246. Археологические исследования на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 3950. - 114 л. - Совместно с В.Д.Леньковым, О.С.Галактионовым.
247. Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1970 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 4101. - 93 л. - Совместно с В.Д.Леньковым.
248. Отчет о полевых исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев в 1971 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 4537. - 235 л. - Совместно с О.С.Галактионовым, Л.Е.Семениченко, Ю.М.Васильевым.
249. Отчет о полевых археологических исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев в 1972 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 4785. - 239 л. - Совместно с В.Д.Леньковым, Ю.М.Васильевым, Л.Е.Семениченко.
250. Отчет об археологических исследованиях отряда по изучению средневековых памятников советско-монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР в 1972 году // Архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. - Ф.1, оп. 2, № 182. - 32 л.
251. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском и Ананьевском городищах в Приморском крае в 1973 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 5098. - 87 л. - Совместно с В.А.Хоревым.
252. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском и Ананьевском городищах в Приморском крае в 1974 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № // Архив ИА РАН. - Р-1, № 5289. - 113 л. - Совместно с В.А.Хоревым.
253. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском и Ананьевском городищах в Приморском крае в 1975 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 5741. - 93 л. - Совместно с В.А.Хоревым.
254. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1976 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 6170. - 89 л. - Совместно с В.А.Хоревым.
255. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1977 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 6724. - 62 л.
256. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1978 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 6966. - 130 л.

257. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в 1979 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 7727. - 170 л.
258. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в 1980 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 7728, № 7728-а - 103 л.
259. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1981 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 8134. - 113 л.
260. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1982 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 9254. - 200 л.
261. Об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1983 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 10093. - 185 л.
262. Об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1984 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 9390. - 165 л.
263. Археологические исследования на Шайгинском городище в Приморском крае в 1985 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 11131. - 155 л.
264. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1987 году // Архив ИА РАН. - Р-1, № 11986. - 207 л. - Совместно с В. Д. Ленковым.
265. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1989 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 350. - 150 л. - Совместно с В. Д. Ленковым.
266. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1990 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 358. - 121 л. - Совместно с В. Д. Ленковым.
267. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1991 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 370. - 133 л. - Совместно с В. Д. Ленковым.
268. Итоги археологических исследований на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1992 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 374. - 74 л. - Совместно с В. Д. Ленковым.
269. Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском районе Приморского края в 1993 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 388. - 157 л.
270. Отчет об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1995 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 401. - 165 л.
271. Отчет об археологических исследованиях на Абрикосовском поселении в Уссурийском районе в 1996 году. // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 400. - 66 л.
272. Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском и Амурском районах Приморского края в 1997 году // Архив ИИАиДВ ДВО РАН. - Ф. 1, оп. 2, № 402. - 112 л.

3. Тупкина С.М. Керамика чжурчженей Приморья XII - начала XIII в. (по материалам Шайгинского городища): Дисс. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1982. - 173 л. - Защищена 28 апреля 1982 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.
4. Болдин В.И. Земледелие и животноводство у бохайцев и чжурчженей Приморья (по материалам археологических исследований): Дисс. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1986. - 200 с. - Защищена 15 апреля 1986 г. в Институте истории, филологии и философии СО РАН.
5. Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX - XIII вв. н.э.): Дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1987. - 252 с. - Защищена 16 февраля 1987 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова.
6. Ивлиев А.Л. Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований): Дисс. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1988. - 392 с. - Защищена 15 февраля 1988 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.
7. Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников (современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока): Дисс. ... канд. ист. наук. - Владивосток, 1990. - 292 с. - Защищена 18 октября 1990 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР.
8. Гельман Е.И. Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья: Дисс. ... канд. ист. наук. - Владивосток, 1996. - 325 с. - Защищена 22 июня 1996 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

И.В. Можейко

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ШАЙГА*

В 1950 году в приемную комиссию Ленинградского университета пришел очень высокий худой солдат. Солдат хотел стать историком, археологом. Солдат мечтал о городах, занесенных песками Каракумов, о ровных такырах, где после весенних дождей темнеют полусъеденные окисью древние монеты и черепки с нехитрым орнаментом. "Вот что, Шавкунов, - сказали солдату в приемной комиссии. - Взять мы вас возьмем. Биография хорошая, экзамены сдали и так далее. Но по Средней Азии мест нет. Займитесь-ка Дальним Востоком. Кстати, повышенная стипендия и общежитие. Вы же сами из Белоруссии? Родственников здесь нет?"

Мечты рушились. Засыпанные песками города оставались без спасителя. Монетам суждено было лежать на такырах. Но Дальний Восток все-таки лучше, чем ничего. Если ты семи лет от роду решил стать историком, то терять лишний год нельзя.

После третьего курса была практика. Студенты могли выбирать - работа в архивах или археологическая экспедиция. Эрик Шавкунов выбрал экспедицию. Экспедицией на Дальний Восток руководил Окладников, крупнейший авторитет в археологии тех мест. Экспедиция ехала на разведку.

На практике после третьего курса Шавкунов впервые увидел Приморье, во многом неведомое археологам, скопище загадок и белых пятен. Окладников, патриот и знаток Дальнего Востока, вел экспедицию от городища к городищу, от стоянки к стоянке... Так прошла практика. Шавкунов познакомился с затяжными летними дождями, комарами и мошкой, энцефалитными клещами и тяжелой жарой. И он уже знал, что вернется сюда не следующее лето. И через лето. И придется сюда после университета. И останется здесь.

* Напечатано в журнале "Азия и Африка сегодня", 1971, № 8, с.30-33.

Почему-то долгое время было принято считать, что городища в Приморье, остатки осевших крепостных стен, груды битой черепицы, обломки горшков и статуэток относятся к Бохайскому царству, к предшественникам чжурчжэней – народа, обитавшего в средние века в Маньчжурии и Приморье. О Бохайском царстве Шавкунов, уже работая во Владивостоке, писал кандидатскую диссертацию. Но чем больше накапливалось опыта, раскопок, экспедиций, тем меньшим становился процент бохайских поселений среди обследованных археологами. Уже при первой разведке становилось очевидным, что керамика, редкие монеты, наконечники стрел – чжурчжэньские. Практически каждое городище обнаруживало следы пожара, отчеркивавшие его культурный слой, прерывавшие линию жизни города или монастыря. Пожар бушевал в XIII веке. Тогда же, когда горела Рязань и Козельск. И чаще всего люди не возвращались на пепелище, потому что возвращаться было некому.

В 1960 году Шавкунов начал раскопки на Николаевском городище, на берегу реки Сучан. Городище было известно уже сто лет, с тех пор как о нем сообщил путешественник Палладий Кафаров. Много раз до него добивались исследователи, писал о нем и Арсеньев. Но раскопок до Шавкунова никто здесь не вел.

Плоская широкая площадка с трех сторон была ограничена земляным валом со рвом. Вал в основании достигал толщины 25 метров, а в высоту он даже сегодня поднимается метров на десять. С четвертой стороны крепости – обрыв. Столь солидное фортификационное сооружение должно было защищать большие ценности. Но что это – город? Дворец?

Раскопки продолжались три сезона. Археологами был изучен, внимательно и скрупулезно, каждый из семи тысяч квадратных метров городища. Но нигде, за исключением прямоугольника в центре, почти ничего не удалось обнаружить. А прямоугольник оказался буддийским монастырем. Там экспедиция нашла головы драконов с разинутыми угрожающими пастью, нахохлившуюся птицу-феникса и статуэтку крылатого божества. И множество осколков черепицы, керамики и кирпичей.

Стало ясно, что это долинное поселение было большим монастырским хозяйством. Само здание – прямоугольник в центре – окружено хижинами монастырских рабов и служек. Оказалось возможным точно установить, когда был построен и когда был оставлен монастырь. Он просуществовал недолго: черепица и украшения монастырского здания относились к концу XII – началу XIII века, оно было разрушено, сгорело в середине XIII века. Не осталось ни одной целой черепицы, ни одного целого горшка или светильника. И наконечник стрелы, застрявший в кладке фундамента парадной арки монастыря, был красноречивым свидетелем трагического дня.

Потушив в палатке свет, чтобы не налетали безжалостные комары, под тоскливы перестук дождевых капель по брезенту, археологи спорили о том, что должно стать следующим шагом в исследовании Приморья. Да, Николаевское городище подтверждает рассказы летописей о полном уничтожении чжурчжэньского государства монголами. Но оно, хоть раскопки еще и не закончены, большего уже не даст. Еще будут говорить о драконах и скульптурах искусствоведы, отыскивать аналогии с корейскими и тувинскими находками, но главного – ответа на вопрос, как жили предки народов нашего Приморья, нет. Николаевское городище оставалось в русле находок, уже сделанных археологами в этих краях раньше. Дворцы и монастыри – черепица и драконы.

Казалось бы, что может быть объективнее молчаливых находок? Ведь семьсот лет ждут они своего часа и потом правдиво рассказывают о том, что было.

И вот в ходе раскопок на Николаевском городище Шавкунов и его товарищи пришли к окончательному решению находки врут.

Когда государство чжурчжэней захватило в свою орбиту множество соседних земель, нанесло поражение киданям и китайцам, заставило отступить корейцев, властители его в течение одного-двух поколений переняли религию покоренных народов, в городах которых они учреждали свои столицы и занимали дворцы. Буддизм куда более импонировал чжурчжэньским владыкам, нежели шаманство – прежняя религия. Буддийским монастырям дарились земли, рабы и выделялись лучшие участки в долинах. Вот эти монастыри, возникшие в расцвете чжурчжэньского периода и погибшие с ним, оставили по себе очевидные следы, бросающиеся в глаза археологам и как бы призывающие своей очевидностью: "Раскопайте нас, мы – основное, что осталось от Золотой империи, государства чжурчжэней". Вот против этой очевидности и возражал Шавкунов. Она приводила в тупик. Она дарила немногочисленные, яркие находки, клады, не

имеющие в конце концов ничего или почти ничего общего с настоящими чжурчжэнями, такими же неизвестными, как и пятьдесят лет назад.

Но где же они? Оставалась гипотеза о том, что районы Приморья были глухой окраиной царства, где обитали лишь охотники и рыболовы, не оставившие ничего после себя, да и не могшие оставить. В это тоже верить не хотелось. Пора было менять направление поисков.

И вот в заключение статьи, посвященной результатам работы на Николаевском городище, Шавкунов писал, как бы предсказывая пути своей работы на много лет вперед: "... Известные в настоящее время чжурчжэньские городища на территории Приморья можно подразделить на несколько типов, из которых наиболее многочисленны два: большие долинные и большие горные... Долинные большие городища – это главным образом укрепленные центры монастырских вотчин... Что же касается больших горных городищ, то они в основном представляли собой различного рода центры торгово-ремесленной и политико-административной жизни чжурчжэней".

Одно из таких городищ, Красноярское, копали Окладников и Воробьев. Там они обследовали административные здания и жилища знати. Но результаты их работы еще не давали окончательного ответа на вопрос, кем же были чжурчжэни. В конце концов оппонент мог сказать, что чиновники и знать, также много перенявшие от иноземцев, были единственным пятном цивилизации среди диких лесных племен.

Шавкунов принимает решение. В разгар раскопок на Николаевском городище он отправляется в Шайгу. Искать настоящих чжурчжэней в городище горного типа.

Город лежал на сопках, спускаясь террасами к чистому ручью. Когда-то геодезист Иванов обнаружил его под корнями разросшихся за столетия деревьев. Сообщил о нем кратко и ушел дальше.

Скот протоптал тропинку по склонам сопки. Узкая тропинка вилась между корней, и ветки по обеим сторонам ее были обглоданы. Дань был душный, собирался дождь, комары вились над головой, высматривая, куда бы ужалить. Если отмахнешься – спрятались в тени. В одном месте на тропинке валялись темные камешки – это был шлак. Черепок выглянул из-под корня. Черепок был серый, с изогнутым в виде трубки венчиком. Посуду с таким венчиком изготавливали чжурчжэни в XII веке. Еще выше, на оползшей террасе, в кустах, нашли обломок черепицы и бусину, вымытую из почвы дождем. Не так много для начала, но достаточно, чтобы приступить к работе.

Во Владивостоке, в лаборатории, установили, что в шлаке содержится железо. Эта находка оказалась не случайной – в следующий сезон, когда заложили первые траншеи, шлака в них набралось немало. Там же нашли спекшуюся глину, куски оплавленного железа. А в 1964 году, вскрыв площадку, обнаружили на ней остатки плавильной печи.

Затем был сезон 1965 года, 1966, 1967, 1968 и 1969-го. И каждый был связан с Шайгинским городищем, открывавшим новые и новые тайны, отблагодарившим археологов находками, не имевшими сравнения ни с какими другими в этих краях. Высокий солдат, пришедший в университет спасать из небытия среднеазиатские города, засыпанные пустыней, и изменивший им ради сопки Приморья, не ошибся. Он нашел свой город – город, о котором мечтает каждый археолог, нашел цивилизацию, до сих пор еще недооцененную, порой трактуемую предвзято и несправедливо обойденную вниманием.

Уже следующий год принес странную новость: мастерская, которую начали копать в прошлом сезоне, оказалась больше, чем ожидали. На соседних с плавильной печью площадках не было остатков жилья – все тот же слой темного суглинка со шлаком, железными изделиями и обломками оранжевого кирпича. Коллекция железных вещей, найденных в мастерской, росла – ассортимент ее оказался весьма широк. Начали встречаться и инструменты – клещи, напильники, сложные замки с ключами, напоминающими коромысло.

Прошел еще год, еще... Сегодня никто уже не говорит о мастерской. Для предприятия, найденного в Шайге, не подберешь нужного слова, потому что самое близкое по смыслу в отношении к XII веку не употребляется. И все-таки оно верно – археологи нашли в Шайге nemlig даже по сегодняшним масштабам металлургический завод.

На большой выровненной площадке неподалеку от ключа находилось двадцать плавильных печей, каждая более двух метров длиной. В них из руды выплавляли чугун. Кроме того, на заводе был и другой цех. Там под навесами располагались горны, где чугун превращался в ковкое железо. Далее шли кузницы, склады... На таком заводе должно было работать несколько сот человек.

Вот тебе и глухая окраина царства!

Достаточно было бы одного металлургического завода, чтобы прославить Шайгу. Но она была большим городом, и жители ее занимались не только металлургией. Тем более, что рудников там найдено не было и геологи уверяли, что их и быть не могло. Значит, и возникла она как обычное поселение, а металлургическим центром стала потом, по неизвестным пока причинам.

И если завод – самое яркое в находках на городище, то в том, что он – самое главное, уверен скорее Виталий Ленков, выросший в опытного археолога на этих раскопках. Шавкунов же куда более гордится раскопанными домиками жителей города. Все они, как завод, как дома чиновников на вершине сопки, были разрушены и сожжены монголами, но поколения металлургов, солдат, кузнецов, торговцев оставили по себе настолько многочисленные и очевидные следы, что теперь можно с уверенностью говорить о быте чжурчжэней, их работе, занятиях, во что они верили, как развлекались.

Это были удивительные люди, и летописи ничего не сообщили нам о них, ибо простые чжурчжэни не участвовали в государственных заговорах, а уходя в походы, не возглавляли армии и флот.

Оказалось, что жители Шайги были искусниками и мастерами на все руки. Вряд ли можно найти какой-нибудь другой город древности, где буквально в каждом доме встретишь не только орудия для охоты и рыболовства, но и небольшую плавильную печь или горн, набор ювелирных инструментов, инструментов для обработки камня и оружия. И неважно, жил ли в доме солдат местного гарнизона, рабочий с металлургического завода или кузнец, – каждый умел делать все. Лишь некоторые инструменты, бронзовые зеркала, покрытые серебряной амальгамой, ткани, посуду, панцири горожане покупали на заводе или у торговцев.

Найдены были на городище и чжурчжэньские монеты. Монетную систему в Золотой империи ввели после того, как чжурчжэни захватили земли киданей и Китая. Более того, известно, что чжурчжэни не только чеканили монеты, по качеству и чистоте бронзы лучшие в средневековье, но и ввели в обращение бумажные деньги. Бумажных денег в Шайге, правда, обнаружить пока не удалось, зато монеты, насчитывавшиеся до того в археологических сборах единицами, встречались десятками.

Сейчас раскрыта лишь часть города, но уже можно представить себе в общих чертах, как жили обитатели Шайги.

Над городом возвышались дома чиновников. Они стояли у самой вершины сопки, видные издали, крытые черепицей, которая поблескивала под дождем, но быстро высыхала и серела, когда дул ветер. Он разгонял летнюю жару и дым, поднимающийся от печей.

Шаман жил чуть ниже. Здесь в традиционном чжурчжэньском городе, где не часто бывала новая знать, не было буддийского монастыря. Господствовала вера предков, языческая религия.

Монеты. Как новенькие, покрытые лишь ровной серой патиной. Пряжки и бляхи с одежды украшены орнаментом, сохранившимся в Приморье по сей день. Орнамент консервативен, и по нему порой легче проследить историю народа, чем по керамике или другим материальным источникам. В орнаменте некоторых из чжурчжэньских вещей есть, помимо местного, и явное тюркское влияние. Сохранились сведения, что еще до создания Золотой империи к мохэсцам, предшественникам чжурчжэней, пришли отступавшие под давлением соседей с запада аланы. Они вскоре смешались с мохэсцами, но следы их остались и в тюркском пласте чжурчжэньского языка, и в орнаменте, и даже во внешности современных нанайцев и удэгейцев. Среди них встречаются блондины со светлыми глазами. Таким был, например, верный спутник Арсеньева Дерсу Узала.

Или вот совсем загадочные на вид маленькие фигурки. Два тюлененка, прижавшиеся друг к другу и глядящие в разные стороны, хрустальный зайчонок, полевая мышь из черного камня, две рыбы... В фигурках просверлены отверстия. Лишь в этом году удалось окончательно понять, что это нэцкэ, самые первые в мире нэцкэ – своеобразные брелоки, известные в Японии, начиная с XV века и являющиеся объектом собирательства и тщательного изучения как один из видов типично японского искусства. А в Шайге нэцкэ бытовали в XII веке, были обычны, изготавливали их, видно, почти в каждом доме для себя...

- Прошлой осенью, - говорит Шавкунов, укладывая в шкаф громадные чжурчжэньские ножницы для резки железа, - мы наконец нашли время для того, чтобы выяснить, откуда поступало в Шайгу железо. Ориентиром для нас стала двухсоткилометровая забытая дорога, следы которой и сейчас видны в тайге. Проследив дорогу, мы поняли, что она ведет к Ольгинскому городищу. И там нашли рудники. А также остатки металлургического комплекса...

- Значит, Шайга не одинока?

- Ни в коем случае. Возможно, мы найдем со временем города, с которым наша Шайга не сможет идти ни в какое сравнение.

- Значит, работы на много лет?

- На всю жизнь. И не только мне – всем, кто работает здесь, да и тем, кто придет вслед за нами. Мы, хоть и ведем разведку других городищ, уходить с Шайги не собираемся. Мы лишь начали ее исследовать.

- И что вы собираетесь там найти?

- Вопрос, достойный моего сына. "Папа, а что ты еще найдешь на раскопках?". Если бы мы могли знать, что нас ждет, задача была бы в десять раз проще.

- Ну, а если сформулировать вопрос по-другому: что вам хочется отыскать?

- На это ответить можно. Побольше образцов письменности. В распоряжении ученых есть лишь несколько надписей чжурчжэней, в том числе и те, которые мы только что разглядывали, - надписи на зеркалах и других изделиях Шайги. Но этого мало. Надписей мы пока не читаем. А пора бы уже. Так вот мы хотели бы найти чжурчжэньские документы...

Лето. Восьмой год подряд владивостокские археологи разбивают палатки на берегу ключа Батарейного, у лесистых сопок Шайги. И вечером, когда темнота не позволяет работать, они собираются в палатке, выключив свет, чтоб не привлекать отчаянных комаров, слушают, как надоседливо стучит по брезенту дождь, и спорят. Ведь столько еще загадок в Шайге. И каждый день приносит новые.

Продолжается напряженный труд советских историков, раскрывающих важные страницы прошлого коренных народов нашего Дальнего Востока – людей, умевших не только творить и созидать, но и побеждать чужеземных захватчиков, не раз угрожавших с юга.

В.Е. Ларичев

ВОПЛОЩЕНИЯ ВРЕМЕНИ (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве)

Две мазящие загадки Мира неотступно
Следуют за человечеством из века в век,
Оставаясь недоступными -
Звёздное Небо и человеческая душа.
Душа человеческая тянется к Небу,
К звёздам
академик В.П. Козинцев

Вводные замечания. Истоки анималистического искусства восходят к рубежу начала становления культур верхнего палеолита Евразии – около середины 40-го тысячелетия в репертуаре искусства *Homo sapiens sapiens* появились первые зооморфные образы. Они останутся популярными в художественном творчестве и далее, вплоть до этнографической современности.

Какую, однако, информацию вкладывали в них древние художники? Ответы на столь фундаментальный вопрос археологов, искусствоведов-теоретиков, а также философов не отличаются однозначностью, что свидетельствует о необычайной сложности его. В образах палеолитической анималистики обычно усматриваются или воплощения тотемов родовых сообществ, т.е. звериного облича предков мифических времён, или объекты воздействий охотников, которые пытались колдовским способом обеспечить себе удачу в промысле (магия охоты – можно сказать, гастрономический аспект смысла анималистического искусства). В них зачастую видят также своеобразный инструмент стимулирования Природы на сотворение пищевого изобилия (культ или магия плодородия, в которых легко просматривается всё тот же гастрономический подтекст).

В общих чертах сходно оцениваются и образы животных в искусстве последующих эпох первобытности. Интерпретаторы воспринимают анималистические рисунки прежде всего в качестве показателей цели экономической деятельности человека. Так, подсчёты процентных со-

вать лишь на те объекты творчества, в которых образ неразрывно связан с числовыми знаковыми записями. Последние должно воспринимать своеобразной подписью к изображению. И тогда подпись эта, при удаче в прочтении (расшифровке) её, раскроет глубинный подтекст информации, вложенной художником в сам образ. Этот методический постулат дал любопытные результаты при истолковании анималистического репертуара искусства палеолита (Ларичев 1985а) и теперь задача состоит в том, чтобы подтвердить следующий тезис: в искусстве эпох, следующих за древнекаменным веком, образы животных заключают в себе того же типа важную информацию и отражают той же значительности идеи, которые оказались характерными для анималистики ледниковой эпохи.

Вопрос такой приобрёл ныне принципиальное значение в связи с глубоким скептицизмом палеолитоведов по части высокого уровня астрономических знаний жречества древнекаменного века. Сомнения эти питает, в частности, твёрдая уверенность специалистов по вещеведению в том, что познания столь значительного (по сути — научного!) статуса не прослеживаются в интеллектуальном наследии последующих эпох. Развеять подобное заключение, основанное больше на безоглядно пылких эмоциях несогласия с непривычным, чем на конструктивной работе, и призвана специальная исследовательская программа, нацеленная на доказательство идеи бережного сохранения первобытным жречеством исключительной ценности постижений своих Природы и человека, на раскрытие *астральных основ мировоззрения предка* (Ларичев, в печати). Иначе говоря, речь идёт об идее прочного (устойчивого) сохранения информационных традиций в культурах дописьменной эпохи, когда художественные образы и строчки знаков, как своеобразные (числовые!) передатчики информации, позволяли избежать потерь и забвения однажды приобретённых знаний.

Решая столь сложную проблему, преднамеренно рассмотрим в одной статье сначала семантику анималистических, со знаковыми записями образов искусства древнекаменного века, а затем семантику того же типа образов искусства относительно близкой современности поры — положим, раннего железного века культур скифского времени юга Средней и Западной Сибири, примечательных эффектами художественными изделиями скифо-сибирского звериного стиля. Такой шаг оптимален для намеченного к исполнению поиска, ибо включает в орбиту интерпретационного исследования искусство крайних хронологических точек первобытности — древнейшей и весьма поздней, избавляя от необходимости рассматривать семантику образов анималистического искусства иных эпох, связывающих палеолит и железный век — мезолита, неолита и бронзового века. Оставим их для другого поколения археологов, для которых астроархеология и палеоастрономия перестанут быть погружающей в шок экзотикой.

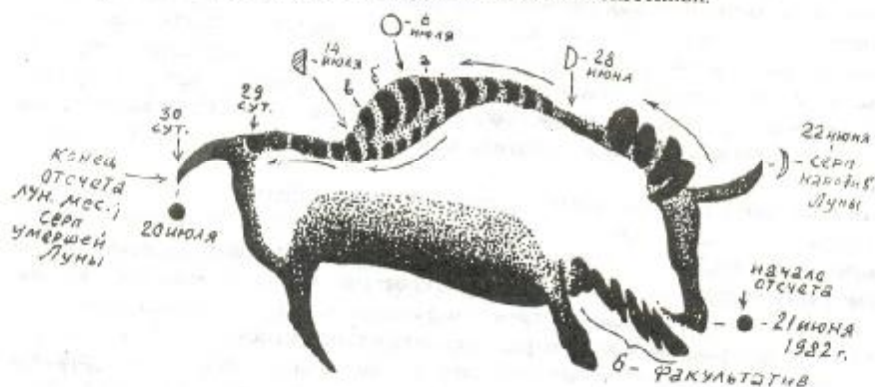

Рис. 1. Живописное изображение бизона из пещеры Пиндаль (Испания). Расшифровка знаковой записи — совмещение с ней современного лунного календаря.

Анималистический образ в настенном искусстве древнекаменного века как носитель календарно-астрономических записей. Реконструкция систем счисления времени. Рисунок бизона из пещеры Пиндаль в Испании (Alcalde del Rio, Breuil, et Sierra 1912) — классический в ясности образец знаковой живописи палеолита (рис. 1). По контуру шеи, холки, подчеркнута горбатой спины и крупа животного размещаются серповидные, подквадратные, круглые, а также иные очертания фигуры, тщательно выписанные на стене пещеры. Всего их, с учётом серповидных рога и короткого хвоста, 29. Если же за особый знак принять характерную, с крючком на конце полосу, очерчивающую край головы бизона, то число фигур окажется равной 30. Низ шеи и грудь животного оконтуривают 6 вытянутых, косо ориентированных, тесно примыкаю-

щих друг к другу листовидных фигур. Посредством их художник изобразил густые космы волос, свисающие с передней части грузного тела бизона.

Приступая к расшифровке знаковой записи, совмещённой (слитой) с рисунком животного (в сущности, то, что, при обывательском взгляде, есть всего лишь чисто художественные элементы изображения – ключья волос на загривке, спине и крупе), оценим вначале (важнейший в новой методике шаг!) – чем примечательны числа 29 и 30.

Эти числа высоко календарно значимы. Они оба близки продолжительности в сутках синодического лунного месяца, как длительность его определяют современные астрономы – 29,5306 сут. Древние календаристы, вынужденные отыскивать наиболее рациональный способ "ликвидации" дробности суток при помесечном счислении времени по Луне, обычно чередовали продолжительность таких месяцев в последовательности

29 → 30 → 29 → 30 → 29 ...

или, с тем же успехом,

30 → 29 → 30 → 29 → 30 ...

что позволяло автоматически "уничтожать" дробную часть синодического месяца, а финал лунного года фиксировать с точностью 0,36706 сут.

Есть ли, однако, в рисунке иные, помимо чисел 29 и 30, признаки того, что строчки фигур, оконтуривающих голову и туловище бизона, в самом деле календарно-астрономическая запись? Иначе говоря, ставится следующий вопрос – случайно или заранее рассчитано размещение по верхнему контуру животного именно 29 или 30 знаков?

Календарность записи подтверждается следующими соображениями, которые как раз и позволяют перейти к расшифровке содержательной части её:

1. *Серповидность* знаков есть прозрачный намёк на счисление времени по Луне, когда в центре внимания оказывается отслеживание фаз Луны – двух четвертей, полнолуния, а также, видимо, особо тщательно, первого и последнего серпов, соответственно, при "рождении" Луны на западе (*молодой* (народившийся) месяц) и накануне "смерти" ночного светила на востоке (*старый* (умирающий) месяц). В качестве символа молодого месяца мог восприниматься самый крупный и эффектный знак – выставленный вперёд рог бизона, выпуклый край которого *обращён направо*, как это и наблюдается в реальности при появлении новорожденного месяца у западного горизонта (заходящее Солнце освещает *правый* край Луны). В таком случае, в качестве символа старого месяца мог восприниматься серповидный хвост, знак, завершающий календарную запись. В самом деле, выпуклый край хвоста *обращён влево*, как это и наблюдается в реальности в последние сутки наблюдения серпа у восточного горизонта (восходящее Солнце освещает из-за горизонта *левый* край Луны).

Высказанные соображения имеют решающее значение для прочтения записи. Они позволяют восстановить порядок считывания знаков и определить начальную фазу синодического месяца. Считывание велось справа и начиналось оно с крючковатого знака, очерчивающего *правый* край головы бизона, а завершалось на серповидном, с приостренным концом хвосте. Ясно, что если рог бизона символизировал серп новорожденного месяца, то фигурный край головы бизона воспринимался символом Луны в фазе новолуния (светило было невидимо на небосклоне; оно слилось с Солнцем, т.е., по канонам астральной мифологии, – "умерло").

2. Знаки в записи варьируют не только по форме, но и по величине, то плавно увеличиваясь, то уменьшаясь. Они, к тому же, определённым образом группируются, составляя некие строго ограниченные пространственно и количественно неодинаковые скопления. Особо обращает на себя внимание перекрытие строчкой крупных серповидных знаков на горбе бизона строчки мелких знаков. Эта чрезвычайно характерная зона перекрытия чётко ограничена справа и слева, соответственно, серповидным и листовидным знаками *a* и *г*.

Перечисленные особенности записи воспринимаются намёками на стремление сделать заметными позиции знаков, на которые в течение каждого месяца приходились три основные фазы Луны – первая четверть, полнолуние и последняя четверть. Следует знать, что *каждая из них наблюдается невооружённым глазом в течение 3-х суток* (из них вторые сутки определяют астрономический момент фазы). Эту деталь непременно следует принимать в расчёт при расшифровках записей лунных периодов.

Верны ли изложенные мысли, можно подтвердить безукоризненно. Для этого следует лишь совместить (важнейший постулат новой методики!) знаковую запись, связанную с изображением бизона, с *реальным лунным календарем*, допустим, охватывающем время от 21 июня 1982 г. (летнее солнцестояние, новолуние) до 20 июля того же года – новолуние (АК 1981: 25, 27). На рис. 1 представлены результаты наложения календаря современного на запись палеолитического лунного календаря пещеры Пиндаль. Каждый может теперь убедиться воочию – насколько заметны позиции знаков, на которые пришлось три главные фазы Луны: первая четверть (26 ию-

ня) — на последний знак холки; 3 ночи полнолуния — на самые крупные серпы наиболее высокой и крутой части горба (6 июля, а также знаки а и б), первые сутки ущерба диска (17-й день видимости Луны, который вызывал, по преданиям, большую неприязнь пифагорейцев из-за того, что тогда на лике полного мощи ночного светила появлялся чуть заметный глазу ущерб, лёгкая тень начала "смерти") — на последний серповидный знак верхней строчки горба (г), после чего счисление продолжалось по знакам нижней строчки горба; последняя четверть — на первый листовидный знак, отделяющий горб от крупа бизона. Характерная, двустрочная (двууровневая) структура записи в районе горба позволяет высказать предположение, что лунный месяц подразделялся создателем календаря на две части — светлую, от первого серпа (рог!) до 3-х суток полнолуния и первого дня ущерба, и тёмную, от первого дня ущерба до последнего серпа и суток очередного новолуния (хвост и соседний с ним знак).

Итак, идея восприятия серповидных, а также иных очертаний фигур верхнего контура живописного рисунка бизона подтверждена объективно, с использованием фактов, связанных с реальным лунным календарем. Теперь остаётся реконструировать всю систему счисления времени жрецами храма Пиндаль в течение года лунного, лунно-солнечного и солнечного. Как уже отмечалось, время в течение лунного года считывалось синодическими месяцами, продолжительность которых варьировалась, допустим, по схеме

30 → 29 → 30 → 29 ...,

что позволяло весь год достаточно точно предсказывать сутки, когда Луна должна принять вид одной из четвертей или круглого диска (с лёгкими, разумеется, отклонениями). Практически счёт осуществлялся так — в первый месяц считывались все 30 знаков от головы бизона до хвоста, во второй же 29 знаков — от головы до знака перед серповидным хвостом (см. на рис. 1 позиции 29-х и 30-х суток). Каждая пара лунных месяцев, продолжительность которых отличалась всего лишь на 1 сут., определяла, возможно, сезон и, в таком случае, сезонов в году было 6.

После завершения годового лунного периода можно было, дополнив его 6-ю знаками факультатива (космы волос на шее и груди), выйти на рубеж иного, лунно-солнечного года, продолжительность которого составляет

$354 + 6 \text{ сут.} = 360 \text{ сут.}$

Такой календарь, известный в Европе как майский или кельтский (в Древнем Египте год столь странной, кажется, продолжительности назывался годом великого бога Времени и Луны Тота), позволял фиксировать моменты солнцестояний и равноденствий, а также промежуточные меж ними даты (Ларичев 1986: 143). Числовые блоки записи лунного месяца, связанной с бизоном, позволяют удобно отслеживать 8 своеобразных "месяцев" майского года, продолжительность каждого из коих составляла 45 суток, т.е. $\approx 1,5$ синодического месяца. Представляю читателю возможность установить самим — какие знаки (а с ними и фазы!) определяли начало и финал каждого из 8 знаменательных моментов тропического года. Это может стать началом восстановления любителем реконструкций (расшифровок) списка праздников, которые отмечались палеолитическими охотниками в течение года. В череду их, возможно, входили также сутки перемен фаз Луны в течение месяца, а также сутки начала и окончания месяцев, сезонов, полугодий и лет.

Главным счётчиком времени был у жрецов Пиндаль, конечно же, календарь солнечный, позволяющий точно отслеживать смены сезонов. Выход на рубеж тропического года осуществлялся, после окончания года лунного, посредством двукратного прохода по 6 знакам факультатива (12 — период, близкий лунному циклу от новолуния до полнолуния):

$354 + 6 + 6 \text{ сут.} = 366 \text{ сут.},$

что близко 365,242 сут.

Здесь, до перехода к очередному сюжету, уместно будет заметить, что рисунок бизона со знаковой записью не следует воспринимать в качестве художественного календаря, по которому велся повседневный счёт времени (для чего, можно подумать, жрец и спускался в скальное подполье, где делал соответствующие отметки). Как и в случаях с объектами искусства, о которых пойдёт речь далее, то было, скорее, предельно насыщенное сакральными сведениями наглядное пособие или, лучше сказать, — учебник (справочник) по астрономии, календарям и астральной мифологии. По живописному изображению, конечно же, преднамеренно запрятанному в недра пещеры, прежде всего, с целью обеспечить сохранность бесценного "толковника", обучались, вероятно, неофиты, удостоенные редкостной чести узнать тонкости космического бытия — продолжительность месяцев и годов лунных, солнечных и лунно-солнечных, их структурные части, закономерности наступления затмений светил (циклы повторения затмений) и многое другое. Рисунок бизона выглядит также тщательно отработанным эталоном для изготовления священных деталей для ритуальных одеяний и для составления календарей, которые как раз и мог-

ли использоваться в быту, при повседневном счислении времени на поселении, в многодневных охотничьих экспедициях, на астросвятыщах и астропунктах, откуда жрецы наблюдали Небо.

То же самое можно сказать о предметах мобильного искусства, покрытых строчками знаковых записей. Они были, надо полагать, структурными частями одежды жрецов и своего рода книгами, предназначенными для посвящённых. Попробуем извлечь из 3-х подобных "книг" хотя бы часть информации, запечатлённой посредством знаков и образов.

Рис. 2. Скульптурное изображение лошади из Сунгири. Расшифровка знаковой записи – совмещение с ней современного лунного календаря.

Анималистический образ в мобильном искусстве древнекаменного века как носитель календарно-астрономических записей. Реконструкция систем счисления времени. Астрально-мифологический характер семантики образов бизона и лошади в палеолитическом искусстве. Изберём в качестве объекта изучения под тем же углом зрения плоское скульптурное изображение лошади, обнаруженное О.Н. Бадером (1978) при раскопках в Сунгири (дата - 25000 ± 200 ; 24430 ± 400). Обе стороны скульптуры (она может быть воспринята при наклонной ориентации длинной оси песцом или птицей) покрыты плавно изогнутыми и прямыми строчками округлых лунок (рис. 2). Воспримем эти строчки в качестве числовой знаковой записи, подключив к ней уникальный элемент - сквозное отверстие, расположенное вблизи конца задней ноги животного (см. а и d; если в скульптуре усматривать птицу, то а и d есть глаз её). Подсчёт

после прохода по лункам той стороны скульптуры, где размещены 45 знаков, считывание записи на другой стороне следует вести без учёта 5 знаков прямой строчки текста, расположенной в зоне передней ноги и передней части туловища лошади, ибо именно 5 знаков нарушают кратность записи лунным циклам. Иначе говоря, речь идёт о превращении 5 этих лунок в *факультатив*, т.е. в числовой блок, который предстояло использовать далее как интеркалярный при завершении счисления некоего периода, кратного лунному циклу. Как легко заметит внимательный читатель, этот блок из 5 лунок есть своеобразный аналог *факультативному* блоку из 6 знаков в записи, связанной с бизоном из Пиндаль (космы волос на шее и груди животного).

Подтвердим оправданность такого шага календарно-астрономическими соображениями. Рациональность его следующая: при суммировании 45 знаков одной стороны с 45 знаками другой стороны (это и есть результат неучёта *факультатива* – 5 знаков) получим результат, близкий продолжительности 3-х синодических лунных месяцев. В самом деле:

$$45 + 45 \text{ сут.} = 90 \text{ сут.}$$

$$90 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,0476 \text{ месяцев}$$

Проверим теперь лунный характер такой записи на обеих сторонах скульптуры лошади все тем же, самым объективным в беспристрастности способом – совместим строчки из 45 и 45 знаков с реальным лунным календарем 21 июня 1989 г. – 18 сентября того же года. Эта тестовая операция (важнейший принцип новой методики!) призвана подтвердить рациональность рассредоточения лунок, образующих вместе две характерным образом извивающиеся линии и одну линию прямую (4 знака на передней ноге лошади). Иначе говоря, предлагается убедиться, что *главные фазы Луны придется на заметные места записи*, что исключит сомнения в правильности предлагаемого порядка считывания знаков и неучет 5-ти из них. На рис. 2 представлен результат наложения календаря современного на календарь палеолитический при счислении 45 + 45 суток. Как можно убедиться, пороговые фазы пришлись на примечательные лунки записи: *а* (отверстие) – новолуние; первая четверть (28 июня) пришлась на зону *разворота* линии лунок в районе задней ноги и паха животного (разворот – наглядный показатель динамики перехода Луны к очередной фазе); *б* – полнолуние 6 июля пришлось на знак, расположенный в непосредственной близости к прямой линии из 4 лунок; *в* и соседняя лунка, размещенные на динамически *крутом развороте* линии в районе нижней части головы животного, определяют последние сутки видимости серпа Луны и новолуние (30 июля); финал счисления 45 суток по лункам одной стороны скульптуры очень эффектен – он ознаменовался полнолунием 4 августа (см. литеру *г* – фаза Луны, противоположная новолунию, фазе начала счисления; см. литеру *а*). А далее счет продолжался по 45 лункам другой стороны скульптуры (характерные позиции остальных фаз читатель может иметь удовольствие оценить самостоятельно). Завершилось же счисление, как и следовало ожидать, новолунием (см. 17 сентября, литера *з*) и следующим днем, когда Луна могла быть или невидимой (визуальное новолуние) или вид ее определялся исключительно важной в лунном календаре фазой – первого серпа только что народившейся Луны!

Реконструируем теперь в полном виде варианты календарей, которые могли использоваться при счислении времени в палеолитической Сунгире. Как легко сообразить, по блокам 45 + 45 знаков мог считываться лунно-солнечный (майский) год. Это позволяло календаристу при четырехкратном проходе по знакам обеих сторон скульптуры точно фиксировать моменты солнцестояний и равноденствий, а также промежуточные между ними даты, причем (это особенно важно!) весьма наглядно – по *противоположным фазам Луны*: новолуние → полнолуние, новолуние → полнолуние и т.д.:

$$45 \rightarrow 45 \rightarrow 45 \rightarrow 45 \rightarrow 45 \rightarrow 45 \rightarrow 45 \rightarrow 45$$

Вместе эти блоки и составят 360, продолжительность в сутках усредненного лунно-солнечного года, ибо

$$(354,367 \text{ сут.} + 365,242 \text{ сут.}) : 2 = 359,8045 \text{ сут.}$$

Вот тут-то, после завершения счисления 360 сут., можно было, используя 5 факультативных знаков на передней ноге лошади в качестве интеркалярных (дополнения, вставки), перейти к счислению второго календарного цикла – солнечного года:

$$360 + 5 \text{ сут.} = 365 \text{ сут.},$$

что близко 365,242 сут.

Именно так поступали египетские жрецы, служители трепетно почитаемого в стране Хапи бога Времени и Луны Тота (360 сут. – год бога Тота древних египтян), выравнивая лунно-солнечный счет времени с солнечным. Они включали в календарь так называемые *эпагомены*, дополнительные, будто бы специально созданные Тотом 5 дней, каждый из которых он посвящал 5-ти величайшим богам Вселенной.

Как видим, идея принятия 5 лунок, образующих *прямую* линию знаков на одной из сторон передней ноги лошади, в качестве *факультатива* (*неучет* их или, напротив, *учет*!) в полной мере оправдала себя.

Эта же идея позволила реконструировать *третий* оптимальный в рациональности, весьма оригинальный, исключительной красоты вариант считывания строчек числовой информационной системы лошади из Сунгири. Этот вариант мог использоваться при отслеживании времени *прямо по Солнцу*, при следовании следующим правилам:

1. Первый проход осуществлялся *по всем 95 знакам записи* (т.е. *вначале 5 знаков принимались в расчет*); такой шаг позволял достаточно точно (в пределах менее 1 сут.) зафиксировать период от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния, как длительность его определяют астрономы (94,1 сут.);

2. Далее следовало, однако, *трижды* считать *90 знаков записи*, т.е. *каждый раз игнорируя все те же 5 лунок* на передней ноге лошади (тем самым они опять превращались в *факультатив*, т.е. не принимались в расчет, не учитывались). Это условие позволяло с удовлетворительной точностью (до 1 - 2 суток) фиксировать важнейшие в солнечном календаре моменты – временные рубежи остальных *трех астрономических сезонов тропического года*, продолжительность которых в среднем близка 90 сут. (лето – 92,3; осень – 88,7; зима – 90,2 сут.). Речь идет о фиксации времени от летнего солнцестояния до осеннего равноденствия, от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния и от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия; обратим внимание на то, что вместе эти три 90-дневки составят 270 суток, что близко 10 сидерическим лунным месяцам, $9\frac{1}{4}$ синодических месяцев, $\frac{3}{4}$ солнечного года, циклу беременности крупного рогатого животного типа коровы, а также женщины (≈ 273 сут.).

Такой вариант считывания записи, со значительным (важнейшим!) биологическим подтекстом, позволял выйти на рубеж окончания солнечного года

$$95 + 90 + 90 + 90 \text{ сут.} = 365 \text{ сут.}$$

с ошибкой в 0,242 сут.

Изложенное приводит к выводу, что счисление *солнечного года* начиналось в Сунгири с весеннего равноденствия, т.е. с момента выхода Солнца из Южной сферы Мироздания (Нижний Мир) в сферу Северную (Верхний Мир).

Теперь остается установить последнее и самое сложное – позволяет ли запись на скульптуре лошади из Сунгири считывать четвертый вариант календаря – годовой лунный цикл?

Позволяет, но при условии, если помимо 5 знаков на передней ноге лошади, в качестве *факультатива* воспринимать также отверстие на ноге задней той же стороны скульптуры, доводя тем самым *факультатив* (*неучет*) до

$$5 + 1 = 6$$

В таком случае, количество знаков на этой стороне скульптуры сократится до

$$90 - 5 = 85$$

важнейших в календаристике циклов – *повтора лунных затмений*, которые случаются, согласно расчётам астрономов, через 177-178 и 355-356 сут. после предшествующего (ясно, что счисление, в таком случае, следовало начинать с полнолуния):

$$89 + 89 \text{ сут.} = 178 \text{ сут.};$$

$$89 + 89 + 89 + 89 \text{ сут.} = 356 \text{ сут.},$$

что близко, соответственно, продолжительности лунного полугодия (177,1835 сут.) и лунного года (354,367 сут.).

Проведенный анализ позволяет реконструировать оптимальный вариант счисления *лунного года* по записям на лошади. Оно велось по схеме лунно-солнечного (майского) года, но, в данном случае, посредством считывания 45 + 44 знака, что позволяло, опять-таки, легко и с учетом фаз Луны (последнее – точнее, чем по формуле 45 → 45!) фиксировать кардинальные моменты *солнечного года* – солнцестояния, равноденствия, а также промежуточные даты:

$$45 \rightarrow 44; 45 \rightarrow 44; 45 \rightarrow 44; 45 \rightarrow 44$$

Вместе эти своеобразные 8 "месяцев" составляют 356 суток и, значит, календаристу следовало лишь знать, что окончание простого лунного года придется на лунку *жс* (354 сут. от начала счисления), високосного – на лунку *з* (355 сут.), а на *и* (как и на *э*) могут прийти сутки повтор лунных затмений (опять-таки, если счисление начинать не с новолуния, как это было сделано при наложении, а напротив – с полнолуния). Заметим, что последние 2 лунки, *з* и *и*, определяющие сутки за пределами границ обычной продолжительности лунного года, хорошо выделяются в записи визуально, позиционно.

Подведем итоги расшифровки знаковых записей, совмещённых с живописным изображением бизона из Пиндаль и скульптурой лошади из Сунгири. В том и другом случае эти своеобразные тексты оказались календарно-астрономического содержания. Они позволили реконструировать варианты счисления времени в палеолитических культурах, которые отделены друг от друга многими тысячами километров. Между тем, системы те оказались во многом сходными, что не удивительно, ибо жречество противоположных окраин Европы, одинаково озабоченное точным отслеживанием времени (оно предписывало строгий распорядок всей жизни), наблюдало одни и те же светила с присущими им закономерностями движения. Выбор же вариантов предельно рационального счисления времени не столь велик, чтобы можно было ожидать проявления в структурах древних календарей Испании и России ярко выраженных своеобразий.

Обращаясь к семантике образов бизона и лошади, можно констатировать, что они представляли в художественном творчестве жречества древнекаменного века *живые воплощения времени*. Они выглядят также своеобразными *носителями времени*, символизируя разные циклы его от фазовых лунных до разновариантных годовых – лунных, солнечных и лунно-солнечных. Задумываясь над тем, что глубинно предопределяло временную символизацию бизона и лошади, можно пока высказать лишь предварительное соображение – восприятие их в качестве зна-

районе села Хорум-Даг¹. Эти классические по выразительности образцы искусства скифо-сибирского звериного стиля датируются временем около V в. до н. э. (рис. 3 - 5). На поверхностях пластин со сквозными отверстиями в центре выгравированы сцены борьбы и терзаний животных, тела которых покрыты многочисленными лунками, которые, возможно, представляют собой элементы числовых знаковых записей².

Проверим такое предположение, обратившись к гравюре с противоборствующими лошадыо и львом на одной стороне и частью изображения орла (рис. 4) на другой (глаз птицы совпадает со сквозным отверстием пластины; см. на рис. 3, Б знак а). Методика проверки остаётся прежней – подсчитав количество знаков на теле каждого из персонажей композиции, проведём затем анализ полученных чисел под календарно-астрономическим углом зрения. Результат подсчёта оказался следующим: в пределах тела лошади размещено 23 знака, с учётом округлого глаза с чётко выделенным зрачком (знак б), и за пределами – 1 знак (лунка в вблизи окраины средней части головы животного). В пределах тела льва размещено 34 знака, с учетом когтя (д), округлого глаза со зрачком (и) и 6-ти зубов широко распахнутой пасти хищника (слоем нижнего края пластины и продольный скол в районе задней части тела льва уничтожили, согласно реставрационной раскладке, 10 лунок; они представлены на рисунке незакрашенными кружками). Всего знаков на пластине

$$1 (\text{отверстие}) + 23 + 1 (\text{одиночная лунка в}) + 34 = 59$$

Проведём календарный анализ чисел, отражающих количество знаков в пределах тел лошади и льва. Число лошади, 23, календарно значимо, ибо оно составляет лунный цикл, близкий продолжительности определённой части синодического месяца – от первого серпа до последней четверти:

$$23 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 0,7788 \text{ мес.} \approx 3\frac{1}{4} \text{ мес.}$$

Число льва, 34, тоже календарно значимо. Но оно кратно не синодическому, а сидерическому (звёздному!) и, с особой точностью, драконическому (затменному!) лунным месяцам, в чём, как выяснится далее, заключается весьма существенный резон:

$$34 \text{ сут.} : 27,32 \text{ сут.} = 1,2445 \text{ сид. мес.} \approx 1\frac{1}{4} \text{ мес.}$$

$$34 \text{ сут.} : 27,2122 \text{ сут.} = 1,2494 \text{ драк. мес.} \approx 1\frac{1}{4} \text{ мес.}$$

Календарно-астрономический аспект числа 34 этим не ограничивается. Такое число суток близко продолжительности весьма своеобразного синодического цикла, который отсчитывается от серпа последней видимости Луны до серпа первой видимости ночного светила (≈ 33 сут.). Подобный цикл использовался в знаковых записях эпохи палеолита (Marshack 1970; 1972). Кроме того, число 34 точно определяет максимальную продолжительность очень специфического и ключевого в затменной астрономии цикла – так называемой эпохи солнечного затмения, периода сближения Луны с узлом её орбиты (узел – место пересечения путей движения Луны и Солнца в пространстве; визуально, напрямую, не наблюдается, а рассчитывается) и отхода от узла (30 - 34 сут.). Эта "эпоха" примечательна вот чем: максимально, в течение 17 суток подхода Луны к узлу и 17 суток отхода от него, что и составляет

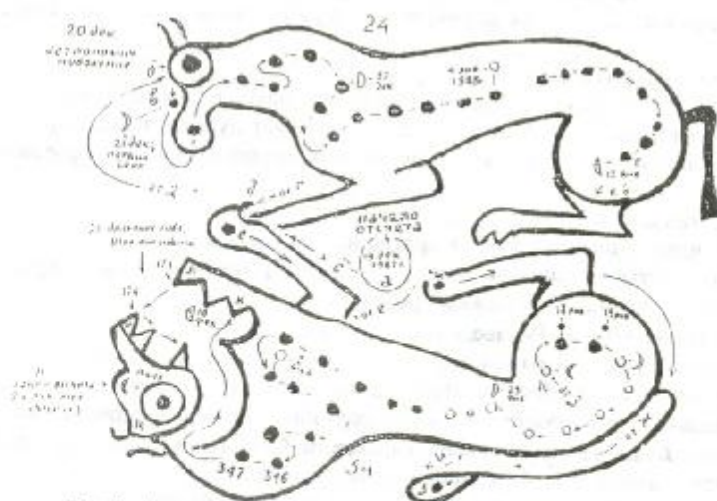
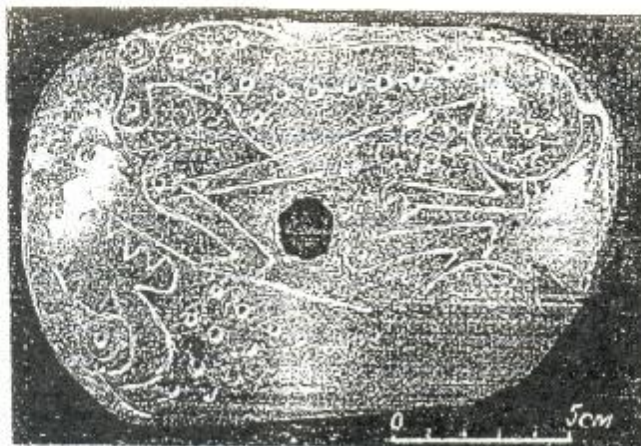

Рис. 3. А – первая серпентинитовая пластина из Хорум-Дага (Тува). Б – совмещение со знаковыми записями на гравированных изображениях лошади и льва современного лунного календаря.

т.е., как раз того периода, о котором уже шла речь при расшифровке знаковой записи на бизоне из Пиндаль и восстановлении способа счисления времени по Луне в течение года. На пластине из Хорум-Дага этот двухмесячный (сезонный?) цикл подразделялся, однако, не на два почти равных периода (30 → 29), а совершенно иначе.

Ответ на вопрос – почему иначе, важнейший, ибо за ним скрывается разгадка сюжета композиции. Поиск такого ответа начнём с восстановления наиболее подходящего порядка считывания всех знаков записи. Пройграв варианты совмещения знаковой записи на пластине с реальным лунным календарём (был взят случайный, наугад, период с 19 декабря 1987 г. до 15 февраля 1988 г. [АК 1986: 37; АК 1987: 16, 17]) позволил выбрать оптимальный маршрут (см. рис. 3, Б). Начинать счисление следовало со сквозного отверстия (а), определив его как знак визуального новолуния (19 декабря). Далее считывался глаз лошади, а делалось это потому, что такого вида глаз графически наглядно демонстрирует существо такого явления, как астрономическое новолуние, т.е. времени реального слияния Луны (зрачок глаза) с Солнцем (орбита глаза). Круг с точкой в центре считается древнейшим символом дневного светила. Но это, надо полагать, был иной знак – символ единения двух главных светил Неба в пору новолуния. Последующий маршрут прохода по лункам указывают стрелки и читатель может самостоятельно проследить его. Обращаю только внимание на то, что счисление знаков на теле лошади завершалось на фазе последней четверти (знак г, 12 января), после чего начинался отсчёт суток "смертной". можно сказать, недели синодического лунного месяца, но уже по лункам льва.

Счисление знаков, связанных со львом, стоит начать с лунок конечностей и хвоста, а резон такого шага заключается в следующем: 4 одиночных знака на конечностях и хвосте льва (д, е, ж, з) составят вместе со всеми считанными ранее знаками лошади период, близкий продолжительности синодического лунного месяца. В самом деле,

$$1(a) + 23 + 1(в) + 4 = 29 \approx 29,5306 \text{ сут.}$$

Число 34 примечательно, наконец, ещё одной чрезвычайно важной календарно-астрономической значимостью – именно такое количество суток дополнило продолжительность третьего лунного года при счислении времени по 3-м годам, когда древние жрецы-астрономы выравняли лунный счёт времени со временем солнечным, чтобы можно было точно отслеживать границы сезонов. Иначе говоря, число 34 выполняло в календарных системах роль интеркаляционного (вставного в систему счисления) цикла. "Месяц" такой продолжительности (инкалярий) был известен в Сибири с эпохи палеолита (Ларичев 1983).

Общее число знаков на пластине, 59, календарно чрезвычайно высоко значимо. Оно с высокой точностью отражает продолжительность 2-х синодических лунных месяцев:

$$59 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \text{ месяца,}$$

Далее, после завершения счисления первого лунного месяца, счисление второго, продолжительностью 30 суток (канон чередования продолжительности двух соседних месяцев соблюден!) следует продолжать справа налево — от задней части тела животного до головы и завершить его на глазе того же вида, что и у лошади. Резон такого шага заключается в следующем: именно при таком порядке считывания клыки льва определяют (при последующем счислении двух очередных двухмесячных циклов) позиции суток, когда Луна войдет прямо в узел своей орбиты (173 - 174-е сутки от начала счисления, что и есть половина драконического года; см. позиции этих суток на рисунке — литеры Л, М). Читатель может по достоинству оценить остроумие жреца и астронома культуры скифской эпохи Тувы, у которого достало художественного воображения представить самое страшное место эклиптики, затмненного пути Солнца, внушающими ужас клыками кровожадного льва. Самого страшного вот почему — именно в узле, как считали древние, таился невидимый Змий, который жаждал сожрать светила.

И еще один резон такого порядка считывания знаковой записи, совмещенной со львом: завершающие двухмесячный цикл 59-е сутки, т.е. время, конечно же, близкое новолунию, придутся на глаз хищника, — на круг с лункой в центре, на символ единения Луны и Солнца, на величайшей значимости космический знак.

Рассмотрим теперь позиции фаз Луны на строчках записи. Связь фаз с определенными знаками подтверждает весьма рациональный (подсказывающий) характер пространственного расчленения лунок, глубокую продуманность числовой (по блокам) группировки их. Как можно легко убедиться, просматривая один за другим участки серпантинного маршрута считывания всех 59 знаков записи, фазы приходится или на развороты серпантина (зигзага), или на места, где лунки чуть далее, чем обычно, отстоят друг от друга, или на знаки характерного вида. Так, лунка *в*, та единственная, что размещена вне пределов тела лошади, определяла, надо думать, сутки первого дня видимости Луны (серп "новорожденного" светила); *г* — последняя в пределах тела лошади лунка — последнюю четверть; *и* — последний видимый серп "умирающий" Луны (канун исчезновения светила с небосклона). Не менее интересной окажется также значи-

Рис. 4. Изображение птицы на противоположной стороне первой пластины (рис. сделаны по копии, выполненной В.И.Кудрявцевым).

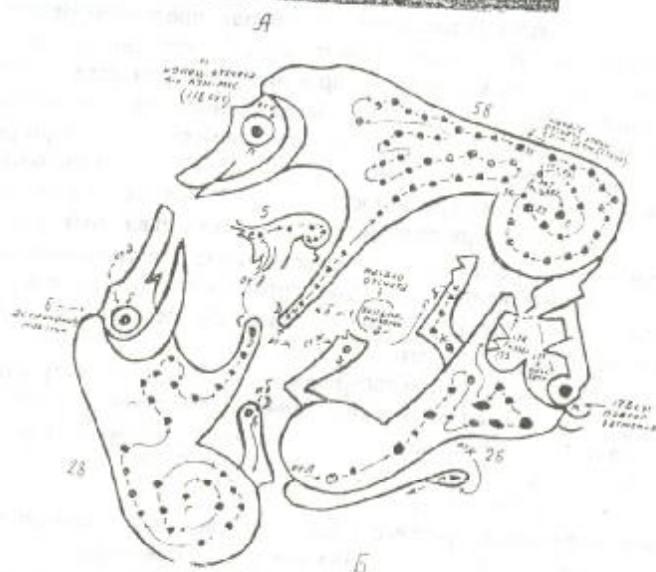

Рис. 5. А — вторая серпентинитовая пластина из Хорум-Дага. Б — совмещение со знаковыми записями на гравированных изображениях фантастических животных и льва современного лунного календаря.

мость определённых лунок, а также иного вида знаков при последовательном счислении всей записи по формуле

$$59 \rightarrow 59 \rightarrow 59 \dots$$

и так до завершения драконического (затменного!) и лунного полугодий, а далее – драконического (см. позиции 346 и 347 сут.) и лунного годов. Результат оказался следующим: на *a* (отверстие) пришлись сутки повтора затмений (178 и 355 сут.); на *b* – повтор затмения (356 сут.); на *n* – финал лунного полугодия и сутки повтора затмений (177 сут.), а также финал лунного года (354 сут.).

Но всё же самый впечатляющий факт – это то, о чём уже упоминалось: совмещение суток, определяющих половину (173 - 174 сут.) драконического года с наиболее оригинальными (и впечатляющими!) знаками счётной системы – с острыми клыками пасти льва. Именно этот, прозрачно намекающий на тему затмений (а с ними и на смерть!) факт следует воспринять как исходный момент начала прочтения сюжета, запечатлённого на пластине. Сутки, определяющие финал драконического года (346 - 347 сут.), пришлись на лунки, которые располагаются поблизости от верхнего отдела распахнутой пасти (см. на рис. позиции 346 - 347). Отсюда следует, что астроном и художник из Хорум-Дага, судя по всему, отводил льву в небесных событиях ту же роль, какую обычно исполняет в астральных мифологиях *невидимый* (узел!) в небесном пространстве Дракон, который, коварно затаившись в смещающихся навстречу Солнцу узлах орбиты Луны, всегда готов, при благоприятных астрономических обстоятельствах, поглотить и Луну, и Солнце, низвергая тем самым во мрак и хаос упорядоченный Мир, Космос, а с ними и Землю, обитель людей.

Выходит так, что лев в искусстве скифо-сибирского звериного стиля олицетворял собою силы тьмы, зла и смерти. В таком случае, лошадь, противостоящая в композиции льву, выступала в противоположной ипостаси – света, добра, жертвенности, а в астральном плане – Луны, Солнца, Космоса, мира вселенских гармоний. Эти существа – антиподы, живые воплощения (знаки!) жизни и смерти, находились в непрестанном противоборстве, без надежды, однако, когда – либо окончательно сломить сопротивление соперника. При реальном счислении лунного времени в течение каждых двух месяцев такая идея отражалась, возможно, следующим образом: когда считывались знаки первой части цикла (25 суток), то пластина разворачивалась так, что лошадь размещалась поверх опрокинутого на спину льва (травоядное животное топтало хищника); при считывании же знаков второй части цикла пластина поворачивалась на 180° и тогда лев оказывался над поверженной лошадию, готовясь растерзать её в клочья. Возможно, ожидание затмений определяло подразделение сезона из 2-х месяцев на безопасную, светлую (лошадь) и опасную, темную (лев) части его.

В заключение остаётся реконструировать в целом систему счисления времени, в которой, конечно же, должен найти отражение приём, посредством которого лунный счёт времени сравнивался с солнечным. Напрашивается простейший вариант: после счисления 2-х лунных лет обычной длительности по формуле

$$(25 + 34 \text{ сут.}) \times 6 = 354 \text{ сут.},$$

продолжительность третьего следовало увеличить посредством интеркаляции дополнительных 34 суток ($354 + 34 \text{ сут.} = 388 \text{ сут.}$), т.е. подключив сутки как раз того цикла, который зафиксирован посредством *всех без исключения знаков гравюры льва*:

$$(354 \text{ сут.} \times 2) + (354 \text{ сут.} + 34 \text{ сут.}) = 1096 \text{ сут.}$$

Поскольку продолжительность 3-х солнечных лет составляет

$$365,242 \text{ сут.} \times 3 = 1095,726 \text{ сут.},$$

то предложенный вариант позволял стыковать лунное и солнечное время с точностью

$$1096 \text{ сут.} - 1095,726 \text{ сут.} = 0,274 \text{ сут.} \approx 1/4 \text{ сут.},$$

вполне удовлетворительной как для обыденных календарных целей, так, вероятно, и для расчётов, связанных с предсказаниями затмений.

Одна весьма характерная особенность знаковой системы этой пластины намекает на то, что жрецы Хорум-Дага считали время и по майскому (кельтскому) лунно-солнечному календарю. Для этого они к суткам *високосного* варианта продолжительности лунного года ($354 + 1 \text{ сут.} = 355 \text{ сут.}$; 1 сут. определяло отверстие пластины) подключали чётко выделяющийся в записи интеркалярий (факультатив!) – 4 знака, размещённые на конечностях (*d, e, ж*) и на хвосте (*з*) льва:

$$355 + 4 \text{ сут.} = 359 \text{ сут.}$$

В заключение расшифровки обратим внимание на один весьма существенный момент, возможно, заключающий в себе значительный семантический намек: выравнивание лунного счёта времени с солнечным, как и переход от календаря лунного к календарю лунно-солнечному (майскому), производились по знакам льва. Этот хищник как бы уничтожал (пожирал) в конце цикла отходящее в прошлое, открывая, тем самым, дорогу грядущему.

Предложенные реконструкции имеют изъян, который может стать поводом для предъявления интерпретатору серьезных претензий. Речь идёт о вполне естественных сомнениях в точности числа восстановленных лунок на задней части льва. Эти сомнения, однако, разрешимы, для чего следует обратиться к анализу знаковых записей на 4-х фигурах композиции, выгравированной на одной из поверхностей второй пластины из Хорум-Дага (рис. 5, А и Б). Эту композицию составляют 4 животных, три из которых фантастического (синкретического) облика (некие мифические, видимо, существа, головы у которых, судя по всему, рыбы (щучьи?), а тела кабаны), четвёртый же – лев, уже знакомого по первой пластине обличья: с широко распахнутой зубастой и клыкастой пастью и в ярости заброшенным на спину хвостом (поза хищника, который изготавился совершить роковой прыжок). Содержательный (сюжетный) план гравюры очевиден: это обычная в скифо-сибирском искусстве сцена смертного противостояния хищника и его жертв – на сей раз двух взрослых животных, самца и самки, и беспомощного (новорожденного?) детёныша их, которого они стремятся защитить от нападающего льва.

Изучение композиции начнём с подсчёта количества знаков, размещённых в пределах тел животных. Результаты оказались следующими: на теле меньшего из фантастических животных просверлено 28 лунок; на детёныше – 5; на льве знаков 26 (с учётом зубов); на теле большого фантастического животного просверлено 58 лунок. Всего знаков на гравюре, с учётом сквозного отверстия,

$$1(a) + 28 + 5 + 26 + 58 = 118$$

Рассмотрим все числа, кроме 1 и 5, на предмет выявления календарно-астрономической значимости их. Такая значимость налицо: 28 – близко продолжительности синодического лунного месяца (29,5306 сут.); 26 – близко продолжительности драконического (затменного) и сидерического лунных месяцев (соответственно, 27,2122 и 27,32 сут.); 58 – близко продолжительности двух синодических лунных месяцев (29,5306 сут. \times 2 = 59,0612 сут.); календарно-астрономически значимы и два блока знаков, на которые чётко подразделяется запись на теле большого фантастического животного – 35 (близко продолжительности эпохи солнечного затмения – 34 сут.) и 22 (близко продолжительности эпохи лунного затмения – 21 сут.).

Высоко календарно значимо, наконец, и общее число знаков на гравюре – 118 с большой точностью отражает число суток в 4 синодических месяцах, выражающих в древних календарных системах продолжительность одного из 3-х сезонов лунного года:

$$118 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 3,9958 \text{ месяцев}$$

Решим, далее, задачу выявления оптимального маршрута считывания отдельных блоков знаковой записи. Если отверстие опять принять за начальный знак счётной системы, определив его как визуальное новолуние, и, совместив затем сутки астрономического новолуния с глазом меньшего из взрослых фантастических животных, далее продолжать считать лунки, расположенные в пределах его тела (лунка (копытце?) задней ноги определит серп нарождавшейся Луны), то, в результате, получим 29, число, близкое продолжительности в сутках синодического лунного месяца. Столь же рациональным представляется суммирование знаков на детёныше (лунки его, помимо новолуния (глаз!), определяют первые серпы нарождавшейся Луны!) с лунками, расположенными в пределах тела льва, и 5-ю зубами пасти его, ибо

$$5 + 26 = 31$$

достаточно близко продолжительности синодического лунного месяца. Такой порядок считывания рационален ещё и вот почему: превышение суммы знаков на детёныше и льве почти на 1,5 суток относительно реального числа суток в синодическом месяце будет выравнено при считывании знаков на теле крупного фантастического животного (количество их (58) меньше на 1 сутки от числа суток в двух синодических месяцах).

Наметим маршрут считывания всех знаков (см. рис. 5, Б). Стрелки демонстрируют читателю предлагаемый вариант. При следовании такому маршруту, в ходе последовательного считывания знаков по формуле

$$118 \rightarrow 118 \rightarrow 118 \text{ сут.},$$

зубы пасти льва опять определяют образно-знаково важнейшую, чисто астрономическую деталь – невидимый в небесном пространстве узел лунной орбиты (половина драконического года – 173 - 174 сут.; см. на рис. позиции суток прохода Луною узла). Это обстоятельство как раз и подтверждает точность восстановления количества уничтоженных сколом лунок на задней части тела льва первой пластины. Символизация смерти посредством образа льва этой пластины в значительной мере усиливается ещё и тем обстоятельством, что один из верхних зубов и глаз хищника определяют моменты повтора затмений – 177 - 178-е сутки (см. на рис. соответствующие позиции). Что касается суток прохода второго узла лунной орбиты (346 - 347), то их фиксируют лунки спирали, расположенной в задней части крупного фантастического животного.

Рациональность предложенного варианта прочтения записи подтверждает также связь наиболее примечательных знаков записи, а именно – сквозного отверстия и глаз всех животных, – с новолуниями, а иных – с другими, особо календарно и астрономически значимыми событиями: *a* – повтор затмения (355 сут.); *b* – повтор затмения (356 сут.); *k* – повтор затмения, половина лунного года (177 сут.) и финал лунного года (354 сут.); *n* – рубежи сезонов, 1/3 и 2/3 лунного года (118; 236 сут.).

В заключение остаётся определить приём, посредством которого выравнивался лунный счёт времени со счётом времени по Солнцу. Этот приём был в точности таким же, как при счислении времени по знакам первой пластины – третий лунный год в трехлетнем цикле счисления времени дополнялся 34-я сутками интеркалярия. Такой вывод обуславливает следующее соображение: именно такой продолжительности цикл имеется в счётной системе пластины; именно с его звеньев начиналось счисление каждого из четырехмесячных сезонов всех трех лунных лет:

$$1 \text{ (отверстие)} + 28 \text{ (малое фант. жив.)} + 5 \text{ (дуга)} = 34!$$

Следовательно, третий лунный год считывался по следующей схеме:

$$(118 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 388 \text{ сут.}$$

Структуры знаковой записи пластины позволяют, однако, отслеживать солнечное время иначе, сравнительно точно фиксируя при том кардинальные точки тропического года – солнцестояния и равноденствия. Для этого счисление суток следует вести по частям числового текста, связанным только с телами фантастических животных. Сумма знаков на них составляет высоко календарно и астрономически значимое число

$$28 + 58 + 5 = 91,$$

что есть в сутках средняя продолжительность каждого из четырёх сезонов солнечного года. Четырёхкратный проход по такой записи позволял выйти на рубеж финала его с удовлетворительной точностью:

$$91 \text{ сут.} \times 4 = 364 \text{ сут.},$$

а 5 знаков на теле детёныша позволяли удобно фиксировать лунные фазы на границах перехода от одного сезона к другому. После счисления 4 лет, укороченных на 1,242 сут., этот цикл дополнялся 5-ю сутками, ибо

$$1,242 \text{ сут.} \times 4 = 4,968 \text{ сут.} \approx 5 \text{ сут.}$$

Как легко сообразит читатель, в качестве интеркалярия, конечно же, использовались 5 знаков на теле детёныша. Повторное считывание (интеркаляция!) их в конце четвёртого года довело продолжительность его до

$$364 + 5 \text{ сут.} = 369 \text{ сут.}$$

и счисление времени по Солнцу выравнивалось почти с идеальной точностью:

$$365,242 \text{ сут.} \times 4 = 1460,968 \text{ сут.}$$

$$(364 \times 3) + 369 = 1461 \text{ сут.}$$

Заметим, что солнечный год продолжительностью в 364 сут. использовался в конце II-го и в начале I тыс. до н. э. на Ближнем Востоке, о чём свидетельствуют календарные разделы знаменитой "Книги Еноха".

Представим, наконец, вариант счисления времени по кельтскому (майскому) календарю. Если дополнить високосный лунный год 5-ю знаками на теле детёныша, то такая интеркаляция позволит с большей точностью, чем в случае с вариантом первой пластины, фиксировать лунно-солнечный цикл:

$$355 + 5 \text{ сут.} = 360 \text{ сут.} \approx 359,8045 \text{ сут.}$$

Как видим, интеркаляции, при выходе на рубежи счисления времени по Солнцу, осуществлялись в случае со второй пластиной по знакам не льва, а фантастических животных. Возможно, такого рода дополнения призваны были придать солнечным и лунно-солнечным вариантам календарей оптимистический, а не трагический (как в случае с первой пластиной) окрас (мотив рождения нового времени (или обнобления его), поскольку завершения циклов приходится на знаки, связанные с телом детёныша). Что касается манипуляций с пластиной по ходу счисления времени, то она в соответствующий период разворачивалась, надо полагать, так, что фантастические животные низвергали на спину льва, то, напротив, так, что лев одерживал верх над жертвами.

Особого, под астрономическим углом зрения анализа заслуживают те структуры календарей пластины, которые, судя по всему, позволяли предвычислять (предсказывать) возможное время наступления затмений (о том свидетельствуют выделения позиций узлов лунной орбиты, а также числовых блоков, отражающих продолжительность эпох солнечных и лунных затмений; см. рис. 5, записи на телах льва и большого фантастического животного). Затменный характер календарей не мог не накладывать отпечатка на семантику как отдельных образов животных, запечатлённых на гравюре, так и в целом на смысл композиции. Тема эта, однако, требует спе-

циального изучения, ибо как именно предвычислялись затмения по строчкам знаковых записей при многолетнем счислении времени – задача для астронома.

И, наконец, последнее. Обстоятельства открытия двух пластин в районе Хорум-Дага остаются неизвестными. Где бы, однако, они не были найдены, весьма вероятно, что они составляли единый информационный комплекс. Если это так, то обратим внимание на весьма знаменательное обстоятельство – число знаков на обеих пластинах составляет

$$59 + 118 = 177,$$

что близко лунному полугодию – 177,1835 сут. Следовательно, годовой цикл по Луне мог считываться не только "сезонами" продолжительностью в 2 или 4 лунных месяца, но и полугодиями, когда в счётную систему последовательно подключались записи обеих пластин:

$$(59 + 118 \text{ сут.}) \times 2 = 354 \text{ сут.} \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Подводя кратко итоги, заметим следующее: связь записей синодических, драконических и солнечных циклов времени с телами лошади, фантастических животных и льва воспринимается свидетельством того, что все они – существа не земные, а небесные: светлые – лунные и солнечные, а также иного – темного, угрожающе-таинственного (драконического!) духа. Драмы, представленные на гравюрах, смотрятся событиями космического (вселенского) масштаба. В этой картине просматриваются мотивы представлений предков о непрерывном противоборстве в мире сущего сил света и тьмы, жизни и смерти, отсветом чего они воспринимали, по видимому, события земные. Поэтому наивное заблуждение пытаться усматривать в гравюрах обеих пластин обыденные сюжеты, подсмотренные воином или охотником в зверином царстве. Эти объекты художественного творчества смотрятся философско-мифологическими трактатами о бытии и бесконечных волнах времени в пространственных бесконечностях Мироздания...

Можно и далее комментировать содержательность анималистических образов искусства представителей жреческих кланов культур палеолита и раннего железного века. Однако, и конструктивно изложенного достаточно, чтобы оценить меру продуктивности новой (числовой!) методики интерпретационно-искусствоведческого исследования и степень доказательности (объективности, убедительности) заключений, которые она обеспечивает. Предложенные истолкования анималистических образов позволяют констатировать положительное решение главной проблемы, поставленной в статье – информационные традиции в искусстве культур, разделённых бездной времени, отличаются поразительной устойчивостью.

Этот факт стоит того, чтобы принять его во внимание ради исполнения самого заветного желания любого археолога – заглянуть в потайной смысл образов животных, запечатлённых на каменных плоскостях и в предметах мобильного искусства.

- Alcalde del Rio H., H.Breuil, et L.Sierra. 1912. *Peintures et Gravures Murales des Cavernes Paléolithiques. Les Cavernes de la Région Cantabrique (Espagne)*. Monaco.
- Kühn H. 1929. *Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. I. Das Paläolithikum*. Berlin-Leipzig.
- Laming-Emperaire A. 1962. *La Signification de l'Art Rupestre Paléolithique*. Paris.
- Leroi-Gourhan, A. 1964. *Les Religions de la Préhistoire*. Paris.
- Leroi-Gourhan, A. 1967. *Treasures of Prehistoric Art*. N.Y.
- Mainage Th. 1921. *Les Religions de la Préhistoire*. Paris.
- Marshack A. 1972. Notation dans les gravures du paléolithique supérieur. *Nouvelles méthodes d'Analyse*. Institut de Préhistoire, Université de Bordeaux. Mémoires 8. Bordeaux, 1970.
- Marshack A. 1972. *The Roots of Civilization*. N.Y.
- Newcomb S. 1895. Tables of the motion of the Earth on its axis and around the Sun. *Astronomical papers prepared for the use of the American Ephemeris and Nautical Almanac*: V, VI Part 1. Washington.
- Sher J., N.Blednova., N.Legchilo and D.Smirnov 1994. Répertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 1: Silerie du Sud 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*. Tome V. 1. Paris.
- Ukko P. and A.Rosenfeld 1966. *L'Art Paléolithique*. Paris.

В.Е. Медведев

ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРЕВАЛ НА ЮГЕ ПРИМОРЬЯ

В 1970-1972, 1976 и 1978 гг. Амуро-Уссурийский археологический отряд Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН) занимался исследованием группы неолитических поселений на территории южного Приморья. Различные по масштабам раскопочные работы были сконцентрированы на следующих пяти неолитических памятниках, расположенных на небольших возвышенностях в долине, неподалеку от устья р. Партизанской (прежнее название Сучан), в 3-8 км от села Владимиро-Александровского, главным образом к юго-западу от него по направлению к г. Находке. Первое поселение, одно из наиболее удаленных от названного села, занимает вершину холма высотой около 70 м над уровнем долины. Этот холм мы назвали сопкой Большой. Второе – расположено почти у подножья юго-восточного склона сопки Большой, на невысокой террасовидной площадке, обращенной в сторону находящейся рядом Лебяжьей лагуны. Часть поселения повреждена полотном дороги, проходящей по нижнему краю склона сопки. Поселение получило название "У дороги" (лагуна Лебяжья). Третье поселение, или точнее одиночное жилище, открыто и раскопано на уплощенном длинном холме, примерно в 450 м к востоку от сопки Большой. Единственной внешней приметой места, где располагались остатки жилища, были две очень старые толстые липы. Памятник был назван "Под липами". Четвертое поселение находится на вершине и частично на южном и юго-восточном склоне холма (сопки) высотой около 45 м над уровнем долины – в 3 км к юго-западу от с. Владимиро-Александровского и примерно в 4,5 км к северо-востоку от сопки Большой. Сопка, на которой расположено указанное поселение, носит название "Перевал". Пятое поселение – 8-й километр – находится на вершине 10-15 метрового холма, в 8 км от упомянутого села.

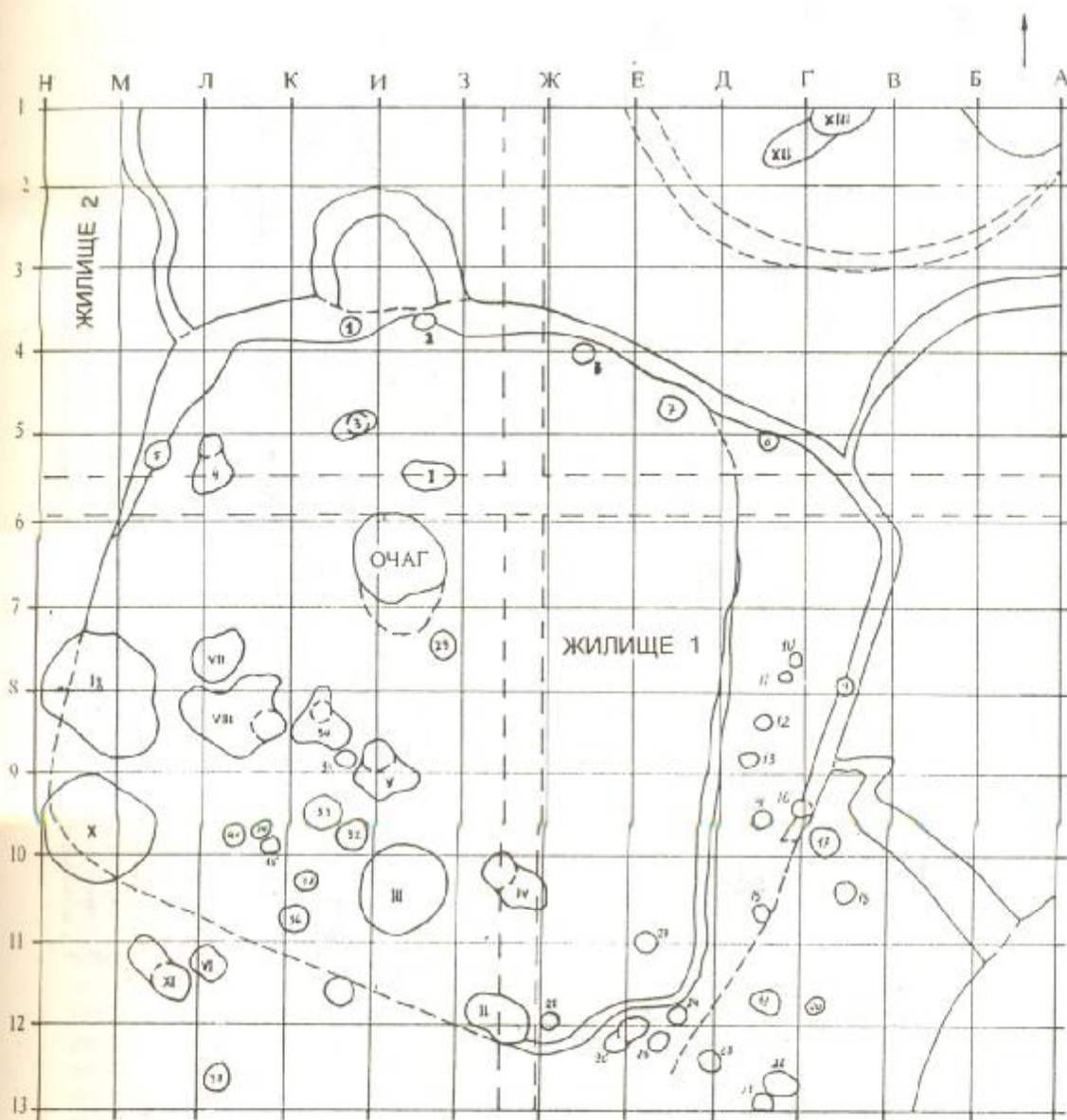

Рис. 1. План плана жилищ в раскопе I поселение Перелоп
(1972 г.) 1-40 — ямы от столбов; I-XIII — хозяйственно-
бытовые ямы.

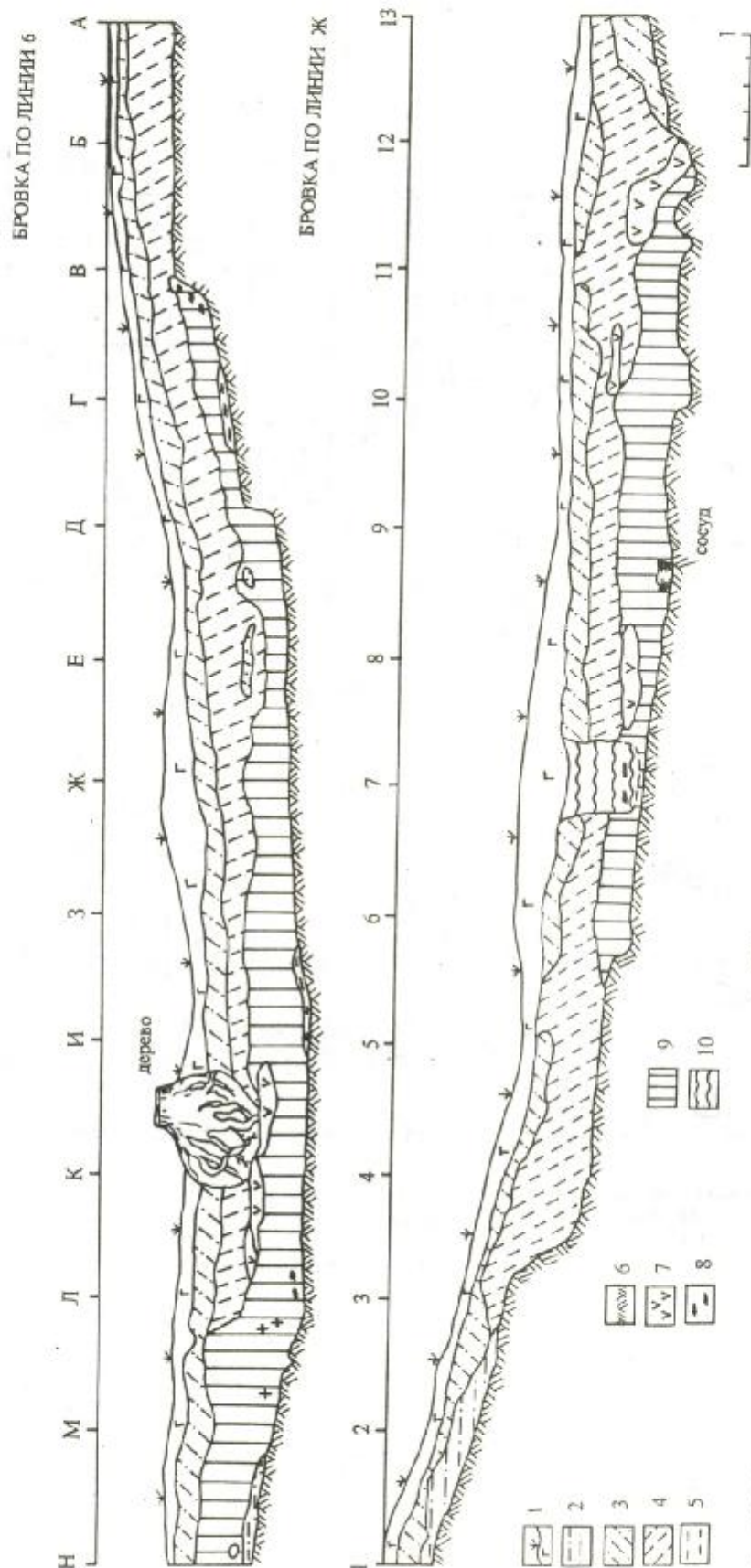

Рис. 2. Профили бровок жилаща 1. Последнее Перевал, раскол 1.

Помимо работ на неолитических поселениях, в этой же местности раскапывалось многослойное поселение на сопке Булочка, в 500 м к северо-западу от сопки Большой.

Так получилось, что материалы перечисленных неолитических памятников изданы лишь частично (Окладников и др. 1972: 66-72; Окладников, Медведев 1995: 601-619). Между тем комплекс этих поселений имеет большое значение для понимания в целом неолита Южного Приморья и соседних территорий. Во-первых, в исследованных древних поселках представлены материалы не менее двух известных в настоящее время неолитических культур данного региона. Во-вторых, эти памятники сосредоточены на небольшом по размерам участке, что дает возможность проследить культуры в динамике в определенных ландшафтных условиях – в плодородной долине реки неподалеку от впадения ее в море. И, в-третьих, при раскопках, что особенно важно, получен многочисленный и разнообразный вещественный материал, сделаны стратиграфические и планиграфические наблюдения. Словом, археология Приморья и в целом юга Дальнего Востока России пополнилась ценными источниками.

Каждый из перечисленных памятников оригинален и заслуживает, безусловно, отдельного scrupuleзного культурно-исторического анализа. И все же наибольшую ценность с точки зрения культурогенеза на определенных этапах южноприморского неолита представляет, на наш взгляд, поселение на сопке Перевал.

Сопка под таким названием наиболее сильно вторгается в долину р. Партизанской и подступает к реке менее чем на 1 км. С западной стороны вблизи подошвы сопки протекает ручей. Северный склон ее очень крутой, южный и западный – сравнительно пологие. К востоку сопка, плавно опускаясь на протяжении 100-120 м от вершины, смыкается с другим возвышением. Поселение на Перевале было открыто А.П. Окладниковым в 1966 г. и тогда же проведены первые раскопки разведочного характера. Основные же работы здесь осуществлялись в 1972 г. (раскоп I площадью 144 кв. м.) и в 1978 г.

(раскоп II площадью 136 кв. м.).

Предвосхищая последовательное описание результатов исследования поселения, отметим такой важный их нюанс. Подавляющее большинство найденных материалов принадлежит зайсановской неолитической культуре. Последние по времени жилища ее зафиксированы на вершине и немного ниже по южному и юго-восточному склону сопки. Следы жилых комплексов в виде округлых чашевидных ям-западин диаметров до 10 м на поверхности почвы нами отмечены в количестве не менее четырех. Жилища были построены на месте, видимо, уже существовавшего зайсановского

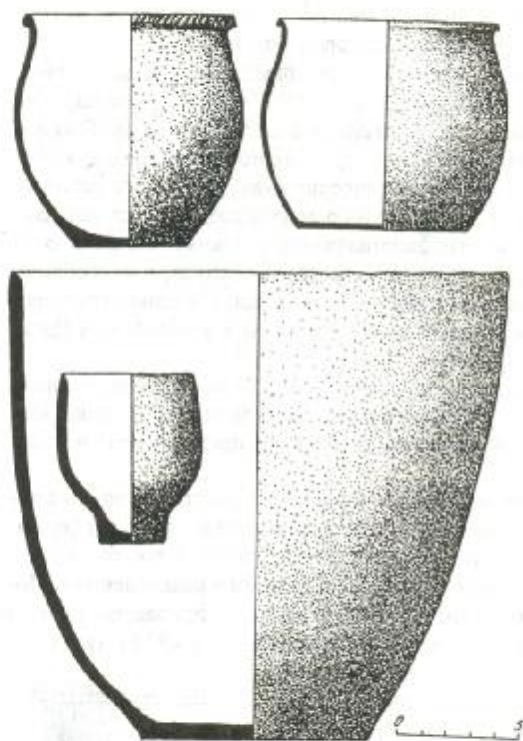

Рис. 4. Керамика из жилища 1. Поселение Перевал, раскоп I.

Жилище 1 располагалось почти на самой вершине сопки, с юго-восточной ее стороны. Древние строители выкопали для него подземное основание — котлован четырехугольной формы с закругленными углами (рис. 1). Длина стенок-уступов около 8 м, высота над уровнем горизонтального, достаточно ровного пола достигала верху сопки 70-80 см, внизу — не превышала 20-40 см. Жилище ориентировано углами почти точно по сторонам света. Основным слоем, служившим заполнением его котлована был темно-коричневый плотный грунт, частично, сверху залегал слой темной гумусированной супеси. Максимальная толщина культурного слоя равна 95-105 см (рис. 2). Вдоль двух стенок котлована "лежанки", а в центре — очаг округлой формы размером 100х110 см.

В жилище, главным образом вдоль стенок котлована, а также вне его — с южной и юго-восточной сторон выявлено сорок ям, предназначавшихся для столбов. Ямы преимущественно округлой, иногда овальной или неправильной формы диаметром от 15 до 60 см и глубиной 10-45 см. На уровне пола жилища, в основном в южной его половине, зафиксировано девять ям довольно больших размеров, служивших, по всей видимости, для хозяйственно-бытовых нужд. По меньшей мере две наиболее крупные ямы (IX и X), диаметром

соответственно 160 и 128 см, принадлежали, о чем сказано ниже, возможно, разрушенному зайсановцами жилищу рудинской культуры.

Контуры последнего не просматривались, однако, обнаруженные к северо-востоку и к северо-западу от жилища 1 части котлованов еще не менее двух жилищ (2 и 3), не имевших внешних опознавательных признаков в виде западин, могут служить в пользу высказанного предположения. Поскольку при строительстве жилища 1 не были нарушены жилища 2 и 3, будет правильно, если мы отнесем все их к одному небольшому отрезку времени. Это кстати, подтверждает во многом одинаковый их зайсановский вещественный материал.

Обратимся теперь к сжатой характеристике находок из жилища 1. Большинство вещей, определяющих "лицо" жилища, размещалось на уступах вдоль стенок и на полу вокруг очага. Находок очень много, поэтому сосредоточим наше внимание только на отдельных их комплексах.

Весьма любопытное скопление керамики, своего рода "кладовка", обнаружена в небольшом круглом углублении рядом с восточной стенкой. На дне ямы вверх дном стояли два сосуда, на которых сверху — еще два в таком же положении. Все сосуды целые, без орнамента, высотой от 15 до 19 см. Два из них горшковидной формы с утолщением — ребристым валиком вдоль края венчика. Два других — почти усеченно-конические по своей форме, с вертикальным венчиком, незаметно переходящим в тулово, которое к доньшку заметно заужено (рис. 3, 2; 4, 4; 5, 1, 5). Много керамики обнаружено на полу, в основном в центре жилища. Назовем некоторые скопления, лежавшие изолированно друг от друга.

Первое скопление — 4 крупных раздавленных сосуда с наlepным рассеченным насечками валиком по краю венчика у каждого, плечики украшены косыми штрихами.

Второе — фрагменты раздавленного сосуда с прямым венчиком, стенки украшены резным вертикальным зигзагом.

Третье — развалы трех сосудов: два из них с наlepными рассеченными валиками по краю венчика и с вертикальными насечками-полосками на тулове, третий сосуд, горшковидный высотой 9,5 см — не украшен (рис. 4, 1). (Еще одно изделие аналогичного типа высотой 8,5 см залегало несколько выше, в темно-коричневом слое заполнения котлована (рис. 4, 2).

Четвертое скопление – на уступе у стенки жилища: крупный раздавленный сосуд с округлым туловом, украшенным резными горизонтальными линиями и горшковидное гладкостенное изделие высотой 13,5 см, диаметр тулова 14,2 см (рис. 3, 1). Найден сосуд высотой 5,5 см с узким дном и широким устьем, в верхней части его – два орнаментальных пояса: горизонтальный и волнистый, состоящие из трех рядов квадратных оттисков (рис. 5, 4).

Разрозненные обломки сосудов из слоя заполнения котлована жилища и выше имеют такой же орнамент, какой был отмечен в перечисленных скоплениях на полу. Нередко черепки украшены аналогично: резной кривой сеткой; горизонтальными и наклонными рядами точек или небольших ямок; рисунком с элементами меандра; заштрихованными треугольниками. Есть другие варианты перечисленных орнаментальных композиций (рис. 6). Довольно значительная часть керамики не орнаментирована, что, кстати, характерно для зайсановской культуры. Вся керамика плоскодонная, за исключением одного небольшого обломанного в верхней части остродонного сосуда, найденного в жилище (рис. 5, 2). Встречен также целый сосуд высотой 7 см, видимо, более поздний, с резко зауженной прилон-

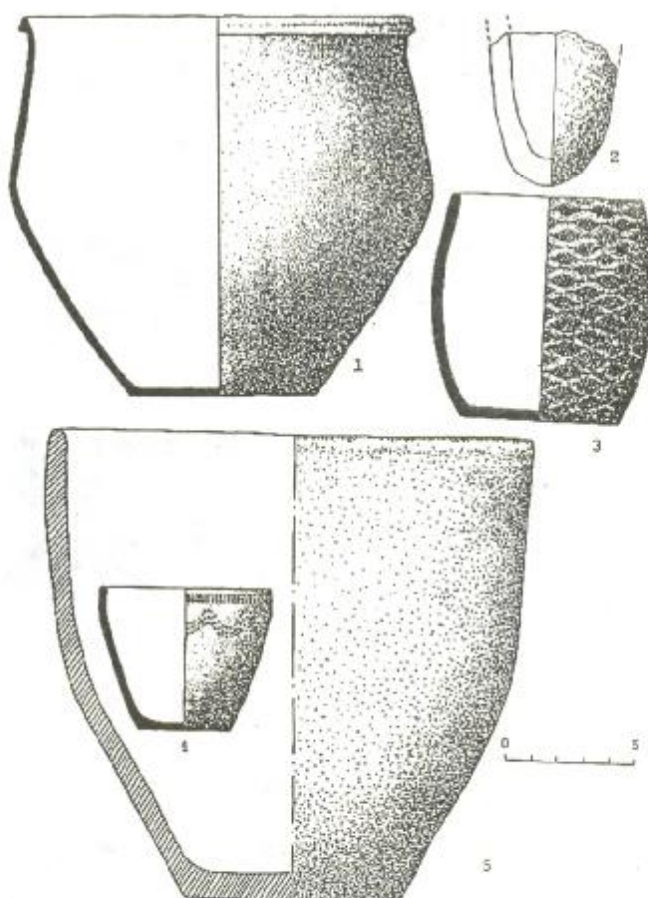

Рис. 5. 1,2,4,5 – керамика, найденная на полу жилища 1; 3 – сосуд из ямы IX – ниже уровня пола жилища. Поселение Перевал, раскоп I.

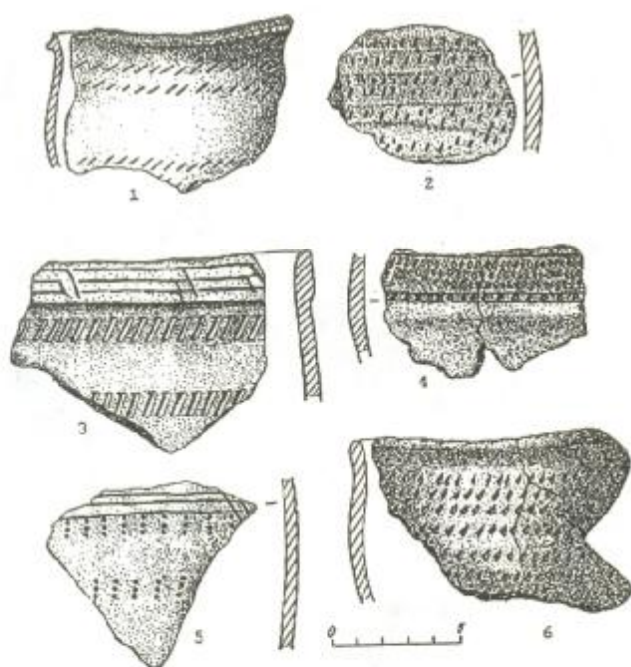

Рис. 6. Керамика из заполнения котлована жилища 1.
Поселение Перевал, раскоп I.

Несколько слов о наиболее ранних артефактах, выявленных в раскопе I. За пределами жилища 1, непосредственно у стенки раскопа на площадке мерее 1 кв. м, на уровне материкового грунта плотным слоем залегало более 1300 изделий из желтовато-белого кремня. Подавляющее большинство из них мелкие отщепы. Однако среди них много орудий небольших размеров (длина 2-4 см): ножи, наконечники стрел, вкладыши, пластины с ретушью. Часть из них недоделаны или обломаны. Рядом с этими вещами обнаружена каменная наковальня в виде округло-уплощенного сильно забитого валуна размером 20 x 12 см. Здесь же лежал каменный отбойник со следами забитости. Этот комплекс можно с полной уверенностью назвать "рабочей площад-

наконечники стрел (рис. 7, 4-6), концевые скребки (рис. 7, 7, 8). Найдены также ножи-бифасы со слегка выделенной рукоятью (рис. 7, 12, 13). Назовем здесь еще проколки, песты, терочники, точильные бруски, грузила из галек для рыболовной сети. Из украшений — керамическую бусину ромбовидной в плане формы, длиной 2,2 см (рис. 7, 16) и обломанное каменное кольцо.

Необходимо заметить, что при определении культурной принадлежности некоторых изделий, не связанных с полом жилища, возникают затруднения. В частности, это относится к концевому скребку, сделанному из желтовато-белого кремня (длина 10,8 см) (рис. 7, 9) и призматическим кремневым нуклеусом (рис. 7, 14, 15). Вполне вероятно, что они сделаны носителями руднинской культуры и были выкопаны зайсановцами при рытье котлована для жилища из нижнего слоя, где залегает керамика с амурской плетенкой.

время наиболее южными в Приморье. Все остальные известные местонахождения этой культуры расположены севернее поселения Перевал.

Полученные при раскопках памятника сведения могут стать дополнительной крупницей знаний в процессе изучения руднинской культуры. Раскопанные в 1950-е годы А.П. Окладниковым и его экспедицией первые комплексы этой культуры (он назвал их тогда комплексами "тетюхинского типа" или "тетюхинским неолитом") (Окладников 1959: 46-55; 1964: 82), многие годы привлекают внимание исследователей неолита Приморья и соседних территорий.

Появление в последнее время ряда исследований, прежде всего владивостокских археологов, несомненно, способствовало раскрытию, в известной мере, данной проблемы. Вместе с тем, у исследователей пока весьма разнятся точки зрения на определение руднинской культуры, включая такие основополагающие "блоки" как истоки, происхождение, стратиграфия и хронология, круг уже известных памятников, а значит и ее ареал (Бродянский 1987: 96-119; Дьяков 1992: 110-122; Неолит юга Дальнего Востока 1991: 177-204). Серьезные разногласия в интерпретации культуры и сложность ее разработки вполне объяснимы, поскольку они, и здесь нельзя не согласиться с исследователями этой проблемы, связаны с состоянием источниковой базы и характером информации о ней (Неолит юга Дальнего Востока 1991: 177). Однако, последнее может быть применительно по отношению ко всем неолитическим культурам Северо-Восточной Азии (Шидзуо Онуки 1989: 38).

Представляется, что в решении некоторых проблем, связанных с рассматриваемой культурой, в частности ее корней, существенную роль могут сыграть материалы мальшевской ранне-неолитической культуры Приамурья. И в этом нет особой неожиданности, учитывая тот факт, что еще на начальной стадии изучения руднинской культуры А.П. Окладников назвал ряд элементов в керамике и каменном инвентаре, сближающий ее с культурой неолитических племен Нижнего Амура. Речь шла главным образом о керамике и об орнаментальной композиции амурская плетенка на ней (Окладников 1959: 47,55). В 1950-е годы мальшевская культура не была еще выделена, неизвестной оставалась и кондонская культура. Теперь мы понимаем, что прежде всего именно с этими культурами следует связывать на Нижнем Амуре керамику с амурской плетенкой или сеткой-плетенкой. В более поздних трудах, включая совсем недавние, не отрицается сходство или родство руднинской культуры с неолитом Нижнего Амура, предложено даже для двух регионов определение "кондонская общность".

В свете новых исследований материалов мальшевской культуры в многослойном поселении Гася можно с большой долей уверенности говорить следующее. Мальшевская культура является одной из наиболее ранних среди неолитических культур на российском Дальнем Вос-

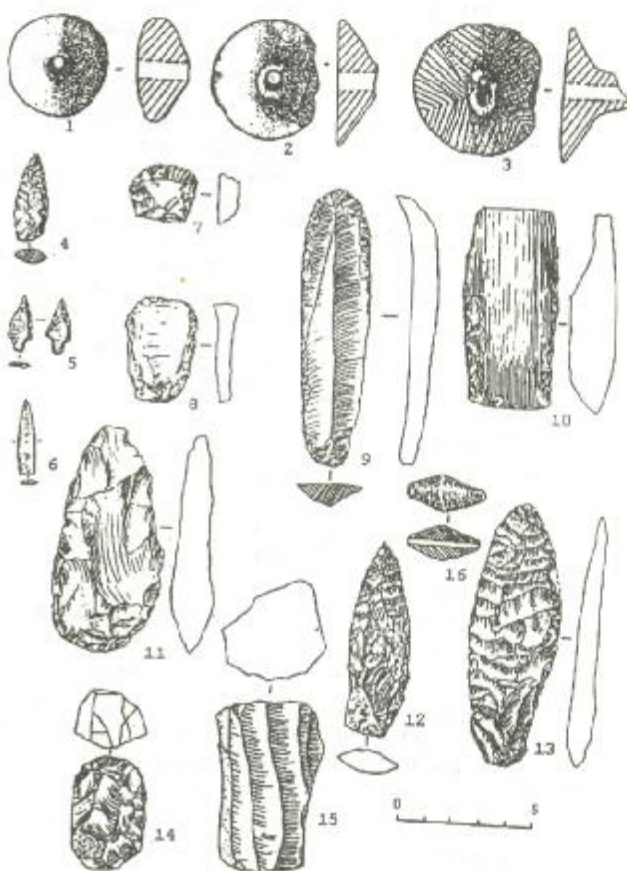

Рис. 7. Глиняные пряслица (1-3) и бусина (16); изделия из камня: наконечники стрел (4-6), скребки (7-9), тесла (10-11), пожи-бифасы (12, 13), нуклеусы (14, 15) из жилища 1. Поселение Перевал.

* Тетюхе – прежнее название р. Рудной.

токе. Она стала преемницей существовавшей на территории Среднеамурской равнины в позднем плейстоцене – начале голоцена осиповской культуры, отнесенной к началу неолита (Медведев 1995: 229-231; Derevianko, Medvedev 1995: 14). Как показывают материалы раскопок поселения Гася, наиболее раннюю керамику с орнаментом типа амурской плетенки в нескольких ее вариантах следует связывать с малышевской культурой, возникшей в VII-VI тыс. до н.э. Такая штамповая керамика была обнаружена в 1980 г. на полу жилища 2, углубленного своим основанием-котлованом в осиповский глинистый слой (Деревянко, Медведев 1993: 26-27, 82, рис. 55). Что касается кондонской культуры, то она сформировалась несколько позже малышевской, от которой восприняла ряд культурных традиций.

Более сложен вопрос о взаимоотношении малышевской культуры и памятников руднинского круга, в целом заметно более ранних по сравнению с кондонскими памятниками. Скорее всего, значительный отрезок времени малышевская культура и памятники руднинского облика существовали, при этом первая в какой-то форме оказала влияние на становление последних.

Это должны показать будущие работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бролянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Изд-во ДВГУ.
- Дьяков В.И. 1992. *Многослойное поселение рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья*. Владивосток: Дальнаука.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е. 1993. *Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.)*. Новосибирск.
- Медведев В.Е. 1995. К проблеме первоначального и раннего неолита на Нижнем Амуре. *Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году*. Новосибирск. 228-237.
- Неолит юга Дальнего Востока. 1991. *Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота*. М.: Наука.
- Окладников А.П. 1959. *Далекое прошлое Приморья*. Владивосток: Приморское кн. изд-во.
- Окладников А.П. 1964. Древнее поселение в бухте Пхусун. *Археология и этнография Дальнего Востока*. Новосибирск: 73-83.
- Окладников А.П., Глинский С.В., Медведев В.Е. 1964. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находки в Сучанской долине. *Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук*, Вып 2, № 6: 66-72.
- Окладников А.П., Медведев В.Е. 1995. Неолит Южного Приморья (по материалам раскопок поселений). *Асеагомунхуа*. Сеул: 601-619.
- Шидзуо Онуки. 1989. Первобытные культуры северо-восточных районов Ситая (Северо-Восточная Азия). *Вэньу*, № 3: 38-64.
- Derevianko A.P., Medvedev V.E. 1995. The Amur River basin as one of the earliest centers of ceramics in the Far East. *The Origin of Ceramics in the east Asia and the Far East*. Abstracts of international symposium, Sendai, Japan. Sendai: 13-25.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА СЕНЬКИНА ШАПКА

Памятник Сенькина Шапка расположен на высоком скалистом мысу правого берега р.Раздольной (Суйфун), вблизи п.Покровка Октябрьского района Приморского края. В 1955-56 гг. исследовался экспедицией под руководством А.П.Окладникова (нач. отряда Забелина Н.Н.). Материалы раскопок хранятся в фондах Института археологии и этнографии СО РАН.

По результатам работ на Сенькиной Шапке были выделены три периода заселения. Нижний слой был отнесен к неолиту, верхний – к эпохе средневековья - чжурчженской культуре, но основная масса находок - средний слой – к культуре железного века, сопоставимой с амурскими памятниками у винзавода, вблизи Хабаровска и у с. Малмыжского. В керамическом комплексе памятника автором отмечается, тем не менее, наличие элементов, сближающих средний слой с памятниками других периодов. Однако присутствие на стенках сосудов налепных выступов-шишек, лепная тонкостенная и гончарная посуда объясняются преемственностью в развитии культур (Окладников 1959:158-165). Предложенная в таком виде схема заполнила одну из лакун в периодизации древних культур Приморья, и неизменно используется в работах отечественных и иностранных исследователей, изучающих железный век юга российского Дальнего Востока (Андреева 1970; 1977; Деревянко 1976; Бродянский 1987; История Дальнего Востока СССР 1989 и др.).

Памятник Сенькина Шапка явился, по сути, одним из опорных для выделения суйфунской культуры железного века (Пронина, Андреева 1964), позднее – ольгинской (Андреева 1977), также рассматривался как результат распространения в Приморье польцевских племен (Деревянко 1976) либо однозначно определялся как польцевский (Бродянский 1987). По материалам среднего слоя определенно говорится о наличии полуземлянок (Андреева 1977; Бродянский 1987), и кана в одном из жилищ (там же) на памятнике, что в немаловажной степени учитывается при характеристике ольгинской или польцевской культур на территории Приморья.

За прошедшие со времени раскопок памятника почти полвека, трудами целого поколения археологов существенно увеличился круг источников, расширилась теоретическая база, изменился подход к оценке отдельных аспектов в исследовании. Предлагаемый анализ керамического комплекса памятника Сенькина Шапка, опирается на морфологические различия материала, учитывая современный уровень изученности археологического прошлого региона. Несомненно, что и сама коллекция, публикуемая в полном объеме, представляет собой значительную ценность для специалистов.

При работе с материалами коллекции нами не были обнаружены полевые планы, а также описи, что вынуждает пользоваться данными только типологического анализа. Тем не менее, считаем необходимым отметить, что приблизительно половина находок хранится в коробках под рабочей маркировкой "Сенькина Шапка - ханьский слой". Все артефакты, используемые для анализа, несут аббревиатуру "СШ-56", различаясь номерами. В основном, данные, полученные при обработке керамического комплекса, опираются на исследование наиболее информативной части (венечные и донные части, орнаментированные стенки).

Общее количество шифровальных номеров коллекции, подавляющее большинство которых представлено керамикой, превышает 1200 единиц. Диагностичные фрагменты керамики достаточно выразительны, хотя составляют меньшую часть керамики. При анализе учитывались не только различия в оформлении и орнаментике, но и визуально фиксируемые различия формовочных масс, признаки технических приемов обработки поверхности. Судя по имеющемуся в коллекции материалу, практически весь сколько-либо значимый каменный и костяной инвентарь достаточно подробно описан ранее (Окладников 1959; Деревянко 1976).

Достаточно компактна группа керамики, относящаяся к неолитическому комплексу памятника. Отметим наличие прямых венчиков с горизонтальными оттисками гребенки от ситалообразных, по-видимому, сосудов, с которыми сближается фрагмент с горизонтальной прокаткой зубчатого колесика (рис.1, 1, 5, 7-8). Слабую профилировку имеют венечные части с налепным, рассеченным вдавлениями валиком, либо вдавлениями по кромке венчика (рис.1, 2-4, 6). Один

* Автор выражает благодарность руководству Института археологии и этнографии СО РАН за предоставленную возможность работы с коллекцией памятника Сенькина Шапка и искренне признателен сотрудникам Института А.В.Табареву и С.П.Нестерову за оказанную поддержку в работе.

из сосудов, орнаментированный горизонтальными оттисками, представлен четырьмя фрагментами, в т.ч. со сверленным отверстием. Внутренняя и внешняя поверхность неолитической керамики лощена, в тесте фиксируется слабо окатанный песок. Цвет поверхностей варьирует от желтого и коричневого до темно-серого. Неолитическая коллекция памятника имеет аналогии в целом в памятниках, относимых к зайсановской культуре. В частности, отдельные черты сходства наблюдаются с оленинскими материалами (Бродянский 1987) и в позднеолитическом слое Рудной Пристань (Дьяков 1992).

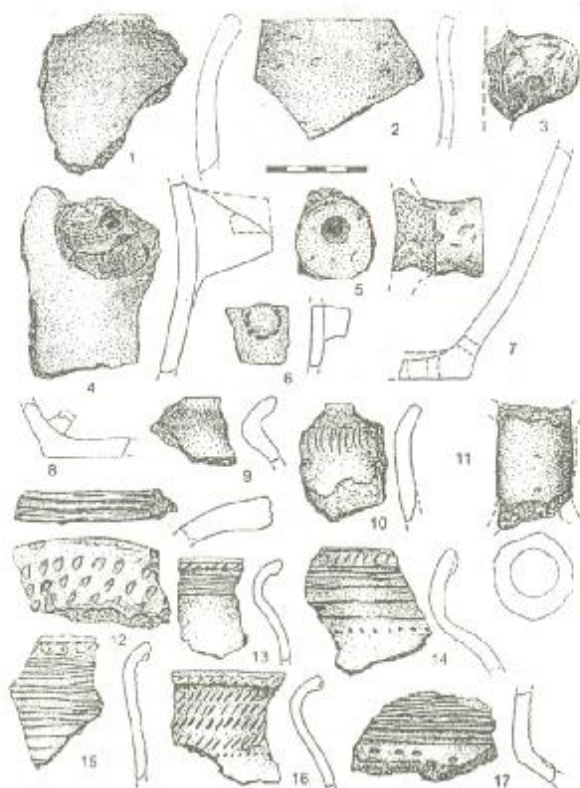

Рис. 1. Керамика периода неолита и бронзы.

толщиной по всему профилю, не исключая дна. В составе формовочной массы отметим два варианта: а) дровца и слабоокатанный песок, б) мелкий, до 0,5 мм., песок. Сланцы лент скошены. Внешняя поверхность замыта, лощение по внутренней поверхности более тщательное, небольшая часть керамики ангобирована. Цвет преимущественно темно-серый, почти черный, реже коричневый. Аналогии данному керамическому комплексу прослеживаются на памятниках синегайской и лидовской археологических культур, выделение которых произошло в 70-е гг., в частности, в материалах верхнего слоя поселений Синий Гай (Бродянский 1982) и Рудная Пристань (Дьяков 1989).

Следующую группу керамики представляет, по нашему мнению, относительно небольшое количество неорнаментированной толстостенной керамики и 12 диагностических фрагментов (венечные и донные части, налепные выступы-пеньки) от 5-6 лепных сосудов (рис.2, 1-7, 9). К этой же группе отнесен по ряду признаков (состав теста, обработка поверхностей, профиль) фрагмент венчика с рядом ногтевых оттисков (рис.2, 10). Отметим особо наличие в коллекции нижней части сосуда с тремя рядами сквозных отверстий по дну и в придонной части резервуара, а в другом случае – с выступом-налепом внутри сосуда на стыке дна и стенок (рис.2, 8). В качестве отделителя при изготовлении керамики данной группы применялась дресва, с размером частиц до 3 мм., но отдельные зерна достигают 10-12 мм. Лощение тщательное, цвет поверхностей коричнево-серый, темно-серый.

Привлекает внимание присутствие двух массивных налепных пеньков от крупного сосуда с глубоким вдавлением в торцевой плоскости налепов (рис.2, 4-5). Данный признак зафиксирован

Прежде чем охарактеризовать следующую группу, отметим присутствие в комплексе памятника трех фрагментов отогнутых наружу венчиков с наклонными, либо горизонтальными оттисками гребенки (рис. 1, 9-11), и пяти близких по морфологии фрагментов боковых стенок с вертикальным зигзагом(?), нанесенным гребенкой с широко разнесенными зубцами, либо отдельными оттисками палочки. С описанными выше их сближает, кроме орнамента, наличие в тесте слабо окатанного песка, со следующей группой – профиль венечной части, тщательное лощение, почти черный цвет поверхностей. Интересным, на наш взгляд, представляется тот факт, что подобная керамика, с неолитической по виду орнаментацией, из грота у Синих Скал связывается Ж.В.Андреевой с эпохой бронзы (1970:126-128).

Обширную часть коллекции составляют фрагменты венечных частей (21 экз.), стенок и доньев (6 экз.) неорнаментированных, хорошо профилированных лепных сосудов (рис.1, 12-32).

Кромка венчика у данных сосудов отогнута наружу, фиксируется выделенная горловина, переход от дна к придонной части – без закраины. Керамика характеризуется небольшой (3-5 мм.)

среди подъемных материалов отдельных памятников кроуновской культуры в долине р. Раздольной (сборы А.Л.Мезенцева и Д.В.Бровко, материалы фонда музея ДВГУ). Возможно, эти предметы и рассматривались исследователями памятника как остатки чаш на поддонах (Окладников 1959:164). К сосудам на полом поддоне сейчас может быть отнесено единственное лепное изделие со сквозной полостью (рис.2, 11). Ближайшие аналогии комплексу данных признаков находятся в материалах памятников кроуновской культуры (Окладников 1959; Андреева 1977).

Следующий период заселения памятника представлен материалом, имеющим аналогии в памятниках юга Приморья, относимых исследователями к польцевской, либо ольгинской культурам (Малая Подушечка, сопка Булочка, Синие Скалы, Рудановское городище). К нему относятся, в первую очередь, ранее опубликованные (Окладников 1959, рис.58) фрагмент венечной части (рис.2, 12) и орнаментированной параллельными линиями горловины сосуда с отогнутым в виде блюда устьем. На еще одном фрагменте горловины линейный орнамент дополнен снизу неровно нанесенным рядом округлых вдавлений (рис.2, 17). Размеры сосуда невелики, оформление грубое, декор нанесен небрежно (линии врезного орнамента налезают друг на друга), что достаточно нечасто для данной категории керамических емкостей. Широкие аналогии на указанных памятниках наблюдаются и по обломкам горшковидных сосудов с выделенной горловиной, украшенной рядами ногтевых оттисков, либо параллельными линиями. Слабо отогнутый наружу венчик изделий дополнен налепным валиком с вдавлениями (рис.2, 13-16).

Вышеуказанные признаки позволяют отнести к единой группе 12 информативных фрагментов венечных и орнаментированных частей от 6-7 сосудов. Вся керамика лепная. В качестве отошителя применялась дресва размером до 3 мм., возможно, в смеси с шамотом. Лощение слабое, внутренняя поверхность лощена более тщательно. Цвет поверхностей коричневый, серокоричневый, в изломе до черного.

Отдельно отметим присутствие в коллекции 36 фрагментов сильно поврежденных нижних частей сосудов, орнаментированных ромбическими оттисками лопатки-штампа (Окладников 1959 рис.57) (рис.3, 5), среди них 3 обломка дна. Стык дна и придонной стенки плавный, без закраины, в тесте фиксируется дресва (до 3 мм), возможно, шамот. Плохая сохранность фрагментов не позволяет отнести их определенно к лепной

Весьма интересным представляется наличие в материалах памятника двух частей придонных стенок с ромбическими оттисками лопатки-штампа. Они аналогичны по оформлению описанным несколько раньше, но по составу формовочной массы весьма сходны с т.н. сероглиняной керамикой.

К бохайскому же времени нами отнесены 2 мелких фрагмента чаш или мисок, подвергнутые тщательному лощению и не несущие (не сохранившие?) следов использования круга (рис.3, 3-4). Не противоречит нашему определению возраста данного комплекса и присутствие двух фрагментов единичеобразных в профиле венчиков лепных сосудов (рис.3, 9).

Другие керамические изделия представлены двумя крупными обломками грубо обработанных изделий, одна сторона которых покрыта ромбическими либо неопределенной формы оттисками (рис.3, 11, 14). Ранее они были определены как передние стенки печей (Окладников 1959). Видимо, к эпохе средневековья можно отнести и два керамических грузика цилиндрической формы с опоясывающими бороздами на концах.

Завершая описание материала, необходимо отметить массивную, дугообразно прикрепленную к обломку крупного сосуда налечную ручку, округлую в сечении, предположительно отнесенную к этнографическому времени.

Таким образом, исходя из современного уровня исследованности древних культур Приморья, памятник Сенькина Шапка несет остатки пяти периодов заселения, по схеме: неолит – эпоха бронзы – кроуновская культура – польцевская (ольгинская) культура – эпоха Бохая. Прямая экстраполяция количества артефактов на продолжительность заселения определяет период наиболее интенсивной эксплуатации человеком площади памятника эпохой бронзы. Однако данные статистического подсчета по материалам коллекции недостаточно условны, так как нижние слои памятника подвергались наиболее интенсивному разрушению по мере появления новых обитателей, что создавало своего рода кумулятивный эффект антропогенного воздействия на сохранность слоя. Необходимо также учитывать возможные различия при использовании территории памятника носителями разновременных культур. С учетом приведенных выше данных, нам представляется, что ряд сделанных на материалах памятника Сенькина Шапка выводов и построений может иметь неоднозначное, на современном этапе исследований, толкование.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Ж.В. 1970. *Древнее Приморье*. М.: Наука.
 Андреева Ж.В. 1977. *Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век*. М.: Наука.
 Бобринский А.А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. М.: Наука.
 Бродянский Д.Л. 1982. *Бронзовый век Приморья (Синегайская культура). Палеометалл северо-западной части Тихого океана*. Владивосток: 4-17.
 Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Изд-во ДВГУ.
 Деревянко А.П. 1976. *Приамурье (1 тысячелетие до нашей эры)*. Новосибирск: Наука.
 Дьяков В.И. 1989. *Приморье в эпоху бронзы*. Владивосток: Изд-во ДВГУ.
 Дьяков В.И. 1992. *Многослойное поселение рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья*. Владивосток: Дальнаука.
 История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. 1989. М.: Наука.
 Окладников А.П. 1959. *Далекое прошлое Приморья*. Владивосток: Приморское кн. изд-во.
 Пронина Г.И., Андреева Ж.В. 1964. *Приморье в первом тысячелетии до н.э. Древняя Сибирь (Макет I тома "Истории Сибири")*. Улан-Удэ: 537-552.

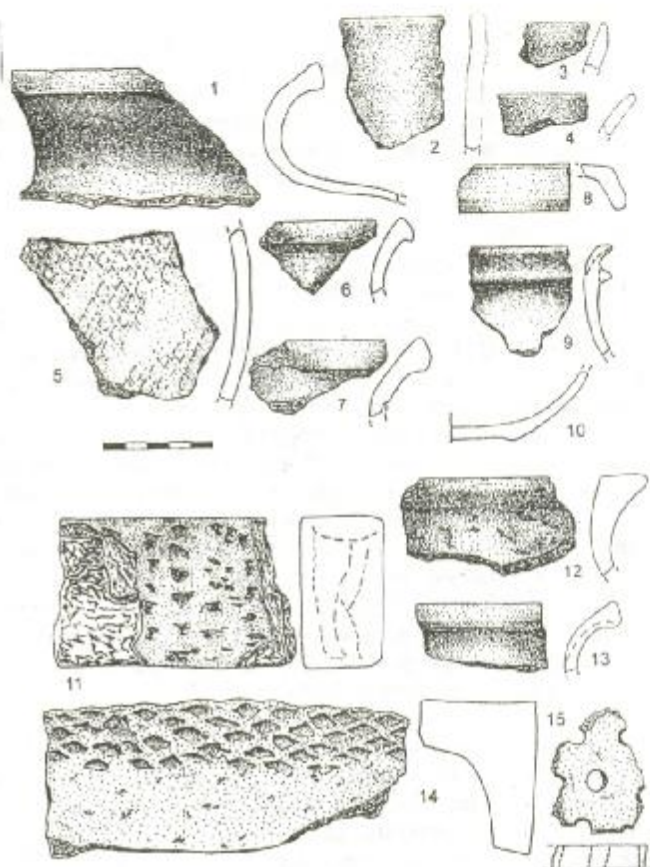

Рис. 3. Керамические изделия эпохи средневековья.

CORRELATIVE THINKING AND THE HISTORIES OF SSU-MA CH'EN AND PAN KU*

I

The genre of Standard Histories (*cheng shih*), the main one in the traditional Chinese historiography, has been created and developed first of all due to the efforts of two Han historians. Ssu-ma Ch'ien (145? - 86? B.C.) initiated it by writing his *Shih chi*, the first general history of the Chinese world, whereas Pan Ku (A.D. 32 - 92) modified it by writing his *Han shu*, the first history of a single dynasty. Whatever changes took place in the development of the genre later, it was marked by stability of form.

Literary form can be regarded as an embodiment of the mode of thinking of a writer. In the case when a genre has sprung from a literary work one is justified to look for a mode of thinking corresponding to the genre form or, to put it differently, for a genre mode of thinking. Hence the subject of this article which presents an attempt to reconstruct the mode of thinking embodied in the genre form of Standard Histories.

One of the ways of doing it seems to undertake a study of thought of the *Shih chi*, the first history to possess the form and to embody the mode of thinking in question. Precautions should be taken in order to achieve a correct interpretation of this thought. To that end it has to be investigated not only in itself, but in a broader intellectual context of the period when *Shih chi* was composed and its genre came into being. In order to single out the results of the investigation valid for the genre as a whole and not only for the *Shih chi* and to check the correctness of reconstruction it is necessary to compare the thought of the *Shih chi* with that of a later Standard History or Histories. For this purpose *Han shu* was chosen. By means of this comparison I hope both to find a nucleus of common ideas linked to the mode of thinking I want to reconstruct and to discern individual differences between the two histories. It goes without saying that in this article I'll concentrate on similarities and not on differences.

The intellectual context mentioned above is that of correlative thinking, characteristic of many philosophers of the Western Han period including both Ssu-ma Ch'ien's Confucian master Tung Chung-shu (179? - 104? B.C.) and the authors of the *Huai-nan-tzu* (ca. 139 B.C.) (Needham 1956: 279-291; Bodde 1964: 292-299; Le Blanc 1978: 13-15, 60-61, 152, 154, 158 161-162, 176, 179, 193-234, 281-282, 285, 293, 299, 307-311, 318-329) with whom Ssu-ma Ch'ien at least to some extent shared a Taoist orientation, being a Taoist eclectic like his father (Kroll 1970: 7-13, 22-39, 84, 114, 126, 188; 1977: 131-157). Correlative thinking has been repeatedly discussed during the last 12 years by English-writing scholars such as J.B. Henderson (1984: 1-87 etc.), A.C. Graham (1986 *passim*; 1989: 319-325), D. Bodde (1991: 45-46, 74-88, 97-147) and others and there is no necessity to treat it here in detail. It is sufficient to point out two of its components relevant to the present study. These are numerology and the concept of *lei*. As to

Etymologically *lei* seems to have been a kinship term. According to M. V. Kryukov there existed two important kinship groups during the *Ch'un ch'iu* period - a clan (*chia* XX, *tsung* XX, *tsu* XX, and *tsung-tsu*) and a patriarchal kin. At that time words *hsing* and *shih* (later synonyms designating a surname) still had different meanings. Members of a *tsung-tsu* bore a hereditary name *shih* of eponymic origin that could be changed, whereas those of a patriarchal kin shared a common kin name *hsing* originating from a totem that could not be changed. Those of the same *shih* but of different *hsing* could intermarry while those of the same *hsing* could not. Therefore a *tsung-tsu* consisted of relatives both by blood and by marriage embracing related families that included wives of a different *hsing*; in contrast to it a patriarchal kin consisted of relatives by blood alone and did not embrace any families. As to similarities between a *tsung-tsu* and a patriarchal kin, both were comparatively large groups based on kinship relations, unilateral, exogamous, and patrilineal (see Kryukov 1967: 106-154).

M.V. Kryukov does not give the Chinese term for patriarchal kin. According to my hypothesis the term in question is *lei*. There are Chou texts (the earliest known to me is that of the *Shih ching* and the latest one is that of the *Hsun-tzu*) where *lei* is used as a designation of a kinship group (Legge 1960c: 478 (III.II.III, 6); Kuo yu: 3.40; Liang Ch'i-hsiung: 19.259; cf. Han yu ta tz'u tien, Vol.12: 353, *lei*, meaning 2). In Chou texts the expression *t'ung lei* was used in the two meanings: 1) those of the same kin name *hsing*, and 2) objects (and people) of the same kind (Kuo yu: 5.66; Han yu ta tz'u tien, Vol.3: 126).

Exogamy of the *tsung-tsu* as M. V. Kryukov describes it has a certain peculiarity: the group seems to be exogamous not in itself but because it has borrowed the property from the patriarchal kin. According to an explanation of the rule of exogamy of the VIIth century B.C. referred to in the *Kuo yu* it was connected with kin name *hsing* and not with *shih*: "If they have different kin names (*hsing*), they have different spiritual powers; if they have different spiritual powers, they are of different *lei*; even if those of different *lei* are close [relatives], men and women intermarry and thus give birth to others. If they have the same kin name, they have the same spiritual power; if they have the same spiritual power, they have the same heart; if they have the same heart, they have the same will; even if those of the same will are distant [relatives], men and women do not intermarry being afraid of defiling reverence [toward their kin]" (Kuo yu: 10.127).

Here it is clearly stated not only that those of the same *hsing* should not marry each other, but also that those of different *hsing* possess different mentality and thus "are of different *lei*". It is implied that those of the same *hsing* possessing the same mentality are of the same *lei*, i.e. that *lei* property (whatever it might be) was connected with a kin name *hsing* and thus with a patriarchal kin. If this is so, then M.V. Kryukov's list of similarities between a *tsung-tsu* and a patriarchal kin can be continued at the expense of the features he believed to be characteristic of *tsung-tsu* alone. Thus he emphasized that *tsung-tsu* members were conscious of their origin from a common ancestor, a historical personality whose spirit only they were entitled to sacrifice to, and that they were united by common interests dominating over their personal ones, obliged to avenge an offence or a murder of their relative, and responsible for his crimes, in fact being often exterminated for them (Kryukov 1967: 85-96). But according to the ideas of the *Ch'un ch'iu* period spirits (or deities in general) do not partake of sacrifices offered not by their like, i.e. not by those of their "kind" (*lei*) (Granet 1959: 147 n.1, 150-158, 382, n.4). The importance of *lei* notion for offering and accepting sacrifices is corroborated by quotations from the *Tso chuan* M.V. Kryukov adduced as evidence for his assumptions concerning *tsung-tsu*: "...Spirits [of the dead] do not enjoy the sacrifices of those who are not of their kindred (*lei*); people do not sacrifice to those who are not of their clan (*tsu*);" "Spirits do not accept the sacrifices of those who are not of their clan and *lei* (*tsu lei*)" (Legge 1960b: 156, 157, 218, 219 [mod. translations]). Common mentality believed by M.V. Kryukov to be characteristic of a *tsung-tsu* was according to the *Kuo yu* explanation a property of those of the same *lei*, i.e. members of a patriarchal kin. The quotation from the *Tso chuan* adduced by M.V. Kryukov runs, "If he be not of our clan and *lei*, he is sure to have a different mind (lit. heart - J.K.)" (Legge 1960b: 354, 355 [translation slightly mod.]).

Thus according to the *Ch'un ch'iu* concept exclusive ability to sacrifice to the spirits of ancestors and possession of identical "hearts" were inherent to those "of the same *lei*", bearers of a common kin name (*hsing*). If both characteristics were also shared by members of a clan, it can be explained by the fact that the majority of these members (with the exception of wives) had a common kin name; one is tempted to surmise that in the expression *tsu lei* appearing in the texts quoted above the word *tsu* ("clan") was complemented by the word *lei* in order to show that only part of the *tsu* consisting of those of the same *lei* (i.e. clansmen bound by ties of blood) is meant.¹

According to the *Kuo yu* explanation similar spiritual power (*te*) and will (*chih*) were also distinctive of members of a patriarchal kin. But spiritual power was considered at least from the beginning of Chou (Vasil'yev 1973: 7-12) to be a dynastic, i.e. clan property. This traditional concept was also shared by Ssu-ma Ch'ien (Watson 1958: 6-7; Krol' 1970: 62, 101-111). It was believed under the Han that the supply of

¹ *Tsu lei* has four meanings: 1) those of the same clan; 2) those of the same kind; 3) kind, sort; 4) race, people, nation (see Han yu ta tz'u tien vol. 6, 1607).

spiritual power created by the dynasty founder becomes a heritage transmitted to his successors who also continue to fulfill his will - one of the reasons for them to be called "Filial" (*hsiao* XX) (Krol' 1981: 41-42, 46, 54, n.4.). Here again a transfer of notions originally connected with the concept of a patriarchal kin to that of a clan seems to have taken place producing a combination of notions related to both kinship groups.

Therefore to my mind M.V. Kryukov's list of similarities between a *tsung-tsu* and a patriarchal kin can be complemented with one more item - the concept of spiritual unity common to both kinship groups that reveals itself both on the religious and ethico-magical levels, the notions of "spiritual power" and "will" being richly coloured with magic.

Thus according to my hypothesis the word *lei* originally denoted a patriarchal kin consisting of relatives by blood who were thought of as being both physically and psychologically similar for genetic reasons. They possessed a common kin name *hsing* (that was interpreted as a surname later, at least in Ssu-ma Ch'ien's day) and were believed to possess a spiritual unity manifesting itself both in their cult of ancestors and in the identity of their "hearts," "spiritual powers," and "wills." These beliefs were integrated into clan concepts since descendants of a common ancestor related by blood constituted the body of a clan. In the VIIIth through IIIrd century B.C the word *lei* was both used to denote "patriarchal kin" and "sort," the expression *t'ung lei* meaning "relatives by blood" as well as "people and objects of the same kind." I surmise that in proportion to the word *lei* gradually developing the meaning of "sort" the concept of genetic similarity originally connected with it turned into that of similarity in general, while the concept of unity and solidarity of kinsmen was transformed into that of mutual attraction of objects, qualities and forces of the same kind (Krol' 1986: 123-127). The notion of *lei* seems to be so important for correlative thinking that I feel myself justified in calling it in certain cases *lei*-thinking as was suggested to me by Professor R. Felber many years ago.

One may ask how numerology and concept of *lei* combine. It was pointed out by Professor Bodde that among items belonging to a common numerical category, a particular affinity exists between those having the same relative position within their respective sequences. Such affinities were believed to function along the lines of spontaneous response or mutual attraction (Bodde 1959: 14-15). In other words, items in question were thought of as objects of the same kind.

II

Now let us turn to Ssu-ma Ch'ien whose views on the universe and history seem to be permeated with numerical categories. Since it is hardly possible to deal with all of them in this study I am going to dwell only on those which seem to be of special importance for the *Shih chi*. As for that of twos, it is in the first place represented by *yin* and *yang*. It is a point at issue whether one of Ssu-ma Ch'ien's concepts of microcosm embodied the *yin yang* opposition: his statements concerning human nature seem to be contradictory enough. According to one of them a man embraces Five Constant [Virtues] (*wu ch'ang*) and

barbarians wear felt robes and barbarian psychology, in particular the spirit of hunters and warriors that makes them "draw their bows." Chinese territories of Ch'in and Chin north and west of Huangho were also believed by Ssu-ma Ch'ien to pertain to the *yin* region, while their martial customs reminded him of those of their barbarian neighbours: people here were fond of using weapons, too (Cf. Ssu-ma Ch'ien's appraisal of the Hsiung-nu customs, see: *Shih chi* 110.3-4).

I presume that the importance of local "breaths" as a factor forming human characters was one of the main reasons that made Ssu-ma Ch'ien introduce into his biographies exact information what place this or that person was a native of: it served as a sign to the reader indicating what kind of person it is.¹ This device was adopted by the authors of later Chinese biographies.

For Ssu-ma Ch'ien the greatest cosmic *yin yang* pair was that of Heaven and Earth, the dual division of Earth having a close parallel on the celestial level. He believed Heaven also to be divided into two parts by the asterism the Heavenly Street (*T'ien chieh*) formed by two stars pertaining to the Taurus constellation. To the south of Heavenly Street the heavenly mansion is situated formed by stars of the Pleiades of the Taurus constellation. Ssu-ma Ch'ien described the region as corresponding to the *yang*, i.e. the Central State; according to him "sun, Jupiter (Sui-hsing), Mars (Ying-ho) and Saturn (Chen-hsing) planets are *yang*." To the north of Heavenly Street the heavenly mansion is situated, also formed by certain Taurus stars. This region was described by Ssu-ma Ch'ien as corresponding to that of *yin*, i.e. barbarian states, Ch'in, Chin, etc.; according to him "moon, Venus (Tai-po) and Mercury (Ch'en-hsing) planets are *yin*." The distinction between *yin* and *yang* states, heavenly bodies and parts of heaven was strictly observed in divinations (*Shih chi* 27.88-89).

Ruler and subject, father and son and husband and wife constitute three cases of manifestation of *yin* and *yang* in society. These pairs were meaningful for Ssu-ma Ch'ien who took as a model for his work the *Ch'un ch'iu* chronicle that according to his belief was indispensable for making a prince behave like a prince, a subject behave like a subject, a father behave like a father and a son behave like a son (*Shih chi* 130.24-25, 47.84). Of the three pairs those of ruler and subject and husband and wife seem to be most important for the *Shih chi*. Ruler and subject opposition underlies its division into two parts and three sections—that of Basic Annals on the one hand, and those of Hereditary Houses and Biographies on the other, this modification of the *yin yang* opposition (mostly appearing in a simplified form of that of annals of rulers and biographies of subjects) is typical of Standard Histories.

As to husband and wife, Ssu-ma Ch'ien emphasized the important part played by royal consorts and their relatives in history, describing relations within royal families in terms of *yin* and *yang* and correlating politicians who owed their influence to women to *yin*. According to him, from the times of antiquity emperors and kings had glorious achievements "not only because their inner spiritual power was abundant, but probably also because they had the aid of the families related to them by marriage... The bond between husband and wife is among the most solemn of human relationships... As the harmony of music brings order to the four seasons, so the transformations of *yin* and *yang* are the origins of all creatures..." (*Shih chi* 130.24-25, 47.84, translation cited). The historian believed that superabundance

follows Heaven, whereas he who imitates the Hsia and esteems "refined form" follows Earth; and that the way of a king following Heaven and imitating the Shang makes *yang* prosper, while the way of a king following Earth and imitating the Hsia makes *yin* advance (Ch'un ch'iu fan lu, 23.178).

Numerical category of threes influenced Ssu-ma Ch'ien's concept of cyclic change of history, too. Parallel sets of items pertaining to the category are Three Powers (*san ts'ai*): Heaven, Earth, and Man; Three Reigns (*san t'ung*): Hsia, Yin, and Chou; Three Kings (*san wang*), i.e. their founders; Three [Kinds of] Instructions (*san chiao*), i.e. those given by the Three Dynasties to their subjects; Three Rectifications, or Three Beginnings (*san cheng*), i.e. three official calendars with different first months introduced by Three Dynasties, etc. Ssu-ma Ch'ien borrowed the theory of Three Reigns from Tung Chung-shu (Han shu, 56.415-416; Ch'un ch'iu fan lu, 23.174-179; Ku Chieh-kang 1963: 441-446). According to it the Hsia instructed by "sincerity" which led to the "lack of civilization" in mean men; the Yin instructed by "reverence" in order to cope with it which led to the "superstitious worship of spirits" by mean men; the Chou instructed by "refined form (or culture)" in order to overcome it which led to "insincerity" of mean men. "There is no better way to relieve of insincerity than by resorting to sincerity, [for] the way of the Three Kings is like a cycle which, when it ends, [must] begin [over] again," Ssu-ma Ch'ien wrote. "In the period of Chou and Ch'in [instructions by] refined form had a defect, [but] Ch'in government failed to reform it making harsh the laws for mutilating punishments instead. Was it not an error?" Therefore the Han resorted to "sincerity" in imitation of the Hsia and thus "followed the sequence [ordained] by Heaven" (Shih chi 8.88 B. Watson's mod. translation cited, cf. [1961a: 118-119]; Ku Chieh-kang 1963: 441 ff.). Ku Chieh-kang (1893-1980) was of the opinion this theory did not consider Ch'in a dynasty at all excluding it from the cycle of Three Reigns for the reason it failed to realize one of them. Perhaps it would be more exact to say that according to the theory Ch'in found itself without the Three Reigns cycle as a result of its erroneous policy and thus failed to conform to the order established by Heaven; and that in comparison with Hsia, Yin, and Chou it was certainly regarded as a dynasty not of full value. It should be added that in the Han Confucianism each of the Three Reigns was associated with a different colour (black, white, or red) and connected with one of the Three Powers as its model (Ch'un ch'iu fan lu, 23.175-176; Tjan Tjoe Som 1949a: 78-79; 1952: 515, 548-564; Ku Chieh-kang 1963: 443-445; Krol' 1970: 99 and n. 50).

Ssu-ma Ch'ien also adopted the concept of Three Rectifications. He wrote, "The Hsia used the first month as the beginning of the year, the Yin used the twelfth month as the beginning of the year, and the Chou used the eleventh month as the beginning of the year, [the sequence of] the beginnings of the year [set up by] Three Kings seems to be like a cycle that, when it ends, [must] return to the beginning." (Shih chi 26.7.). His opinion that the Han should adopt the calendar of the Hsia and begin the year in the first month is corroborated by what is known of his participation as an astronomer in the reform of the calendar of 104 B.C. which led to the official adoption of the Hsia one (Han shu, 21A.1664-1671; Ku Chieh-kang 1963: 447-451).

made no annals for Shen-nung and mentioned him but a few times (Shih chi 1.5, 9; 26.4; 129.3), but in other respects both historical schemes seem to coincide.

He also made use of Tsou Yen's (ca. 250 B.C.) theory of Five Powers (*wu te*) conquering one another. Thus he wrote about Huang-ti, "There were auspicious portents of the power of earth, therefore he was called Yellow Emperor" (Shih chi 1.13.). Ku Chieh-kang was of the opinion that the historian believed both in the theory of Three Reigns and that of Five Powers, though they seem to contradict each other on certain points (for instance, according to the former Han should hold in esteem the black colour, while according to the latter the esteemed colour should be yellow) (Ku Chieh-kang 1963: 448-449).

It should be added there are other facts testifying to Ssu-ma Ch'ien's belief in Tsou Yen's theory. According to it the cycle began with Huang-ti who relied on the power of earth and esteemed yellow; the next in the cycle was Yu of Hsia who relied on the power of wood and esteemed green (blue); then came Tang of Yin who relied on the power of metal and esteemed white; then followed King Wen of Chou who relied on the power of fire and esteemed red; the next one should rely on the power of water and esteem black; then the cycle would begin over again. It was the Ch'in who declared it relies on the power of water and esteems black (Ku Chieh-kang 1963: 417-430).

Ssu-ma Ch'ien mentioned most of these colour characteristics as well as some of the powers in his history. He quoted a story according to which a white fish (a hint at the Yin) sprang into the boat King Wu of Chou was crossing Horiver in; when the king landed, a fire descended from above covering his house and turned into a red raven. Ca. 221 B.C. a red raven was mentioned by an exponent of the theory of Five Powers as an auspicious omen for acquiring the power of fire by the Chou (Shih chi 4.20; 28.19-20; cf. Han shu, 56.3996; Both theories - that of Five Powers and that of Three Reigns - ascribed white colour to the Yin and red colour to the Chou, see Ku Chieh-kang 1963: 443-444). The historian pointed out too that Ch'in Shih huang-ti basing himself on the cyclic theory of Five Powers "believed that Chou acquired the power of fire, Ch'in is replacing Chou and has to follow [a power] not conquered by it; just now is the beginning of the power of water..." to which esteem of the black colour corresponded (Shih chi 6.23-25; cf. Shih chi 28.19-20). Pan Ku flatly stated, "When institutions were changed during the T'ai-ch'u [era], Ni K'uan, Ssu-ma Ch'ien and others still followed what was said by [Kung-sun] Ch'en and [Chia] Yi [maintaining that] colour of vestments, numbers and norms should conform to the power of yellow. They believed that according to the sequence of Five Powers [a new dynasty] has to follow [the power] not conquered [by the preceding one]. The Ch'in depended on the power of water; therefore they said the Han conquered it basing itself on [the power of] earth" (Han shu, 25B.2168; cf. Han shu, 25A.2102; Shih chi 84.21-22; 96.17; Ku Chieh-kang 1963: 430-435).

If this is so, it follows that Ssu-ma Ch'ien's attitude towards Ch'in in the context of the theory of Five Powers differs from that in the context of the theory of Three Reigns. According to the former theory Ch'in was a dynasty of full value that was included into the cycle of Five Powers, had a power of its own and had received the Mandate of Heaven. At least it seems to be implied by Ssu-ma Ch'ien who wrote about Ch'in unification of China, "This was not necessarily because of the advantages of its steep and secure terrain and its [geographical] position. Rather it was as though Heaven has aided it;" "Heaven at this time had

shen), mentions Eight Winds (*pa feng*) and Eight Gentle Breezes (*pa cheng*) and describes the former in detail (Shih chi 1.57; 38.10-12; 28.21-23, 74, 87; 27.79; 25.9-17; cf Major 1973: 111).

Twelve is another symbolic number important for the *Shih chi*. For Ssu-ma Ch'ien it was that of provinces (*chou*) into which Central State was divided and to which certain heavenly constellations corresponded, of Twelve Sons (*shih-erh tzu*) combined with Ten Mothers (*shih mu*), i.e. cyclical signs also known as Twelve Branches (*shih-erh chih*) and Ten Stems (*shih kan*), and of Twelve Musical Pitchpipes (*shih-erh lu*) embracing six yang and six yin ones (Shih chi 27.83, 62-63; 25.2-3, 12-18, 30. Note the use of the term Twelve Signs of Zodiac, or Twelve Divisions of the Ecliptic [*shih-erh tu*] by Ssu-ma T'an [died 110 b.c.], see Shih chi 130.10).

Numbers eight and twelve pertain not only to the contents, but also to the form of the *Shih chi*, there being 8 Treatises and 12 Basic Annals in it. To my mind interpretation of numbers of chapters within these divisions should not be undertaken separately from that of numbers of chapters within other divisions of the *Shih chi*, because they constitute one problem to be solved as a whole. There are reasons to suppose that numerological categories have determined these numbers. Two VIIIth century commentators Chang Shou-chieh and Ssu-ma Cheng maintained that the 12 Basic Annals symbolize the number of months in a year or that of years in a period of revolution of Sui-hsing (Jupiter); 10 Chronological Tables symbolize 10 odd and even days of Heaven; 8 Treatises symbolize so-called "8 Periods of the Year" (days of vernal and autumn equinoxes, summer and winter solstices and commencements of the four seasons); 30 Hereditary Houses symbolize 30 days of a month as well as 30 spokes of a wheel; 70 Biographies symbolize 72 days corresponding to a period of domination of one of the Five Elements in the annual cycle or the age of seventy of a retired Grandee; and 130 chapters of the *Shih chi* symbolize the number of months in a year plus an intercalary month (Shih chi Shih chi cheng yi lun li, 1-2; Shih chi tsung lun, 75).

Takegawa Kametaro and Burton Watson disagree with this interpretation (Shih chi Shih chi tsung lun, 75; Watson 1958: 103-104, 225, n.1.), but I am inclined to adopt its main idea of the symbolic character of numbers of chapters within each division of the *Shih chi*, leaving the scrutiny of concrete explanations to the future. There are two reasons for this adoption. First, Ssu-ma Ch'ien himself testified to the symbolic character of the number of Hereditary Houses writing, "Twenty Eight constellations surround the Polar Star, 'thirty spokes of a wheel come together at the hub' revolving endlessly. The ministers assisting [the monarch like his] arms and legs correspond to them: faithful and trustworthy they practice the [true] way and thus serve their lord and ruler. [Of them] I made thirty Hereditary Houses" (Shih chi 130.61. A mod. translation by B. Watson cited, cf. [1958: 117]. The phrase in internal quotes is a citation from Lao-tzu, cf. Lao-tzu tao te ching chu 1957: 1A.6 [§ 11]). It seems relevant to remind that spokes coming together at a hub constitute an image of an assembly of ministers to be received in audience by the ruler (Creel 1974: 343-344; Ch'en Ch'i-yu 1963: 6.88, 104, n. 84; 8.122; 16.284, 286, n.7; Huai-nan-tzu, 9.76; Krol' 1977: 147, 148, n.46). Second, Pan Ku closely followed the numbers of chapters within four divisions of the *Shih chi* as if that was meaningful and important (see below) (Krol' 1987: 104-109).

Now let us turn to the concept of *lei*. There are explicit formulations of the idea of mutual attraction of the like in the *Shih chi*. One of them is a rather inaccurate quotation from the *Yi ching*, "[Things] of the same light illumine each other; [things] of the same kind seek each other. Clouds follow the dragon, wind follows the tiger. When the sage arises, all creatures can be [better] seen." (Shih chi: 61.16; a mod. translation by B. Watson cited, cf. [1958: 189]; cf. Tsai-fa Cheng et. al. 1994: 5 and n. 44; Chou Yi chu shu, 1.9a). Another runs, "[Creatures with] the same voice follow each other; things behave like that of their own accord, is it worth wondering at?"¹

At least two important theories of Ssu-ma Ch'ien are based on the idea. The first one is the theory of portents. If good government and good omens as well as bad government and bad omens are conceived as objects "of the same kind" respectively, then according to the principle of mutual attraction of the like a good ruler will attract good omens whereas a bad ruler will attract bad ones. Ssu-ma Ch'ien remarked, "When a state is about to rise there are sure to be good and auspicious omens; gentlemen will be used in office and mean men will be dismissed from it. But when a state is about to perish worthy men will conceal themselves and rebellious ministers command honour" (Shih chi 50.7-8; B. Watson's mod. translation cited, cf. [1961a: 398]). This statement sounds unequivocal in the light of correlative thinking: the good ruler of a prosperous state would attract those of his kind to serve under him and repel those of different kind; the bad ruler of a perishing state would do the same; therefore good or bad men in office can be regarded as good or bad omens for the future of the states they are employed in.

To what extent Ssu-ma Ch'ien believed in portents is a point at issue (Krol' 1970: 116-122, 230-236; Pai Shou-yi 1981: 20-22 ff.). I am sure he did, though of course he did not take seriously all portents he

¹ Shih chi 25.4. Cf. the use of "stimulus and response" (*kan yin*) concept by Ssu-ma Ch'ien who wrote, "When human emotions are stimulated (by music), those whose customs (are different and countries) remote (from ours) come (and join us)," Shih chi 130.35; cf. references in n. 1 above.

found in his sources. Nevertheless he included many of them in his history, as for instance those connected with the theory of Five Powers. He also inserted there a list of important portents for the period of the last 150 years, commenting, "From this one can see that it never happened otherwise: first [a portent] would appear and then a response would follow it" (Shih chi 27.92-93.). He also wrote, "Three luminaries (the sun, the moon, and the stars. - J.K.) are the essence of *yin* and *yang*, the source of the breaths is on Earth, and a sage is in charge of ordering them" (Shih chi 27.83). It seems that on the base of this short statement one can build a theory of portents as has been done by the author of *Han shu* ch. 26: "All these [heavenly phenomena] are the essence [of breaths] of *yin* and *yang*, their source is on Earth but they manifest themselves in Heaven above. When there are mistakes in government here, unusual phenomena appear there like a shadow imitating [the form of] the body and an echo responding to [the sound of] a voice. Therefore if a wise prince sees them and perceives [his mistakes], rectifies his person and orders [government] affairs, thinks about recognizing his guilt, then misfortune will be eliminated and good fortune will come; it would be an auspicious omen [appearing] like that of its own accord" (Han shu, 26.2171). The results of Ssu-ma Ch'ien's approach to portents were such that one of the reasons for which his history was not allowed to be read by Han vassal kings was its "calamities and strange [phenomena pertaining to the sphere of] Governors of Heaven" (Han shu, 80.4865). There are also reasons to believe that by means of tendentious choice of portents he criticized Ching-ti (Eberhard 1957: 58-59; Kroll 1970:120-122).

Another of Ssu-ma Ch'ien's theories based on the concept in question is that of Heavenly retribution. An ancient Chinese tradition regarded rewards and punishments as "responses" (or retributions) coming according to the kind of the initial deed (Hsun-tzu, 18.243; Hulsewe 1955: 347, 414; Kroll 1990: 63-64), a good deed and reward and a bad deed and punishment being thought of as objects "of the same kind" attracted by each other. The idea of retribution occupies a very important place in the *Shih chi*. In order to say that retribution was just, Ssu-ma Ch'ien often used the word *yi* ("fitting"), thus describing correspondence between deed or deeds of a man and fate that befell him and his clan. For instance, when the Ch'in general Meng T'ien, the builder of the Great Wall, was ordered to commit suicide by the Ch'in emperor Erh-shih, he declared himself to be innocent before Heaven, his only crime consisting in "cutting through the veins of the Earth." Ssu-ma Ch'ien disagreed, believing him to be guilty of disregarding the duty of a loyal subject, ignoring the disastrous situation of the people and giving in to the imperial idea to build the Wall. He wrote, "Is it not fitting that he and his younger brother should meet with punishment for this? Why did he then declare himself guilty of [cutting through the] veins of the Earth?" (Shih chi 88.10-11; translation by D. Bodde cited, cf. [1940: 62]; cf. The Grand Scribe's Records: 366).

The historian believed retribution for bad deeds sometimes to affect more than one generation. To his mind in a family of hereditary warriors misfortune was sure to befall the general in the third generation. As he has it, "Wang Chien as a Ch'in general conquered the [other] six kingdoms. Wang Chien was an old [experienced] general at the time, the First Emperor served him as his master, but he proved unable to help the Ch'in to establish [a virtuous rule based on] spiritual power and to strengthen its roots, [on the contrary] he unscrupulously agreed [with the ideas of the emperor] in order to gain his indulgence [behaving in this manner] to the end of his life. His grandson Wang Li was captured by Hsiang Yu; is it not fitting?" (Shih chi 73.19).¹

In the eyes of Ssu-ma Ch'ien, recompense for one's good deeds extended to one's descendants. He praised Han Chueh, a Chin dignitary of the VIth century B.C., for "a secret good deed in All-under-Heaven" remarking on his descendants, "As to Han clan's meritorious services to [the state of] Chin, I do not see that they are great. Nevertheless [the clan] together with [those of] Chao and Wei eventually turned into [a dynasty of] feudal lords for [a period of] more than ten generations; it is fitting [Han Chueh's merit]!" (Shih chi 45.23).

Ssu-ma Ch'ien believed that recompense for good deeds of an ancestor of the ruling house can outweigh disadvantageous geographical position and military weakness of a state. "Yenon the outer [side] was pressed by Man and Mo barbarians, on the inner [side] was clutched between [Chinese states of] Ch'ian and Chin, it was in a difficult position between powerful states being the weakest and the smallest of all, several times it was almost wiped out. Nevertheless its Gods of the Earth and the Millet enjoyed bloody sacrifices for eight or nine hundreds of years; of feudal lords bearing the surname Chithey were the last to perish. Was it not [thanks to] meritorious services of Duke Shao?" (Shih chi 34.24-25).

The continuance of a dynasty on the throne or the swiftness of a yesterday commoner's ascension to power often suggested to Ssu-ma Ch'ien the idea that the dynasty or the man are descendants of great ancestors, successors to their "spiritual power" and "meritorious services." These were looked at as a source

¹ Cf. Shih chi 73.18; Kroll 1970:108-109. Cf. general Pai Ch'ien's self-accusation before committing suicide that he deserves death for having deceived and massacred masses of surrendered enemy soldiers, see Shih chi 73.12, cf. The Grand Scribe's Records: 176, 173.

of blessings for the clan protecting it on the throne. The ideas originated from ancient notions connected with the cult of ancestors. The fact that people of the same surname ruled a state for a long time was regarded as a recompense to a virtuous ancestor whose descendants continued to sacrifice to his spirit, whereas spirits were believed not to accept sacrifices from those not of the same *lei* (Shih chi 91.18; 130.30, 41.32; 114.11, etc.). Ssu-ma Ch'ien wrote, "The [line of] descendants of kings continued without interruption, Shun and Yu rejoicing it [in the other world]. Their spiritual power was excellent and clear, their descendants respectfully received their meritorious services [as a heritage, therefore their spirits] enjoyed sacrifices for a hundred generations... Oh, what a [great] man was Shun!" (Shih chi 130.39-40).

Sometimes he considered more complicated cases describing interaction of two different kinds of retribution, for instance one received for the achievements of one's great ancestor and another that came as a recompense for one's own conduct. This was the case of Hsiang Yu. Ssu-ma Ch'ien explained his rapid rise to power by his descent from Shun and his eventual ruin by his misbehaviour and his failure to realize it. He wrote, "I have heard that Master Chou said, 'Shun seems to have had eyes with double pupils.' I have also heard that Hsiang Yu, too, had eyes with double pupils. Could it be that Hsiang Yu was his descendant? How sudden was his rise [to power]... Five years [later] he eventually lost his state and met his death at Tung-ch'ien. But even at that time he did not wake to or accuse himself of [his errors]. It was a mistake! When in the end he pleaded [not to be guilty saying] 'It is Heaven which has destroyed me, and no fault of mine in the use of arms!' was he not wrong?" (Shih chi 7.75-78; a mod. translation by B. Watson cited, cf. [1961a: 74]).

The idea of retribution allowed Ssu-ma Ch'ien to trace conformity to a certain principle in history. Nevertheless he saw that many historical materials were left outside the scheme, that in innumerable cases the bad enjoyed life in luxury to the day of their natural death, while the good died a premature death in poverty. Ssu-ma Ch'ien discussed the problem in the first of his Biographies, asking rhetorical questions, "Is this the way Heaven rewards the good men?... What good deeds [of his] (a bloody robber that lived to a great age. - J.K.) did it follow [as a retribution]? ... Is this so-called 'Way of Heaven' right or wrong?" (Shih chi 61.11-14; a slightly mod. translation by B. Watson cited, cf. [1958: 188-189]; The Grand Scribe's Records: 4 and n. 36). He also recognized a possibility of a kind of posthumous retribution in the form of a good or a bad reputation (according to the "kind" of person) and believed restoring justice as regards the past and glorifying the worthy to be his important task as a historian (Kroll 1976: 313-325). The concept of mutual attraction of the like seems to underlie this theory, too: the principle "[thing] of the same light (or brightness) illumine each other" accounts for worthy men such as virtuous hermits Po Yi and Shu Ch'i and unemployed scholars like Yen Yuan, etc., becoming even more famous thanks to Confucius who praised them since they were "of the same kind". Similarly Ssu-ma Ch'ien believed that the name of Confucius himself became even more glorious thanks to a rich and influential disciple, i.e. person "of the same kind" (Shih chi 61.17; 129.12; cf. Shih chi 129.7. Hence the importance of the motive of "recognition" in the Shih chi see Wai-ye Li, 1994: 373-375, 382, 386, etc.).

written not by Pan Ku, but by Ma Hsu after his death (Fan Yeh, "Hou Han shu", 84.2784-2785; 24.862; An Tso-chang, 1979: 73; van der Sprenkel 1964: 13. But Jan Chao-te doubts the author could be anybody but Pan Ku, see Jan Chao-te 1963). It can be proved though that at least as far as space of Earth is concerned Pan Ku was of the same opinion with Ssu-ma Ch'ien. He has a theory that "from the times of Ch'in and Han [the region] east of [Hua] Mountain produced chancellors and [that] west of [Hua] Mountain produced generals" (*Han shu*, 69.4532). The underlying concept is that of the division of the empire into *yin* and *yang* regions, the former one embracing "outer commanderies" including 22 along the northern border, and the latter one being identical with the "inner commanderies", i.e. the Central State; the influence exercised by *yin* "breaths" was believed to form in the inhabitants of the *yin* region qualities necessary for warriors, while that proceeding from the *yang* "breaths" was believed to form in the local population qualities necessary for civil administration. Each region was believed to produce people "according to its kind." These ideas were embodied in the imperial edicts cited in the *Han shu* (Krol' 1973: 18-19; cf. Dubs 1944: 208 [and n. 4.4], 214, 220, 246, 322, 379, 411).

Following in the steps of Ssu-ma Ch'ien and others, Pan Ku described Hsiung-nu of the north as greedy and warlike (*Han shu*, 94A.5302; 94B.5393-5394; cf. Shih chi 110.3-4), i.e. those in whose nature emotions born by *yin* "breaths" prevail. In contrast to that while describing proto-Koreans in whose parts "the *yang* is tender" (Pai hu tung, 1B.57; cf. Tjan Tjoe Som 1952: 401) he emphasized that "by nature [bestowed on them by] Heaven the Eastern Yi barbarians are soft and submissive, [in which respect] they differ from [those inhabiting the regions] beyond three [other] sides [of the square of the empire]." (*Han shu*, 28B[i].3037). He also adduced in the *Po hu tung* a Confucian etymology of the names of Yi and Tibarbarians, according to which meanness and stinginess (perhaps, a hint at greediness?) developed with northern barbarians under the influence of "the elder *yin*" (Pai hu tung, 1B.57; cf. Tjan Tjoe Som 1952: 401). Probably he shared the opinion.

Dualism manifests itself in Pan Ku's view adopted from his western Han predecessors that Heaven and Earth as two cosmic powers have separated the "inner" territories from the "outer" ones which accounts for differences in characters, customs, ways of life, and languages of Chinese and Barbarians who thus live in natural isolation from each other (*Han shu*, 94B.5394; cf. Tinios 1983-1985: 197. His predecessors [not mentioned by E.P. Tinios] were Liu An, King of Huai-nan [135 B.C.], Tu Ch'in [ca. 25 B.C.], and Yang Hsiung [ca. 3 B.C.], see *Han shu*, 64A.4317; Hulsewe, Loewe 1979: 202). *Yin yang* pairs of ruler and subject and husband and wife are as important in the *Han shu* as they are in the *Shih chi*. The structure of the *Han shu* lacks the division of Hereditary Houses,¹ therefore the *yin yang* opposition here is reflected even more clearly in that of Imperial Annals and Biographies than in the *Shih chi*. Pan Ku also borrowed from Ssu-ma Ch'ien the theory about the important part played by royal consorts and their relatives in history having reproduced relevant text of the *Shih chi* in the *Han shu* (97A.5553-5554; cf. Shih chi 49.1-4).

Dualism of Pan Ku's notions of micro- and macrocosm has a close parallel in that of his concept of means whereby a ruler affects the world. These are benevolent and punitive means termed "civilizing arts of peace and spiritual power" (*wen te*) and "awesome majesty and arts of war" (*wei wu*) respectively, the former being thought of as *yang* and the latter as *yin*. Pan Ku believed benevolent means to play the main part and punitive ones to play the auxiliary but still indispensable part in the world-ordering. Following in the steps of Ssu-ma Ch'ien he maintained that the set of punitive means consists of whip and stick in the house, mutilating and other punishments in the state and punitive expeditions in All-under-Heaven. He shared the old Confucian ideal that punishments be established but not used (*Han shu*, 23.1975-1976, [cf. Hulsewe 1955: 329]; 22.1910; 56.3998; Shih chi 25.6).

Numerical category of threes is represented in the *Han shu* by the concept of Three Reigns appearing in a text borrowed from Liu Hsin (d. A.D. 23); it is correlated with the triad of Heaven, Earth, and Man, but its aspect known as Three [Kinds of] Instructions seems to remain beyond the scope of the text. On the contrary the Three Rectifications and Three [Kinds of] Heavenly Bodies (*san ch'en*) are connected with the Three Reigns here (*Han shu*, 21A.1638-1640, 1683, 1689, 1693-1695; cf. *Han shu*, 30.3205). One more set of three items can be found in the structure of the division of the *Han shu* Treatises. It is connected with the same triad. Three chapters of the division (26th, 28th, and 30th) - dealing with astronomy, geography, and literature respectively - bear the titles: "Treatise on the Pattern of Heaven" (*T'ien wen chih* XX), "Treatise on the Pattern of Earth" (*Ti li chih* XX), and "Treatise on Classical and Literary Writings" (*Yi wen chih* XX). It means they treat of three kinds of patterns: that of Heaven (*t'ien wen*), that of Earth (*ti li*) and that of Man, since there existed an ancient tradition to regard sayings and writings of a person as its "pattern" (*jen wen*) (Krol' 1978: 49; 1991: 36-40).

¹ In omitting this division Pan Ku followed in the steps of his father Pan Piao (3-54) in whose *Hou chuan* there were no Hereditary Houses, see *Hou Han shu*, 40B.1327; Ch'en Chih 1982: 231.

As to numerical category of fives, *Han shu* has a "Treatise on Five Elements (or Phases)" (*Wu hsing chih* XX). Five Elements are repeatedly mentioned in other chapters as well as parallel sets of five items such as Five Planets, Five Notes (*wu sheng*), Five Constant [Virtues], Five Rites (*wu li*), Five Mutilating Punishments (*wu hsing*) (*Han shu*, 21A.1632-1633, 1693, 1695, 23.1975, 1976; 27Aa. 2272, etc.), etc.

In contrast to Ssu-ma Ch'ien's adoption of Tsou Yen's cyclic theory of Five Powers (or Five Elements) conquering one another, Pan Ku shared a later theory of Five Elements (namely wood, fire, earth, metal, and water) producing each other. It was elaborated by Confucianists of the 1st century B.C., especially Liu Hsiang (79-8 B.C.) and Liu Hsin, whose point of view Pan Ku set against that of Ssu-ma Ch'ien saying "Liu Hsiang and his son maintained that 'emperor comes forth [in the east] in the sign of the Arousing (*chen* XX)', therefore in the beginning Pao-hsi-shih received the power of wood [corresponding to east and the *chen* trigram] and after him [rulers relying on different power followed each other] according to the [principle of] transmission from mother to son [born of her, their cycle] ending and beginning over again. From Shen-nung and Huang-ti [it went] down [the flow of time] passing through [periods of Yao of] T'ang, [Shun of] Yuand the Three Dynasties, [till] Han received [the power of] fire from it. Therefore when Kao-tsu first arose, the mother of a divinity cried in the night, [he brought about] the manifestation of an auspicious omen of the Red Emperor and for that reason his banners and pennons were red; [it was a response that came] of its own accord [showing he] followed the sequence [ordained by] Heaven. Anciently Kung-kung-shih relying on the power of water got between [the powers of] wood and fire and had the same fate (*yun* XX) as the Ch'in [since they] did not [follow] the proper sequence [of Five Elements]; therefore both did not last long. Proceeding from the foregoing [account] one [can] say that the institutions for the Founder and the Exemplars [of the Han dynasty] seem to have had responses which came of their own accord and to conform to what was fitting for the times." (*Han shu*, 25B.2168. In inner quotes a sentence from the *Shuo Kua* in a mod. translation by Wilhelm and Baynes [1971: 268]; cf. Ku Chieh-kang 1963: 486-492, 560-571, 576).

This version of the theory of Five Elements influenced Pan Ku's views on history. First, according to him history began with Pao-hsi (or Fu-hsi) and not with Huang-ti as Ssu-ma Ch'ien believed. It can be seen from the fact that in several *Han shu* chapters Fu-hsi or other mythical rulers previous to Huang-ti are mentioned in the materials borrowed from Liu Hsin in particular.¹ Even more clearly it manifests itself in Pan Ku's theory borrowed from Liu Hsiang and others that Han Kao-tsu was a descendant of Yao, a successor to his "fate" (*yun*, a word whose meaning was still closely related to that of "cycle" or "[place in] the cycle"), and that both relied on the element fire. Having included Kao-tsu's spurious genealogy in his history, Pan Ku commented, "How can these facts be untrustworthy? From the foregoing [accounts] we infer that Han [Founder] succeeded to the fate (*yun*) of Yao (or to his position within the cycle of Five Elements - J.K.) and that his happiness was already great. The cutting in two of the snake [by him led to the] manifestation of an auspicious omen, [therefore he] honored red [as the colour for] banners and pennons in harmony with the power of fire; [this was] a response that came of its own accord, [thereby showing that the Founder] followed the sequence [ordained by] Heaven" (*Han shu* 1B.99; a mod. translation by Dubs 1938: 150. *Han shu* mentions these ideas several times and testifies to the fact they were also shared by Pan Piao, see *Han shu*: 25A.2099, 100A.5822; 100B.5847, 5848, etc.).

Pan Ku's views on the Ch'in dynasty were also influenced by Liu Hsiang's theory. In contrast to Chia Yi and Ssu-ma Ch'ien, Pan Ku believed that after the decline accumulated under the two Ch'in emperors and subsequent falling apart of All-under-Heaven the ruin of the Ch'in became irretrievable, and its last ruler Tzu-ying with his aids could do nothing about it, "even if [somebody] would possess the talents of Tan, [Duke of] Chou, it would be impossible for him to show his skill again." Pan Ku formulated his somewhat fatalistic conclusion in the context of the theory of Five Elements producing (and not conquering) one another. According to him the Han because of its "humanity [could not immediately] replace [its] mother [Chou] and the Ch'in encountered [an opportunity to mount] its throne." Commenting on the last sentence Ssu-ma Cheng remarked, "The Ch'in encountered [an opportunity to mount] its throne [of a dynasty] not in the direct line of succession (*jun wei*), succeeded in finding itself between [the elements of] wood and fire" (*Shih chi* 6.111-115; cf. Wen hsuan Li Shan chu, 48.482-483; Ch'en Chih 1932: 235; Krolf 1970: 183-191; Ku Chieh-kang 1963: 567-571).

The term *jun wei* was also used by Pan Ku himself when he drew a parallel between the reigns of the Ch'in emperors (221-207 B.C.) and that of Wang Mang (9-23 A.D.) who following different paths came to the same end and perished. The historian wrote, "They were both [haughty rulers lacking spiritual power

¹ See *Han shu*, 21A.1629; 24A.1999; 27Aa.2271-2273; cf. *Han shu*, 100B.5856, 5857; 33.3307. It should be added that those who completed *Han shu* felt it proper to begin the last two Chronological Tables with the times of Fu-hsi, see *Han shu*, 19A.1098, 20A.1338. According to Ku Chieh-kang Shao-hao was introduced between Huang-ti and Chuang-hsu as one of the Five Emperors by Liu Hsin and others at the time of Wang Mang, see Ku Chieh-kang 1963: 571-580. Shao-hao is the first emperor mentioned by name in *Han shu* 25A.2076.

who ended like] 'arrogant dragons' whose breath was cut off; it is the destiny (*yun*) of [those who] disobey the Mandate [of Heaven]. They were [like] a purple color, or a lewd music, or the left-over parts [of the months], or [those who occupy] the throne [of a dynasty] not in the direct line of succession (*jün wei*)" (Han shu, 99C.5809; cf. Dubs 1955: 473-474). All objects to which Ch'in emperors and Wang Mang are compared here share a common quality: they are imitations of standards from which they still differ. Thus "purple pretends to be red without being red," "lewd music" in spite of its being music does not pertain to "correct songs", "left-over parts" of the months in a year make an intercalation (and not a regular unit of time) (Dubs 1955: 3, 473-474, nn. 29.19-29.21), and rulers occupying thrones of dynasties not in the direct line of succession are devoid of the Mandate of Heaven. Therefore, thrones of such rulers were called those of "intercalation" (*jün wei*) which metaphorically pointed to dynasties not in the direct line of succession. For that reason Fu Ch'ien (ca. 125-195) explained Pan Ku's words as follows, "It means that [Wang] Mang, who did not obtain the Mandate [of Heaven] of a king in the direct [line of succession, was] like the left-over parts of the month in a year that make an intercalation" (Han shu, 99C.5809; a mod. translation by Dubs 1955: 474, n. 29.21).

Thus Pan Ku regarded the Former Han as flanked by two *jün-wei* dynasties, neither possessing the Mandate nor having protection of a power in the five-partite cycle that were doomed to ruin in a short time. This was the ideological context of his appraisal of Tzu-ying.

Liu Hsiang and Liu Hsin combined the theory of Five Elements producing each other with that of Eight Trigrams, as can be seen from their use of the *chen* trigram in their description of the course of history (Ku Chieh-kang 1963: 486-492). Therefore Pan Ku paid somewhat more attention to the sets of eight items than Ssu-ma Ch'ien, quoting from materials provided by Liu Hsin, "Man... controls Eight Trigrams, regulates Eight Winds, orders Eight Concerns of Government, corrects Eight Periods of the Year (*pa chieh*), harmonizes Eight Kinds of Musical Sounds Produced by Eight Instruments, makes dance Eight Rows of Dancers (*pa yi*), supervises Eight Directions (*pa fang*), reaches to Eight Far-Distant Regions (*pa huang*) and thus brings to completion the work of Heaven and Earth. Therefore eight times eight is sixty four, its meaning is to develop to the utmost changes of Heaven and Earth..." (Han shu, 21A.1643; cf. Han shu, 27Aa.2271; 30.3092; 100B.5856, 5857; 21A.1639 [on Eight Trigrams]; 21A.1632, 1659, 1660, etc. [on Eight Musical Sounds]; 25A.2089-2091, 2099; 25B.2142, 2145, 2154 [on Eight Gods]; 23.1989-1990 [on Eight Deliberations (*pa yi*)]; 30.3109 [on Eight Rows of Dancers]). Numerical category of eights influenced three and perhaps even five of the Han shu treatises, Pan Ku expressly stating that the subjects of the treatises on Food and Money (*shih huo*), ch. 24, and Sacrifices in the Suburbs (*chiao ssu*), ch. 25, constitute the first three of the Eight Concerns of Government (Han shu, 24A.1999; 25A.2075).¹

Numerical category of twelves is also important for the Han shu. Twelve Branches appear there under the name of *shih-erh ch'en* (Han shu, 21A.1630, 1644) and division of All-under-Heaven into Twelve Provinces (*shih-erh chou* XX) at the times of Shun and Yu is mentioned (Han shu, 28A[i].2468). Pan Ku also describes 13 zones of All-under-Heaven (those of Ch'in XX, Wei XX, Chou XX, Han XX, Chao XX, Yen XX, Ch'i XX, Lu XX, Sung XX, Wei XX, Ch'u XX, Wu XX, and Yueh XX) as *fen yeh*, i.e. regions on Earth corresponding to Twelve Jupiter Stations (*shih-er tz'u* XX); though he actually points out only

steps did his best to force his materials into a set number of chapters within each division for numerological reasons (Krol' 1987:104-109).

It follows that numerology was part and parcel of Pan Ku's world view, of his philosophy of history in particular. The same is true of the concept of mutual attraction of the like. At least two important theories by Pan Ku were based on it. He believed in portents, perhaps to an even greater extent than Ssu-ma Ch'ien. A lot of them are recorded in the *Han shu*. As to a passage revealing Pan Ku's personal attitude towards portents, I believe his resume of the contents of *Han shu* treatise on astronomy is eloquent enough and (in contrast to the treatise) written by the historian himself. It runs, "In the Supreme Heaven shining bright there are 'suspended images that give the light.' Sun and moon shed their light everywhere, constellations send down their [luminous] essence. The hundred [heavenly] officials establish laws, [celestial] palace buildings constitute a complex; they send down responses to the rule of kings [like] a shadow imitating [the form of] a body" (Han shu, 100B.5856. In inner quotes a text from the Hsi-tz'u chuan is cited, cf. Wilhelm and Baynes 1971: 319). This seems to be a direct proof that Pan Ku regarded portents as heavenly responses to human (especially royal) actions. There are also no reasons to suppose he did not believe in portents connected with the rise of the Han to power, as some scholars do (Sinitsuin 1975: 74-75). On the contrary, he included in his history Pan Piao's list of these portents and called the cutting in two of a snake by the founder of the Han "an auspicious omen" (see above) (Han shu, 100A.5822-5827 [cf. Krol' 1970:137-150]; 100B.5849). But of course Pan Ku was far from believing in all the portents he found in his sources. He shared Liu Hsin's critical opinion that some dogmatic adherents of the *Yin Yang* School "tied themselves to prohibitions and abstentions and became mired in petty methods [for finding out lucky times and days] discarding human efforts and relying on spirits and gods." His attitude towards the school reminds us of that of Ssu-ma T'an and Ssu-ma Ch'ien (Han shu, 30.3152; a mod. translation by Dubs 1955: 454, n.24.4. Cf. Shih chi 130.7; Krol' 1970: 10). From Pan Ku's resume of his "Treatise on Five Elements" it is clear that he believed in portents beginning with the River Chart (*Ho T'u*) and Lo Writing (*Lo Shu*).¹ He also held the perspicacity of Han interpreters of calamities and strange happenings in terms of the *yin yang* theory in rather high esteem, remarking, "When one examines what they said, they seem to [share] one viewpoint; resorting to the classics they formulated their judgments and relied on analogies. I dare say they could not escape [the lot of those whose] 'judgments were often correct'..." (Han shu, 75.4735; inner quotes mark a citation from the Lun yu, cf. James Legge 1960a: 243 [XI.XVIII, 2]. Cf. Han shu, 27Aa.2273) This seems to corroborate the conclusion that his belief in portents was rather strong.

Pan Ku shared with Ssu-ma Ch'ien the belief in the theory of retribution, too. He quoted its formulation from a *Shih ching* ode: "Every good deed has its recompense (or response)" (Han shu, 100B.5853; cf. Legge 1960c: 514 [III.III.II, 6]; Dubs 1955: 177). In another case, he quoted from the same ode describing the reward received by Shih Tan, "Every word has an answer"; [Shih Tan] eventually received 'the recompense' of a loyal and honest [subject]" (Han shu, 82.4923). We also find with him the belief it affects even remote descendants of a great man.

[1955: 328]). Pan Ku also believed that retribution should come both to good and bad advisors. To his mind, the "words" of Lu Wen-shu XX, an advisor of the first type, were "in accordance with [the truth], [his] intentions were firm and sincere, therefore [his] was a hereditary house [of important officials]; it was fitting!" while plans Wu Pei, an advisor of the second type, made for his king were false and disloyal to the Han, therefore "was it not fitting that he and his relatives should be executed according to the principle of collective responsibility?" (Han shu, 51.3855; 45.3652).

Like Ssu-ma Ch'ien, he considered more complicated cases of interaction of different kinds of retribution. He reproduced Ssu-ma Ch'ien's appraisal of Hsiang Yu in his history (Han shu, 31.3274-3275). Gaging Chang T'ang, a "cruel official" who committed suicide in 116 B.C., Pan Ku pointed out, "Though T'ang was ruthless and personally suffered from a disaster [for that, but] he pushed forward the worthy and displayed what was good [in the ruler, therefore] it is certainly fitting that he had a successor" (Han shu, 59.4183).

With Pan Ku as with Ssu-ma Ch'ien, an explanation of historical phenomena alternative to that of retribution is provided by the idea of fate. Here is one example. Once he compared the lives of two high officials, namely Han An-kuo XX, an adherent of peace with the Hsiung-nu, and Wang Hui, an author of a plan to attack them. Wang Hui won in their discussion, but eventually brought about his own ruin: his plan failed and he committed suicide. On the other hand, Han An-kuo fell from a chariot, hurt his foot, was dismissed for a while on account of limping, which prevented him from reaching the top of his career, and died. Pan Ku's verdict is as follows, "Han An-kuo was highly appreciated [by the emperor, but] just before he attained [to the post of a chancellor] he fell; [this was followed by] gradual deterioration [of his position], and he died of grief. A chance encounter [with a superior resulting in] unanimity depends on fate, alas! But if Wang Hui being a military leader suffered from a disaster [on this account] - was it fate?" "[Han] An-kuo 'hurt his foot,' Wang Hui was a military leader. Fate [ordained by] Heaven seems [to have befallen] that one; disaster [brought upon him by] the man [himself] seems [to have befallen] this one" (Han shu, 52.3890; 100B.5865). There seems to be more fatalism in Pan Ku's views on fate than in those of Ssu-ma Ch'ien, since Pan Ku shared the concept of "time [ordained by] Heaven" (*t'ien shih*), as is evident from the appraisals of the historian in *Han shu*, ch.63 and 99C.

Let us recapitulate. Both Ssu-ma Ch'ien and Pan Ku made ample use of numerology (though sometimes their interest in and interpretation of this or that set of items, such as for instance Five Elements would differ) and of the notion of mutual attraction of the like. With both of them, the notion is embodied in two theories at least, that of portents and that of retribution complemented with the concept of fate. They also share a spatial notion according to which each region produces natural resources and population according to its kind. Ideas connected with this complex constitute the bulk of Ssu-ma Ch'ien's philosophy of history and have close parallels in the *Han shu*. Since numerology and the notion of mutual attraction of the like are components of correlative thinking, it follows that this thinking dominates the philosophy of history of Ssu-ma Ch'ien and Pan Ku.

IV

There is, though, one more sphere in the *Shih chi* and *Han shu* besides that of philosophy of history where the influence of correlative thinking seems to be especially conspicuous. It is that of the way two historians presented their materials connected with their way of perceiving reality. Discussing it, I'll begin with biographies, to be more exact, with the *Shih chi* biographies that are held to be one of Ssu-ma Ch'ien's main contributions to the Chinese culture.

It seems proper to remind here that the expression *t'ung lei* had two meanings and that clansmen related by blood were believed to possess similar mentality. Therefore those of the same surname (originally kin name) and blood were deemed to be "of the same kind." It follows that classification according to clans was also a part of that according to "kinds." On the other hand, we know (in the first place due to scholarly efforts of Professor Bodde [1939: 200-219]) of the attempts of correlative thinking to classify individuals irrespective of their kinship, but according to their mental and moral characteristics or the type of their activities; resulting groups were formed by mutual attraction of those who had similar "wills" and "intentions" which accounts for similarity of their occupations, social positions, etc. In contrast to groups of clansmen, they had no common surname and were not thought of as those who inherited their mentality from a common ancestor. But both groups were based on the concept of *lei* and consisted of those "of the same kind," though their members were believed to possess psychic similarities for different reasons.

Chapters of the *Shih chi* where groups of individuals are treated (no matter whether they belong to Basic Annals, Hereditary Houses, or Biographies) can be reduced to two types. As pointed out by Professor Watson, either they deal with clan members (beginning with two and ending with the whole clan) or with individuals of the same "category" classified into groups "by the contour of their lives and the ambitions that motivated them," by common social function and ethical attitude, by "their similarity of interests"

(Watson 1958: 129). But according to *lei*-thinking both kinds of chapters deal with individuals "of the same kind," of similar "wills" and "intentions." Hence comes Ssu-ma Ch'ien's interest in manifestation of a "will" embodied both in sayings (no matter oral or written) and deeds. It shows his interest in personality, but a restricted one at that for he never treated a personality really isolated from others. He contemplated it among those "of the same kind", not as a personality per se (Kroll 1976: 313-325). Therefore he was interested not in many-sided and unique characteristics, but first of all in that which men "of the same kind" had in common, then in what respect they differed at that. He approached a personality from the starting-point of a clan, a group of the like, creating one sided "functional" biographies, to use a term introduced by Professor Twitchett.

Though there are many chapters in the *Shih chi* relating the story of only one individual, here again the influence of *lei*-thinking is perceptible. Ssu-ma Ch'ien wrote these biographies in the same way he did composing his joint biographies, often discussing in his appraisal how the individual should be classified and what reasons he had for the classification he had chosen. Professor Watson accounted for Ssu-ma Ch'ien's tendency to describe individuals in accordance with stereotypes inherited by him from the past by the influence of rhetoric on historiography (Watson 1958: 140). It is probably more exact to speak of the influence of *lei*-thinking exercised through various ways, including rhetoric.

The biography of an individual created by Ssu-ma Ch'ien originates from a clan history for the most part retaining traces of its provenance, such as information about ancestors in the beginning and that about descendants in the end (Kroll 1970: 64-66). It follows that it originates from the history of a group of individuals of "the same kind" which accounts for its many peculiarities.

Thus *lei*-thinking exercised a decisive influence on the classification of materials and the principles of description of an individual in the three divisions of the *Shih chi* treating the subject of man. It also seems to have influenced the way of giving a historical account without resorting to a plot which is characteristic of the *Shih chi*. Probably a plot presupposes a view on history as on a chain of causes and effects, the existence of some concept reminiscent of that of mechanical causality, whereas correlative thinking replaces this concept with that of mutual attraction of the like which seems to be less favourable for the developing of plots than notions of causality in the West; plot fiction was a late development in China. But notion of mutual attraction of the like seems to have been extremely favourable for classification.

The word "classification" describes exactly what Ssu-ma Ch'ien did with historical material in Chronological Tables and Treatises. Its presentation there can be depicted (with some reserve) by Pan Ku's words said about Liu Hsiang's treatise on portents: "[Things] of the same kind follow each other, there being a title for each section" (Han shu, 36.3401). Concepts of five "kinds" that differ either thematically or hierarchically underlie five divisions of the *Shih chi*. The sequence of chapters inside each section was influenced not only by considerations of chronology, but also by Ssu-ma Ch'ien's intention either to group together chapters related thematically, i.e. treating objects of the same kind, or to contrast those treating objects of "different kinds." It follows that correlative thinking deeply influenced Ssu-ma Ch'ien's literary practice including the principles of classification of his materials, his methods of portraying an individual, his choice of subjects for arranging material around them, and the structure he devised for the *Shih chi*. Academician J. Prusek pointed out that "basic structural method" of Ssu-ma Ch'ien "is a loose linking of material with certain common features, a method which could be designated as categorization or systematization." He posed the question of how this method was determined by "the specific thought pattern, the specific perception of reality" (1970: 19, 31). I believe the answer to this question is correlative thinking with its concept of causality and tendency towards classification (Kroll 1974: 376-380).

To my mind, what is true of Ssu-ma Ch'ien's way of presenting his materials is also true of that of Pan Ku who borrowed the main structure of Ssu-ma Ch'ien's work and copied a series of its chapters. *Han shu* has the same three types of chapters treating the subject of man as the *Shih chi*, i.e. those relating the story of one man, of a group of relatives and of a group of non-relatives "of the same kind". The only difference I can see is that there are more chapters of the third type in the *Han shu* at the expense of those of the first two types. Thus *Shih chi* has 112 chapters treating the subject of man, while *Han shu* has 82 chapters treating the same subject. *Shih chi* has 33 chapters relating the story of one man (*Shih chi* ch. 7, 8, 10-12, 41, 47, 48, 53-56, 58, 64, 66, 68-70, 72, 75, 77, 78, 82, 85, 87, 88, 91, 92, 96, 104, 106, 108, 117. Four of them have an "appendix" dealing with one [ch. 41, 66] or more [ch. 58, 96] other persons), including 4 annals of Han emperors that describe reigns of members of the same clan and surname (*Shih chi*, ch. 8, 10-12),¹ whereas *Han shu* has 19 chapters of the same type (*Han shu*, ch. 1-12, 48, 56, 57, 65, 87, 98, 99) including 12 annals of Han emperors of the same clan, 11 of which also have the same surname (ch. 1-2, 4-12). It should be noted that both ch. 8-12 of the *Shih chi* and ch. 1-12 of the *Han shu* easily could have been

¹ *Shih chi* ch. 8-12 are annals of the first 6 emperors of the Han dynasty; empress Lu was a member of the Liu clan though of a different surname. Ch. 9 of the *Shih chi* combines the annals of Hui-ti (195-188 B.C.) with those of his mother empress Lu (188-180 B.C.) but is named only after her.

rearranged as one chapter describing the history of the House of Han, i.e. the ruling clan. *Shih chi* has 33 joint biographies of those related by blood including 7 Basic Annals (*Shih chi* ch. 1-6, 9. In his ch. 1 Ssu-ma Ch'ien emphasized that Five Emperors were relatives, descendants of Huang-ti, hence my classification of their annals), 20 Hereditary Houses (*Shih chi* ch. 31-35, 37-40, 42-46, 50-52, 57, 59, 60), and 6 Biographies (*Shih chi* ch. 61, 80, 94, 109, 118, 130. Ssu-ma Ch'ien's autobiography includes information on his ancestors and especially on his father Ssu-ma T'an, hence my classification of the chapter), whereas *Han shu* has only 16 chapters of the same category (*Han shu*, ch. 35, 36, 38, 44, 47, 53, 59, 60, 62, 63, 73, 78-80, 84, 100). *Shih chi* has 40 chapters containing joint biographies of non-relatives "of the same kind" (*Shih chi* ch. 36, 49, 62, 63, 65, 67, 71, 73, 74, 76, 79, 81, 83, 84, 86, 89, 90, 93, 95, 97-103, 105, 107, 111, 112, 119-122, 124-129), whereas *Han shu* has 44 of these (*Han shu*, ch. 31-34, 37, 39-43, 45, 46, 49-52, 54, 55, 58, 61, 64, 66-72, 74-77, 81-83, 85, 86, 88-93, 97). 40 chapters constitute 35.71% of those treating the subject of man in the *Shih chi*, while 44 chapters constitute 53.66% of those treating the same subject in the *Han shu*. These *Shih chi* chapters include biographies of relatives as their component but occasionally,¹ whereas comparable chapters of the *Han shu* do it on a somewhat broader scale (*Han shu*, ch. 40, 51, 54, 66, 68, 71); it can be accounted for by the increase of tendency of grouping together biographies of non-relatives "of the same kind" in the *Han shu*; the premise of the phenomenon is already mentioned above: relatives by blood were also believed to be "of the same kind", otherwise inclusion of their biographies into joint biographies of non-relatives "of the same kind" would be hardly possible.

Pan Ku's increased tendency to group together biographies of non-relatives "of the same kind" affected his chapters dealing with Barbarians, too. Ssu-ma Ch'ien wrote 6 chapters dealing with them (*Shih chi*, ch. 110, 113-116, 123), whereas Pan Ku wrote only 3 (*Han shu*, ch. 94-96), combining accounts of the Barbarians of the Southwest XX, Southern Yueh, Min-Yueh, and Ch'ao-hsien into one chapter (*Han shu*, ch. 95). This tendency of Pan Ku can be (at least partly) explained by the necessity for him to force a large number of individual biographies into the set number of 70 chapters of the biographical division of the *Han shu*.

Pan Ku is sometimes characterized as having been more systematic than Ssu-ma Ch'ien in basing the sequence of his biographies on the principle of chronology alone and in grouping together biographies of the same type: thus he allotted the first place to those of them dealing with one man, the second one to those dealing with people of the same kind, the third one to those dealing with foreign people on the border and the last one to that describing the life of the "rebellious minister" Wang Mang (Jan Chao-te 1963: 35). In the light of what was said above, the observation that Pan Ku allotted the first place to biographies dealing with one man is to be rejected and the other ones reformulated. To my mind Pan Ku brings together biographies of non-relatives "of the same kind" belonging to a social group and named explicitly as such in the headings of corresponding chapters (i.e. "Confucian Scholars," "Reasonable Officials," "Harsh Officials," "Money Makers," "Wandering Knights," and "Male Favourites") close to the end of the last division of his history; they are followed by three chapters dealing with barbarians; these in their turn are followed by three chapters dealing with imperial relatives by marriage; the last of them is that of Wang Mang. According to Pan Ku the *yin* principle is embodied in all subjects portrayed in the Biographies, non-Chinese vassals of the empire and imperial relatives by marriage in particular, but it exercised excessive influence while being embodied in the person of Wang Mang which resulted in usurpation of power. Pan Ku had to conclude his history with an account of Wang Mang who overthrew the Former Han, therefore he put the three chapters on imperial relatives by marriage in the end of the *Han shu*; Ssu-ma Ch'ien had no Wang Mang to think of, therefore the position of the chapter on imperial relatives by marriage in the *Shih chi* (ch. 49) is different (Goodrich 1968: 210-211; but cf. Jan Chao-te 1963: 35, n. 7).

In contrast to Pan Ku, Ssu-ma Ch'ien only tended to bring together joint biographies of those belonging to social groups and named by him as such, but did not do it consistently. The same is true of Ssu-ma Ch'ien's attempts to bring together his accounts of the barbarians. Pan Ku's consistency in grouping together chapters of a certain type is perhaps somehow related to his increasing tendency to bring together biographies of non-relatives "of the same kind" into one chapter. All this probably shows that Pan Ku as author of the biographies and the annals was not less indebted to correlative thinking than Ssu-ma Ch'ien. But he was indebted to it, too, as the author of the treatises. It is especially conspicuous in several new treatises he created, those on Norms for Mutilating Punishments, Five Elements, and Classical and Literary Writings (*Han shu*, ch. 23, 27, 30) whose materials are obviously organized according to *lei*.²

¹ For instance, *Shih chi* ch. 65 contains joint biographies of three theorists of art of war, two of which are relatives of the same surname (Sun Wu and Sun Pin), but the third one (Wu Ch'i) is not related to them by blood.

² Those who completed *Han shu* after Pan Ku's death evidently felt correlative thinking to be consonant with it, since they introduced "Chronological Table of Men of Ancient and Modern Times" based on this kind of thinking into it, cf. Bodde 1939: 200-219.

Thus the mode of thinking shared by both historians was correlative, with certain complements such as the idea of fate. This seems to correspond to the genre form of Standard Histories. Or, to put it differently, the genre was produced in surroundings permeated with correlative thinking and practically grew out of it.

REFERENCES

- An Tso-chang. 1979. *Pan Ku yü Han shu*. Chinan: Shan-tung jen-min ch'u-pan-she.
- Bodde D. 1939. Types of the Chinese Categorical Thinking, *Journal of the American Oriental Society* 59: 200-219.
- Bodde D. 1940. *Statesman, Patriot, and General in Ancient China*. New Haven: American Oriental Society.
- Bodde D. 1959. The Chinese Cosmic Magic Known as Watching for the Ethers. *Studia Serica Bernhard Karlgren Dedicata*. Ed. S.Egerod and E.Glahn. Copenhagen: Einar Munksgaard.
- Bodde D. 1964. Sexual Sympathetic Magic in Han China. *History of Religions* 3, No 2: 292-299.
- Bodde D. 1991. *Chinese Thought, Society, and Science: The Intellectual and Social Background in Pre-Modern China*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Ch'en Chih. 1982. Han Chin jen tui 'Shih chi' te ch'uan-po chi ch'i p'ing-chia. *Ssu-ma Ch'ien yü "Shih chi" lun-chi*. Ed. Li-shih yen-chiu pien-chi-pu. Sian: Shen-hsi jen-min ch'u-pan-she.
- Ch'en Ch'i-yu. 1963. *Han Fei-tzu chi shih*. Taipei: Shih-chieh shu-chu.
- Chou Yi chü shu*. Ed. Shih-san ching chu shu.
- Ch'ian ch'iu fan lu*.
- Creel H.L. 1974. *Shen Pu-hai: A Chinese Political Philosopher of the Fourth Century B.C.* Chicago: University of Chicago Press.
- Dubs H. 1938. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku*. Vol 1. Baltimore: Waverly Press.
- Dubs H. 1944. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku*. Vol.2. Baltimore: Waverly Press.
- Dubs H. 1955. *The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku*. Vol.3. Baltimore: Waverly Press.
- Eberhard, W. 1957. The Political Function of Astronomy and Astronomers in Ancient China. *Chinese Thought and Institutions*. Ed. J.K.Fairbank. Chicago: University of Chicago Press, 1957.
- Fan Yeh. *Hou Han shu*.
- Goodrich Ch.S. 1968. Letter to the Editor. *Harvard Journal of Asiatic Studies* 28.
- Graham A.C. 1964. The Logic of the Mohist Hsiao-ch'u. *T'oung Pao* 51, No 1.
- Graham A.C. 1965. Two Dialogues in the Kung-sun Lung Tzu: 'White Horse' and 'Left and Right'. *Asia Major*, N.S. 11, Pt.2.
- Graham A.C. 1986. *Yin-Yang and the Nature of Correlative Thinking*. Singapore: Institute of East Asian Philosophers (Occasional Paper and Monograph Series No. 6).
- Graham A.C. 1989. *Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China*. La Salle, Illinois: Open Court.
- Granet M. 1959. *Danses et legendes de la Chine ancienne*. Vol. 1. Paris: Presses Universitaires de France.
- Han yü ta tz'u tien*. 1987-1994. Ed. Lo Chu-feng. Hong Kong: Joint Publishing (H.K.) Co., Ltd.
- Henderson J.B. 1984. *The Development and Decline of Chinese Cosmology*. New York: Columbia University Press.
- Hsun-tzu*.
- Huang Hui. 1938. *Lun heng chiao shih*. Shanghai: Shang-wu yin-shu-kuan, 1938.
- Hulsewe A.F.P. 1955. *Remnants of Han Law*. Vol.1. Leiden: Brill.
- Hulsewe A.F.P., Loewe A.N. 1979. *China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C.-A.D.23*. Leiden: Brill.
- Jan Chao-te. 1963. Pan Chao, Ma Hsu pu-tso 'Han shu. Pa Piao' chi 'T'ien wen chih' chih-yi. *Kuang-ming jih-pao*.
- Krol' Yu.L. 1970. *Suima Tsyun' - istorik* [Ssu-ma Ch'ien as a historian]. Moscow: Nauka.
- Krol' Yu.L. 1973. O kontseptsii 'Kitay - varvarui' [On the concept of "China - Barbarians"]. *Kitay: obshchestvo i gosudarstvo*. Moscow: Nauka.
- Krol' Yu.L. 1974. O vliyanií 'assotsiativnogo muishleniya' na 'Zapisi istorika' [On the influence of "associative thinking" on the "Records of the Historian"]. *Istoriko-filologicheskiye issledovaniya: Sbornik statey pamyati akademika N.I.Konrada*. Moscow: 370-380.
- Krol' Yu.L. 1976. Ssu-ma Ch'ien's Literary Theory and Literary Practice. *Altorientalische Forschungen* 4: 313-325.
- Krol' Yu.L. 1977. Rassuzhdeniye Suima o 'shesti shkolakh' [Discussion of the "six schools of thought" by Ssu-ma]. *Kitay: istoriya, kul'tura, istoriografiya*. Moscow: 131-157.

- Krol' Yu.L. 1978. Kitaytsui i 'varvarui' v sisteme konfutsianskikh predstavleniy o vselennoy (II v. do n. e. - II v. n. e.). [Chinese and "Barbarians" within the Confucian world picture (2nd century B.C.-2nd century A.D.)]. *Narodnā Azii i Afriki*, No 6.
- Krol' Yu.L. 1981. Rodstvenniye predstavleniya o 'dome' i 'shkole' (tszya) v drevnem Kitaye [Related concepts of a "house" and a "school of thought" (chia) in ancient China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye*. Moscow: Nauka.
- Krol' Yu.L. 1986. O sootnoshenii drevnekitayskikh predstavleniy o 'rode(ley) i 'klane, ili patronimii' (tszun tszu) [On the correlation of ancient Chinese concepts of "kind" (lei) and "clan or patronymy" (tsung-tsu)]. *Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka* 20 (Pt.1): 123-127.
- Krol' Yu.L. 1987. Nekotoryye nablyudeniya nad numerologicheskimi aspektami rannikh 'obraztsovykh istoriy (chzhen shi) [Some observations about the numerological aspect of the early Standard Histories (cheng shih)]. *Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka* 21 (Pt.1): 104-109.
- Krol' Yu.L. 1990. Notes on Ch'in and Han Law. *Thought and Law in Qin and Han China: Studies Dedicated to Anthony Hulsewe on the Occasion of His Eightieth Birthday*. Ed. W.L. Idema and E. Zürcher. Leiden: Brill.
- Krol' Yu.L. 1991. Drevnekitayskaya kontseptsiya 'uzora Zemli' [The ancient Chinese concept of the "pattern of Earth"]. *Nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye"*. Tezisy dokladov 22 (Pt.1): 36-40.
- Kryukov M.V. 1967. *Formy sotsial'noy organizatsii drevnikh kitaytsev* [Forms of social organization of the ancient Chinese]. Moscow: Nauka.
- Ku Chieh-kang. 1963. Wu te chung-shih-shuo hsia te cheng-chih ho li-shih. *Ku-shih-pien*. Vol. 5. Ed. Ku Chieh-kang. Hsiang-kang: 441-446.
- Kuo yu. Ed. Kuo-hsueh chi-pen ts'ung-shu ed.
- Lai Yen-yuan. 1984. *Ch'un ch'iu fan lu chin chu chin yi*. Taipei: Taiwan Shang-wu yin-shu-kuan. Translation by E.H. Hughes quoted from Needham, *Science and Civilization*, vol. 2, 281.
- Le Blanc Ch. 1978. *The idea of resonance (kan-yin) in the Huai-nan Tzu: with a translation and analysis of Huai-nan Tzu chapter six*. Ph.D. Dissertation. Philadelphia, University of Pennsylvania.
- Legge J. 1960. *The Ch'un ch'iu with the Tso Chuen*. Vol. 5 of *The Chinese Classics*. Hong Kong: Hong Kong University Press (mod. translations).
- Legge J. 1960. *The She King or Book of Poetry*. Vol. 4 of *The Chinese Classics*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Legge J. 1960a. *Confucian Analects*. Vol.1 of *The Chinese Classics*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Legge J. 1960b. *The Ch'un ch'iu with the Tso Chuen*. Vol.5 of *The Chinese Classics*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Legge J. 1960c. *The Shoo King or The Book of Historical Documents*. Vol.3 of *The Chinese Classics*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
- Lewis M. 1990. *Sanctioned Violence in Early China*. Albany: State University of New York Press (SUNY Series of Chinese Philosophy and Culture, Ed. D.L. Hall and R.T. Ames).
- Liang Ch'i-hsiung. *Hsun-tzu chien shih*. Ed. Kuo-hsueh chi-pen ts'ung-shu.
- Major J.C. 1973. *Topography and cosmology in early Han thought: chapter four of the Huai-nan-tzu*. Ph.D. Thesis. Cambridge (Mass.), Harvard University.
- Pai hu t'ung. Ed. Ts'ung-shu chi-ch'eng ch'u-pien ed.
- Needham J. 1956. *Science and Civilization in China*, vol. 2, *History of Scientific Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.
- Prusek J. 1970. *Chinese History and Literature: Collection of Studies*. Prague: Academia.
- Shih chi by Ssu-ma Ch'ien.
- Sinituin Ye.P. 1975. *Ban Gu istorik drevnego Kitaya* [Pan Ku as an ancient Chinese historian]. Moscow: Nauka.
- Takigawa Kametaro. *Shih chi hui chu k'ao cheng*. Ed. Lo-t'ien jen-wen ts'ung-shu ed.
- The Grand Scribe's Records*. Volume VII. Ed. Nienhauser.
- Tinios E.R. 1983-1985. *Sure Guidance for One's Own Time: Pan Ku and the Tsan to Han Shu 94. Early China* 9-10.
- Tjan Tjoe Som. 1949. *Po Hu Tung, The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall*. Vol.1. Leiden: Brill.
- Tjan Tjoe Som. 1952. *Po Hu Tung, The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall*. Vol.2. Leiden: Brill.

- Tsai-fa Cheng, Zongli Lu, W.H.Nienhauser, Jr., and R.Reynolds. 1994. *The Grand Scribe's Records, Volume VII: The Memoirs of the Pre-Han China by Ssu-ma Ch'ien*. Ed. W.H.Nienhauser, Jr. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- van der Sprenkel O.B. 1964. *Pan Piao, Pan Ku and the Han History*. Canberra: Centre of Oriental Studies, The Australian National University.
- Vasil'yev K.V. 1973. Religiozno-magicheskaya interpretatsiya vlasti vana v zapadnochzhouskikh epigraficheskikh tekstakh [A magico-religious interpretation of the authority of the wang in epigraphic texts of the Western Chou]. *Kitay: obshchestvo i gosudarstvo*. Moscow: 7-12.
- Wai-yee Li. 1994. The Idea of Authority in the Shih chi (Records of the Historian). *Harvard Journal of Asiatic Studies* 54, No 2.
- Wang Hsien-ch'ien. *Han shu pu chu*. Ed. Kuo-hsueh chi-pen ts'ung-shu ed.
- Watson B. 1958. *Ssu-ma Ch'ien, Grand Historian of China*. New York: Columbia University Press.
- Watson B. 1961ab. *Records of the Grand Historian of China*. Vol.1-2 New York: Columbia University Press.
- Watson B. 1974. *Courtier and Commoner in Ancient China: Selections from the History of the Former Han by Pan Ku*. New York and London: Columbia University Press.
- Wilhelm R., Baynes C.Y. 1971. *The I Ching or Book of Changes*. Princeton, N.J.: Princeton University Press (Bollingen Series, 3rd ed.).

Т.Д.Скрынникова

СЕМАНТИКА КЕРЕКСУРОВ

В степях Центральной Азии часто встречаются сооружения из камней или отдельно стоящие камни, которые относятся к различным периодам. В научной литературе сооружения из камней стали обозначаться тем именем, под которым они известны на территории их распространения среди тюркоязычных и монголоязычных народов, - *керексуры*. Слово наиболее распространено именно в таком написании. Отдельно стоящие камни хорошо известны в науке как оленные камни, бронзового века и каменные бабы тюркского каганата. Оба типа отдельно стоящих камней в Монголии называют *хошо чулу* (хошоо чулуу)¹.

Прежде чем говорить об их семантике, прежде всего о семантике керексуров, а именно этому посвящена данная статья, хочу напомнить о принципиальном различии двух частей Великой Степи, подчеркиваемом палеоантропологами и археологами для II и I тысячелетия до н.э.: европеоидность западной части и монголоидность восточной, границей между которыми является Хангай.² Не углубляясь в археологические проблемы, считаю нужным отметить одну из

¹ А.П.Окладников отмечал, что *дусээ-чоло* или *кошо-чоло*, т.е. 'овечьи камни', - это оленные камни Бурятии, Тувы и Монголии (1976: 352).

² Европеоидность и монголоидность Евразии - не простая проблема, которую решают палеоантропологи и археологи. "Антропологи, изучив черепа карасукцев Южной Сибири, отмечают их европеоидные черты

важнейших черт памятников - их внутреннюю семантическую нагрузку. Для этого следует вспомнить, какого типа археологические памятники были характерны для Центральной Азии и что, на мой взгляд, было в них наиболее существенным. Для европеоидов II-I тыс. до н.э. характерны оленные камни, жертвенники и керексуры (карасукский период), а для монголоидов на востоке - плиточные могилы I тыс. до н.э.

Оленные камни распространены от Алтая до Забайкалья и от Казахстана до Гоби и связаны прежде всего с племенами, обитавшими во II тыс. до н.э. на западе и северо-западе Монголии, Тувы и Алтая: "... если на 500 памятников, открытых на западе страны, менее 10 известно на востоке, то даже простая статистика доказывает *приоритет западных районов*... В Восточной Монголии найдены лишь единичные экземпляры" (Новгородова 1989: 174). Располагались они *на возвышениях среди широких долин*. "В древнетюркское время, т.е. спустя более тысячи лет после создания этих памятников, их переделывали и использовали для сооружения поминальных оград в честь знатных лиц. Позднее оленные камни переносили и водружали около целебных источников или жертвенников в честь духов гор" (там же). Причем оленные камни ставились, как правило, с восточной стороны (наиболее сакральная в арийской традиции, носителями которой становились и некоторые тюркоязычные племена - Т.С.) могильников, жертвенников или керексуров (Новгородова 1989: 176).

Если следовать нативной традиции, в которой все типы вертикально поставленных камней носят название хошоо чулуу (памятник), можно согласиться с Э.А.Новгородовой, выделяющей три типа оленных камней: "древнейшей формой оленных стел в Монголии следует считать монументы типа ушкийнувэрских, на которых кроме изображений карасукских кинжалов, ножей и чекана выбиты также древнейшие сцены 'терзания' и ряды 'парящих' оленей с длинными шеями, клювообразными мордами, поджатыми ногами, т.е. стилизованных оленей" (Новгородова 1989: 183-184). Они отмечаются больше в восточной части территории распространения оленных камней. Центральная часть связывается с распространением второго типа - "оленные камни с реалистическими изображениями животных: стоящие на вытянутых ногах олени, лоси и другие звери. Образ оленя вытесняется образом коня" (там же: 185). Эти, стоящие на цыпочках животные, отмечаются на петроглифах Алтая, Тувы и Казахстана (там же: 191). "Третий тип олен-

и иногда сравнивают с памиро-ферганцами", о чем говорил еще в 1931 г. Г.Ф.Дебеч (Новгородова 1989: 232). По предположению ученых, учитывающих данные палеогеографии, свидетельствующей об усилении континентальности климата в середине II тыс. до н.э., последнее явилось причиной продвижения кочевников - носителей карасукской культуры на север и северо-запад вплоть до широты Красноярска. Европеоидное население было распространено в эпоху бронзы в Туве, Западной Монголии. В.П.Алексеев предполагает, что "в центральноазиатскую зону расселения представителей европеоидной расы можно будет включить и Внутреннюю Монголию" (там же: 233).

..... носителей памира, то для Вос-

ных камней - это стелы, как правило, без изображений животных. Их заменяет символика, оружие в центре лицевой части камня, над поясом, свастика с изображением голов коней на всех четырех ее концах" (там же). Они распространены шире - Тува, Алтай, Казахстан, Кавказ, а отдельные камни обнаруживаются и на территории Болгарии (там же: 199).

При всех стилистических различиях, подчеркиваемых исследователями, следует отметить одну общую для них всех и, на мой взгляд, важнейшую черту, непременно присутствующую на всех типах изображений: *Солнце* в той или иной форме. *Солнце* является обязательным атрибутом верхней части (функция вертикалей в качестве *Axis mundi* и деление их на три зоны, где верхняя обладает наивысшей сакральностью, стало общим местом) в трех формах: *изображение солнца* (Новгородова 1989:179), *сегнерово колесо*¹ (там же), *серьга*, в которой могут быть отражены обе формы (там же: 199). Кроме того, следует отметить наиболее частый сюжет, изображаемый над поясом: солнце рядом с натянутым луком и вложенной в него стрелой, так называемый мотив *небесного охотника* (Новгородова 1989: 194). Ритуальный мотив стрельбы в солнце, судя по поясам, отмечается только на оленных камнях первого типа.² Интересно заметить, что подобное значение имеют и изображения на петроглифах того периода, распространенные в этих же регионах: изображения солнцеголовых копытных на скалах Центральной Азии - в Монголии и на Алтае (там же: 171), или мотив ритуальной стрельбы из лука в солнце или в животных, символизирующих солнце (там же: 167), что, несомненно, связано с общественным социально значимым обрядом, в котором участвуют все мужчины социума, - Новогодним ритуалом. У западных бурят празднование Нового года и называлось по самому главному моменту ритуала - стрельбе из лука - *сурхарбаном*, т.е. *стрельбой в солнце* (Скрынникова 1993: 41).

В качестве продолжения этого мотива, можно процитировать китайские источники, в которых как раз и описывается подобное празднество. "Так, в 'Истории Трех государств' ('Сань го чжи') в разделе 'История [государства] Вэй' ('Вэй шу') сказано: 'На востоке страны есть большая пещера. Называется она 'пещерой Су'. В десятой луне (здесь и далее курсив мой - Т.С.) в стране устраиваются большие собрания, чтобы встретить возвращение божества Су. На востоке государства устраивают ему большие жертвоприношения. В алтаре устанавливают изображение деревянного Су" (Троцевич 1996: 47). Подробное описание обряда отсутствует, но, на мой взгляд, помочь понять значение обряда может описание летнего праздника у эвенков: "Каждый год как только появляется первая зелень в тайге и приплод в стаде, сымские звенки совершали особые обряды, носившие у них название *икэнипо* - оживление... На протяжении многих дней, чтобы закрепить эти блага за человеком, т.е. обеспечить возможность обладания ими, участники упомянутой церемонии совершали следующий обряд: стреляли по очереди в *деревянное изображение лося - оленя* (курсив мой. - Т.С.), ...которое затем разрубалось на мелкие кусочки и раздавалось всем присутствующим как залог дальнейших успехов промысла" (Анисимов 1959:14). Это сообщение интересно еще и тем, что *рога лося/оленя* обозначаются у этих эвенков словом *сур*. А в "Истории династии Поздняя Хань" (Хоу Хань шу) записано: "На востоке страны есть большая пещера, которая зовется 'пещерой божества Су'. Это божество тоже встречают в десятой луне и приносят ему жертвы". Завершив цитирование, А.Ф.Троцевич пишет: "... я высказала предположение о том, что слово *сур, су* в древнекорейском языке могло значить 'солнце'. Напомним здесь, что десятую луну корейцы называют *суридаль* - 'месяц сури', а пятый день пятой луны, день наивысшей солнечной активности, праздник середины лета *суриналь* - 'день сури'" (Троцевич 1996: 48). Как видим, и месяц солнца (десятый), и день солнца связаны

¹ На оленном камне из аймака Дзавшан (берег оз. Айрит-нур) нанесены два изображения *сегнерова колеса*, составленного из четырех голов лошадей в вихревом движении. Одно изображение выбито на месте серьги и заключено в круг, другое - на задней грани стелы. Изображение *сегнерова колеса*, но составленного из голов грифонов, найдено в первом Тузгунском кургане. Оно было вырезано из кожи и, видимо, являлось аппликацией седла. В этом же кургане найдена серия кожаных сегнеровидных аппликаций седельных ремней. *Сегнерово колесо* считается символом солнца, так оно описано в Ригведе и Авесте, а кони и птицы - его инкарнациями" (Нестеров 1990: 114).

² Этот мотив представляет огромный интерес в связи с его ритуальной значимостью, что может стать предметом специального исследования. Здесь только скажу, что это связано с сакральной функцией стрелы и ее ролью в качестве ритуального атрибута. Добавлю, что, на мой взгляд, эти представления характерны не для всех тюрко-монгольских народов, что определяется ограниченностью распространения сюжетов, например, *всадника, стреляющего из лука*, для периода, о котором идет речь - II-I тыс. до н.э. Причем несомненно значимым является разворот, из которого он стреляет: *всадник, летящий направо, стреляет назад, т.е. налево* (Копенский чатас и Шосони [Нестеров 1990: 33]), и *всадник, скачущий налево, стреляет тоже назад, т.е., соответственно, направо* (Астана [там же]). На кудыргинском памятнике всадник стреляет вперед, мчась направо (там же: 30). Кыргызские лошади Сулекской писаницы повернуты налево, но всадник, сидящий на пестром коне, стреляет вперед, а всадник, сидящий на одноцветном - назад (там же: 27). Однако, эта тема требует специального исследования.

с зимним и летним солнцеворотом, что подтверждает предположение А.Ф.Троцевич о значении слова *сури* - солнце.

Что касается керексуров, то ареал их распространения в Монголии эпохи бронзы и раннего железа практически совпадает с зоной оленных камней и это - запад. "Выше говорилось, что в Западной и Северо-Западной Монголии оленные камни стоят по одному, по два, а чаще параллельными рядами, протянувшимися с севера на юг, обращенные лицевой стороной на восток. Но, как правило, эти стелы расположены на краю или в центре больших жертвенников, сложенных из массы каменных выкладок. Большая часть жертвенников, в свою очередь, связана с керексурами" (Новгородова 1989:201).

Существенной характеристикой как сооружений, обозначенных Э.А.Новгородовой жертвенниками, так и керексуров, является непереносимое наличие общего элемента - *кругов*. "В долине Алтан-сандап недалеко от керексуров, которые, судя по раскопкам Ц.Доржсурэна, тоже относятся к эпохе бронзы, во время разведки В.В.Волкова и Э.А.Новгородовой в Архангайском аймаке зафиксирован жертвенник, протянувшийся с востока на запад на 200 м и имеющий форму правильного прямоугольника. Жертвенник расположен на невысоком холме. Вся площадь его заполнена небольшими каменными кольцевыми выкладками. У восточной¹ стенки находится квадратная выкладка с оленным камнем в центре. ... Под каменными насыпями самого жертвенника (раскопаны только несколько 'колец' из тысячи каменных выкладок) на уровне древней поверхности лежали черепа и копыта жертвенного коня" (там же).

Аналогичное сочетание жертвенника, керексура и оленных камней было обнаружено на границе Архангайского и Хубсугульского аймаков к северу от г.Цэцэрлэг, где оленный камень был у восточной стороны жертвенника, и у южной, причем последний был окружен кольцом. На север от этого жертвенника располагался керексур, стенки каменного ящика которого были выложены оленными камнями (там же: 202). Можно констатировать, что оленные камни, сопровождающие жертвенники или керексуры, всегда тянутся с севера на юг и обращены лицевой стороной на восток, что отмечает Э.А.Новгородова для нескольких памятников: Ушкийн-Увэр, Агрын бригады и др. (там же: 203-226).

Для того, чтобы убедиться в том, что именно *круг* является главным и основным элементом керексура, достаточно посмотреть планы, представленные Э.А. Новгородовой (1989: 213, 217, 218, 220, 223-225) в ее книге. Причем следует заметить, что керексуры прежде всего отмечены в Западной и Северо-Западной Монголии с редким вкраплением Центральной (Булганский аймак, Орхон). Следует еще заметить, что "в большинстве керексуров захоронение или жертвоприношение совершались на дневной поверхности, а сверху насыпался курган из камней" (там же: 255).

Если в оленных камнях *Солнце* присутствует эксплицитно (его изображение или сегнерово колесо), оно проявлено, то в керексурах ту же функцию выполняют упоминаемые выше *круги* - именно они являются знаками или символами *солнца*. На мой взгляд, можно сказать, что основ-

свадьбы всех членов социума, всеобщие похороны и поминки - родительский день¹), их *квадратная* или *прямоугольная* форма позволяет предположить, что у племен, оставивших плиточные могилы, совершался *обряд Земле*, а не Небу. В этой связи можно вспомнить, что о жунах говорили, что это люди, "не причесывавшие волос и совершавшие жертвоприношение в поле" (Крюков и др. 1978: 176).

На мой взгляд, аналогичная ситуация (наличие двух культур) существовала и в древней Коре. Причем, возможно, создание государства Когурё связано с приходом, если не самих индоевропейцев, то племен, подвергшихся их влиянию. Традиционным представителем восточноазиатской культуры монголоидов, где светский лидер (правитель, князь, император) сам проводил обряды, был Хэбуру, правитель Пуё. Важно подчеркнуть, что при совершении обряда он обратился не к Небу (Солнцу), а он "принес жертвы *божествам гор и рек*, прося о наследнике" (Троцевич 1996: 8). Но ребенок родился от того, что слезы лошади капнули на камень, новорожденный принадлежал другой культуре: спустился на землю в *колеснице*, запряженной драконом, в сопровождении сотни человек верхом на белых лебедях (тоже индоевропейский символ - Т.С.), *вытеснил Хэбуру на восток*, на землю Касобвон у Восточного моря, которая стала называться Восточное Пуё, и назывался он впоследствии *сыном Небесного государя* (там же: 8-9.). Занятие Хэмосу, сыном Небесного государя, старой столицы можно интерпретировать как *смену одной культурной парадигмы (культ Земли) другой - культом Солнца*. Если так понимать эту легенду, то можно думать, что мужчины - адепты культа Солнца, пришли с запада, а женщины и их родовичи были связаны с этой землей, с культом земли-воды: "Я из потомков тех бессмертных, что были государями в этой земле из поколения в поколение" (там же: 12). Если видеть в мифе отражение реальных событий, то можно предположить, что в Когурё правителями стали люди на колесницах ("обликом необычен" [там же]), оттеснившие аборигенное монголоидное население на восток, но берущее у них жен. С ними и появляется представления о солнце и его роли, что проявляется в представлении о рождении и умирании царей новой династии в перноды зимнего и летнего солнцеворота.

Что же касается плиточных могил, то, на мой взгляд, их мировоззрение отличает то, что у их создателей, как и у древних корейцев, не только не было представлений, связанных с культом Солнца, но они еще и боролись с ними, уничтожая наиболее сакральную часть оленных камней, которые они переносили в своих могильниках. "*В плиточных могилах оленные камни заменяли иногда угловые камни, причем порою они врыты в землю верхней частью*" (Новгородова 1989: 176). Как тут не вспомнить о каменных бабах Монголии тюркского периода, позже встречающиеся только с отбитыми головами. Оба действия: врывание оленного камня верхней частью в землю или отбивание головы каменных баб, - имеют одну и ту же символику, а именно *уничтожение сакральности солнечной/огненной природы насельников-предшественников, заключенной в голове/вершине/наветрии* (Скрябинникова 1997: 140, 189).

Но все эти понятия объединяет одно очень важное обстоятельство (качество): *связь с огнем*, и шире, - с *солнцем*. По данным, записанным у телеутов, *јула* и *кут* выходят из тела человека в виде *маленького огонька*, и в словаре Махмуда Кашгарского *јула* имеет значение *пламя, факел* (Потапов 1991: 46-47). "В передаче кут участвовало божество огня. Вера в получение кут через огонь была распространена также у якутов, где ее отражал запрет разбивать угли в очаге, чтобы не повредить кут и сур рождающихся детей, и... у киргизов... бытовало представление (телеутский материал. - Т.С.) о возвращении к божеству, пославшему человеку кут на земное существование уже в виде сур, т.е. *в облике умершего*" (там же: 35). Л.П.Потапов подчеркивал синонимичность кут и јула, причем у кумандинцев кут и чула (=јула) могут выступать как парное слова, отмечая точку зрения на этот феномен А.В. Анохина, который считал, по материалам телеутов, что јула это тот же кут, только вышедший из человека (там же: 40).

Приведенный выше языковой материал, на мой взгляд, достаточно демонстративен, чтобы подтвердить высказанную мною гипотезу о непосредственной связи керексура с солнцем. Что же касается первой части слова *керексур* - *керек*, может быть предложено две интерпретации, основанные на разных фонетических транскрипциях, искажающих слово-оригинал. То, что керексуры распространены на территории проживания тюрко- и монголоязычных этносов, позволяет объяснять это слово лексикой этих языков. Одним из вероятных прототипов слова *керек* могло быть монгольское слово *хоорог*, что в современных языках означает "кузнечный мех". У древних тюрков слово *körik* также означало мех, горы (ДТС: 318). Если же мы обратимся к средневековью, то увидим, что первоначально оно обозначало шкуру животного, служившую для изготовления бубнов шамана, понтонов и кузнечных мехов, выполнявших, несомненно, сакральную функцию. У монголов этим словом обозначались все три группы предметов, которые обладали повышенной сакральностью: наполненная воздухом цельная шкура была средством для переправы через водную преграду, что можно интерпретировать как средство передвижения в другой мир и что совпадает с функцией бубна шамана (Скрынникова 1997: 114).

Шаманский бубен, благодаря которому шаман у алтайских народов получал у божеств и переносил на землю кут, сур, јула обозначался по-разному: чалу (означает прежде всего деревянную ручку бубна, представляющее изображение умершего шамана или шаманки), значение слова сейчас неизвестно (Потапов 1991: 161-162); тын-бура (там же: 171), где бура означает на сакральном языке алтайцев *лошадь*, в отличие от профанного *ат*. Телеутские шаманы называли его иначе: "Алты оргошту ак чагал" (С шестью рогами священный ак чагал) (там же: 168).

Типологически сходное явление было отмечено Д.С.Дугаровым (*чагал* = *загал*), который выделил синкретический образ *олень-коня-птицы загалмай* (Дугаров 1990: 61-84), хотя, с моей точки зрения, им неверно была понята вторая часть слова. По мнению Д.С.Дугарова, крестовина Мать-дерева в шаманских инициациях, окрашенная в красный цвет, - "олень-лебедь" *загалмай* был, очевидно, посыльным богини солнца и земли" (там же: 84). Соглашаясь с автором в том, что *загалмай* был одним из духов-помощников белого шамана и функционально сближался с его бубном и тростями", а также в том, что "этот образ получил наиболее полное и яркое воплощение на знаменитых 'оленьих камнях' в виде оленя с ветвистыми рогами-крыльями", длинной лебединой шеей и клювом водоплавающей птицы" (там же), хочу отметить одно противоречие. По мнению Д.С.Дугарова, *загалмай* был, очевидно, посыльным богини солнца и земли, поскольку он интерпретирует вторую часть слова - *-май* как *умай*: "Это Умай. Древнетюркская богиня, покровительница деторождения, хранительница потомства, олицетворявшая женское, земное начало и плодородие" (там же: 83). Тогда как, на мой взгляд, это нужно понимать как *оми*, что связано не тюрками, а с тунгусо-маньчжурами, с которыми у монголов и бурят также отмечается этногенетическая близость. Можно думать, что *-май* - это усеченная форма *оми* - слова, обозначающего сакральную субстанцию солнечной природы, а также ее вместилище - антропоморфные фигурки из камня или глины (ССТМЯ: 16). Н.А.Алексеев уже отмечал семантическое единство *оми* и *кут* и *сур* (1975: 70). Выше я намеренно привела все значения *чула* и *сур*, семантика которых связана только с огнем. Кроме того, совершаемые с ними действия - это получение их у божеств и отправление их божествам. Никогда нет никакой речи о земле. Несомненно, у всех слов, составляющих вторую часть объекта действия, одно и то же значение: огонь или солнце. Можно напомнить строки из призывания шамана:

Эрюу улаан загалмае эрюулэлсэжэ,

Эзэн дээдэ гарбалдань... дэгдэлсэтэ!, (Дугаров 1991: 61), где отмечается цвет загалмай, красный, ассоциируемый с солнцем, и его происхождение, связанное с верхом. Связь загалмай с

¹ Может быть не только лебедь, но и орел, которого якуты называют *джагыл тойон кыла* (пестрый орел), которого почитали, похоронив его на арангасе (Алексеев 1975: 49-50).

огнем/солнцем подтверждается и его формой - крестообразной, что всегда было семантически определенным - символом огня.

Можно сказать, что *керек*, как и *загал* - это феномен традиционной культуры, благодаря которому осуществляются перемещения субстанции солнечной природы, ездовое животное или бубен в роли ездового животного, или иной другой ритуальный атрибут в этой функции. Описываемое явление довольно архитипично. Стоит обратить внимание на хеттское слово *hurku*, обозначающее колесо, которое к тому же пишется с детерминативом деревянных предметов *GIŠ*, "для которого уже было предложено значение ритуального диска (солнца - воплощения трона царя), могло обозначать колесо как верхнюю часть ритуального мирового столба. ... По отношению к названию колеса объяснение можно видеть в том, что хеттский термин продолжает не лексику, связанную с транспортом, а более раннюю ритуальную лексику (колесо как часть символики мирового дерева древнее колеса в техническом смысле)" (Иванов 1975: 404-405).

Вторым вариантом может быть фонетическая транскрипция другого слова - *хэрэг* (жертва), актуального как для тюркских, так и для монгольских языков. Как и в монгольских языках, где слово *хэрэг* означает жертвоприношение, совершаемое шаманом, в якутском языке это - языческая кровавая жертва скотом, приносимая шаманом для умиротворения гнева злых божеств. По сведениям О.Л. Попова, такое пиршество "2) ...считалось величайшей святыней, поэтому в нем должны были принимать участие не только все присутствующие, но и остатки от него уносились и домашним. Шкура убитого животного чучелилась или просто вывешивалась на том дереве, под которым происходило шаманство... 3) жертвенная шкура коня... 4) в Вилуйском округе: подмости, на которые складываются или вешаются жертвенные дары лесному духу, такие подмости устраиваются всегда на трех срубленных деревьях" (Пекарский 1916: 1046).

Шаман после жертвоприношения вешает на ветви дерева шкуру жертвенного животного вместе с копытами, головой и хвостом. "Тут же поблизости, часто на том же дереве делают обыкновенно и *кочей* или *кочай*: палку в сажень длиною, отделанную в виде стрелы¹ и надетую высоко над землею на сучок между рассохами какой-либо старой ветвистой лиственницы. В середине палки проделана дыра, острие палки всегда направлено на юг и чуть приподнято вверх, эта палка должна собою изображать 'дорогу, по которой шаман и жертвенное животное отправляется на небо' (Алдан, Баягантайский улус). Жертва эта называется по-якутски: *кочай-кэрэс*. *Кэрэс* вообще жертва" (Серошевский 1993: 625). Представляется возможной этимологизация монгольского слова *хошоо* в обозначении камней - *хошоо* чулуу через якутское *кочай*, которое кроме вышеуказанного еще означает стрелу на одежде шамана (Пекарский 1916: 1237), а у алтайцев может выступать в качестве атрибута ритуальной игры, символизирующий фаллос.

Там, где народы тайги применяли дерево (*кочай-кэрэс*, подмости, дерево с *загалмай*, деревянный лось/олень), степняки использовали камень.

Как видно из материала, одним термином могут обозначаться жертва, шкура жертвы и предметы, на которые она вешается. Это позволяет предположить, что каминный столб мог на

время обряда, и у которых до сих пор обнаруживаются останки животных с солнечной символикой. А. Д. Грач назвал даже большой керексур Улуг-хорум в Туве храмом солнца (1980: 62-65, 120-121). Причем, как мы видим, первый предложенный вариант интерпретации (*хоорог*) не противоречит семантически второму - *хэрэг*.

Мне думается, что вышеизложенный материал позволяет заключить, что керексур (дословное значение: мост /по которому перевозится/ сур или ездовое животное /на котором перевозится/ сур) - это вместилище сур, сакральной субстанции солнечной природы предка, оживляемой в ритуале, Axis mundi ритуала, через которую как передаются пожелания участников ритуала, так и получается благодать.¹ При этом можно заметить, что рассматриваемые в статье атрибуты ритуала, символы Axis mundi, семантически однородны: *керек-сур*, *загал-май*, *хошоо чулуу* (=чалу). В буддийской традиции монгольских народов этот символ реализовался в образе коня *хий морин* - коня с языками пламени на спине.

Изучение семантики керексуров имеет и более широкое значение для типологии архаических обществ, где типологизация культуры может основываться на исследовании персонального кода. Различение объектов почитания (Солнца или Земли) имело значительное распространение как во времени, так и в пространстве. Если для древнего этапа, как показано в статье, оленные камни и керексуры были проявлением культа Солнца, а плиточные могилы - культа Земли, то сейчас в качестве этнодифференцирующего маркера у бурят может выступать форма исполнения ритуального танца. Так, *западные буряты* танцуют ехор - *круговой танец*, семантика которого, наряду с другими значениями, заключается в том, чтобы быть символом солнца. Кроме изоморфности круга ехора солнцу доказательством его безусловной связи с культом солнца является время, когда он исполняется, - от заката до восхода, т.е. его рождения. Тогда как у *восточных бурят* ритуальный танец представлял собой *две параллельные шеренги* или "стенки" (Дугаров, 1991: 190-190), а не хоровод, не круг. То, что одна стенка могла состоять из парней, а другая из девушек, служит подтверждением того, что это явное указание на пару божеств - Небо и Землю.

Аналогичное явление - две разные традиции - отмечаются и у якутов даже в таком частном обряде, как испрашивание детей. При проведении обряда у центральных групп якутов (весной и осенью) его исполнитель (шаман) надевал белые одежды и брал в помощники 8 девушек и 9 юношей. У виллюйских же якутов (обряд проводился только весной) в качестве помощников шамана было по 7 юношей и девушек. И шаман не был белым, он надевал обычный костюм (Алексеев 1980: 141-143). Числовой код данного обряда совершенно ясно указывает, что центральные якуты принадлежат к культуре первого типа, связанной с почитанием светил, что символизировало участие в обряде 8 девушек и 9 юношей: 8 - луна, 9 - солнце. Тогда как виллюйские якуты совершали обряд Земле, поскольку 7, число участников обряда, была знаком Земли.

Таковы предварительные результаты исследования, некоторые идеи которого еще требуют дальнейшей проверки.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов А.В. 1959 *Космологические представления народов Севера*. М.-Л.
Анохин А.В. 1924. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910-1912 гг. *Музей антропологии и этнографии*. Сб. Т.4. Вып. 2. Л.
Баскаков Н.А. 1965. *Северные диалекты алтайского (ойратского) языка. Диалект черневых татар (туба-кыжи): Тексты и переводы*. М.
Владимирцов Б.Я. 1923. *Монголо-ойратский героический эпос* / Пер., вступ. Ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова Пг.

кой бажинча кюмюш кут - Равный голове коня золотой кут, равный голове овцы серебряный кут" (Анохин 1924: 253).

¹ "Оживление" проводилось с керексурами знатных предков, покровительствовавших потомкам и после смерти. Сур рядовых членов общества отправляли таким же образом, посредством ездового животного, у разных народов в разные после смерти дни. "Первые поминки устраивались на девятый день. На десятый просили шамана отправить *сюри* умершего в другой мир" (Алексеев, 1980: 201). Происходить это могло следующим образом. Качинды, прежде чем засыпать могилу, открывали крышку гроба и говорили покойнику: "посмотри на солнце!". Свежезасыпанную могилу обкладывали камнями, после чего мужчина трижды обводил вокруг могилы по ходу солнца верхового коня умершего и произносил: "Получи своего коня" (там же: 203). Конь мог привязываться у могилы, а мог и умерщляться. Возможно, с различными типами культуры связано заключительное действие похоронной обрядности - обход могилы, что вызывает сегодня даже дискуссию на кладбище: по солнцу или против солнца. Хожение по солнцу должно быть характерно для западной традиции, связанной с солнцем, а в восточной традиции человека возвращают Земле (= нив), у которой его испрашивали, поэтому обходят могилу против солнца.

- Грaч A.Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука.
- Гребнев Л.В. 1960. *Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос* / Предисл., пер. и коммент. Л.В.Гребнева. Кызыл.
- Гэсэр Ч.И. II: *Абай-Гэсэр-хубун. Эпосея: Эхирит-булагатский вариант* / подгот. текста, пер. и примеч. М.П.Хомонова. Улан-Удэ. Ч. I, 1961, Ч. II, 1964.
- Джангар: *Джангар. Калмыцкий народный эпос*. М., 1958.
- ДТС: *Древнетюркский словарь*. Л., 1969.
- Дугаров Д.С. 1991. *Исторические корни белого шаманизма. На материале обрядового фольклора бурят*. М.
- Иванов В.В. 1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 34, № 5.
- Карлов В.В. 1997. Обычное право народов Сибири и его изучение. *Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)*. М.: 47-73.
- Коновалов П.Б. 1994. О двух археологических культурах эпохи бронзы Монголии и Бурятии. *Mongolica. An International Annual of Mongol Studies. A Special Issue Containing the Papers of the VIth International Congress of Mongolists (August 11-15, 1992, Ulaanbaatar)*. Vol. 5 (26): 89-91.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. 1978. *Древние китайцы (Проблема этногенеза)*. М.: Наука.
- Липец Р.С. 1984. *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. М.: Наука.
- Литвинский Б.А. 1975. Памирская космология (Опыт реконструкции). *Страны и народы Востока*. Вып. 16. М.
- Мамонова Н.Н. 1979. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии. *III Международный конгресс монголоведов*. Т. III. Улан-Батор.
- Нестеров С.П. 1990. *Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск: Наука.
- Новгородова Э.А. 1989. *Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории*. М.: Наука.
- Окладников А.П. 1976. *История и культура Бурятии*. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во.
- Скрынникова Т.Д. 1993. Сурхарбан. Цыбиковские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ: 39-41.
- Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Восточная литература.
- ССТМЯ: - *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков*. Т. 2. Л., 1977.
- Пекарский Э.К. 1916. *Словарь якутского языка*. Л., Вып. 4.
- Потапов Л.П. 1991. *Алтайский шаманизм*. Л.: Наука.
- Пэрлээ Х. 1977. Дорнод монголд XVII зуунд омч хуваасан тэмдэглэлийн тухай. *Этнографийн судлал*, 1977, №5

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЖУЖАНЬСКОГО КАГАНАТА*

Введение

Жужани (жуаньжуани) были обычными для Центральной Азии кочевниками скотоводами. В "Сун шу" дается типичная характеристика их образа жизни: у жужаней "нет городов", они "занимаются скотоводством, переходя с места на место в поисках воды и травы". Живут жужани в юртах, которые китайские хронисты называют то "войлочными палатками" (*чжань чжан*), то "куполообразными шалашами" (*чжонду*) (Материалы 1984: 289-90). Там же дается яркое описание суровых (с точки зрения китайского хрониста) природных условий обитания жужаней: "В их землях мрачные горы, на которых в разгар лета скапливается снег, а равнины тянутся на несколько тысяч ли, [им не видно конца], как бы не напрягали зрение. В степях нет зеленой травы, климат холодный, лошади и крупный рогатый скот жуют сухую траву и лижут снег, но от природы жирны и крепки" (Материалы 1984: 289). Пищей для них служили мясо животных и кобылье молоко (Хандсурэн 1993: 97). По источникам дополнительно известно, что у жужаней было меридиональное кочевание. Летом они кочевали в Халха-Монголии, зимой переселялись на юг через пустыню Гоби (Материалы 1984: 267). По всей видимости, это упоминание касается не всех жужаньских племен. Однако, опираясь на этнографические параллели (Мурзаев 1952: 48-9; Вайнштейн 1972: 58, 66-73; Хазанов 1975: 10-1; Khazanov 1984: 37-39, 40-69; Андрианов 1985: 41-81; Динесман, Болд 1992: 193-194; Масанов 1995: 77-86 и др.) можно допустить, что в мирное время жужани передвигались на летние и зимние пастбища по давно установленным маршрутам. Только значительные природные катаклизмы (снегопады, засухи) могли привести к нарушениям сложившихся маршрутов перекочевок. В годы же политической нестабильности они бросали скот и обозы, и укрывались от преследования в предгорных долинах Хангая и Хэнтэя (Материалы 1984: 267, 273, 282, 285).

К сожалению археологических данных о жужанях практически нет. Некоторые индивидуальные находки, типологически сопоставимые с аварскими древностями, связываются монгольскими археологами с жужанями (Сэр-Оджав 1971: 17; История МНР 1983: 107), однако необходимо признать, что целостной археологической культуры еще не выделено (Сэр-Оджав 1971: 16; Пэрлээ 1974: 271; Шавкунов 1978: 23; Савинов 1984: 22). Письменных записей китайских хронистов также не очень много. Тем не менее они являются практически единственным источником при реконструкции различных сторон истории жужаней, в том числе и при анализе их общественного строя.

Самый главный источник по истории жужаней - это 103 глава летописи "Вэй шу" ("История династии Вэй"). Некоторая информация содержится также в работах "Бэй ши" ("История северных династий"), "Сун шу" ("История династии Сун") и ряде др. летописей (Жоужань 1965). Сведения о жужанях переводились на разные европейские языки. На русский язык они были переведены еще в прошлом веке Н.Я. Бичурным (1950: 184-208). Последний тщательный и подробно комментированный перевод источников о жужанях был сделан в середине 80-х гг. В.С. Таскиным (Материалы 1984: 267-95, 398-416).

Различные вопросы истории жужаней рассматривались в целом ряде статей, коллективных трудах и специальных монографиях (БНМАУ-ын туух 1966: 105-130; Сэр-Оджав 1971: 1977; Хандсурэн 1973; 1993; Kollautz, Miyakawa 1970; История МНР 1983: 106-8; Воробьев 1994: 297-303 и др.). В целом, они опираются на классическую нарративную традицию китайских династийных летописей. Особо выделяется только точка зрения Г. Сухбаатора, который полагает, что вместо Жужаньского каганата существовало монголо-нирунское царство (1992).

Проблема социального строя Жужаньского каганата также рассматривалась рядом исследователей. В период господства пятичленной формационной схемы некоторые исследователи определяли уровень развития жужаньского общества как рабовладельческий (Бернштам 1946: 9, 82; 1951: 129; Толстов 1948: 256-9). Однако, поскольку время существования каганата пришлось на эпоху зарождения феодализма в Европе, то в оценке марксистских (главным образом, советских и монгольских) исследователей не было особенных разногласий по поводу его формационной характеристики - в подавляющем большинстве исследователей общественный строй жужаней определяется как раннефеодальный (БНМАУ-ын туух 1966: 105-130; История МНР 1967: 83-86; 1983: 106-8; Сэр-Оджав 1971: 16-7, 24; 1977: 157-8; Хандсурэн 1973; 1993; Таскин 1984: 37

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (93-06-10313).

и др.). Ряд авторов, не акцентируя внимание на феодализме, характеризовали Жужаньский каганат как раннее государство (Плетнева 1982: 67, 87; Кычанов 1987; 1997: 74-9; Воробьев 1994: 298-301). Л.Н.Гумилев определил жужаньское общество как "примитивную военную организацию, существовавшую за счет ограбления соседей" (1961:7), образно назвав их в одной из последних работ "бандой степных разбойников" (1993: 107).

Образование каганата

Проблему образования Жужаньского каганата необходимо рассматривать в контексте более общих современных теорий политогенеза. В политической антропологии XX столетия были разработаны две наиболее популярные теории политогенеза: "интегративная" (Э.Сервис) и "конфликтная" (М.Фрид). Согласно первой - вождество и государство возникают как результат преобразования управленческих структур усложняющегося общества. Согласно второй - государство это организация, предназначенная для стабилизации отношений в сложном, стратифицированном обществе (Fried 1967; Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Cohen, Service 1978; Haas 1982; Gailey, Patterson 1988; Павленко 1989; Годинер 1991 и др.).

Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине какой-то особенной нужды в специализированном бюрократическом аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. С иной стороны, все социальные противоречия между номадами решались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином.

Потребность в объединении кочевников возникает только в случае войны за ресурсы существования, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации складывание сложной политической организации кочевников в форме "кочевых империй" есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники скотоводы выступали в данной ситуации как "класс-этнос" и специфическая государственноподобная "ксенократическая" (от греч. *"ксено"* - наружу и *"кратос"* - власть) политическая система. Образно можно сказать, что по отношению к оседлым цивилизациям они представляли собой нечто вроде "надстройки" над земледельческо-городским "базисом" (Крадин 1992, 1995, 1996). С этой точки зрения создание "кочевых империй" это частный случай популярной в свое время "завоевательной" (Л.Гумилович, Ф.Оппенгеймер) теории политогенеза, согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Еще одна модель политогенеза, применимая к происхождению степных империй - "торговая" (Webb 1975; Ekholm 1977). Ее основная посылка заключается в том, что внешнеторговый обмен с последующей редистрибуцией редких и престижных товаров среди подданных является важным компонентом власти вождей и правителей ранних государств (Павленко 1989 и др.). Это хорошо согласуется с тем, что стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, земледельческих продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых территорий. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевых обществ. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать существование империи, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики (Barfield 1991, 1992; Голден 1993; Крадин 1993; 1996 и др.).

Степень централизации кочевников была прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место "полупериферии", которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, "мир-империи"). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой "полупериферии" была прямо пропорциональна размерам "ядра". Исходя из этого, кочевники Северной Африки и Передней Азии, для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества, номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали "квазиимперские" государственноподобные структуры, а во Внутренней Азии, например, таким средством адаптации стала "кочевая империя" (Lattimore

1940; Barfield 1981; 1992; Khazanov 1984; Фурсов 1988; 1995; Крадин 1992; 1996; Голден 1993 и др.).

С этой точки зрения, по аналогии с Законом Ньютона, можно вывести **мир-системный закон тяготения** согласно которому

величина кочевых обществ и их могущество прямо пропорциональны размерам и силе оседло-земледельческих обществ "центра", входящих с номадами в общую региональную суперсистему.

Но и это не все. Изменения в "центре" региональных суперсистем влияют на процессы, происходящие в периферийных и полупериферийных обществах. Номадам нужны продукты земледельческого хозяйства, шелк, изысканные яства. Получить их и перераспределить среди подданных ханы могли только от общества со стабильной экономической системой. Т.Барфилд (Barfield 1992: 8-16) проследил синхронность процессов роста и упадка земледельческих "мир-империй" и периодов взлета и упадка степных народов Внутренней Азии. Как правило, самые влиятельные китайские династии существовали примерно в одно время с наиболее могущественными кочевыми империями (Хань - Хунну, Тан - Тюрки, Сун, Цзинь - Монгол улус).

Однако для осуществления успешной военной экспансии номадам предварительно было необходимо осуществить одно немаловажное условие - объединить разрозненные по всей территории Халха-Монголии племена в единую степную империю. Очевидно, что это было под силу далеко не каждому племенному вождю. Вот здесь-то и проявлялся субъективный фактор исторического процесса. Если в степи появлялся талантливый полководец и политик, которому сопутствовало фортуна, номады оказывались объединенными в единую степную империю. Если же амбиции превосходили способности кандидата на лидерство или в события вмешивались случайные обстоятельства (случайная болезнь, шальная стрела и пр.) степь оставалась без единоначала.

Таким образом, причины образования Жужаньского каганата необходимо искать как во внешнеполитических, так и во внутренних событиях. Первое существенное обстоятельство - это отсутствие централизации на территории Китая. В начале IV в., с того времени, когда в источниках впервые появляются сведения о жужанях, на территории Северного Китая существовало семь самостоятельных царств. На рубеже IV-V вв. на Севере уже было 12 царств и мини-империй, созданных завоевательными династиями кочевников, на Юге царство Восточная Цзинь.

Наиболее существенные события произошли в последней четверти IV в., когда кочевники тоба создали на северной территории Китая империю Северная Вэй. В отличие от китайцев, которые никогда особенно не преуспевали в борьбе с кочевниками на их территории (см., например о хунно-ханьских войнах: Крадин 1996: 58-63), вчерашние номады тоба легко смогли осуществить то, что было не под силу оседлым жителям. Они несколько модифицировали тактику генералов ханьского императора У-ди. Тобаские войска быстро доходили до пустыни Гоби. За-

и унижение подчинения и неволи (пусть даже в достаточно мягкой форме), могли сильно повлиять на его выбор. Также очевидно, что трудная молодость закалила его характер.

В 394 г. Шэлунь делает решающий шаг. Он разрывает вассальные отношения с тобаским ханом и бежит к дяде на запад. Там, за какие-то шесть - восемь лет, где силой, где хитростью ему удалось расправиться со всеми основными политическими противниками, в том числе и из родственников его дяди, которые не приняли его власть, подчинить и объединить многие монголо- и тюркоязычные (гаоцзюйцы) племена. В 402 г. собрав своих сторонников на берегу р. Жолошуй (возможно, это Халха) Шэлунь объявил о создании имперской конфедерации, приняв титул *кагана*¹ (точнее *цзодфуа кэнань* - "каган правящий и приводящий к расширению"). Он произвел коренную реорганизацию военно-административной структуры жуэньского общества, разбив население-войско на сотни и тысячи, ввел обязательный учет количества имеющихся воинов, установил строгие правила поведения в бою и наказания за их нарушения (Материалы 1984, с.267). Именно так действовали и знаменитый предшественник Шэлуня - хуньский шаньюй Модэ, и впоследствии создатель великой Монгольской империи - Чингис-хан.

С созданием Жуэньского ханства сформировалась внутрирегиональная троичная структура: государство Сун (на Юге Китая) - "буферная" полукочевая империя Тоба Вэй (на Севере Китая) - жуэньская имперская конфедерация (во Внешней Монголии).

Степная империя

Для каганата были характерны типичные для "кочевых империй" Евразии (Крадин 1989; 1989а; 1992: 168; 1996а; Васильев, Горелик, Кляшторный 1993: 33; Трепавлов 1993: 17-18; Кляшторный, Савинов 1994: 6 и др.) черты административно-политического устройства:

1) Каганат был типичной "имперской конфедерацией". Помимо собственно жуэньских племен - "метрополии" степной империи, в него входили: а) принявшие вассалитет Шэлуня другие этнически родственные и иноэтничные "владения" и племена, находившихся "[как бы] на привязи" у него; б) присоединенные силой народы, как, например, уйгурские "кочевья" или племенное объединение тюркоязычных кочевников (по "Цзю Тан шу" - остатки сюнну) под предводительством Жибаецзи (Материалы 1984: 269, 271, 278).

2) Основой существования ханства была *экзотексплуатация*. Жуэнь в периоды могущества практиковали так называемую *дистанционную* эксплуатацию - политику попеременных набегов и вымогания богатых подарков от Китая (своеобразный "рэкет"), набеги на государства Средней Азии [Бичурин 1950б: 247; Материалы 1984: 289] с целью контроля торговых путей на Запад, а также грабежи своих соседей. "Все мелкие владения, страдавшие от набегов и грабежей Шэлуня, были [как бы] на привязи" (Материалы 1984: 269). Известно также, что тюрки поставляли жуэням железо (Бичурин 1950а: 221, 228).

3) Жуэньское ханство занимало огромную территорию. Западные границы каганата доходили до р. Или и Таримской впадины, восточные до границ киданей и Когурё, северные - до Байкала и верховьев Амура, южные до "великой" пустыни Гоби (Материалы 1984: 269, 289, 408 прим. 22). Он был разделен на западное и восточное крылья, однако известно, что дуальная организация зафиксирована у жуэней еще в доимперский период (Материалы 1984: 267, 273). Первоначально правитель восточного крыла считался более высоким по статусу, (Материалы 1984: 267), однако впоследствии этот порядок, по-видимому, изменился на противоположный (Материалы 1984: 273, 278, 285).

4) Общественная организация Жуэньской империи была основана по "военно-иерархическому" принципу. В "Вэй шу" сообщается, что в начале V в. Шэлунь ввел так называемую "десятичную" систему: "Впервые установил военные законы, по которым 1000 человек составляли отряд (*цзюнь*), во главе отряда ставился начальник, а 100 человек составляли знамя (*чуан*), во главе знамени ставился вождь" (Материалы 1984: 269). Термин "начальник" (*цзун*) можно перевести также как генерал, а вождь (*шань*) - как предводитель или командир. Н.Я.Бичурин перевел эти названия соответственно как "предводитель" и "начальник" (1950а: 187). Интересно, что чуть ниже Вэй Шоу сообщает о декларативном характере данного нововведения. Он пишет, что военачальники по-прежнему лишь "приблизительно подсчитывали число воинов", что не удивительно, ведь, скорее всего, воинские формирования образовывались на основе родовых и племенных сегментов. Это справедливо не только в отношении жуэней, но и других кочевников Евразии (Крадин 1992: 142-143). Тем не менее, это был качественный шаг вперед, поскольку это значительно повышало силу жуэньского войска. Армия, имеющая более организованную структуру (при прочих факторах) обладает значительным преимущест-

¹ Титул *каган* впервые появился у сяньбийцев (Таскин 1986: 214-215).

вом в сравнении с войском, не имеющим никакой или худшую военную организацию. Военная история дает бесчисленное множество примеров, когда малочисленные армии побеждали превосходящих противников только из-за того, что имели лучшую организацию. Не лишним будет напомнить, что речь идет о племенном обществе, для которого базисные принципы социальной организации были совсем другими, отличными от основ государственного общества, основанного на легитимном принуждении.

5) В случае необходимости военные действия велись подразделениями, составленными из племен, кочующих на данной территории. По мере надобности войска собирались со всех племен и более крупных объединений, входящих в каганат (Материалы 1984: 275). В случае же крайней опасности объявлялась всеобщая мужская мобилизация. Всего в периоды наивысшего могущества (речь идет о 470-х и 520-х годах), по сведениям китайских хронистов, жужани могли выставить от 100 до 300 тыс. вооруженных всадников (Материалы 1984: 287, 290). Это примерно сопоставимо (особенно если учесть почти одинаковые границы) с численностью вооруженных сил Хуннской державы (Крадин 1996: 34-36) и других степных империй Центральной Азии. Правда, надо иметь в виду, что общая продолжительность времени существования Жужаньского каганата (полтора столетия) была меньше, чем время существования империй долгожителей — Хуннской державы и Золотой Орды. Но она вполне соответствовала "среднестатистическим нормам" существования кочевых империй Евразии. В то же время, в истории самого Жужаньского каганата можно отметить свои подъемы и провалы. По всей видимости, можно выделить два главных пика могущества жужаней: (а) первоначальный взлет при основателе империи Шэлуэне и его ближайших преемниках в 402-429 гг.; (б) подъем и развитие процессов китаизации в годы правления Анагуя в 521-552 г. В то же самое время можно зафиксировать два наиболее существенных кризиса ханства, соответственно, в 438-470 и 519-521 гг.

6) Правитель ханства обладал титулом *кагана*, введенным у жужаней, как это уже было отмечено выше Шэлуэнем. Власть передавалась по наследству по прямой или боковой линии в рамках одного правящего рода.

7) Система контроля и управления, с точки зрения китайцев, была традиционно "проста" (Материалы 1984: 289). "Письмен для записей не было, поэтому начальники и вожди приблизительно подсчитывали число воинов, используя при этом овеций помет, но впоследствии [жужаньжуани] хорошо научились делать записи с помощью зарубок на дереве" (Материалы 1984: 269; ср. Толстов 1948: 258). Каган руководил племенами из своей ставки. Ставка (*мин*) кагана по данным источников находилась примерно к северо-западу от Ганьсу (Материалы 1984: 269). Монгольские историки располагают ее к северу от Хангайского хребта на берегу Орхона (История МНР 1983: 107). Однако, возможно, что в разные периоды истории жужаней ее местоположение менялось. Впоследствии ставкой стал легендарный город Мумочэн (Хандсурэн 1973). По всей видимости, для особо важных дел собирался совет высших должностных лиц степной империи, которые приезжали на него из своих улусов (Материалы 1984: 292).

Далее, в годы царствования кагана Доулуна (485–492 гг.) кочевники поменяли тактику в отношениях с Северной Вэй. Они стали периодически тревожить ее границы своими набегами. В 492 г. терпение императора Тоба Хуна лопнуло и он послал 70 тыс. всадников расправиться с номадами. Результаты этого похода Вэй Шоу не сообщает, судя по чему можно догадаться, что особенно похвастаться было нечем. Правда, это событие имело косвенные последствия. Пользуясь нестабильной обстановкой в Монгольских степях, уйгурский вождь Афучжило во главе 100 тыс. юрт (едва ли не всех тюркоязычных кочевников, входивших в состав западного крыла имперской конфедерации) откочевал на Запад. Данное обстоятельство стало причиной свержения и убийства Доулуня.

При кагане Нагане отношения между жужанями и северовэйцами вновь оказались замороженными. В этот период Северная Вэй окончательно превратилась из воинственного государства завоевателей кочевников и земледельцев в классическое китайское государство. После смерти Нагая в 506 г. каганы Футу и Чоуну неоднократно пытались восстановить дипломатические контакты с Китаем, однако только с воцарением в 519 г. Анагуя политические отношения между номадами и китайцами восстановились полностью. Анагуй был нужен китайским императорам в качестве мощной военной силы, которой к тому времени у них самих уже не было. В 525–527 гг. жужани участвовали в подавлении восстаний на территории Северной Вэй, проживавших за счет бунтующих владений.

Статус кочевников в отношениях с китайскими государствами несколько раз менялся. Е.И. Кычанов (1997: 78) пишет, что отношения между жужанями и северокитайскими царствами строились на принципах традиционного китайского дипломатического этикета, но с учетом силы каждой из сторон. Так, Шэлунь заключил с правителем небольшого царства Хоу Цинь "договор о мире, основанном на родстве" (*хэцзинь*). В отношениях с тобаской империей Северная Вэй жужани первоначально считались вассалами (*чэнь*). В 506 г. они имели статус "вассального государства" (*фань ли*), хотя нередко вели себя в отношениях с китайскими царствами как равноправные партнеры. Впоследствии, с ослаблением северовэйцев и, этот статус был изменен на равный китайцам (*линь ди кан ли*).

Номады дарили правителям китайских или полукитайских государств лошадей, другие виды животных, пушнину (Материалы 1984: 267, 274, 277, 279, 290). Ответные подарки китайцев, как бы их не рассматривать – как откуп за мир или как желание продемонстрировать свое превосходство над варварами (думаю, что справедливы обе точки зрения, первая – это взгляд на существо дела со стороны кочевника, вторая – взгляд со стороны цивилизованного конфуцианца) были намного больше. Они посылали каганам в степь знаки отличия для правителей, ткани, модную одежду, богато украшенные предметы вооружения, музыкальные инструменты, прочую утварь дворцового быта. В ассортимент обязательно входили продукты и шелк (Материалы 1984: 273, 283, 291, 294). Ничего не сообщается о поставках кочевникам вина. Интересно также, что полукочевнические династии отдаривали жужаней также типичными для номадов дарами – степными жеребцами, верблюдами, иными породами скота, большими сборными шатрами для ханов и их приближенных (Материалы 1984: 283).

Дарообмен сопровождался передачей официальных писем друг к другу. Подарки китайцев могли предназначаться не только кагану, но и его приближенным (Материалы 1984: 287). Однако можно предположить, что ханы должны были строго следить за тем, чтобы главный канал внутренней власти не выходил из под их контроля.

Кроме обмена предметами престижного потребления кочевники и китайцы пытались скреплять дипломатические союзы династическими браками. В 434 г. каган Ути взял в жены принцессу из Северной Вэй, одновременно отдав императору Тоба Гао в наложницы младшую сестру. В 476–478 гг. каган Юйчэну пытался добиться руки китайской северовэйской принцессы. Однако вследствие каких-то разногласий между жужанями и тобасцами союзный договор не был заключен и брак расстроился. В годы правления последнего из авторитетных жужаньских каганов – Анагуя было несколько случаев заключения дипломатических браков. В этот период Северную Вэй уже лихорадило от внутренних потрясений. В 533 г. каган добился выдачи замуж за своего сына китайской принцессы. Впоследствии, когда империя Северная Вэй разделилась, между китайскими царствами началось соперничество за дружбу с кочевниками. В этот период номады стали принимать участие в усобицах между северокитайскими царствами и вести себя особенно самоуверенно. Ли Яньшоу сетует, что с этого времени каган Анагуй стал "проявлять высокомерие, грубо нарушал правила поведения и, посылая послов для предоставления двору дани, больше не называл себя слугой" (Материалы 1984: 293). Такое положение продолжалось вплоть до разгрома Жужаньской державы в 552–555 гг.

Власть и наследование

Власть правителя степного общества основывалась на внешних источниках (Barfield 1981; 1992; Голден 1993; Крадин 1993, 1996: 100-114 и др.). Каган являлся верховным военачальником жуаньшаньской державы и имел монополию на представление своей "кюрточной державы" (*go lo*) во внешнеполитических отношениях с другими странами и народами. В конечном счете все это сводилось к способности кагана правильно организовать ход боевых действий в военное время, чтобы обеспечить своих подданных добычей, и от его умения наладить дипломатические отношения с китайскими династиями, чтобы снабдить своих сподвижников богатыми "подарками".

Поскольку от войны зависело благосостояние всех юридически полноправных номадов, вне зависимости от их военного и административного статуса, в обществе существовала строгая военная дисциплина. "Тому, кто первым врывается в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча, а того, кто из-за трусости отступал, убивали, бросая в голову камни, или же, когда представлялась возможность, били батогами"¹ (Материалы 1984: 269).

Каган Шэлунь, согласно китайским летописцам, обладал универсальными качествами лидера авторитарного типа "жестокость" ("храбрость"?), "хитрость", умение приспосабливаться к обстоятельствам. Жестоким был, например, и Доулунь-каган, однако, наверное, важнее было не умение запугать своих подданных, а решительность, смелость правителя. Именно это придавало персоне лидера столь необходимую харизму.

От жестокого, не пользующегося авторитетом или неудачливого кагана можно было откочевать. Такая практика известна в истории Центральной Азии, начиная еще с хуннского времени. Случаи откочевки племенных вождей разного ранга от жуаньшаней на юг к китайцам упоминаются в источниках, в частности, под 404, 411, 449, 458, 520 и 521 годами. Однако, вероятно, самое неприятное событие случилось в 492 г., когда при жестоком кагане Доулуне храбрый уйгурский предводитель Афучжило возглавил 100 тыс. юрт своих соотечественников и откочевал с ними от жуаньшаней на запад. Фактически целый фланг конфедерации оказался оголенным.

Жуаньшаням было необходимо любой ценой восстановить потери. Для это целых две армии были отправлены в погоню. Первую возглавлял каган Доулунь, второй руководил его дядя Нагай. "Вэй шу" сообщает, что каган потерпел несколько поражений от уйгуров, а Нагай, напротив, все свои сражения против уйгуров выиграл.

Далее в источнике приводится интересный рассказ об особенностях представлений о власти в жуаньшаньском обществе. Вследствие неудачной военной кампании и вероятно не без того, что хан был очень жесток, у подданных сложилось мнение, что Доулунь лишился своей харизмы и не способен более обеспечивать своим подданным процветание со стороны Неба. Напротив, как дословно написано в тексте: "все жуаньшань считали, что Нагаю помогает небо". Номады хотели поставить его вместо своего неудачливого правителя. Нагай не соглашался идти против традиции, но вера в его харизму, видимо, была столь велика, что кочевники сами нарушили порядок престолонаследия, убили кагана и его ближайших родственников, и возвели Нагаю на трон (Материалы 1984: 278).

Данный рассказ является блестящим примером так называемого традиционного типа господства (по М.Веберу), которое основано на убеждении в священном, непререкаемом характере традиций, нарушение которых ведет к тяжелым магико-религиозным последствиям. Вся человеческая деятельность в таком социуме нацелена на воспроизводство общности на обеспечение стабильного порядка, устраняющего хаос и нестабильность. Легитимность традиционного господства базируется на вере в наследственные способности правителей и жрецов взаимодействовать с потусторонними силами и обеспечивать с их стороны содействие своему народу.

Все жуаньшаньские каганы, начиная с Шэлуня, являлись представителями одного правящего рода потомков от мифологического первопрародителя жуаньшаней Мугулюя, бывшего согласно китайским хроникам беглым рабом. Впрочем, в последнем особенных оснований доверять китайским источникам нет. Это типичная для китайских историков вставка, предназначенная продемонстрировать низкое происхождение и варварскую сущность северных кочевников.

В источниках зафиксировано 16 случаев передачи престола. В 8 случаях трон наследовался по прямой линии — 7 раз от отца к сыну и один раз наоборот.² В 8 случаях титул кагана переходил по боковой линии — от брата к брату или от дяди к племяннику. Интересно, что все случаи наследования престола по прямой линии происходили мирным способом. В тоже время в 5 слу-

¹ В переводе Н.Я.Бичурина — палками (Бичурин 1950а: 187).

² В 552 г. после разгрома жуаньшаней тюрками большинство представителей каганского рода спаслось бегством в царство Ци, остался только внук Нагай Тефа, которого оставшиеся племена возвели на престол. Вскоре он был убит киданями и на трон взошел его отец Дэнцзю, вернувшийся к тому времени из Китая.

чаях из 8 передача трона по боковой линии сопровождалась конфликтной ситуацией (либо прямая узурпация, либо убийство кагана с последующим возведением на престол более приемлемого кандидата). Очевидно, что всякий каган стремился передать престол своему старшему сыну, но в случае некоторых обстоятельств (слабость его власти, внешнеполитическая нестабильность и пр.) более сильный или более авторитетный родственник приходил к трону.

Начиная с Шэлуня все жужаньские каганы при инаугурации брали пышные титулы. С начала царствования седьмого кагана Юйчэна в 464 г. для ханов подобно китайскому этикету были введены девизы правления (см. табл.).

№	Имя кагана	Годы	Титул	Перевод ¹	Эра правления
1	Шэлунь	402(?)–410	Цюдоуфа кэхань	Правящий и приведший к расширению*	
2	Хулю	410–414х	Айкутай кэхань	Каган с прекрасными качествами	
3	Булучжэнь	414–414х			
4	Датань	414–429	Моуханьгэшенгай кэхань	Победоносный	
5	Ути	429–444	Читянь кэхань	Божественный	
6	Тухэчжэнь	444–464	Чу кэхань	Почтительно поддаивающий*	
7	Юйчэн	464–485	Чоулочжэнь кэхань	Милостивый	Юй кан
8	Доулунь	485–492х	Фугудунь кэхань	Постоянный	Тай гин
9	Нагай	492–506	Хоушифудайкучжэ кэхань	Радостный*	Тай ань
10	Футу	506–508	Тахань кэхань	Продолжающий дело	Ши гин
11	Чоуну	508–519х	Доулофубадауфа кэхань	Освещающий правление*	Цзянь-чан
12а	Анагуй	519,521–552	Читянь тоубиндоуфа кэхань	Забравший все в свои руки*	
12б	Полымань	519–521х	Моукэшэгоу кэхань	Спокойный	
13	Тефа	552–553х			
14	Дэнчжу	553–553х			
15	Кути	553–553х			
16	Яньлоучэнь	553–554(?)х			

Источник информации: Материалы 1984: 269–271. 273. 275–279. 282. 284. 287. 400–411.

вождям и батырам XI-XII вв. При этом, он ссылается на известный труд Б.Я.Владимирцова (1934: 74) о монголах: "Таких предводителей аристократических домов вообще называют "господин", но очень часто они носят характерные прозвища, как бы показывающие, кто они такие. Их часто называют báatur – "богатырь", sесеп – "мудрый", мерген – "меткий стрелок", билге – "мудрый", бөкө – "силач". Также часто они носят титулы, заимствованные у других народов".

Вельможи, согласно летописям, делятся на "высших и низших" (Материалы 1984: 273). Кроме этого, в летописях упоминаются другие термины: "военачальник" (Материалы 1984: 274), "вождь" (Материалы 1984: 268, 271), "старейшины" (Материалы 1984: 271, 273, 294).

По всей видимости, под всеми данными терминами подразумевался достаточно широкий круг лиц, включавший кочевую аристократию из кланов вождей наиболее крупных вожеств и племенных объединений, племенных вождей и старейшин, представителей служилой знати из китайских перебежчиков, вождей и старейших зависимых от жужаней номадов и т.д.

По аналогии с существовавшей в Жужанском ханстве системой наследования и некоторыми косвенными данными (Материалы 1984: 271) можно предположить, что должности наследовались в соответствии с удельно-лестничной системой – внутри одного родственного коллектива (рода, клана, линиджа) по прямой или боковой линии от старших родственников к младшим. Кроме этого, каган мог пожаловать определенную должность и титул какого-либо ранга за определенные заслуги. Так произошло, например, со знахаркой-колдуньей по имени Дивань, которую в 518 г. каган Нагай за выдающиеся заслуги взял в жены с присвоением ей титула *кагатуны* – ханши. Ее муж Фушэнмоу в качестве компенсации получил "титул и должность", а также большое количество скота (Бичурин 1950а: 197; Материалы 1984: 280).

С середины V в. в источниках начинают упоминаться конкретные жужанские титулы. С чем конкретно это связано не известно. Вот наименования некоторых из жужанских титулов: *мофу*, *мохэду* (монг. *batur*, *baghatur*) (Материалы 1984: 276, 412 прим.45), *мохэ цюйфэнь* (монг. *bagakobegun*) (Материалы 1984: 277, 280, 284, 292, 414 прим.53), *хэси* (Материалы 1984: 278, 279), *сылы* и *сылы-мохэ* (Материалы 1984: 291-293), *тодоуфа* (Материалы 1984: 293), *тодоудэн* (тюрк. *tutug?*) (Материалы 1984: 293), *сылзинь* (тюрк. *irkin*) (Материалы 1984: 279, 284), *сылыфа* (тюрк. *eltäbar?*) (Материалы 1984: 280, 284, 412 прим.45, 414 прим.55). Часть из них впоследствии встречается в административной номенклатуре Тюркских каганатов (*eltäbar*, *irkin* и др.).

Многие из перечисленных титулов встречаются в именах жужанских посланников в китайские царства. Видимо, именно они оказались упомянутыми в тех или иных дворцовых документах и поэтому оказались в поле зрения составителей китайских династийных хроник. Из летописей также следует, что титул *сылыфа* имели ближайшие родственники кагана, командовавшие большими воинскими формированиями. Существует мнение, что этот термин носили правители крыльев империи (История МНР 1983: 106; Хандсурэн 1993: 95).

В целом, изучение административных титулов жужаней – это самостоятельная проблема, рассмотрение которой требует отдельного исследования. Поэтому в данной работе я могу только отослать интересующихся к соответствующим разработкам таких авторитетов в этой теме как Сиратори Куракичи (1935) и Фудзита Тоёхати (1968), на труды которых постоянно ссылается в своих комментариях к использованным мной переводам В.С.Таскин.

Несколько ниже в иерархии располагались более мелкие вожди, имевшие военный ранг "тысячников" и "сотников". По всей видимости, в данном случае речь должна идти о племенных вождях и родовых старейшинах разных уровней. Однако к сожалению в источниках практически отсутствует информация о социальной организации жужаней. Неоднократно только упоминаются термины, характеризующие различные составляющие социальной организации: "семья" (*ло*), "род" (*ило*) и "кочевье" (*бу*), переводимое Н.Я.Бичуриным как "аймак". Основываясь на более общих закономерностях эволюции кочевых обществ (Bacon 1958; Krader 1963; Толыбеков 1971; Хазанов 1975; Марков 1976; Khazanov 1984; Barfield 1992; Масанов 1995 и многие др.), можно предполагать, что социальная организация жужаней мало отличалась от общественной организации других номадов Евразии и представляла собой сложную иерархическую многоуровневую систему.

Ее низшие звенья (семья, семейно-родственные группы), в таком случае, должны были базироваться на реальных кровнородственных и экономических связях. Более высокие уровни (линиджные и кланово-родовые группировки), по всей видимости, основывались на реципроктных и других общинных связях, периодической трудовой кооперации, совместном владении средствами производства, отдаленном реальном и фиктивном генеалогическом родстве. Наконец, высшие звенья социальной организации (племена и вожества) основывались, скорее всего, на политических, культурных, идеологических эпизодических экономических, и иных связях. Они были облачены в форму фиктивного генеалогического родства. Из источников также известно, что численность "кочевий" могла колебаться от тысячи "юрт" (т.е. примерно 4-5 тыс.

чел.) до нескольких десятков тысяч человек (Материалы 1984: 275, 276, 294). Под 521 г. в 103 изюане "Вэй шу" сообщается у жужаней было 10 "кочевий" (Материалы 1984: 284).

Фундамент пирамиды степной державы занимали простые кочевники-скотоводы, о которых китайские летописцы не сообщают ничего. Скорее всего, по аналогии с другими номадами евразийских степей, у жужаней должны также были существовать различные категории неполноправных лиц, связанных со своими доминантами отношениями патронажа-клиентелы. Им либо давалось какое-то количество скота на выпас (так называемый "саун"), либо же они работали в хозяйстве своего более обеспеченного благодетеля (Толыбеков 1971; Першиц 1973, Хазанов 1975: 148-151; Марков 1976, Khazanov 1984: 152-164; Крадин 1992: 111-118, Масанов 1995 и др.).

По поводу рабовладения у жужаней известно только то, что в 521 г. Анагуй получил от китаяйского императора в подарок двух рабынь (Материалы 1984: 283). Кроме этого, еще Шэлунь провозгласил, что отличившимся в бою будут в награду даны пленники (Материалы 1984: 269). Имеются также данные об угоне в степь земледельческого населения (Материалы 1984: 286). Однако о том, делались ли военнопленные рабами в источниках ничего не сообщается. Скорее всего, в этом вопросе также необходимо руководствоваться общими закономерностями распространения рабства у кочевников скотоводов (Нибур 1907: 237-265; Семенюк 1958; Хазанов 1975: 133-148; Кляшторный 1985; Крадин 1992: 100-111 и др.).

Динамика политической организации

В течение существования каганата (402-555 гг.) его административно-политическое устройство претерпело определенные изменения. Если в конце V в. Шэнь Юэ писал в 95 главе "Сун шу", что управление жужаньским каганатом предельно просто (Материалы 1984: 288), то уже в более позднем источнике сообщается, что жужани заимствовали письменность из Китая и стали использовать ее в дипломатической переписке с различными северокитайскими династиями и внутренним делопроизводством (Материалы 1984: 289, 294; см. также: Материалы 1984: 279). Там же говорится о наличии у жужаней большого числа грамотных лиц (Материалы 1984: 289).

По всей видимости, активное внедрение китайской письменности произошло не позднее рубежа V-VI вв. Кроме этого, некоторые исследователи полагают, что жужаням было знакомо собственное руническое письмо протоорхонского типа (История МНР 1983: 107). Поскольку китайские хронисты писали о многих народах, не пользовавшихся иероглификой, как о неграмотных, то, возможно, так называемые "зарубки на деревьях", это и есть рунические тексты. Достаточно для сравнения привести описание древних тюрков из "Тан шу". "Письмен не имеют. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве [здесь и далее подчеркнуто мной — Н.К.]. Вместе с предписаниями на бумаге, употребляется стрела с золотым копьём, с восчаной печатью... В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни" (Бичурин 1950а: 229-230).

В начале VI в., скорее всего при Анагусе, жужани построили столицу - город Мумочэн, которая, согласно "Лян шу" (Материалы 1984: 290) была обнесена двумя рядами стен. Правда, до сих пор он не найден и историки спорят о его местонахождении (Хандсурэн 1973: 98-99). В период правления кагана Анагуя произошли и определенные изменения в административном аппарате каганата. Как пишет Ли Яньшоу, Анагуй "установил должности чиновников, незаконно подражая правителям". Каган завел в ставку письменное делопроизводство по китайскому образцу, создал штат телохранителей, называемых на китайский манер (в переводе В.С.Таскина "окольных", "камергеров", "секретарей"), окружил себя советниками, воспитанными в традиции китайских книжников - шэньши. Его главным консультантом во всех этих мероприятиях выступал китайский перебежчик из чиновников Шуньюй Тань, сыгравший примерно ту же роль, что и Чжунхан Юэ у хунну или Елюй Чуцай у монголов (Материалы 1984: 293-294). К этому времени все чаще в китайских бумагах подданные кагана характеризуются как "чиновники и народ" (Материалы 1984: 282, 285, 292).

Однако было бы неправильно рассматривать данные нововведения как свидетельство появления у жужаней бюрократической организации управления наподобие китайской. Скорее всего, это внешнее подражание китайским институтам при сохранении традиционного степного содержания. Это видно хотя бы из того, что обе перечисляемые летописцем должности ("камергер", "окольный") связаны с бытом правителя и его окружения, а не с делопроизводством и управлением какими-либо центральными или региональными институтами власти. Шуньюй Тань, громко называемый "начальником секретариата", судя из контекста источника был единственным сотрудником своего ведомства и к тому же одновременно занимал другую весьма

важную должность "камергера". Какое уж тут разделение властей. По всей видимости, в данном фрагменте летописи описываются некие "эмбриональные" органы управления, наподобие тех, которые были у Чингис-хана в период создания им своего первого улуса. Согласно 124 параграфу *"Тайной истории монголов"* в их числе входили сабальщики – потенциальные "офицеры" ханского войска, разведчики, гонцы, стольники, ответственные за выпас стад, распоряжавшиеся челядью и организацией перекочевов ставки – всего 26 верных нукеров.

Трудно сказать, чем были обусловлены все данные перемены. Может быть, сыграла свою роль определенная этническая и культурная близость жужаней и тобасцев, в результате чего уже не было столь жесткого культурного противостояния между Северной Вэй и степью, Nomads с большей охотой перенимали культуру, этикет, и принципы организации управления южных оседлых соседей. Не исключено, в то же время, и то обстоятельство, что в данный период в состав каганата помимо тюрко- и монголоязычных кочевников, входило некоторое количество земледельческого населения. Однако вряд ли его было много. Об этом, в частности, можно судить, основываясь на данных источников, согласно которым в 522 г. каган Анагуй попросил снабдить его семенами для посевов. Исходя из того, что ему было выдано 10 тыс. даней проса (Материалы 1984: 286), можно рассчитать, основываясь на имеющихся методиках (Кульпин 1990), что зерновых и полученного после урожая должно было хватить на прокормление населенного пункта численностью 1.5-2 тыс. чел., несколько меньшего по размерам, чем знаменитое Иволгинское городище хунну в Бурятии. Это без учета кочевников, которые использовали зерновые только в качестве пищевой добавки в наиболее трудные периоды годового цикла. Правда, в тот год в жужаньских кочевьях был голод. Семенной фонд, по-видимому, просто съели и в начале следующего года кочевники отправились в набег на Северную Вэй.

В качестве одной из версий можно допустить, что Анагуй мог планировать постепенно создать объединенное кочевно-земледельческое государство по образцу других "варварских" династий того времени. Наверное, поэтому незадолго до крушения Жужаньского каганата он переехал со своим двором в Лоян. Однако история распорядилась иначе.

Заключение

Как было сказано в первой части данной работы, большинство исследователей, рассматривавших проблему общественного устройства Жужаньского ханства, характеризовали уровень развития общества как феодальный. В этой связи необходимо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, если понимать феодализм в "узком" смысле – как особый тип общества, характерный, главным образом, для средневековой Европы (А.Я.Гуревич, Л.С.Васильев), то Жужаньская держава не может считаться феодальной. Во-вторых, основу феодализма составляют внутренние отношения между сеньорами, их вассалами и зависимыми общинниками. Жужаньский каганат, как и другие кочевые империи, был основан на внешнеэкономических отношениях.

— столица каганата и, следовательно, можно говорить о зачатках урбанизации. Известно также, что уровень знания китайской письменности в жужаньском обществе был, по всей видимости, достаточно высок (имели ли жужани руническое письмо, это особый вопрос). Не только элита и иммигранты из Китая, но и некоторые обычные скотоводы умели пользоваться иероглифкой. В 95 цзюане "Сули шу" приводится интересный рассказ, о некоем высокообразованном жужанине, который посрамил в арифметике одного мудрого китайского чиновника (Хандсурэн 1993: 102-104).

Вне всякого сомнения, жужаньское общество развивалось под сильным культурным влиянием китайской цивилизации (как прямым, так и опосредованно, через полукочевые династии). Результаты этого влияния прослеживаются, также, в воздействии на жужаньскую политическую традицию. Каган имел пышный титул, брал девизы и пытался завести в своей ставке порядки подобно правителям китайских царств, придерживался международного дипломатического церемониала и вел переписку с китайскими государями. Во внешнеполитической деятельности Жужаньская конфедерация выступает независимым субъектом международных отношений.

С точки зрения конфликтных теорий политогенеза — каганат являлся захватническим, милитаризованным обществом. Это специфическая военно-иерархическая полиция, созданная для решения исключительно внешних задач — изъятия прибавочного продукта у соседних народов и государств. В этом его подобие государству и ярко проявляющийся внешнеэксплуататорский ксенократический характер. Однако согласно марксистской точке зрения жужаньское общество не может считаться государством, так как в источниках не упоминаются ни внутренняя эксплуатация непосредственных производителей, ни налоги, ни развитый бюрократический аппарат.

Это согласуется с неозволюционистским структурализмом. Большинство жужаньских управителей разных рангов, согласно терминологии Х.Классена, скорее могут быть отнесены к так называемым "общим функционерам". Данных о "специализированных функционерах" (профессиональных бюрократах), которые имелись почти во всех ранних государствах (Claessen, Skalnik 1978: 580) практически нет. Единственное исключение, упомянутый выше Шуньюй Тань, которого Анагуй назначил своим "начальником секретариата". Кроме этого, у жужаней не известна такая, в 99% случаев характерная для ранних государств (Claessen, Skalnik 1978: 585), форма контроля над региональными наместниками как объезд владений (*палюдые*).

Для Жужаньского каганата характерна традиционная форма власти и господства в ее классическом виде. При этом, представляется очевидным, что жужаньский каган обладал лишь консенсуальной властью, т.е. по сути авторитетом, тогда как главным критерием государства (согласно веберовской методологии) является возможность правительства осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия.

Исходя из всего вышесказанного, представляется неправомерным рассматривать историю Жужаньского каганата как постепенную трансформацию от раннефеодального централизованного государства к следующей стадии феодализма – периоду раздробленности (см. Сэр-Оджав 1971: 16-17; История МНР 1983: 108). Этапы усиления и ослабления случались в истории жужаньского ханства несколько раз. С полным основанием можно говорить о кризисах каганата в периоды между 438-470 и 519-521 гг. Напротив последние три десятилетия существования ханства при Анагуй были периодом политической стабильности и ни о каком росте феодальных усобиц говорить не приходится. Только после 552 г., когда жужани находясь на пике могущества внезапно потерпели сокрушительное поражение от тюрков, а Анагуй покончил жизнь самоубийством, каганат пришел в упадок. Фактически это был конец каганата. За три года сменилось четыре хана, но они уже ничего не могли сделать. В 555 г. правитель западнозвэйского царства предательски выдал оставшихся несколько тысяч жужаней тюркам и они все (кроме детей до 16 лет) были жестоко казнены. Так трагически закончилась история Жужаньского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреанов Б.В. 1985. *Неоседлое население мира*. М.: Наука.
- Бернштам А.Н. 1946. *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI-VIII веков*. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Бернштам А.Н. 1951. *Очерк истории гуннов*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Битурин Н.Я. 1950а. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I-II.
- БНМАУ-ын туух 1966 [История МНР]: *Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын Туух. Боть I. Нэн эртнээс XVII зуун*. Тэргүүн редактор Ш.Нацагдорж. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хорос. 499 с. (на монг. яз.).
- Вайнштейн С.И. 1972. *Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства*. М.: Наука.
- Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. 1993. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками. *Из истории Золотой Орды*. Казань, 1993: 33-44.
- Владимирцов Б.Я. 1934. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. Л.: Изд-во АН СССР.
- Воробьев М.В. 1994. *Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)*. Владивосток: Дальнаука.
- Годинер Э.С. 1991. Политическая антропология о происхождении государства. *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения*. Отв. ред. С.Я.Козлов, П.И.Пучков. М.: 51-78.
- Голден, П.Б. 1993. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов. *Фено-*

- Крадин Н.Н. 1995. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. *Цивилизации*. Вып. 3. М.: 164-177.
- Крадин Н.Н. 1996. *Империя Хунну*. Владивосток. Дальнаука.
- Крадин Н.Н. 1996а. Характерные черты кочевых империй. *Международная конференция "100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен"*. Тезисы докладов. Ч. I. Улан-Удэ: 120-122.
- Кульпин Э.С. 1990. *Человек и природа в Китае*. М.: Наука.
- Кычанов Е.И. 1987. Государство жуаньжуаней. *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Ч. I. М.: 109-115.
- Кычанов Е.И. 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Восточная литература.
- Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука.
- Мурзаев Э.М. 1952. *Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание*. 2-е изд. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры.
- Нибур Г. 1907. *Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование*. М.
- Павленко Ю.В. 1989. *Раннеклассовые общества (генезис и пути развития)*. Киев: Наукова думка.
- Першиц А.И. 1973. К вопросу о саунных отношениях. *Основные проблемы африканистики*. М.: 104-110.
- Плетнева С.А. 1982. *Кочевники средневековья*. М.: Наука.
- Пэрлзэ Х. 1974. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике. *Бронзовый и ранний железный век Сибири*. Новосибирск: 271-4. (*Древняя Сибирь*, Вып. 4).
- Савинов Д.Г. 1984. *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*. Л. Изд-во ЛГУ.
- Семенов Г.И. 1958. К проблеме рабства у кочевых народов. *Изв. АН КазССР, сер. истории, археологии и этнографии*. Алма-Ата. Вып. 1: 55-82.
- Сиратори Куракити. 1935. *Дунху миньцзо као* [Исследование народов, входящих в группу дунху]. Шанхай (на кит. яз.).
- Скрынникова Т.Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Вост. лит-ра.
- Сухбаатар Г. 1992. *Монгол нурун улс (330-550 он)* [Монголо-нирунское государство]. Уланбаатар, (на монг. языке).
- Сэр-Оджав Н. 1971. *Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. - XII в. н.э.)*: Автореф. дис....д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Сэр-Оджав Н. 1977. *Монголын эртний туух* [Древняя история Монголии]. Уланбаатар.
- Таскин В.С. 1984. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов. *Материалы по истории древних кочевых народов*. Уланбаатар. Комментарий В.С. Таскина.

- Bacon E. 1958. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York.
- Barfield T. 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* 41 (1): 45-61.
- Barfield T. 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Cohen R., E. Service E. 1978 (eds.). *The Origin of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978 (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. 1981 (eds.). *The Study of the State*. The Hague etc.: Brill
- Ekholm K. 1977. External Exchange and Transformation of Central African Social Systems. *The Evolution of Social Systems*. Ed. by J. Friedman and M. Rowlands. London: 115-136.
- Fried M. 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N.Y.: Columbia University press.
- Gailey C., Patterson T. 1988 (eds.). *Power Relations and State Formation*. Washington, D.C.
- Haas J. 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. N.Y.: Columbia University press.
- Khazanov A.M. 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University press.
- Kollautz A., Miyakawa H. *Geschichte und Kultur eines volkerwanderungszeitlichen Nomadenvolks: die Jou-jan der Mongolei und die Awaren in Mitteleuropa*. 2 vols. Klagenfurt: Rudolf Habelt Verlag, 1970.
- Lattimore O. 1940. *Inner Asian Frontiers of China*. New York and London.
- Miyakawa H., Kollautz A. 1969. Die Mongolei in der Epoche der Jou-jan (5 und 6 Jahrhundert n. Chr.). *Central Asiatic Journal* 12 (3).
- Service E. 1975. *Origins of the State and Civilization*. N.Y.: Norton.
- Webb M. 1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. *Ancient Civilization and Trade*. Ed. by C. Lamberg-Karlovski and J. Sabloff. Albuquerque: 155-210.

С.Г. Кляшторный

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ РЕЛИГИЯ В ПАМЯТНИКАХ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Тысяча четыреста сорок лет назад, весной 551 года, племена тюрков, данников жуаньжуаней, обитавшие в горах Западной Монголии и в степях Джунгарии, восстали против своего сюзерена. А зимой 552 г. потерпевший поражение каган жуаньжуаней Анагуй "предал себя смерти", как о том повествует китайский историограф. Вождь тюрков, Бумын, был поднят родичами на белой кошме и провозглашен каганом.

Последующие три десятилетия тюрки, сплотившие под своим знаменем с изображением волчьей головы все кочевые племена Центральной Азии, шли от победы к победе. Враждующие между собой китайские царства, вплоть до объединения страны династией Суй (581 г.) исправно выплачивали дань новым властелинам Великой Степи. Отряды Истеми, брата Бумына, дошли до Боспора Киммерийского (Керченского пролива), сокрушив царство эфталитов в Средней Азии. Пользуясь поддержкой согдийских купцов Самарканда и Бухары, тюрки установили связи с Византией и в 568 г. в Константинополь, ко двору императора Юстина, прибыло их первое посольство во главе с согдийцем Маниахом. В соперничестве за господство на западной оконечности Великого Шелкового пути тюркские каганы вели войны с царями Ирана.

Тюркский каганат стал первой центральноазиатской империей, чье посредство и участие сплело в один узел политические устремления и военно-политические акции тогдашних крупнейших держав - Китая, Византии и Ирана. Дороги торговцев и послов, сменяясь маршрутами противоборствующих армий, оставались, тем не менее, путями культурных обменов и религиозных миссий - манихейской, христианской и буддийской.

В 630 г., потерпев поражение в войне с Китаем, где династию Суй сменила династия Тан, тюрки на время утратили независимость. Через сто лет, вспоминая те времена, тюркский летописец высек на камне: "Тюркские князья лишились своих тюркских имен и, приняв титулы китайских князей, подчинились китайскому кагану. Пятьдесят лет они отдавали ему свои труды и силы". Лишь после восстания и жестокой войны в пустыне Гоби тюрки вновь обрели свое государство.

Второй каганат просуществовал 65 лет. Он не был столь велик как первый - второй династии - Ильтереса, Капагана и Бильге.

станвали и навязывали свои жизненные и нравственные идеалы, устремления, цели. Этот жанр исключал последовательное изложение религиозных представлений, но побуждал создателей памятников к упоминаниям, позволяющим реконструировать некоторые мифологические фабулы и древнетюркский пантеон.

Сюжетно возможно выделить: а) космогонические мифы (миф о сотворении мира; миф об устройстве мира; миф о космической катастрофе); б) мифы о богах и божественных силах (о небесном боге Тенгри; о "священной Земле-Воде"; о богине Умай; о подземном боге Эркиге; о "богах-посланцах" и "богах-помощниках" главных божеств); в) социально-этнологические мифы о сотворении Небом тюркского зля (государства) и небесном рождении тюркских каганов; г) генеалогические мифы о происхождении тюркских племен и связанные с ними культы (миф о происхождении племени тюрк и культ "пещеры предков"; мифы о происхождении уйгурских племен; миф о происхождении кыргызов; обожествление и культ покойных каганов).

Начальные строки крупнейших орхонских памятников VIII века, надписей в честь Бильге-кагана и его брата Кюльтегина, содержат отрывочное упоминание космогонического мифа, согласно которому в начале были сотворены "голубое небо" и "бурая земля", вслед затем между ними возникли "сыны человеческие". Никакого намека на предшествующее состояние (хаос?) или демиурга здесь не содержится. В древнетюркских енисейских памятниках "голубое небо" названо "крышей" над миром, обязательной принадлежностью которой являются ежедневно рождающиеся солнце и луна, так или иначе связанные с земной жизнью; в эпитафийных формулах енисейских памятников нередко содержатся слова: "солнце и луну на голубом небе я утратил!". По сообщению иноземных наблюдателей, двери каганского шатра были открыты на восток, для "почитания стороны, где восходит солнце". О культе "рождающегося солнца" свидетельствует и солярная система ориентации орхонских тюрков, для которых основным передним направлением было направление "вперед, в сторону, где рождается солнце". Среди почитаемых тюрками небесных объектов китайских источник упоминает "семь планет".

Земная твердь в орхонских надписях представлено как пространство, ограниченное с четырех сторон и имеющее четыре угла; всю её населяют "сыны человеческие", изначально враждебные тюркам, и высшей целью тюркских каганов являлось покорение "народов четырех углов (света)".

Миф о космической катастрофе в камнеписных памятниках Орхона упомянут намеками, как время, когда "небо сверху давило, а земля внизу разверзлась" или "когда небо и земля были в расстройстве". Более полон вариант мифа в написанной на бумаге древнетюркским руническим письмом *"Книге гаданий"* (X в.), согласно которой тогда "наверху была мгла, внизу был прах"; звери, птицы и люди "сбились с пути". Такое состояние длилось три года и прекратилось "по милости неба", из чего можно заключить, что сама катастрофа мыслилась как небесная кара.

В *"Книге гаданий"* упомянуты "три бытия (мира)". По всей вероятности, здесь отражено этнографически хорошо известное в тюркском и монгольском шаманизме представление о трех мирах - Верхнем, Среднем и Нижнем. Между этими мирами распределен и весь древнетюрк-

ском сочинении "Каталог княжеств", источники которого восходят к VIII веку, также упомянут "бог тюрков" Йол-тенгри, т.е. "бог путей".

Другим божеством была Умай, богиня плодородия, олицетворявшее женское начало. Христианский наблюдатель (епископ Исразль) именно ее, по всей видимости, именует Афродитой, когда упоминает ее жрецов у западных тюрков VII в. В древнеуйгурских текстах X в. она названа "благодетельной Ума-царицей" и включена в буддийско-тюркский пантеон. Вместе с Тенгри, она покровительствует воинам. Так же как каган подобен по своему образу Тенгри, его супруга-царица (катун) подобна Умай. Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете - Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей.

Главным божеством Среднего мира была "священная Земля - Вода" (ыдук Йер-Суб). В орхонских надписях это божество нигде не упомянуто обособлено, но вместе с Тенгри и Умай оно покровительствует тюркам и наказывает согрешивших. По сообщениям иноземных информаторов божество Земли было объектом особого культа. Так, византийский историк VI в. Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки "поют гимны земле". Моисей Каганкатваци сообщает о хазарских "чародеях", "призывающих землю", о жертвоприношениях земле и воде. Китайские источники упоминают у тюрков VI века почитаемую священную гору, название которой означает "бог земли". Культ священных вершин был частью общего культа "Земли-Воды" у древнетюркских племен.

В древнетюркских енисейских текстах и "Книге гаданий" (VIII-X вв.) несколько раз упомянут бог-владыка Нижнего мира, Эрклиг, "разлучающий" людей и враждебный Верхнему миру. В древнеуйгурских текстах он именуется Таму-Эрлиг-хан "адский Эрлиг-хан" и включен в буддийско-тюркский пантеон. Вместе с ним в енисейских надписях упомянут Бюрт - бог скорой смерти.

Наиболее древним из древнетюркских племенных генеалогических мифов был миф о происхождении племени тюрк (ашина), известный в двух версиях, зафиксированный со слов тюркских информаторов, в китайских записях середины VI века. Обе версии могут быть возведены к общему прототипу. Согласно основной версии предки тюрков, жившие на краю большого болота, были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, убивших в конце концов мальчика, волчица бежит в горы, севернее Гаочана (Турфанский оазис). Там, в пещере, она рождает десять сыновей. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана и создают свои роды. Один из сыновей носит имя Ашина, и его имя становится именем его рода. Впоследствии число родов увеличилось и Ашина стал вождем нового племени. Его потомок, Асянь-шад, вывел племя из пещеры и поселился на Алтае, где оно стало называться тюрк. Во втором варианте мифа упомянуты другие потомки волчицы и среди них - племя "белого лебедя" (предки кипчаков-половцев) и племя кыргыз. Другой генеалогический миф, о происхождении царского племени уйгуров, Яглакар, называет в качестве родоначальни-

теоном рунических памятников Монголии и Восточного Туркестана. Учитывая несомненное тождество гунно=болгарского и древнетюркского пантеонов и время миграции праболгарских племен (племенной суперсоюз теле китайских источников), оставивших свою центральноазиатскую прародину не позднее V века н.э., следует сделать вывод, что та сложная религиозно=мифологическая система, которую мы именуем древнетюркским пантеоном, сформировалась в достаточно законченном виде еще до середины I тыс. н.э.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Древнетюркские памятники цитируются нами по изданиям: С.Е.Малов. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. М. - Л: 1951; С.Е.Малов. *Енисейская письменность тюрков*. М. - Л. 1952; S.G.Kljastornyj and V.A. Livsic. The Sogdian inscription of Bugut revised. *Acta Orientalia Hungarica*, t. XXVI, 1972, № 1, pp.69 - 102. Китайские источники цитируются по переводам Лю Мао-цзая: Liu Mau-tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken. (T'u - kue)*. I - II, Wiesbaden. 1958.

Е.И. Кычанов

ТАНГУТСКАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Как некоторая особая отрасль востоковедных знаний тангутская текстология появилась с обнаружением текстов на мертвом тангутском (Си Ся) языке на рубеже XIX – XX вв. Восточная Азия, понимаемая в данном случае широко, как нынешние пределы Китая и прилегающие регионы, включая Японию и Вьетнам, сотрясаемая с конца VI в. – нового объединения страны после падения династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) – непрекращающимися войнами и вос-

отпечатанных способом ксилографии текстов на тангутском (Си Ся) языке (Козлов 1923). Думая в течение уже не одного десятка лет над судьбой тангутской письменной культуры, автор этих строк пришел к глубокому убеждению, что Си Ся, тангуты, не могли быть каким-то необъяснимым исключением в триаде кидане – тангуты – чжурчжэни. Наверняка существовала и обширная литература, написанная по-киданьски и по-чжурчжэньски времен Цзинь, их национальными письменностями. Эта литература, как и тангутская, погибла в войне взаимных войн и монгольского завоевания (рукописи, вопреки расхожему суждению, горят). Субурган в Хара-Хото – это скорее случайность, чем закономерность, и кто может поручиться, что через некоторое время не будет открыт тайник с текстами на киданьском и чжурчжэньском языке. Обнаружено же среди тангутских рукописей несколько страниц текстов на бумаге на чжурчжэньском языке чжурчжэньским письмом. Значит, такие тексты были.

Но пока лишь памятники тангутской письменности ставят перед исследователями проблемы, связанные с текстами этих исчезнувших цивилизаций X-XIII вв.

Работа с текстами на неизвестном или плохо изученном языке требует прежде всего дешифровки системы письма и выявления его принадлежности к тому или иному языку. До обнаружения достаточно большого количества текстов на тангутском (Си Ся) языке принадлежность тангутской письменности государству Си Ся была определена на камнеписных памятниках (Лянчжоуская стела и надпись в Цзюйюангуань). Дешифровка письма в высоком смысле этого слова имела место только до находок в Хара-Хото в труде французского китаевода М.Г. Мориса, который, пользуясь усилиями безвестного дешифровщика-китайца (?) и развивая их, сумел определить найденный при подавлении восстания ихэтуаней у пагоды Байта на окраине Пекина текст на тангутском языке как текст "*Лотосовой Сутры*", сличить китайский текст оригинала и тангутский перевод, отождествить (= дешифровать) несколько десятков знаков тангутского письма и высказать первые, оказавшиеся весьма верными, суждения о характере письма (идеографическое) и грамматике языка (язык по строю тибето-бирманский) (Morisse 1904). Таким образом, в отношении тангутского письма только М.Г. Морис действовал как Дешифровщик с заглавной буквы.

Открытие экспедицией П.К. Козлова текстов из субургана близ Хара-Хото и обнаружение среди них уже в Санкт-Петербурге А.И. Ивановым тангутско-китайского словаря "*Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени*" (1190 г.) (Ivanov 1909: 1231-1233) примерно на тысячу знаков (слов) перевело стрелку часов с дешифровки письменности на дешифровку найденных текстов. Это не сняло ряда вопросов с глубокого уяснения существа тангутского письма, - признавая его систему основанной на принципе письма китайского, что абсолютно справедливо, исследователи не могут сойтись в понимании (дешифровке) некоторых использованных тангутскими филологами способов формирования письменных знаков.

Что касается переводов с китайского, то такие исследования осуществлялись и осуществляются успешно. Принципы этой работы не отличаются от работы с переводными текстами вообще, будь то с китайского или тибетского и, возможно, с других языков – такие тексты пока не обнаружены, но есть упоминания об участии в переводческой деятельности уйгурских монахов, а, значит, возможны и переводы с уйгурского языка; имеются также и сведения о переводе текстов с санскрита.

Тексты, переведенные с китайского языка, были поделены по их содержанию на небуддийские (светские) и буддийские. Теоретически среди еще неразобранных тангутских текстов допустимо наличие текстов даосских (религиозных), христианских (несторианских) и даже, возможно, манихейских и принадлежащих исламу. Но пока такие тексты, если они и есть, не выявлены.

При работе с буддийскими текстами, переведенными с китайского, определяется сутра, шастра или иной памятник, перевод которого сделан, и время перевода. При сверке с дошедшим до наших дней текстом оригинала выясняют сходство и различие структуры (деление на разделы) текстов, наличие различий в самом тексте, способы передачи буддийской терминологии – перевод мог делаться одновременно и с китайского, и с тибетского языков. Путем сопоставления перевода с оригиналом пополняется запас слов тангутского языка. Такого рода работа проводилась проф. Ван Цзин-жу, проф. Нисиды Тацуо (Ван Цзинь-жу 1931-1932; Tatsuo Nishida 1977). Результаты подобного рода исследований аналогичны исследованию китайских буддийских текстов из Дуньхуана – установление репертуара буддийских текстов, их бытование в Северо-западном Китае в XI-XIII вв., сходство и различия с современной китайской Трипитакой. В огромной мере для значительной части тангутских текстов эта работа еще впереди.

Выявление текстов, которые не находят точной привязки к китайскому или тибетскому оригиналу, даст, по меньшей мере, два важных результата, текст безусловно (для исследователя) переведен с китайского, но китайский оригинал утрачен. Это апокрифические китайские тексты, не дошедшие до наших дней на языке оригинала. Или текст (например, комментарий, разъяснения, проповедь и т.п.) был сочинен кем-то из тангутских буддийских вероучителей и отражает их понимание тех или иных канонических текстов. Такие тексты следует признать оригинальными, тангутскими сочинениями на буддийскую тематику. Определять их очень трудно, и в этой области вся работа впереди.

Тексты буддийского содержания составляют от 80 до 90% фонда тангутских рукописей и отпечатанной способом ксилографии книги. Из этого числа до 20% текстов не имеет пока точной или даже приблизительной идентификации. Последнее же – самая трудоемкая работа: "проявив" хотя бы часть текста в китайской иероглифике, нужно, если это неясно, по буддийской терминологии предположительно отыскать тот текст, с которого сделан перевод. Если же это ясно или текст найден, следует определить место исследуемого куска текста (фрагмента) в этом тексте. Даже для китайских текстов из Дуньхуана это была огромная работа (кстати, так для фрагментов и неоконченная), на которую в свое время было посажено много людей. Избежать же привлечения к такой работе большого числа сотрудников можно только в том случае, если за нее возьмутся квалифицированные буддологи, знатоки Трипитаки (то же и для переводов с тибетского, когда имеется только тибетский оригинал).

Для чего нужна такая работа? Для того, чтобы понять такое явление в истории буддизма, как буддизм Си Ся (тангутский), определить круг священных текстов на китайском и тибетском языках в XI-XIII вв., установить сходство и различие текстов того времени с современными текстами. Понять идеологию эпохи, в частности, населения тангутского государства, для большинства которого буддизм был важной ее составляющей. И – не последнее дело – это священные тексты для верующих буддистов наших дней, для тех, кто изучает историю своей веры, формирования основного (основных) текста той "школы" буддизма, к которой он себя относит.

Если говорить о небуддийской части фонда, то и в этом случае первостепенное значение имеют переводы с китайского. Обращение к тангутским переводам китайских классических текстов (Китайская классика в тангутском переводе [Лунь юй, Мэн цзы, Сюэ цзин]. Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. - Памятники письменности Востока. Вып.4. М., 1966) и военных трактатов (Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод, введение, комментарий, грамматический очерк, словарь и приложение К.Б. Кепинг. - Памятники письменности Востока. Вып.49. М., 1979) сразу же обнаружило известное различие иногда в основных текстах, а чаще в комментариях по сравнению с теми текстами и комментариями к ним, которые ныне признаны нормативными, стандартными. Это проявилось на тексте "Лунь юя", комментариев к нему, поначалу казавшихся неизвестными, хотя позже в море памятников китайской письменности был найден и этот, ныне забытый комментарий (Wi Chi-yu 1969). Забытыми оказались и комментарии Люй

Хуй-цина к тексту "Сяо цзина", по слухам, также недавно найденные в Китае. Наконец, следует упомянуть фрагмент комментариев к Мэн-цзы, который пока не идентифицирован.

Мы не станем обсуждать каждый конкретный случай, но тангутские тексты уже поставили важный для истории китайской культуры вопрос, на который, вероятно, должны дать ответ и не тангутоведы, - какие тексты и комментарии на них были популярны в сунском Китае? Те, которые дошли до нас в современном виде, или отличные от них? Когда, как и зачем был произведен отбор в пользу современных стандартных текстов? Если эти, последние, уже были господствующими при Сун, то чем объяснить выбор переводчиков в Си Ся? Предпочтением более ранней, например, танской традиции при враждебности к Сун в XI в.? Или некоторой изоляцией от Сун после создания в северном Китае чжурчжэньского государства Цзинь? Вопросы возникли, возникли из недр субурбана, затерянного в песках на южной окраине пустыни Гоби. И вопросы не праздные - и для истории Си Ся, и для истории китайской культуры.

А встречаются и апокрифы, т.е. такие тексты, которые хотя и очевидно переведены с китайского, но китайский оригинал которых неизвестен. Сошлемся на недавний пример, на работу с еще не изданным текстом, начало которого не сохранилось, а в конце есть его наименование, трудно понимаемое даже после прочтения текста, - "Алтарная запись о примирении Конфуция". Было ясно, что текст, в котором рассказывается, как Конфуций встретился с неким Старцем, относится к серии достаточно многочисленных в старой китайской философской литературе историй о порицании Конфуция и его учения, чаще всего даосами и легистами. В данном тексте оппонент и победитель Конфуция, "Старец", возможно, и сам Лао-цзы в одном из своих обликов. Достаточно длительные поиски, особенно, для автора этих строк, человека, далекого от данной темы, привели к 31-ой главе "Чжуан-цзы", именуемой "Рыболов". Совпал сюжет, совпали идеи, заложенные в тексте. Не совпало число участников описываемых событий - в тангутском тексте их трое - Конфуций, Старец и ученик Конфуция Цзы Лу, в 31-ой главе "Чжуан-цзы" - четверо - Конфуций, Рыболов и два ученика Конфуция - Цзы Лу и Цзы Гун. Тем не менее, этот тангутский текст безусловно вариант данного сюжета, который не попал в трактат "Чжуан-цзы" и бытовал еще в XII в. как отдельный текст. Позже он был утрачен и сохранился до наших дней только в тангутском переводе. Это не значит, что китайские ученые, роясь в провинциальных архивохранилищах, не найдут оригинала и этого текста, как это случилось с комментарием к тангутскому тексту "Лунь юя", оригинал которого после публикации тангутского текста был найден в провинции Фуцзянь, или, возможно, с комментариями Люй Хуй-цина к "Чжуан-цзы", также, правда, пока по слухам, якобы обнаруженного в Китае. Важно и очевидно то, что ныне этот текст забыт и не в ходу, и публикация его тангутского перевода напомнит о нем и введет его в круг текстов по истории китайской философии.

Китайская литература вошла в плоть и кровь значительной части тангутской небуддийской словесности. Определить источник бывает чрезвычайно трудно, когда нет конкретных отсылок. Это проявилось при публикации К.Б. Кепинг китайской "энциклопедии" (лэй шу) "Лес категорий" (Факсимиле ксилографа. Издание текста, вступительная статья, перевод, комментарий и указатели К.Б. Кепинг. - *Памятники письменности Востока*. Вып. 38. М., 1983), когда только усилия китайских ученых помогли полностью найти оригиналы жизнеописаний лиц, разбросанные по династийным историям и иным сочинениям (Ши Цзинь-бо и др. 1993). Дело в том, что, если даже названы имена, они переданы в тангутском написании, дешифровка которых не дает твердо однозначное китайское имя.

Автор данной статьи в полной мере познал трудности такого рода при публикации другой "лэй шу", даже не переведенной с китайского, а составленной самими тангутами, но содержащий в качестве иллюстративных примеров десятки отсылок на, возможно, широко известные, популярные в то время сюжеты из китайской словесности. Когда рассказ начинается со слов: "В давние времена жил некто...", то найти первоисточник можно только по содержанию или сходству содержания. Часть сюжетов так мною и не была отождествлена и, очевидно, это смогут сделать китайцы, знатоки родной литературы. Для нас же важно то, что в последней трети XII в. тангутские авторы уже во многом рассматривали китайскую литературную традицию как "свою", а люди в Си Ся, читавшие по-тангутски, эту традицию достаточно неплохо знали. Отсылки не требовались и потому, что в средние века, как известно, было совсем иное отношение к компиляции, к требованию указания на автора, источник и т.п. Заключая этот раздел, укажем на то, что переведенная с китайского светская литература пока также исследована неполностью (на пример, сборник цитат из китайских классических книг, военные трактаты "Шесть тактик", "Три тактики Хуан Ши-гуна" и др.).

Особый тип текстов представляют те, которые, говоря языком музыки, являются "вариациями на тему". Это хозяйственные и официальные документы, форма которых копирует документы китайские, и памятники тангутского права. О последних - кодексе Си Ся 1149-1169 гг. -

"Измененном и заново утвержденном кодексе девиза царствования 'Небесное процветание'" (Издание текста, перевод с тангутского, исследование и примечания Е.И. Кычанова. В 4-х книгах. - Памятники письменности Востока. Вып.81 (1,2,3,4). М., 1987-89) и дополнениях к нему от 1212-1215 гг. - "Новые законы" и "Новые законы года свиньи", следует сказать особо. При достаточно жестком копировании текстов из сокровищницы китайской словесности юристы Си Ся отказались от слепого следования форме кодексов династии Тан (Тан люй шу и) и Сун (Сун син тун). Они приняли структуру кодекса, чуждую китайскому традиционному праву, практически совпадающую по структуре статьи с современными кодексами. Корни этого заимствования хорошо пока не выяснены, их можно видеть в китайских линах (статутах) или даже в западном влиянии. Причины, побудившие юристов Си Ся отказаться от китайской традиции, тоже неясны, тем более, что часть составителей кодекса являлась этническими китайцами.

В тангутском кодексе мы находим заимствование сути основного круга правовых представлений (правосознания, правовой культуры, круга составляющих их норм права китайского), но не формы изложения их в китайских памятниках материального права.

"По образцу" были составлены словари - "Жемчужина в руке" по трем разделам: "небо", "земля", "человек"; "Море письмен" и "Море письмен, смешанные категории" по образцу китайского рифмического словаря "Гуан юнь"; словари омонимов (Гомофоны) и синонимов, кажется, не имеют абсолютно прямых аналогов в китайской лексикографии, как и "Фонетические таблицы". Наряду с высоким для тех лет развитием правовой мысли в Си Ся, удивление вызывает и высокая филологическая квалификация тангутских языковедов, она еще ждет своей компетентной и комплексной оценки. Узкое место для нашей современной "тангутской филологии" - отсутствие единой общепризнанной фонетической реконструкции языка. Не будучи лингвистом и понимая, что любая фонетическая реконструкция, выполненная квалифицированно, - система, тем не менее автор этих строк предложил бы своим коллегам-лингвистам выделить то, в чем они все согласны, включая и унификацию транскрипционных знаков, а также отдать предпочтение в их выборе простоте написания, что облегчит работу их коллег нелингвистов.

Что касается грамматики языка, то после Н.А. Невского и Исихама Дзюнтаро, пионеров наших дней Нисиды Тацуо и М.В. Сафронова, самого большого успеха удалось добиться К.Б. Кепинг (1985). Но есть еще "служебные слова", значение которых следует уточнить, или же это значение просто неясно; не поднятой целиной является синтаксис тангутского языка.

Исследователи, в особенности, китайские коллеги, что и понятно, пытаются отыскать среди тибето-бирманских по языку народов юго-западного Китая язык, наиболее близкий к умершему тангутскому языку. Успехи в этой области есть, особенно с языком пуми, хотя возможных прямых потомков (или предков на прародине тангутов в провинции Сычуань) тангутов (ми, минягов) Си Ся пока не найдено. Но в этой области, как думается, возможно еще одичать больших успехов по мере обследования языков этого региона. Несомненно, что с приходом молодых сил наука добьется и новых результатов в изучении грамматики языка тангутов (Си Ся) и фонетической реконструкции языка. В этой области перспективно движение (навстречу друг другу) исследований языков народов юго-западного Китая и памятников тангутской письменности.

Обнадеживает выявленное сходство между генеалогией западных цинов, зафиксированной в китайских источниках с IV в. до н.э., с тангутским генеалогическим преданием и преданиями тех же пуми (Кычанов, в печати), а также сходство мифов о сотворении мира у народов цизу и тангутов Си Ся. Это прежде всего касается места птицы (конкретно, журавля, белого журавля) в сотворении мира (Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа. Издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарии и приложения Е.И. Кычанова. - Памятники культуры Востока. Вып.4. СПб., 1997).

То, что культура Си Ся, именно многонационального государства Си Ся, а не только тангутов - ми (китайская и японская терминология не различают этносов, населявших Си Ся, китайское си-ся жень означает не только тангутов-ми, а всех жителей Си Ся) была если не сплавом, то единением трех начал - культуры (образа жизни и образа мышления) ми, минягов (тангутов), китайцев, тибетцев, уйгуров и иных этносов, населявших территорию Си Ся, с буддизмом и конфуцианством как государственной идеологией, не может вызвать удивления. Достаточно посмотреть на прошлое и настоящее корейской, японской, вьетнамской культур. В культуре Си Ся мы находим и даосизм, только затруднительно сказать, был ли он исключительно достоянием китайского населения Си Ся или же пользовался и вниманием минягов-тангутов (тибетцы и уйгуры, возможно, хотя и не обязательно, были далеки от даосизма, особенно в жизни отдельных индивидуумов). Это же мы наблюдаем и в государстве киданей Ляо, которое к моменту формирования государственности тангутской уже существовало сотню лет и которому тангуты явно подражали, и в государстве Цзинь. И там, и тут местные традиции и верования шаманского толка - само слово шаман, широко вошедшее в современные языки, - слово чжурчженьское,

сосуществовали с буддизмом и культом Конфуция, кстати, введенном киданями, шире – с заимствованиями достижений китайской культуры. Снова хочется сказать: "Где тот субурган, с книгами на киданьском и чжурчжэньском языках?", которые были, и обнаружение которых изменило, скорректировало бы наши представления о культуре сунского Китая да и всей Восточной Азии до монголов.

Из сказанного выше очевидно, в чем состоят трудности работы с памятниками тангутской (Си Ся) письменности. Мало, точнее, недостаточно для хорошего издания памятника определить его характер, если это памятник переводной, найти его оригинал или близкие по характеру тексты. Надо одновременно усвоить хотя бы азы той отрасли знания, которую данный памятник представляет, как, например, было в практике пишущего эти строки, – историю китайских словарей (Море писем. Факсимиле тангутского текста. Перевод с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова, А.П. Терентьева-Катанского. – Памятники письменности Востока. Вып.25. М., 1969), паремическое речетворчество (Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарии Е.И. Кычанова. – Памятники письменности Востока. Вып.11. М., 1974), традиционное право Китая (Дальнего Востока) (Измененный и заново утверждённый кодекс девиза царствования Небесное процветание), мифы и предания народов юго-западного Китая (Море значений, установленных святыми) и т.д., или К.Б. Кепинг (системы родства (Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод и комментарий К.Б. Кепинг. – Памятники письменности Востока. Вып.87. М., 1990). От этого никуда не уйдешь, это важнейшая составляющая "тангутской текстологии" для того, кто берется за тангутский текст. Это хорошо усвоили и представители молодого поколения тангутоведов (Двенадцать царств. Факсимиле рукописи. Издание текста, исследование, перевод с тангутского, комментарий, таблицы и указатель К.Ю. Солонина. – Памятники культуры Востока. Вып.2. СПб., 1995).

В ближайшие годы изучение текстов на тангутском языке расширится благодаря публикации основных текстов из собрания П.К. Козлова, предпринятой совместно Санкт-Петербургским Филиалом Института Востоковедения РАН и китайской Академией общественных наук и шанхайским издательством "Древняя книга" (Гу цзи чубаньшэ) (Э цзан Хэйчэн взньсянь (Памятники письменности из города Хэйчэн (Хара-Хото), хранящиеся в России. Серия начата в 1997 г.). Тексты станут более доступны мировой науке и, думается, привлекут новых энтузиастов для их публикации отдельными изданиями. СПб ФИВ РАН в известной мере лишился своей монополии на тексты, но увеличится число специалистов по Си Ся, прежде всего в Китае. При Академии общественных наук в КНР создан специальный "Центр по изучению Си Ся", который возглавляет проф. Ши Цзинь-бо. По числу ученых, умеющих читать тангутский (Си Ся) текст, Китай уже вышел на первое место. Кроме того, в КНР и на Тайване десятки исследователей истории, археологии и культуры Си Ся, пока не читающих тангутский текст, но активно работающих с источниками китайскими и памятниками материальной культуры. Для КНР "изучение Си Ся" (наше тангутоведение) имеет актуальное значение как исследование сложной страницы истории Китая в X-XIII вв., истории национальностей Китая, наконец, как элемент современной национальной политики многонационального государства. Хорошо известно, что теоретические аспекты взаимоотношений собственно китайских государств с некитайскими государствами, существовавшими в прошлом на территории современного Китая, занимают видное место в китайской исторической науке и решаются китайскими историками неоднозначно.

Наличие в мировом востоковедении двух десятков исследователей, которые могут работать с тангутским текстом, на данный момент вполне достаточно для такой небольшой отрасли востоковедной науки как тангутоведение. Думается, что тангутская текстология, основные черты и особенности которой были обрисованы выше (хотя таковые отнюдь не относятся исключительно к текстологии тангутской), имеет неплохие перспективы, а работы непочатый край, особенно в нашей стране, когда тысячи текстов нуждаются еще в реставрации, десятки, если не сотни, в идентификации, и где исследователей еще вполне могут ждать свои маленькие (а то и большие!) сюрпризы.

ЛИТЕРАТУРА:

- Ван Цзин-жу. 1931-1932. *Си Ся Яньцзю*. Т. 1-3. Бэйпин
Иванов А.И. 1918. Памятники тангутского письма. *Известия РАН*.
Кепинг К.Б. 1985. *Тангутский язык. Морфология*. М.: Наука.

- Кычанов Е.И. (в печати). Два этюда по истории предков тангутов. *Петербургское востоковедение*, Т 10.
- Козлов П.К. 1923. *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*. Пг.
- Невский Н.А. 1960. *Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах*. Кн. 1. М.
- Ши Цзинь-бо, Хуан Чжэн-хуа, Не Хун-инь. 1993. *Лэй линь яньцзю* [Исследование "Лэй линь"]. Иньчуань.
- Ivanov A. 1909. Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache. *Известия РАН*.
- Tatsuo Nishida. 1977. *The Hsi-Hsia Avatamsaka-sutra*. Kyoto: Kyoto University.
- Wi Chi-yü. 1969. Sur la version tangute d'un commentaire du Louenyu conservée a Leningrad. *Toung Pao* LV (4-5): 298-315.

А.М. Певнов

ТЮРКИЗМЫ В ЧЖУРЧЖЭНСКОМ ЯЗЫКЕ

Чжурчжэньский язык является одним из маргинальных представителей тунгусо-маньчжурской языковой семьи и выступает в ней в качестве самого раннего известного звена. Впрочем, звеном его можно считать только с весьма существенными оговорками, поскольку не обнаружены ни его прямой потомок, ни его непосредственный предок. Вряд ли можно утверждать, что маньчжурский язык служит продолжением чжурчжэньского: в какой-то степени, возможно, это и так, однако слишком уж очевидна наивная прямолинейность такого по сути биологического подхода к генетическим проблемам языкознания.

Письменный чжурчжэньский язык существовал с XII в. по XVI в. Письменный маньчжурский как бы подхватил эстафету чжурчжэньского (XVII - XX вв.). Оба языка безусловно близкородственны, но рассматривать их как диалекты одного языка было бы некорректно хотя бы по той причине, что диалекты представляют собой исключительно синхронную совокупность постоянно воздействующих друг на друга территориальных вариантов языка.

Тунгусо-маньчжурская языковая семья относительно молода. Первые серьезные "разрывы" праязыковой диалектной сети и, следовательно, начало миграции носителей диалектов тунгусо-маньчжурского праязыка относятся, по всей вероятности, к хуннской эпохе. Скорее всего, в контактах с представителями великих кочевых культур и следует искать причину включения механизма языковой дивергенции. В этой связи особый интерес представляют монгольские и тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках вообще и в чжурчжэньском, а также маньчжурском, в частности. В данной статье мы рассмотрим лишь тюркизмы и только в чжурчжэньском языке.

Даже при весьма ограниченном объеме материала по чжурчжэньскому языку можно с уверенностью говорить о том, что процент заимствований в нем очень высок. В первую очередь это касается лексики, в немалой степени - грамматики, в меньшей - фонетики. В грамматике и фонетике пока удалось обнаружить почти исключительно монгольское влияние, но это вовсе не означает, что контакты с другими языками никак не отразились на обоих этих уровнях. В лексике же чжурчжэньского языка больше всего заимствований неизвестного происхождения, немало в чжурчжэньском китайской лексики, но она отражает главным образом поздние контакты, так сказать, цивилизационного характера; довольно много слов пришло в чжурчжэньский язык из монгольских, значительно меньше - из тюркских и совсем мало - из корейского. Каких-либо конкретных источников заимствований, проникших в чжурчжэньский язык, пока установить не удалось.

Наличием монголизмов в чжурчжэньском языке специалистов не удивишь. Н.Поппе, как монголист, прекрасно понимал историческую ценность такого материала и написал об этом статью (Рорре 1979). Что же касается заимствований из тюркских языков в чжурчжэньский (а также в маньчжурский), то на них как-то не обращали внимания. Впрочем, их не так много, и имеет смысл привести их все с указанием параллели в древнетюркском: чж. *гобу* 'все/др.-тюрк. *qor* 'весь, всё, все, совсем, совершенно, очень'; чж. *олзуэ* 'это, этот, такой/др.-тюрк. *ol* 'тот, он'; чж. *сухэ* 'ива/др.-тюрк. *sögü* 'дерево, ива'; чж. *сэ* 'говорить, сказать/др.-тюрк. *te-*'; чж. *ун* 'ода, панегирик, похвала/др.-тюрк. *ög-* 'хвалить'; чж. *али-ру* 'принимать, получать/др.-тюрк. *al-* 'взять'; чж. *бук'э* (бук'эн-?) 'не верить, сомневаться/др.-тюрк. *bük* в парном слове *bük qat* 'тайна, секрет, скрытая сущность'; чж. *уур* 'могильный курган; захоронение; гробница, усыпальница/др.-тюрк. *gür* 'могила' (< перс.); чж. *залуха* 'полный, наполненный/др.-тюрк. *tolu*; чж. *мутэ* 'закончить/др.-тюрк. *büt-* 'кончаться'; чж. *соңхо* 'след, следы, остатки, реликвии, наследие/др.-тюрк. *soñ* 'после, затем, последующий, последний, поздний', *soñda-* 'гнаться, следовать по пятам'; чж. *такура* 'посылать, направлять, командировать, применять, использовать, пользоваться/др.-тюрк. *tar-* 'служить, прислуживать; поклоняться'; чж. *туби-ба* 'фундаментальный, лежащий в основе/др.-тюрк. *tür* 'низ, дно, основание, подножие; корень, основа, сущность; род, происхождение, предки'; чж. *туму* 'погружаться, пьянствовать/др.-тюрк. *čöm-* ~ *čom-* 'нырять'; чж. *тухэ* 'закончить/др.-тюрк. *tükä-* 'кончаться'; чж. *тэун* 'равный, одинаковый/др.-тюрк. *teu* 'одинаковый, равный; соответствующий'; чж. *улху-бу* 'провозглашать, объявлять; оповещать/др.-тюрк. *uq-* 'понимать' < **ulqī-* ~ **ulqu-* (формы побудительного залога *uqīt-* и *uqtur-* означают 'объяснять'); чж. *урун-э* 'радоваться/др.-тюрк. *ögür-* 'радость'; *ögir-* ~ *ögür-* 'радоваться'; чж. *хучау-ги* 'славный/др.-тюрк. *kü čav* 'молва, весть, слава' (парное слово), чж. **анчун* 'золото/др.-тюрк. *altun*; чж. **будгихэ* 'нога/др.-тюрк. *but* 'бедро, нога'; чж. **будгон* (?) 'вареный рис, еда/др.-тюрк. *bučaj* ~ *bučaj* 'пшеница'; чж. **бэун* 'глава рода/др.-тюрк. *beg* 'правитель, вождь, бек, князь; муж'; чж. **горо* 'обряд, этикет, обычай/др.-тюрк. *törü* 'порядок, правило, закон, обычай, обряд; свадебный пир'; чж. **гутахун* 'остаток/др.-тюрк. *tuluγ* ~ *tuluq* 'заклад, залог' < *tut-* 'держат, хранят'; чж. **заха* 'предмет, вещь, штука', 'броня, латы, доспехи; панцирь/др.-тюрк. *jača* 'плата, вознаграждение'; чж. **талиг'ан* 'молния/др.-тюрк. *jašin* 'молния'; чж. **толхин* 'сон, сновидение/др.-тюрк. *tüš*; чж. **тэгирэ* 'повсюду, везде; кругом/др.-тюрк. *teğirä* 'вокруг, кругом'; чж. **хадуху* 'одежда/др.-тюрк. *kedgü*.

Следует отметить, что под тюркизмом имеется в виду только такое чжурчжэньское слово, которое было заимствовано чжурчжэньским языком непосредственно из какого-либо тюркского языка. При этом такое заимствование может иметь вовсе не тюркское происхождение, а, например, персидское (ср. чж. *уур* < тюрк. < перс.). С другой стороны, чжурчжэньское слово может быть тюркским по происхождению и в то же время монгольским по непосредственному источнику заимствования (т.е. тюрк. > монг. > чж.). При таком подходе к заимствованиям трудно гарантировать, что все чжурчжэньские слова в приведенном списке являются тюркизмами, поскольку в принципе не исключено, что то или иное слово тюркского происхождения пришло в чжурчжэньский язык транзитным путем - через посредство какого-либо неизвестного, уже не существующего монгольского языка. Так обстоит дело в теории, на практике же можно руководствоваться следующими правилами, позволяющими пусть и не с абсолютной, но все же с максимальной возможной точностью выявлять тюркизмы в чжурчжэньском языке:

1) желательно (но не обязательно), чтобы предполагаемый тюркизм имел так называемую внутреннюю форму на тюркской почве;

2) желательно (но не обязательно), чтобы предполагаемый тюркизм не имел параллели в монгольских языках;

3) если предполагаемый тюркизм имеет параллель в монгольских языках, то необходимо наличие у него какого-либо специфического признака, свидетельствующего о том, что заимствование произошло именно из тюркских, а не из монгольских языков.

Прежде чем делать выводы на основе приведенных сравнений, считаю целесообразным предложить следующее терминологическое разграничение: те межязыковые параллели, которые целиком подчиняются установленным конкретным правилам фонетических и семантических переходов, являются соответствиями, все прочие параллели можно назвать подобиями. Соответствия отличаются от подобий своей надежностью, доказанностью. Иначе говоря, подобие - это потенциальное соответствие (правда, при сравнении образных слов в разных языках нередко невозможно подняться выше уровня подобия по объективным причинам, однако это уже должно быть предметом специального рассмотрения).

Из приведенных сравнений (всего их здесь 30) соответствиями можно считать лишь четыре (укажем только чжурчжэньские слова): *сэ* 'говорить, сказать', *али-ру* 'принимать, получать', *уур* 'могильный курган; захоронение; гробница, усыпальница', *хаучау-ги* 'славный'. Соответст-

нием было бы и чж. *тэгирэ 'повсюду, везде; кругом', если бы реконструкция его звучания осуществлялась независимо от сравниваемого с ним древнетюркского tegirä 'вокруг, кругом' (т.е. сравнение несомненно повлияло на реконструкцию). Остальные 26 чжурчжэньско-тюркских параллелей пока являются лишь подобиями. Следует отметить, что в списке преобладают новые, ранее не предлагавшиеся сравнения - до сих пор к тюркизмам причислялись лишь чж. *анчун 'золото', а также те слова в тунгусо-маньчжурских языках, которые соответствуют чжурчжэньским *бугдихэ 'нога', *бзуин 'глава рода', *толхин 'сон, сновидение', али-ру- 'принимать, получать', залуха 'полный, наполненный' (при этом чж. *бугдихэ, *толхин и залуха сторонниками алтайского языкового родства должны, очевидно, восприниматься как наследие алтайского праязыка). Увеличение количества сравнений в несколько раз позволяет говорить о том, что тюркский пласт в чжурчжэньско-маньчжурской (а также только в чжурчжэньской) лексике можно рассматривать как реально существующий, наряду с монгольским или китайским.

Необходимо иметь в виду, что чжурчжэньские тюркизмы существенно отличаются от монголизмов: во-первых, почти все тюркизмы относятся к лексике; во-вторых, тюркизмов значительно меньше, чем монголизмов; в-третьих, среди тюркизмов, по-видимому, меньше слов, принадлежащих основному словарному фонду.

Тюркизмы в чжурчжэньском языке относятся к разным эпохам, среди них есть несколько очень древних, поскольку они имеются во всех или почти во всех тунгусо-маньчжурских языках (например, только что упомянутые чж. *бугдихэ, *толхин, залуха, а также *талиган 'молния' и урунзэ- 'радоваться').

Монголизмы и тюркизмы, характерные лишь для маньчжурского и чжурчжэньского языков, принадлежат к иной эпохе, которую можно назвать эпохой мохэ-шивэй и которая наступила через какое-то не очень длительное время после распада тунгусо-маньчжурской языковой общности. При этом монголизмы эпохи мохэ-шивэй весьма многочисленны, тюркизмов же сравнительно мало. Приведу несколько примеров таких заимствований из тюркских языков: чж. *хагуху 'одежда'/др.-тюрк. kedgi; чж. *такура- 'посылать, командировать; использовать, применять'/др.-тюрк. tarqu 'служба, служение'; чж. сз- 'говорить, сказать'/др.-тюрк. te-.

Возможно, заимствование тюркской лексики в тот гипотетический язык, который был непосредственным предком чжурчжэньского и маньчжурского, объясняется следующими историческими событиями: "Во второй половине IX в. в связи с разгромом енисейскими кыргызами Уйгурского каганата на территорию Бохая и соседних с ним киданей, шибэров, а также, по всей вероятности, черноречных мукрийцев переселяется значительная масса уйгуров вместе с проживавшими среди них согдийцами и хотанцами, которые впоследствии приняли участие в этногенезе чжурчжэней" (Шавкунов 1990: 194).

Наконец, в чжурчжэньском имеются тюркизмы, отсутствующие в маньчжурском и во всех прочих тунгусо-маньчжурских языках. Примеры: чж. хучау-ги 'славный'/др.-тюрк. парное слово kü bay 'молва, весть, слава'; чж. сухэ 'ива'/др.-тюрк. sögüt 'дерево, ива'; чж. *тэгирэ 'повсюду, везде; кругом'/др.-тюрк. tegirä 'вокруг, кругом' (всего таких сравнений пока 13). Наличие таких "эксклюзивных" тюркизмов свидетельствует о том, что чжурчжэньский язык не является непосредственным предком маньчжурского - в противном случае эти тюркизмы (или хотя бы какая-то их часть) были бы унаследованы маньчжурским языком. Второй вывод касается культурной, а может быть, и этнической истории чжурчжэней - их контакты с тюрками оставили пусть и не глубокий, но все-таки заметный след в чжурчжэньском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Шавкунов Э.В. 1990. *Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Poppe N. 1979. *Jurchen and Mongolian. Studies in Mongolia*. Bellingham.

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОХАЙЦЕВ

Бохайцы - один из народов в истории Северо-Востока Китая, в VII–X вв. они утвердили местную автономную власть, создали блестящую культуру, заняв важную страницу в истории Китая. Однако, в их истории до сих пор имеется много вопросов, ожидающих углублённого исследования. Особенно их этническое происхождение стало темой, привлекающей повышенное внимание учёных. В данной статье мы попытаемся представить свои несовершенные взгляды по этой проблеме для участия в её обсуждении.

1. Главный исток бохайского этноса - *сумо мохэ*

Мнение учёных о том, что бохайский этнос имел много истоков - *сумо мохэ* и оставшийся народ Гаоли,¹ - едино. Споры заключаются в том, какой из истоков был главным - *сумо мохэ* или *гаоли*? Исторические материалы, на которые опираются спорящие стороны, в основном, одинаковы, однако вследствие разного толкования этих материалов точки зрения различаются. Мы считаем, что все правильные точки зрения должны быть способными довольно всесторонне охватить всевозможные исторические материалы и не противоречить самим себе. Нельзя однобоко выхватывать отдельные исторические материалы, а не поддающихся толкованию мест избегать и не говорить о них, тем более нельзя субъективно считать какой-либо исторический материал ошибочным, или фальсифицированным.

При обсуждении вопроса о главном истоке бохайского этноса некоторые участники дискуссии считают, что записи "Синь тан шу"² и "Цзю тан шу"³ отражают две противоположные точки зрения.

В "Повествовании о Бохэе" "Цзю тан шу" записано: "Да Цзюжун бохайских *мохэ* суть особый род Гаоли." Сходные с этой записи есть в "Тан хуэйяо",⁴ "Удай хуэйяо",⁵ "Синь удай ши",⁶ "Цзю фу юань гуй",⁷ "Сун ши"⁸ и "Сун хуэйяо".⁹

"Повествование о Бохэе" "Синь тан шу" сообщает: "Бохай это первоначально подчинявшиеся Гаоли *сумо мохэ* по фамилии Да." Сходные с этой записи есть в "Юй хай",¹⁰ "Вэньсянь тункао",¹¹ "Цзинь ши",¹ "Тонгук саряк",² "Корё са",³ "Тонгук тхонгам"⁴ и других книгах.

¹ Здесь и далее в подстрочных примечаниях даны комментарии переводчика. Гаоли - так в ряде китайских летописей называется государство Когурё (37 г. до н.э. - 668 г.).

² "Синь тан шу" - "Новая история династии Тан" - официальная, то есть входящая в список 24-х династийных историй Китая история династии Тан написанная Сун Ци и Оуан Сю при дворе Северной Сун в 1060 г.

³ "Цзю тан шу" - "Старая история династии Тан" - официальная история династии Тан (618-907 гг.), составленная при династии Поздняя Цзинь (936-946 гг.) Лю Сюем, Чжан Чжаоюанем и др. Своё полное название получила после выхода "Синь тан шу" в XI в.

⁴ "Тан хуэйяо" - "Собрание материалов по династии Тан" составлено Ван Пу в 961 г. Как правило, сочинения в жанре "хуэйяо" представляют собой собрания документальных материалов, не вошедших в официальные династийные истории.

⁵ "Удай хуэйяо" - "Собрание материалов по истории Пяти династий". Материалы по истории пяти династий: Поздней Лян, Поздней Тан, Поздней Цзинь, Поздней Хань и Поздней Чжоу, сменявших друг друга на севере Китая за короткий период 907-960 гг. Составлено Ван Пу (922-982) в первые годы правления династии Северная Сун (960-1127 гг.).

⁶ "Синь удай ши" - "Новая история Пяти династий", официальная история периода Пяти династий в Китае (907-960 гг.), Написана Оуан Сю в 1036-1053 гг.

⁷ "Цзю фу юань гуй" - "Хранилище документов со времени пикса на черепаших панцирях", систематизированное собрание исторических материалов за всю историю Китая, составленное Ван Циньжо, Ян И, Сунь Ши и др. на основании императорского хранилища книг и документов Цзю фу при династии Северная Сун в 1005 - 1012 гг.

⁸ "Сун ши" - "История династии Сун", официальная история Сун, составленная при дворе династии Юань в 1345 г. коллективом во главе с Токто.

⁹ "Сун хуэйяо" - "Собрание материалов по истории династии Сун" - собрание сведений документального характера, не вошедших в официальную историю. Современный текст восходит к минской энциклопедии "Юнцзю дацзянь" (1407 г.).

¹⁰ "Юй хай" - "Яшмовое море", сочинению Ван Инлиня (1233-1296 гг.).

¹¹ "Вэньсянь тункао" - "Сквозное изучение исторических трудов и сочинений", написано Ма Дуаньлинем (1254-1323 гг.).

Эти две записи имеют некоторые расхождения, но в основном они сходны и вовсе не являются противоречащими одно другому утверждениями. Это так, потому что обе они утверждают, что *мохэ* были основной силой, создавшей Бохай. Это единое толкование чуть ли не всех письменных материалов о Бохае начиная с "Тундяня".⁵

"Синь тан шу" расходится с "Цзю тан шу" в двух случаях: во-первых, она конкретно указала, что создателями Бохая были не все *мохэ*, а, главным образом, имевшееся среди *мохэ* племя *сумо*; во-вторых, в ней не записано, что *бохайские мохэ* это "особый род Гаоли", а сообщается, что они были "подчинявшимися Гаоли".

Эти два момента вовсе не противоречат друг другу. Считать, что *бохайцы* были *сумо мохэ*, это не более, чем дополняющий комментарий к утверждению о том, что *бохайцы* это *мохэ*. Только в том случае, если *бохайцы* были "особым родом Гаоли", их можно было назвать "подчинявшимися Гаоли". Если бы они были основным родом Гаоли, то вопроса об их подчинении Гаоли и не существовало бы. На самом деле, не было противоречия между этими двумя источниками, а были люди, искажённо истолковавшие записи "Цзю тан шу". Из "*бохайских мохэ*" "Цзю тан шу" они убрали слово "*мохэ*", а "особый род Гаоли" истолковали как "*когурёсцы*". Только вследствие этого и возникло противоречие с записью "Синь тан шу". И всё-таки, как можно истолковать смысл фразы "особый род Гаоли"? Некоторые "особый род Гаоли" трактуют как *когурёсцы*, оставляя без внимания слова "особый род", конечно, такое толкование не годится. Некоторые "особый род Гаоли" объясняют как *бохайцев*, среди которых были люди Гаоли, или как подчинявшихся Гаоли. Такое толкование тоже не проходит. В исторических сочинениях Китая "особый род" обычно используется для обозначения двух этносов, имеющих общее происхождение. Так, в "Повествовании о восточных иноземцах (*дуньши*)" "Цзю тан шу" записано: "Гаолисцы происходят от особого рода *фуюй*". В "Повествовании о Северных ди" "Цзю тан шу": "Теле суть особый род *сюнну*"; "Владение *Си*, должно быть, особый род *сюнну*"; "*Си* это особый род *сюнну*". Все они указывают на то, что оба народа происходят из одной этнической общности. Некоторые считают, что фразы вроде: "Владение *Си*, должно быть, особый род *сюнну*", следует толковать как "подчиняющийся такому-то этносу другой этнос" (Цзян Шоупэн 1980). Однако, сравним это утверждение с выдержкой из "Бэй ши"⁶: "*Си* изначально назывались *кюмоси*, их предки были особым родом *восточных юйвэнь*", - здесь указывается только на генеалогические связи. *Юйвэнь* - это потомки южного шаньюя *сюнну*, сами назвавшие себя *сяньби*. *Си* делились из *юйвэнь*, поэтому *си* называют особым родом *сюнну*. Хотя "Синь тан шу" и пишет: "*Си* также являются родом *дулюху*, были разгромлены *сюнну*", тем не менее, не считает, что *си* являются особым родом *сюнну*. Эти два толкования этнического происхождения *си* имеют расхождения, невозможно, соединив вместе разные взгляды двух книг, считать, что "особый род" можно толковать как подчинение одного народа другому народу. "Особый род" и "зависимость" это два разных понятия, первое из них обозначает связи кровнородственного происхождения, второе - отношения политической зависимости. Особый род может быть зависимым, а может и не зависеть; зависимые могут быть особым родом, также могут и не быть им. Народы северных земель были в зависимости от ханьских династий и при этом никогда не назывались "особым родом ханьцев". Те из ханьцев, что были в подчинении у *сюнну*, Гаоли, тоже никогда не назывались "особым родом *сюнну*", "особым родом Гаоли".

Некоторые считают, что *бохайцев* называли "особым родом Гаоли" потому, что в результате смешения *мохэ* и *когурёсцев* возникли люди нового этноса. "С конца пятого века Гаоли усилилось, *сумо мохэ* подчинились Гаоли, до основания государства Да Цзожуном прошёл длительный период около 200 лет. На протяжении этого времени *сумо мохэ* жили вместе с частью *гаолисцев*, вели совместные с ними хозяйство и быт, их языки взаимобменивались, постепенно сформировались совместные культура и психология вплоть до образования кровных связей" (Цуй Шаоси 1979). Однако, упомянутый выше процесс смешения является гипотетическим и нет конкретных исторических фактов, которыми его можно было бы обосновать. Уже в начале

¹ "Цзинь ши" - "История династии Цзинь", официальная история Цзинь (1115-1234 гг.), составленная при дворе династии Юань в 1345 г. коллективом во главе с Токто.

² "Тонгук сарак" - "Очерк истории Кореи", конец XV в., Корея.

³ "Корё са" - "История Корё", составлена Чон Нингжи и др., 1451 г., Корея.

⁴ "Тонгук тхонгам" - "Общее обозрение [истории] Кореи", Корея, 1485 г.

⁵ "Тундянь" - "Всеобщий свод", свод историко-географо-экономических сведений о Китае с древности до VIII в., написанный Ду Ю в 801 г.

⁶ "Бэй ши" - "История Северных династий", официальная сводная история Северных династий (Вэй, Сев. Ци и Сев. Чжоу, 386-581 гг.) и династии Суй (581-618 гг.), написана Ли Яньшюу при династии Тан в 643 г.

Суй (VI в. н.э.) *сумо мохэ* "постоянно вторгались с разбойными набегами в Гаоли" ("Суй шу",¹ "Повествование о мохэ"), в начале VII века прибыли в Инчжоу,² подчинившись Суй ("Цзю тан шу" цз.97), всё это свидетельствует о том, что они вовсе не смешивались с *когурёсцами* в единый этнос. Вплоть до эпохи Тан *сумо мохэ* и *когурё* явно были двумя разными этносами. В "Повествовании о Бохэ" "Синь тан шу" записано: "Бохай это первоначально подчинявшиеся Гаоли *сумо мохэ* по фамилии Да. [После] гибели Гаоли во главе народа схоронились на илоу-ской горе Дунмоушань <...> построили город для обитания, оставшиеся гаолиские беженцы постепенно стекались к ним". В "Повествовании о Бохэ" "Цзю тан шу" также пишется: "Да Цзожун *бохайских мохэ* суть особый род Гаоли <...> В связи с этим,³ Цзожун во главе своего народа схоронился на востоке в древних землях *илоу*,⁴ овладел горой Дунмоушань, построил город и поселился в нём. Цзожун был отважен, искусно командовал войсками, массы *мохэсцев* и оставшиеся после разгрома *гаолисцы* постепенно стекались к нему." Оба источника ясно различают *сумо мохэ* и *когурёсцев*. *Сумо мохэ* это основатели государства, оставшиеся *гаолисцы* - это примкнувшие впоследствии. Каким образом могли они в то время уже ассимилироваться в один этнос? Ассимиляция оставшихся *гаолисцев* с *сумо мохэ* является результатом общественного развития на протяжении двухсот лет после создания государства Да Цзожуном, они вовсе не ассимилировались в один этнос ещё до образования государства. Поэтому толкование "особого рода Гаоли" как ассимиляции в единый этнос не имеет достаточных оснований.

Мы считаем, что для выяснения того, почему *сумо мохэ* были названы "особым родом Гаоли", сначала нужно выяснить внутренний состав *мохэ*. В прошлом историки в основном считали, что этноним *мохэ* указывает только на генеалогическую линию *сунэни* - *илоу* - *уцзи*. Однако, такое понимание не достаточно всесторонне, на самом деле, *мохэ* ещё включали в себя *вэймо*. *Сумо мохэ*, как и *гаолисцы*, происходили от *вэймо*, только поэтому их и называли "особым родом Гаоли".

2. Сумо мохэ происходят от вэймо

Сравнительно рано название *мохэ* встречается в "Суй шу". В "Суй шу" записано: "*Мохэ* находятся на севере от Гаоли, [каждое] селение имеет вождя, не объединены. Всего имеется семь разновидностей. Первая из них называется племя *сумо*, граничит с Гаоли; вторая называется племя *бодо*, находится на севере от *сумо*; третья называется племя *аньчэгу*,⁵ находится на северо-востоке от *бодо*; четвертая называется племя *фуне*, находится на востоке от *бодо*; пятая называется племя *хаоши*, находится на востоке от *фуне*; шестая называется племя *хэйшуй*, находится на северо-западе от *аньчэгу*; седьмая называется племя *байшань*, находится на юго-востоке от *сумо*. Общее количество войска не превышает трёх тысяч, а племя *хэйшуй* считается наиболее сильным. На восток от *фуне* все стрелы с каменными наконечниками, это и есть древние *сунэни*." Здесь не сообщается, что *мохэ* это родственная группа *илоу* - *уцзи*. Зато ясно указано, что только располагавшиеся на востоке от *фуне* *хаоши*, *аньчэгу* и *хэйшуй* были древними *сунэнями*. Находившиеся же на западе от *фуне* *бодо*, *сумо* не были "древними *сунэнями*" и должны относиться к народу *вэймо*, располагавшемуся западнее *сунэней*.

"Синь тан шу" тоже, деля *мохэ* на две большие части: *хэйшуй мохэ* и *бохайских мохэ*, только сообщает, что "*хэйшуй мохэ* обитают на землях *сунэней*, ещё назывались *илоу*, во времена

¹ "Суй шу" - "История династии Суй", официальная история династии Суй (581-618 гг.), написана Вэй Чэном и др. в сер. VII в.

² Инчжоу - современный город Чаоян в провинции Ляонин.

³ Опушенный авторами статьи текст "Цзю тан шу": "Когда Гаоли было окончательно уничтожено, Цзожун во главе своей семьи переселился в Инчжоу. В годы Ваньсуй тунцзянь [696-697] кидань Ли Цзиньчжун поднял мятеж, Цзожун и мохэсец Цисы Бивой, каждый возглавив беглецов, бежали на восток и укрепились в горной местности. Когда Цзиньчжун в конце концов погиб, императрица Цзэтянь велела Великому полководцу Правой гвардии нефритовых колоколицей Ли Кайгу во главе войск пойти карательным походом против оставшихся его сторонников. Сначала [Ли Кайгу] разбил и казнил Цисы Бивоя, затем, перейдя хребет Тяньмэньлин, стал надвигаться на Цзожуна. Цзожун, собрав вместе множество гаолисцев и мохэ, дал отпор Кайгу, императорское войско потерпело большое поражение, Кайгу, бросив свой пост, вернулся. [В это время] все вассальные империи кидань и си подчинились тунцзю (торкам - А.И.), пути были перекрыты и Цзэтянь не могла покарать."

⁴ В оригинале - в древних землях *цзюлоу*.

⁵ Судя по тому, что в составе пришедших во главе с Тудиди в суйский Китай *сумо мохэ* было восемь племён, среди которых были: цзюэцзи, гоубяньлай, кутунни, юэцимэн, юэюй, бухулай, бубуколи, ("Тайпин хуаньюй цзи", цит. по: Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао [Наброски к истории Бохая]. Харбин 1984:17) упоминаемые здесь "племёна" ("бу") на самом деле были племенными общностями, состоявшими из ряда племён.

⁶ Вариант чтения этого названия: *Аньчэюйгу*.

Поздней Вэйской династии (386 – 534 гг. - А.И.) назывались *уцзи*¹, - и вовсе не содержит записей о том, что *бохайские мохэ* относились к генеалогической линии *илоу - уцзи*. В "Цзю тан шу", хотя и записано: "*Мохэ* это земли *сушэней*, при династии Поздняя Вэй их называли *уцзи*", однако, эти *мохэ* не включали в себя *бохайские мохэ*. В записях о *бохайских мохэ* "Цзю тан шу" также не сообщает, что они это поздневэйские *уцзи*, говоря только, что они это "особый род Гаоли". Это ясно указывает на то, что слово "*мохэ*" при династии Суй было общим названием для двух этносов - *вэймо* и *сушэней*. В исторических сочинениях Китая название одним именем нескольких этносов одной территории встречается часто. *Чжурчжэни Восточного моря* (*дунхай нюйчжэнь*) эпохи Сун (960 – 1279 гг. - А.И.) и *дикие чжурчжэни* (*эжэнь нюйчжэнь*) эпохи Мин (1368 – 1644 гг. - А.И.) включали в себя все народы нижнего течения Амура, не являвшиеся *чжурчжэнями*.

Торияма Киити и Цзинь Юйфу считали, что иногда под *мохэ* подразумевали *вэймо*. В заключительном исследовании после привлечения большого количества исторических материалов о *мохэ* из "Самгук саги"¹ Цзинь Юйфу утверждает: "Когурёский Тонмён-ван основал государство во втором году Цзянь-чжао ханьского императора Юань-ди (37 г. до н.э. - А.И.), в то время не могло быть названия *мохэ*. У японского г-на Торияма Киити этому есть два объяснения. Первое из них это то, что здесь именем *мохэ* заменили название *сушэнь*. Так, зимой в десятый месяц 69-го года правления когурёского вана Тхэчжо (121 г. н.э. - А.И.) *сушэни* приходили ко двору с подношением шубы из меха фиолетовой лисицы, белого сокола и белой лошади, зимой в 10й месяц 11-го года правления вана Сочхона (280 г. н.э. - А.И.)² *сушэни* вторглись - сообщения о *мохэ* вписаны до и после этих событий. Второе объяснение - этнонимом *мохэ* заменили этноним *вэймо*. В этой книге сообщается, что земли Силла примыкают к *мохэ*, также сообщается, что когурё вместе с *мохэ* совершали набеги на северные границы Силла, а также о том, что Силла и Пэкче разгромили *мохэ* на реке Нихэ. Эти так называемые *мохэ* находились на север от Силла и на северо-восток от Когурё. Известно, что земли *вэймо* на юге были смежны с Силла, поэтому возможно, что здесь под *мохэ* подразумевались *вэймо*. Что касается *сушэней*, то они издревле были на север от *вэймо*, их граница тоже была смежна с Силла. Поэтому Торияма в своём толковании всё же доходит до истины, а появившийся впоследствии этноним *мохэ* тоже происходит отсюда"(Цзинь Юйфу, цз.16). К сожалению, это важное мнение впоследствии не было должным образом оценено учёными.

Кроме того, сходный вопрос выдвинули Чжоу Ци и Хуан Шэньфу на основании исторических материалов "Бэй ци шу". В работе "Наброски к описанию Хэйлунцзяна" ("Хэйлунцзян чжи гао") Хуан Шэньфу задаётся следующим вопросом: "Под пятым годом Тянь-бао Северной Ци (554 г.) в "Бэйци шу"³ записано: "*Сушэни* прибыли с данью". Однако, под вторым годом Хэ-цин (563 г.) записано: "*Мохэ* прибыли с данью". Промежуток между этими событиями составил всего лишь 9 лет, нет возможности выяснить причину смены названия их владения". Чжоу Ци ещё глубже исследовал этот вопрос, обнаружив: "В действительности в "Бэй ци шу" есть ещё одна проблема, которая заключается в следующем: начиная со второго года Цин-хэ (563 г.), когда было записано о прибытии *мохэ*, посольства шли непрерывно: в первом, втором, третьем и четвёртом годах Тянь-тун (565 – 568 гг.), в первом году У-пин (570 г.), также в четвёртом и шестом годах этого периода правления - во все эти годы записано "Прибыли *мохэ*". В прошлом непрерывное на протяжении десяти лет "прибытие ко двору" было редким явлением в истории. Однако, в третьем году У-пин (570 г.) вставили запись: "Прибыли *уцзи*". <... > Таким образом, получается, что в начале 18-летнего периода записано о *сушэнях*, в конце - об *уцзи*, а все записи между ними - о *мохэ* (*мохэ* ещё записаны в шестом году У-пин). Как объяснить это явление?" (Чжоу Ци 1963). Вопросы, выдвинутые этими двумя историками, очень важны. К сожалению, тогда они слепо придерживались старой версии о том, что *мохэ* это *сушэни*, *уцзи* и не могли добиться прорыва в этом вопросе. На самом же деле, ответ очень ясен: *мохэ* и *сушэни*, *уцзи* - все эти этнонимы указывают на разные племена, поэтому "Бэйци шу" и "Самгук саги" пишут о них параллельно. Только после Северной Ци (550–577 гг. - А.И.) вследствие того, что *мохэ* многократно прибывали с данью, в "Суй шу" "*мохэ*" использовано как общее название для всех племён, а *сушэнь*, *илоу*, *уцзи* встречаются в истории как одна из частей *мохэ* под названиями *хаоши*,

¹ "Самгук саги" - "Исторические записи трёх государств", история древнекорейских государств Когурё, Пэкче и Силла, написана Ким Бусиком в 1145 г.

² При цитировании Цзинь Юйфу в статье допущены искажения в виде пропусков и опечаток. Здесь даём перевод цитаты по тексту оригинала (Цзинь Юйфу 1982 цз.20:525).

³ "Бэйци шу" - "История династии Северная Ци", официальная история государства Ци (550-577 гг.), написанная Ли Байхо (565-648 гг.).

юйлоу, фуле. Название же *мохэ*, изначально относившееся к мохэским племенам *сумо*, возникло в результате трансформации звучания *вэймо*, став общим названием всех племён.

Исследование языка также свидетельствует о том, что под *мохэ* главным образом подразумевались *вэймо*. В "Повествовании о *шивэй*" "Синь тан шу" записано: "Их [*шивэй*] язык - мохэский." Некоторые, основываясь на этом, ошибочно сочли, что *шивэй* относились к тунгусской языковой семье, проигнорировав то, что в "Повествовании о *шивэй*" "Вэй шу"¹ ещё записано: "Язык владения Шивэй одинаков с языком владений Кумоси, Киданей и Доумолоу." Согласно исследованиям современных учёных киданьский язык в основном относится к монгольской языковой семье, а *шивэй* являются предками *монголов*, естественно, их язык тоже относился к монгольской языковой семье. Если связать всё это вместе, то следует сказать, что *мохэ* тоже относились к монгольской языковой семье. Это также совпадает с приведённой выше записью о том, что язык *шивэй* одинаков с языком *доумолоу*. *Доумолоу* это потомки *фулюй*, одна из ветвей *вэймо*. Поскольку их язык относился к монгольской языковой семье, можно предположить, что вся группа *вэймо* относилась к монгольской языковой семье. Поэтому, только считая *мохэ* происходящими от *вэймо*, можно объяснить, почему язык *мохэ* одинаков с языком *шивэй*. Из всех народов Северо-Восточного Китая только группа *илоу* - *уцзи* относится к тунгусской языковой семье, все другие народы *дуньши* (включая *вэймо*) принадлежат к монгольской языковой семье. Это также можно подтвердить приводимыми ниже историческими материалами. "Повествование об *илоу*" "Саньго чжи": "По облику их люди похожи на *фулюй*, их язык не одинаков с *фулюй* и *когурё*." "Повествование об *уцзи*" "Вэй шу": "Владение Уцзи это древнее владение Сушэнь, их язык единственный отличается от остальных." Всё это ясно указывает на то, что под одинаковыми по языку с *шивэй* *мохэ*, о которых говорится в "Повествовании о *шивэй*" "Синь тан шу", подразумеваются не *илоу* и *уцзи*, а *вэймо*.

Также из записей "Повествования о Гаоли" "Синь тан шу": "Постоянно впереди помещали отборные мохэские войска", из них только за один раз жуса² южного бу Гао Хуйчжэнь "повёл войска и 150 000 *мохэсцев*", - видно, что *мохэ* под властью Когурё были довольно многочисленны. Однако, в "Повествовании о *мохэ*" "Суй шу" записано: "Количество войска в каждом племени не превышает трёх тысяч." Из них у *бодо* и *сумо* количество воинов было довольно велико, если сделать такую поправку, всё равно общее количество не достигнет тридцати тысяч воинов. Но в то время входившие в семь племён *хэйшуй*, *хаоши*, *аньчэгу* и *фуле* ещё не подчинялись Гаоли. Племя *сумо* во времена Суй тоже снялось и ушло во внутренние земли Китая. Поэтому, в "Тан шу" записано, что из семи племён подчинялось Гаоли только одно племя *байшань*. Таким образом, среди войск семи племён подчинённых Гаоли не насчитывалось и десяти тысяч, расхождение с фактическим количеством мохэских войск, которыми руководило Гаоли во время войны в приведённом выше случае, очень велико. Это заставляет сделать вывод о том, что, возможно, бывшие под властью Гаоли *мохэ* не входили в семь племён. Вероятно, это были племена *вэймо*, находившиеся в сфере гаолиского владычества (территория современных рек Ялуцзян, Хуйфахэ, Итунхэ, Туманган). Это также доказывает, что понятие *мохэ* включало в себя *вэймо*.

Во второй части 16 цзюаня первого собрания "У цзин цзунъяо"³ записано: "Бохай это особый род *фулюй*, изначально это были фулюйские земли." Также в 10 цзюане "Сёку нихон ги"⁴ Да Уи в направленном в Японию послании сам сообщает: "Имеются оставшиеся в наследство от *фулюй* обыван." То, что *сумо мохэ* называют и "особым родом *гаоли*", и "особым родом *фулюй*", прекрасно свидетельствует о том, что они не являлись ни *когурёсцами*, ни *фулюй*, а вместе с *гаоли* и *фулюй* относились к *вэймо*. В "Цэфу юаньгуй" записано, что, когда *сумо мохэ* подчинились Суй, империя Суй пожаловала их предводителя титулом Фулюйского хоу,⁵ это тоже свидетельствует о связи между происхождением *сумо мохэ* и *фулюй*.

Ещё, согласно подсчётам Цзинь Юйфу бохайскими фамилиями были: Да, Гао, Чжан, Ян, Доу, Ли, Няо, Хэ, Ван, Жэнь, Ма, Фэн, Люй, Пэй, Цуй, Ци, Му, Го, Му (другой иероглиф - А.И.), Ши, Синь, Цзе, Чжао, Лю, Чжу, Вэй, У, Хун, Линь, Шэнь, Ся, Го, Ло, Вэнь, Ань, Сюй, Жу, Мао, Мэнь, Инь, Чжоу, Ле, Гун, До, Юй, Шоу, Чжи, И, Цун, Гу, А, Да (другой иероглиф - А.И.), Мао

¹ "Вэй шу" - "История династии Вэй", официальная история основанных кочевыми завоевателями из рода Тоба государств Северная Вэй и Восточная Вэй (386-550 гг.), написана Вэй Шоу (506-572 гг.).

² Жуса (кор. ёксаль) - чиновная должность в Когурё, уязвляется с пятью бу - предположительно, министерствами, либо районами столицы, либо племенными объединениями и их территориями. См.: Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М.: Наука, 1987: 34-37.

³ "Уцзин цзунъяо" - трактат о военном искусстве, написан в 1045 г. Цэн Гунтяном и Дин Ду.

⁴ "Сёку нихон ги" - "Продолжение анналов Японии", официальная японская история, конец VIII в., охватывает период 697-791 гг.

⁵ Хоу - наследственный титул знати второго из пяти высших классов в Китае; в европейской иерархии условно соответствует маркизу.

(другой иероглиф - А.И.), Е (Цзинь Юйфу, цз.16). Среди них немало ханьских фамилий, также имеются и несколько когурёских. Остальные бохайские фамилии совершенно не похожи на фамилии *чжурчжэней* - *маньчжуров*. Это тоже может доказывать, что создавшие Бохай *сумо мохэ* были не из общности *уцзи* - *чжурчжэней*, а из *вэймо*.

В 22 цзюане "Циданьго чжи"¹ в разделе "Соседние владения и расстояния от них [до государства киданей]" *мохэ* тоже приводятся параллельно с *чжурчжэнями*. Можно видеть, что автор "Циданьго чжи" тоже считал, что *мохэ* это вовсе не общность *хэйцуй-чжурчжэни*.

Исторических материалов, свидетельствующих о том, что *мохэ* это *вэймо*, очень много, однако, в прошлом люди, полагаясь на записи "Бэй ши", "Тун джия" и "Цзю тан шу", считали, что под *мохэ* подразумевалась только родственная группа *илоу* - *уцзи*. На самом деле, даже и эти материалы не говорят определённо о том, что *мохэ* не включали в себя группу *вэймо*, а только сообщают, что *мохэ* это общность *уцзи*. Поскольку мы признаём, что *мохэ* включали в себя две общности - *вэймо* и *уцзи*, эти исторические материалы, в которых пишется о том, что *мохэ* это *уцзи*, никак не противоречат нашей точке зрения. Опровергнуть её могут только исторические материалы, ясно отрицающие то, что *мохэ* это *вэймо*.

3. Вэймо это древний народ Китая, обитавший на запад от Сунгари

Народ *вэймо* в древности распространялся очень широко, в разное время им были образованы государства или племенные союзы Фуюй, Когурё, Воцзюй. Остальные племена *вэймо* обитали по рекам Сунгари, Хуйфахэ, Туманган, Хуньчунхэ в Китае и северной части Кореи. В разное время они по отдельности подчинялись Фуюй и Когурё.

В прошлом очень многие считали, что долина Сунгари издревле была районом деятельности *сунэней* и не являлась местом обитания *вэймо*, поэтому, *сумо мохэ* должны были относиться к общности *сунэней*. Однако, суждения о том, что *сунэни* жили возле города Цзилинь и культура *сунэней* это культура *сунэней*, лишены оснований, нет каких-либо письменных источников, свидетельствующих о том, что древние *сунэни* обитали в долине Сунгари возле современного города Цзилинь. Некоторые считают, что гора Бусянь это современные горы Чанбайшань, и отсюда предполагают, что *сунэни* обитали в районе современного города Цзилинь (Ян Баолун). Однако, такое предположение не имеет оснований. В исторических книгах название горы Бусянь встречается всего два раза. Один из них - в "Повествовании о *сунэнях*" "Цзинь шу"²: "*Сунэнь*, другое название *илоу*, находятся на север от горы Бусянь. От Фуюй до них 60 дней пути, на востоке [их земли] примыкают к большому морю, на западе граничат с владением Коуманьхань, на севере доходят до реки Жошуй." Это вовсе не указывает на то, что гора Бусянь это современные горы Чанбайшань. Судя по фразе "от Фуюй до них 60 дней пути", а Фуюй было в современном уезде Нунъань, отстоящем от Цзилиня самое большее в трёх днях пути, можно полагать, что *сунэни* должны были находиться весьма далеко от Цзилиня. Владение Коуманьхань это *доумолоу*, оно находилось на восток от современной реки Нонки и на запад от реки Хуланьхэ. Поскольку *сунэни* на западе граничили с владением Коуманьхань, конечно, они не могли находиться в районе современного города Цзилинь, а должны были быть восточнее реки Хуланьхэ, в долине современной реки Муданьцзян. Другое упоминание в "Каталоге великих пустынь севера" трактата "Шань хай цзинь"³: "В Великой пустыне находится гора под названием Бусянь. Там расположено владение рода Сунэнь." Ниже есть примечание: "Современное владение Сунэнь находится в 3000 ли от Людуна." Это тоже не может свидетельствовать о том, что гора Бусянь это современные горы Чанбайшань и что *сунэни* были в районе современного города Цзилинь. Согласно "Повествованию о восточных и" "Саньго чжи"⁴: "Пройдя [через земли] *воцзюй*, дошли до двора *сунэней*." В "Биографии У Цюцзяня" в "Саньго чжи" записано: "Пройдя тысячу с лишним ли через [земли] *воцзюй*, достиг южной границы рода Сунэнь." Южные *воцзюй* находились в современной корейской провинции Хамгён, северные *воцзюй* - в Яньбяни Китая. То, что, только пройдя через земли *воцзюй*, доходили до *сунэней*, также свидетель-

¹ "Цидань го чжи" - "История государства киданей", написана Е Лунли в XIII в. Опубликовано в СССР в переводе В.С.Таскина: Е Лунли История государства киданей (Цидань го чжи). М.: Наука, 1979.

² "Цзинь шу" - "История династии Цзинь", официальная история китайской династии Цзинь, составлена Фан Сюаньлинем и др. в 648 г.

³ "Шань хай цзинь" - "Каталог гор и морей" - собрание древнекитайских географических сочинений, оформленное в единое произведение на рубеже III-II вв. до н.э. Имеется перевод на русский язык: Каталог гор и морей (Шань хай цзинь). Предисловие, перевод и комментарий Э.М.Яншиной. М.: Наука, 1977.

⁴ "Саньго чжи" - "История Троецарствия", официальная история китайских государств Вэй (220-265 гг.), Шу (221-263 гг.) и У (222-280 гг.), составлена Чэнь Шоу (233-297 гг.) с комментариями Цзэй Сунчэжи (372-451 гг.).

ствуется о том, что *суиэнь* обитали не в районе современного города Цзилинь, а должны были быть гораздо далее к востоку.

Также в "Повествовании о *мохэ*" "Суй шу" записано: "На восток от *фуне* все стрелы с каменными наконечниками, это и есть древний род *Сушэнь*." *Фуне* находились в районе современного Учана, территория на восток от него это долина современной реки Муданьцзян и никак не может быть окрестностями современного города Цзилинь. В "Повествовании о Бохае" "Синь тан шу" сообщается: "На древних землях *суиэней* создали Верхнюю столицу, именуемую Луншоаньфу." Уже доказано, что бохайская Верхняя столица Луншоаньфу находилась в современном уезде Нинъань, отсюда следует, что древние земли *суиэней* тоже должны быть в долине современной реки Муданьцзян. Все имеющиеся исторические материалы свидетельствуют о том, что *суиэнь* были в долине реки Муданьцзян, и нет ни строки исторических свидетельств того, что *суиэнь* были в долине реки Сунгари. Поскольку территория обитания *суиэней* вовсе не находилась в районе города Цзилинь, конечно, и культура *ситуаньшань* тоже не является культурой *суиэней*, а может быть только культурой *вэймо*, находившихся западнее *суиэней*. Миякэ Сайто в специальном труде рассуждал о том, что культура погребений в каменных гробах в районе города Цзилинь, то есть так называемая культура *ситуаньшань*, это погребения людей *вэймо*, упоминаемых в письменных источниках древнего Китая (Миякэ Сайто: 339).

Некоторые считают: "Внутреннее содержание памятников культуры *ситуаньшань* не совпадает и не связано с бытом, хозяйством и общественными обычаями *вэймо* письменных источников. Записи "повествований о восточных и" в "Саньго чжи" и "Хоу хань шу"¹ о географическом местонахождении, местности и орудиях труда *Фулюй* не находят точек соприкосновения с культурой *ситуаньшань*" (Сюз Хун 1979). Однако, каменные гробы *ситуаньшань* соответствуют тому, что народ *вэймо* "имеют саркофаги и не имеют гробов", "наваливают камни в качестве погребальной насыпи", и довольно сильно отличаются от деревянных саркофагов *суиэней*. Что касается наличия костей свиньи в культуре *ситуаньшань*, то, хотя *суиэнь* выращивали свиней, однако и то, что относившиеся к *вэймо* *фулюй* "чиновников называют по названиям шести домашних животных, имеются [чиновники] конь-цзя, бык-цзя, кабан-цзя" ("Саньго чжи", "Повествование о *Фулюй*"), свидетельствует о том, что они тоже были свиноводами. То, что основу хозяйства культуры *ситуаньшань* составляло земледелие, хотя и совпадает с тем, что *суиэнь* "имеют пять злаков", однако, и у *вэймо* "земля пригодна для выращивания пяти злаков" ("Саньго чжи", "Повествование о Гаогоули"). Конечно, если бы даже культура *ситуаньшань* была культурой народа *вэймо*, всё равно было бы невозможно полное совпадение культуры племён *вэймо*, обитавших в районе Цзилиня в ранний период, с культурами *фулюй*, *воцзюй* и *восточных фулюй* Корейского полуострова времён Поздней Хань, Вэй и Цзинь (соответственно, 25-220 гг., 220-265 гг., 265-420 гг. - А. И.). Некоторые на основании записи: "*Фулюй* были изгнаны [народом] *уцзи*", считают: "После Хань *фулюй* были вытеснены в расположенную южнее долину реки Ялуцзян, люди *уцзи* заняли места, изначально заселённые *фулюйцами*" (Чжу Гочэнь, Чжан Тайсян, Вэй Гочжун, У Вэньсянь, 1980). Это тоже расходится с историческими фактами. Хотя у государства *Фулюй* "земли составляют 2000 ли, дворов 80 000", однако, его центр был в районе Нунъани, а другие его районы были местами обитания не *фулюйского* этноса, а покорённых *фулюйцами* племён, это и были так называемые "другие владельцы кроме всех цзя, располагавшиеся по дорогам по четырём основным направлениям, крупные [из них] владели несколькими тысячами семей, малые - несколькими сотнями". Так, в "Повествовании об *илоу*" "Саньго чжи" записано: "Со времени династии Хань [*илоу*] были в подчинении у *Фулюй*, *фулюй* обложили их тяжёлыми податями, в годы Хуан-чу (220-226 гг. - А. И.) [*илоу*] восстали против этого, *фулюй* несколько раз ходили против них карательными походами." Это свидетельствует о том, что границы *фулюйского* владычества в эпоху Хань на востоке доходили до *илоу* (долина современной реки Муданьцзян). Однако впоследствии, вследствие усиления *илоу* *фулюй* явно отошли на запад. А во времена Северной Вэй (386-504 гг. - А. И.) также возвысились *уцзи* и изгнали *фулюйских* владетелей. Поэтому в "Вэй шу" записано: "*Фулюй* были изгнаны *уцзи*". Однако, западная граница *уцзи* только доходила до Сунгари (современные уезды Юйшу *Фулюй*). Это можно доказать по записи в "Повествовании об *уцзи*" "Вэй шу": "Также, двигаясь на север, через 15 дней достигаем реки Тайлушуй (современная река Таоэрхэ), ещё через 18 дней пути на северо-восток достигаем их владения. В [их] стране есть большая река шириной три с лишним ли, называется Сумошуй (современная река Сунгари)." Это ясно указывает на то, что места обитания *уцзи* были восточнее Сунгари, в 18 днях пути на северо-восток от реки Таоэрхэ. В той же книге записано:

¹ "Хоухань шу" - "История династии Поздняя Хань", официальная история китайской империи Восточная Хань (25-220 гг.), составлена в 30-40 гг. V в. Фань Е. Часть текста ("чжи" - "описания") написана Сыма Бяо, умершим в начале IV в.

"Иличжи сообщил, что, отправившись из своей страны, сначала он поднимался на лодке вверх по течению реки Наньхэ на запад, достигнув реки Тайэрхэ, затопил лодку и отправился по суше на юг." Это тоже свидетельствует о том, что земли *уцзи* были на Наньхэ (современная река Нонни и текущий на восток участок Сунгари), а не занимали древние земли Фуюй.

Хотя в "Самгук саги" записано: "Фуюйский ван со своими женой и детьми пришёл сдать свои владения", это никак не может служить доказательством того, что древние земли *фуюй* уже были во владении у *уцзи*. На самом деле, как раз вследствие того, что фуюйский ван сдался Когурё, древние земли Фуюй отошли во владение Когурё. В "Повествовании о Когурё" "Вэй шу" ясно записано, что границы Когурё "на севере доходят до старого Фуюй". А в "Повествовании о Когурё" "Синь тан шу" также записано: "Конму был напуган, поднял своё владение и построил большую стену от города Фуюйчэн на северо-востоке до моря на юго-западе длиной в тысячу с лишним ли".¹ В "Биографии Сюэ Жэньгуя" в "Цзю тан шу" сообщается: "...воспользовавшись победой, Жэньгуй во главе 2000 человек напал на город Фуюйчэн <...> захватил Фуюйчэн, сорок с лишним городов на реке Фуюйчуань были повержены в ужас и тот же час поднесли дары".² Это ясно указывает на то, что город Фуюйчэн был под непосредственным когурёским владычеством и никак не принадлежал *уцзи*. *Фуюйцы* всё ещё оставались на своих исконных землях, понав под когурёское владычество, и вовсе не переселились на юг.

Предки *сумо мохэ* - племена *вэймо* долины Сунгари в ранний период должны были находиться под властью Фуюй. После капитуляции Фуюй перед Когурё в конце V в. они подчинились Когурё. В VI в., пытаясь свергнуть когурёское владычество, они неоднократно воевали с Когурё и приходили с данью ко дворам Северной Ци и Суй, в конце концов, вследствие того, что в войне с Когурё одержать победу не удалось, в начале VII в. переселились на запад в Инчжоу.

В прошлом в научных кругах была не слишком ясна судьба *вэймо* после эпох Суй - Тан. Некоторые даже ошибочно считали, что народ *вэймо* переселился в Корею. По выяснении того, что *сумо мохэ* являются одной из родственных ветвей *вэймо*, а оставшиеся *когурёсцы* впоследствии вошли в Бохай, ассимилировавшись в бохайский этнос, становится понятной судьба народа [*вэй*]мо. После Бохая оставшийся народ в большинстве переселился на запад и постепенно вошёл в ханьский этнос. Отсюда становится известно, что после эпох Суй и Тан определённая часть народа *вэймо* через Бохай вошла в состав ханьского этноса.

На самом деле, довольно большие части других ветвей *вэймо*: *фуюй*, *когурё*, *воцзюй* - тоже вошли в современный ханьский этнос. Например, пятьдесят с лишним тысяч *фуюйцев*, захваченных Муюн Янем ("Цзинь шу", цз. 109, "Записи о Муюн Хуане"), явно вместе с родом Муюн проникли на Великую Китайскую равнину и вошли в ханьский этнос. После гибели государства Фуюй оставшиеся на своих старых землях и подчинившиеся Когурё *фуюйцы* впоследствии вошли в Бохай в качестве областей (фу) Фуюй и Моцзе. После гибели Бохая большинство их было переселено на запад и постепенно вошло в ханьский этнос. Часть же переправилась на север через реку Нахэ (современная река Нонни) и создала государство Доумолоу, в общих чертах, она вошла в чжурчжэньский этнос. Впоследствии часть их вошла в ханьский, часть - в маньчжурский этносы. Переселившиеся на юг *фуюйцы* составляли меньшинство, к тому же не все они мигрировали на Корейский полуостров, после гибели Когурё они либо переселились на Великую Китайскую равнину, либо вошли в Бохай и тоже в большинстве своём влились в ханьский этнос.

Определённая часть *когурёсцев* переселилась на Корейский полуостров и впоследствии ассимилировалась в корейский этнос. Однако, имелась и некоторая часть, переместившаяся в области Цзян,³ Хуай,⁴ Шаньнань,⁵ Хэнань,⁶ Лунъюу⁷ ("Синь тан шу", "Повествование о Гаоли").

¹ Приводимая здесь цитата по своему тексту ближе к записи в главе 199А "Цзю тан шу", чем к подобному сообщению "Синь тан шу". Здесь даём перевод по тексту "Цзю тан шу". Конму - Ко Конму (жит. Гао Цзянь) - правитель (ван) Когурё Ёнью (618 - 641 гг.).

² Речь идёт о событиях годов Цянь-фэн (666 - 667 гг.) - заключительном этапе танско-когурёской войны, закончившейся уничтожением Когурё в 668 г.

³ Цзян - танские провинции ("дао") Восточная и Западная Цзяннань, располагались к югу от нижнего течения Янцзы на территории современных провинций Чжэцзян и Цзянси.

⁴ Хуай - танская провинция Хуайнань, занимала земли к северу от нижнего течения Янцзы на территории современных провинций Аньхой и Цзянсу.

⁵ Шаньнань - провинции Восточная и Западная Шаньнань Танской империи, находились на территории современной провинции Хубэй к северу от среднего течения Янцзы.

⁶ Хэнань - провинция танской империи, находилась к югу от нижнего течения р. Хуанхэ на территории современных провинций Шаньдун и Хэнань.

⁷ Лунъюу - танский округ на территории современной провинции Цинхай в районе г. Синин.

Конечно, эти *когурёсцы* вошли в ханьский этнос. Оставшиеся на своих старых землях *когурёсцы* вошли в Бохай, а впоследствии вместе с *бохайцами* влились в ханьский этнос. Часть *когурёсцев*, не вошедшая в Бохай, в эпоху Юань (1280-1368 гг. - А.И.) рассматривалась в качестве одного из восьми видов *ханьцев* и в конце концов тоже вошла в ханьский этнос.

Говоря в целом, главный район жизнедеятельности *вэймо* издревле был на территории Китая. Созданные *вэймосами* Фуюй, Когурё и Бохай были местными властями, на протяжении длительного времени, подчинявшимися центральной власти Китая. Оставшийся народ *вэймо* в конце концов тоже в большинстве своём вошёл в ханьский и маньчжурский этносы Китая.

Перевод с китайского А.И.Ивлиева

ЛИТЕРАТУРА¹

Миякэ Сайто. Мансю гэиси фунбо-тэки кэнкю [Исследование доисторических могил Маньчжурин].

Сюз Хун. 1979. Сушэнь хэ ситуаньшань вэньхуа [Сушэнь и культура ситуаньшань]. *Цзилнь шидасюэбао*, № 1.

Цзян Шоупэн. 1980. Цун гудай вэньсянь кань бохайго-дэ цзушу вэньти [Вопрос этнической принадлежности государства Бохай, как он видится на основании древних письменных источников]. *Цюши сюэкань*, № 3.

Цзинь Юйфу. 1982. Бохайго чжи чанбянь (Хронологическая подборка материалов для описания государства Бохай). [Чанчунь]: Шэхуй кэсюэ цзачжишэ.

Цуй Шаоси. 1979. Бохай цзу-дэ синци юй сяован (Возвышение и гибель бохайского народа). *Ляонин шиюань сюэбао*, № 4.

Чжоу Ци. 1963. Мохэ цуншо [Заметки о мохэ]. *Хазобинь шиюань сюэбао* (сер. обществ. наук), № 3.

Чжу Гочэнь, Чжан Тайсян, Вэй Гочжун, У Вэньсянь. 1980. Бохайго-дэ цзушу вэньти (Проблемы этнической принадлежности государства Бохай). *Сюэси юй таньсо*, № 5.

Ян Баолун. Сушэнь као люэ [Очерк исследования сушэней] *Миньцзу ши дуньун*.

Е.И. Деревянко

БОХАЙ И ПРИАМУРЬЕ

Исторический процесс в средние века в Восточной Азии являлся частью мирового исторического процесса и был подчинен общим закономерностям общественного развития. Важным фактором, определявшим специфику исторического процесса на Востоке, была обширная периферия классовых, феодальных обществ. Отношения между феодально-стратифицированными обществами и догосударственными этносами, переживавшими ту или иную стадию разложения патриархально-родовых форм, охватывали сферы и экономических, и социально-политических связей. Важным моментом в истории Китая было обособление путей развития северной и южной частей страны. Север стал на многие столетия ареной иноземных нашествий, разорения и смешения культур, до Юга волна вторжений почти не докатилась. В 698 г. мохэский князь Цзожун основал государство Чжэнь, провозгласив себя правителем. В послед-

¹ Литература к статье дана по тексту переводимой статьи, где часто отсутствуют такие принятые в отечественной литературе данные, как год издания, страницы, занимаемые статьей в журнале, общее количество страниц в книге. В ряде случаев из-за отсутствия необходимой информации эти сведения дополнить не удалось.

ствии Чжэнь было переименовано в Бохай и просуществовало 228 лет, за которые сменилось 15 правителей. Территория этого государства охватывала значительную часть Маньчжурии, Северной Кореи, российского Приморья и Приамурья. В Китае, Корее, России раскопаны сотни городищ, кумирен, храмов, могильников бохайской культуры. Среди памятников, расположенных в Приморье, могильники - единичное явление. Поэтому раскопки могильника Хунцзуньюйчан у города Нинъюань в провинции Хэйлунцзян (Цзинь Таймшунь, Чжао Чжефу, Вань Сянбин 1997) привлекли внимание археологов России. Этот могильник самый обширный по площади и по числу погребений. Найденный здесь материал представляет большую ценность. Могилы с каменной кладкой, с кирпичной обкладкой ранее не встречались. В Хэйлунцзяне погребения с кирпичной кладкой известны, однако форма кирпичей, способ изготовления и обжига их отличаются от тех, что были обнаружены раньше. Погребальный инвентарь богат и выразителен. Аналогии ему присутствуют в памятниках мохзского, торского времени на сопредельных территориях.

Город Нинъюань расположен на юго-востоке провинции Хэйлунцзян. Данный район удобен для поселений: с западной стороны закрыт хребтом Чжангуанцай, с востока - хребтом Ласе. С юга на север протекает Муданцзян, здесь же пересекаются большие и маленькие речушки. Памятник Хунцзуньюйчан расположен в местечке с таким же названием - это недалеко от поселка Бохайчжэнь. С северной стороны могильника - два холма, на юге и востоке - река Бэйланьхэ и болота.

За период с 1992 по 1995 годы была вскрыта вся площадь могильника (длина с запада на восток - 200 м, ширина с севера на юг - 200 м). Обнаружено 323 погребения, 7 культовых мест, 1 жилище, найдено более 2000 погребального инвентаря. Сверху пахотный слой земли черного цвета толщиной 20-35 см, все погребения обнаружены сразу же под ним. Их можно подразделить на 3 типа: 1 - запечатанные землей каменные камеры; 2 - камеры с каменной обкладкой; 3 - камеры с кирпичной обкладкой. Камер 1 типа - 6 шт., второго - 1, третьего - 1. Опишем некоторые из них.

1. Запечатанная землей каменная погребальная камера имеет лопатообразную форму. Земляное перекрытие высотой около 70-75 см, диаметром около 3 м. По четырём углам положены 4 каменные плитки. Стенки с внутренней и наружной сторон очень ровные, четкие, аккуратные. Ширина их - 0,9 м. Камера прямоугольная, длина ее - 2,6 м, ширина - 2,12 м, глубина - 0,8 м. Сначала была выкопана яма глубиной 0,4 м, затем стенки ее были обложены базальтовыми плитами в 6 слоев, яма приобрела суженную к дну форму. Днище устлано слоем каменных плиток, промежутки между ними засыпаны речной галькой. В центральной части южной стенки камеры сделан коридор, стенки которого облицованы камнем той же породы. Длина коридора 1,5 м, ширина 0,8, глубина 0,6 м. Коридор заполнен земляными комьями. Внутри погребальной камеры лежал один человеческий скелет плохой сохранности, еще 2 черепа и 4 кости конечностей. У северной стенки стоят керамические сосуды, погребальный инвентарь сосредоточен в центральной части могилы, у восточной и западной стенок камеры обнаружены железные гвозди (рис. 1).
2. Погребальная камера ножевидной формы. От южной стенки в восточном направлении построен коридор. Стенки камеры выложены базальтом (камни разной величины) в 3 слоя. Кладка очень ровная и аккуратная как с внешней, так и с внутренней стороны. Западная и северная стенки чуть шире, чем восточная и южная. Дно погребальной камеры выложено каменными кирпичиками прямоугольной формы. Шесть рядов по 8 кирпичей в каждом. У северной стенки 7 кирпичей, у южной стенки в ряду использованы и разбитые кирпичи. У восточной и западной стенок промежутки между камнями тщательно заделаны мелкими камешками. Внутри могилы было обнаружено несколько мелких человеческих костей, в коридоре открыт развал керамического сосуда (рис. 2).
3. Погребальная камера ножевидной формы. Внешне она выглядела в виде небольшого бугра из насыпи земли и камня. В верхней части земляное перекрытие разрушено. Внутри погребальной камеры лежат несколько обвалившихся камней из перекрытия и верхней части стенок. Могила прямоугольная, длина ее 2,6 м, ширина - 1,6 м, глубина - 0,5 м. Дно засыпано слоем песка. От южной стенки на восток сделан коридор, длина его 0,7 м, ширина 0,8 м. В погребальной камере обнаружены фрагменты конечностей человека. Возле них стоял керамический сосуд (рис. 3).
4. Погребальная камера прямоугольной формы. Длина ее 2,8 м, ширина 1,15 м, глубина 0,3 м. Дно погребальной камеры - материковый песок. Конструкция ямы довольно проста: сначала была сделана земляная яма, потом ее выложили базальтовыми плитками по 3 стенкам: восточной, западной, северной. С одной стороны камень блестит, как отшлифованный. В могилу были положены кости человека и сопроводительный инвентарь. Затем погребение было

запечатано. В последнюю очередь соорудили южную стенку из двух каменных плит и земли. Погребение вторичное, кости принадлежат двум разным людям. Из инвентаря здесь найдены позолоченные шпильки, бронзовое зеркало и большое количество железных гвоздей (рис. 4).

5. Погребение прямоугольной формы. В верхней части имеется земляное перекрытие, оно чуть выше дневной поверхности и в верхней части разрушено. Несколько камней обвалились внутрь. Длина камеры 2,96, ширина - 1,05, глубина - 0,5 м. Сначала была выкопана земляная яма прямоугольной формы. Затем базальтовыми плитками были выложены восточная, западная и северная стенки. В эту камеру были помещены кости и погребальный инвентарь. Могила запечатывалась сверху, в самый последний момент из камня делали южную стенку. Это также вторичное погребение. Здесь было найдено три черепа и кости человека; из находок только серебряные шпильки (рис. 5).
6. Погребение имело сверху квадратную насыпь. Верхний (дерновый) слой разрушен, перекрытие в верхней части повреждено. Хорошо видно, что несколько камней и плиток уже провалились внутрь могилы. Половина верхней части погребения разрушена, дно же сохранилось довольно неплохо. Камера прямоугольной формы, длина ее 3,2, ширина - 2,6, глубина - 0,4 м. Сначала была вырыта мелкая яма прямоугольной формы, затем стенки ямы были обложены обработанными базальтовыми плитками, ровными рядами в 3 слоя. Дно погребальной камеры также выложено каменными плитками. На поверхности сделана насыпь: вкруговую, по периметру, она обложена каменными плитками. Длина насыпи с запада на восток 6,96, ширина с севера на юг - 7,36 м. Погребение вторичное. Внутри найдены расположенные в беспорядке кости человека. Из инвентаря - железные поясные пряжки и наконечники стрел, бронзовые серги (рис. 6, 7).
7. Погребение в виде земляной пещеры. Внешне оно имеет вид западины, 2 каменные плиты в центральной части перекрытия провалились внутрь. Сначала была вырыта вертикальная грунтовая могила прямоугольной формы, все 4 стенки были обложены базальтовыми плитками. Длина ее - 2,9, ширина - 1,8, глубина - 0,6 м. Западный угол выше восточного. Дно камеры - слой материкового песка. В погребении найдены кости трех скелетов, расположены в беспорядке. Большой набор погребального инвентаря: керамика, изделия из бронзы, железа, украшения для одежды (рис. 8).
8. Погребение с кирпичной обкладкой. Лопатообразной формы. Оно чуть возвышается над дневной поверхностью. Внутри обложено кирпичами красно-бурого цвета. Стенки погребальной камеры ровные, выложены кирпичиками прямоугольной и треугольной формы (в виде прямоугольного треугольника) разных размеров. По стенкам камеры прослеживается 13 рядов кладки. В погребальном коридоре - 10 рядов. У южной стенки, начиная с 3-го ряда, открывается коридор. Длина коридора - 0,9 м, ширина - 0,72, высота 0,5 м; по обеим сторонам коридор выложен базальтовыми плитками. У восточной стенки с северной стороны имеется серьезное повреждение.
9. Дно погребальной камеры первоначально было, видимо, выложено кирпичиками в один слой. В настоящее время у восточной стенки с южной стороны сохранилось лишь несколько красных кирпичей. Погребение вторичное: в коридоре, у южной стороны только один череп человека. В камере, в северо-западном углу, один железный гвоздь; в центральной части найдено несколько агатовых бусин и бусин из черного материала (рис. 9).
10. Культовое место находится в западной части могильника. Сверху покрыто слоем дерна, но при более внимательном рассмотрении можно увидеть расположенные без определенного порядка камни (рис. 10). Под ними тщательно утрамбованный слой материковой почвы. Площадка в плане прямоугольная. По поверхности выложена слоем базальтовых плиток и камня. Размеры: длина 6,7 - 7, ширина приблизительно 5,4, высота 0,35 м. У северной каменной стенки имеется прямоугольная яма; по четырем углам хорошо просматриваются вертикальные ямки от опорных столбиков. Размеры ямы: длина с севера на юг 3,26, ширина с запада на восток 2,45, глубина 0,33 м. Диаметр ямок от опорных столбов 15-20 см, глубина 20 см. Внутри ямы слой почвы серо-бурого цвета, рыхлый, местами прокаленный докрасна. В нем найдено большое количество украшений для одежды, панцирных пластин и различных железных гвоздей. Между внешней стенкой и ямой сделана небольшая земляная платформа. Поверхность ее покрыта слоем глины. С южной стороны, в центральной части так же просматривается ямка от опорного столба цилиндрической формы, диаметром 36, глубиной 12 см. Внутри ямки два камня. В юго-восточном углу начинается небольшая канавка, которая тянется на 3,6 м в направлении юг-север, ширина ее 0,15 м, в центральной части канавка прерывается. В западной части так же есть такая канавка длиной 2,4, шириной 0,1, глубиной 0,1 м. С западной стороны между кладкой и ямой имеются 5 камней, вокруг них

прокаленная докрасна почва, поверхность ее достаточно твердая. Форма камней не одинакова. К северу от них, на расстоянии около 0,7 м, найдены 3 сосуда. На стенках тулова и донышках хорошо видны следы нагара (рис. 11).

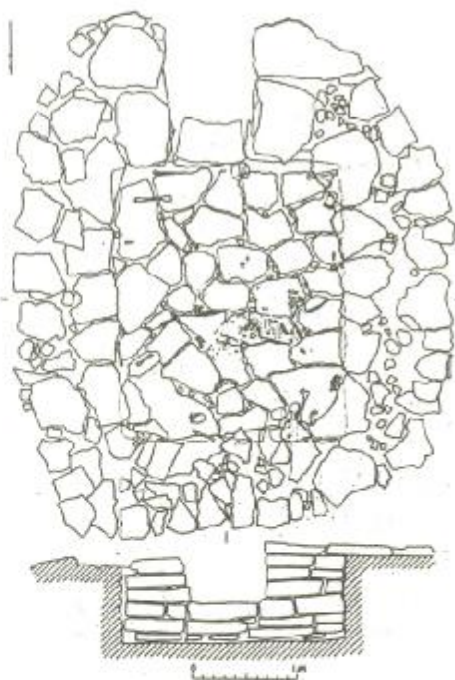

Рис. 1

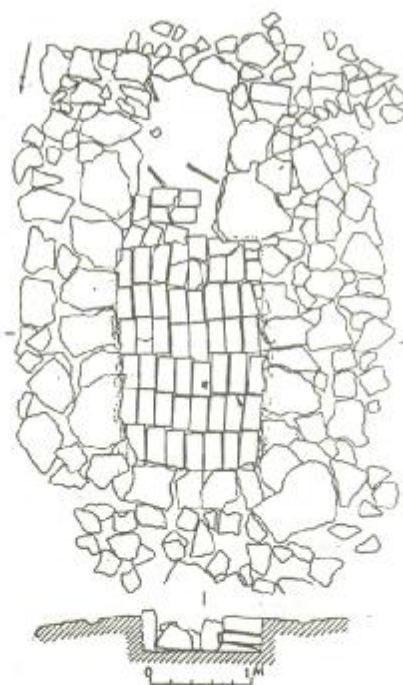

Рис. 2

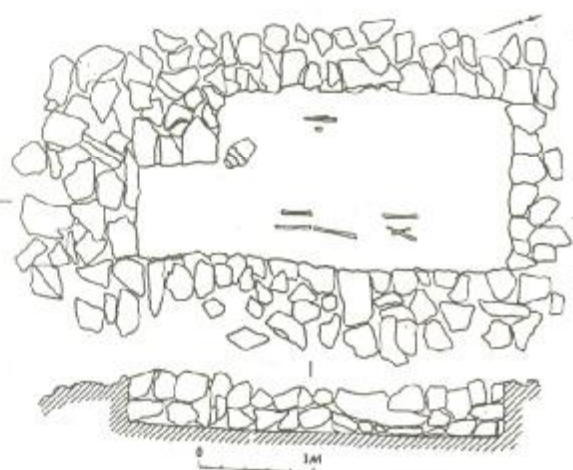

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 1. План лопатообразной погребальной камеры.

Рис. 2. План ножевидной погребальной камеры.

Рис. 3. План ножевидной погребальной камеры

Рис. 4. План прямоугольной погребальной камеры.

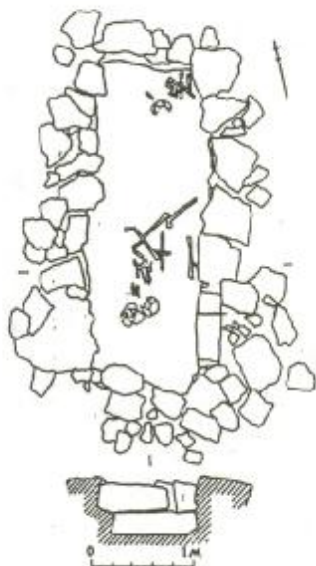

Рис. 5

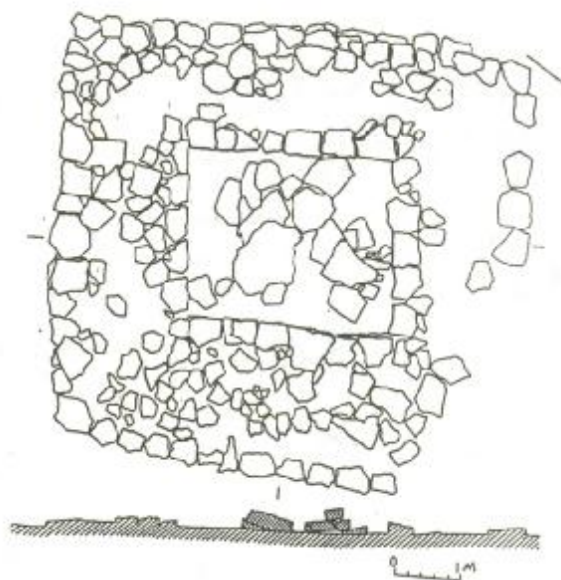

Рис. 6

Рис. 5. План прямоугольной погребальной камеры.

Рис. 6. План запечатанной землей могилы с квадратной насыпью.

Рис. 7. План дна и разрез стенки могилы с квадратной насыпью.

Рис. 8. План погребения в виде земляной пещеры.

Рис. 9. План погребальной камеры с кирпичной обкладкой.

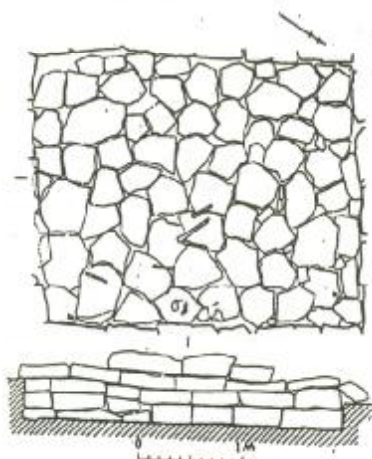

Рис. 7

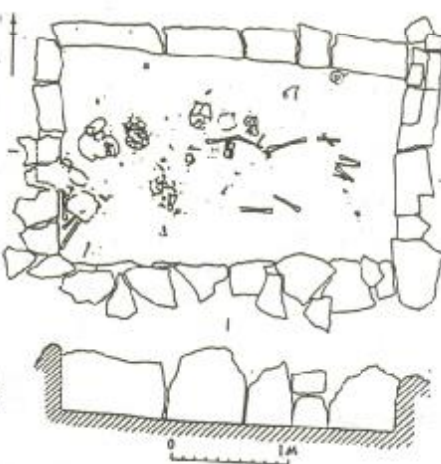

Рис. 8

Рис. 9

В описанных выше погребениях и культовом месте обнаружено 276 предметов. Это в основном керамика; имеются так же изделия из бронзы, железа и серебра, украшения для одежды из агата и нефрита.

Керамика. Изделий из керамики немного. Всю керамику можно разделить на 2 вида: глиняная и с крупным песком в тесте в качестве отопителя. Керамики с песком в тесте около 95% ; глиняной - 5%. Орнаментированная керамика составляет 90%. Орнамент представлен в основном в виде струнообразных прочерчиваний, волнистых линий. Сосуды изготовлены в основном на круге, на некоторых из них по краю венчика четко видны следы обработки.

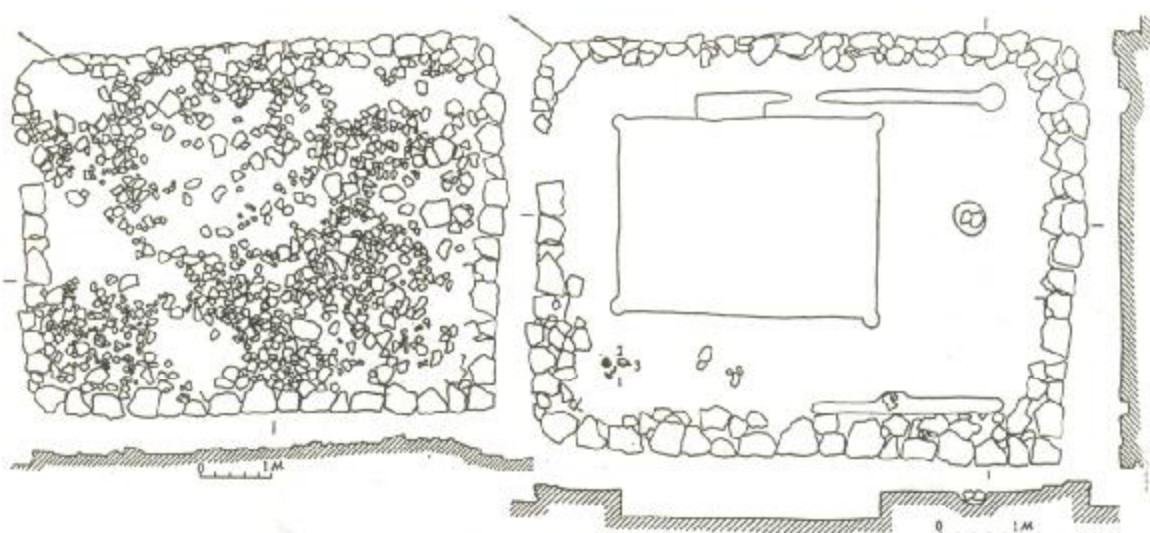

Рис. 11. План культового комплекса (нижний горизонт).

Рис. 10. План культового комплекса (расчистка верхнего слоя).

Сосуды Гуань: 14 шт. 12 сосудов целые, можно выделить 7 типов.

Тип А: 1 шт. По краю венчика видны следы доработки на круге. Венчик открытый, края венчика квадратные, горло узкое, тулово выпуклое, дно плоское. Диаметр венчика 9,2, дна 8,5, высота 16,1 см (рис. 12:1).

Тип Б: 1 шт. Венчик открытый, края венчика квадратные, горло узкое, тулово мелкое; диаметр тулова в наиболее широкой части почти совпадает с высотой сосуда; дно плоское. Диаметр венчика 11, дна 12,5, высота 16 см (рис. 12:4).

Тип В: 1 шт. По краю венчика следы доработки на круге, края венчика закругленные, венчик прямой, плечики широкие, дно плоское. Диаметр венчика 9, дна 8,6, высота 8,3 см (рис. 12:5).

Тип Г: 7 шт. Можно выделить три подтипа.

1 подтип: 3 шт. По краю венчика проходит 1 налепной валик. Тулово вытянутое, диаметр тулова в наиболее широкой части почти совпадает с диаметром венчика; дно плоское. Диаметр венчика 9, дна 5,4, высота 15,6 см (рис. 12:9), у второго - диаметр венчика 11,5, дна 5,4, высота 19,5 см (рис. 12:2).

2 подтип: 3 шт. Венчик открытый, промежуток между краем венчика и валиком очень маленький, диаметр венчика чуть больше диаметра тулова в наиболее широкой его части, дно плоское. У первого сосуда - диаметр венчика 11,5, диаметр дна 5,5, высота 14,4 см (рис. 12:11), у второго - диаметр венчика 9,6, дна 4,8, высота 14,6 см (рис. 12:6); у третьего - диаметр венчика 9,2, дна 5, высота 12,4 см (рис. 12:7).

3 подтип: 2 шт. Венчик открытый, расстояние между краем венчика и налепным валиком очень маленькое, диаметр тулова в наиболее широкой части чуть больше диаметра венчика. На поверхности сосуда хорошо видны следы нагара; диаметр венчика 8,5, дна 4,3, высота 14,9 см (рис. 12:10). У второго по краю венчика видны следы доработки на круге; диаметр венчика 10, дна 5,2, высота 14,8 см (рис. 12:12).

Тип Д: Сосуд почти цилиндрической формы. Венчик открытый, края венчика круглые, диаметр венчика чуть больше диаметра тулова, дно плоское. Диаметр венчика 6,8, дна 3,6, высота 7,8 см (рис. 12:3).

Тип Е: Венчик открытый, но обломан, тулово скошено, дно плоское. Диаметр дна 5,6, оставшаяся высота 10,2, см (рис. 12:13).

Сосуды Ху: 5 шт. Можно выделить 3 типа.

Тип А: 2 шт. Тулово вытянутое, делится на два подтипа.

Подтип 1: 1 шт. Венчик открытый, края венчика закругленные, горло короткое, тулово вытянутое, дно плоское. Диаметр венчика 10,2, дна 15, высота 34,2 см (рис. 13:1).

Подтип 2: 1 шт. Венчик массивный, открытый, доработан на круге; тулово немного вытянуто, наибольший диаметр тулова в верхней части; дно плоское. В верхней части сосуд украшен орнаментом в виде прочерченных струновидных поясков и волнистыми линиями. Диаметр венчика 9,5, дна 11, высота 25,1 см (рис. 13:2).

Тип Б: Венчик открытый, края венчика квадратные, горло вытянуто. Сохранился только венчик, сделан на круге. Диаметр венчика 5,6 см (рис. 13:4).

Тип В: 2 шт. Горло сосудов короткое, тулово почти шарообразное, дно плоское. Диаметр дна 8, сохранившаяся высота 16 см (рис. 13:3).

Сосуды Вэн: 2 шт. Венчик открытый, края венчика квадратные, по плечикам орнаментированы прочерченными струновидными поясками и волнистыми линиями; диаметр венчика 26,4, оставшаяся высота 24 см (рис. 13:5). У второго - диаметр дна 14,4 см (рис. 13:6).

Изделия из бронзы. Зеркало: 1 шт. Почти квадратной формы. В центре имеется поврежденный держатель; поверхность зеркала ровная. Длина стороны 11, толщина 0,2 см (рис. 14:1).

Наконечники для ремня. 4 шт. Делятся на три типа.

1. Фестончатый, у одного края сохранились фрагменты кожи. Длина 3,6, ширина 2,8 (рис. 14:4).
2. в виде пятиугольника, но с закругленным краем. У основания сохранились кусочки кожи. Длина 4,7, ширина 2,7, толщина 0,6 см (рис. 14:8).
3. В форме языка, в середине выпуклое ребро. На поверхности хорошо видны 3 гнезда от заклепок. Длина 2,55, ширина 0,8 см (рис. 14).

Поясные бляшки (от наборных поясов) трех типов.

1. Плоская, полукруглая; в центральной части одно прямоугольное отверстие. Длина 2,9, ширина 2,15 см. Длина отверстия 1,8, ширина 0,75 см (рис. 14:30).
2. Плоская, в форме сердца, в центральной части 1 заклепка. Длина 1,6, ширина 1,4 см (рис. 14:2).

Рис. 12. Сосуды Гуань.

Рис. 13. Сосуды Ху (1-4), Вэн (5,6).

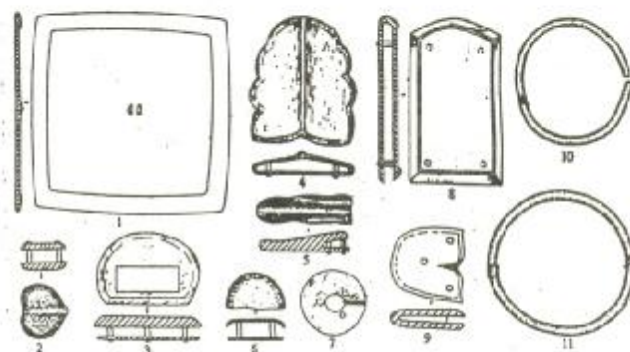

Рис. 14. Изделия из бронзы.

3. Плоская, полукруглой формы, на поверхности 3 заклепки. Длина 1, ширина 1,6, толщина 0,6 см (рис. 14,6).

Серьги в форме разомкнутых колец; в поперечном сечении круглые. Диаметр серьги 3,5, диаметр поперечного сечения 0,3 см (рис. 14:10).

Орнаментированные бронзовые бляхи Приамурского типа (рис. 15:1,2,3) круглые, в виде дисков, в центре имеется отверстие (рис. 14:7).

Бронзовая бляшка пятиугольной формы (рис. 15,4).

Спиралевидные украшения сделаны из бронзовой проволоки в виде цилиндрической спирали, внутри полые. (рис. 15:5).

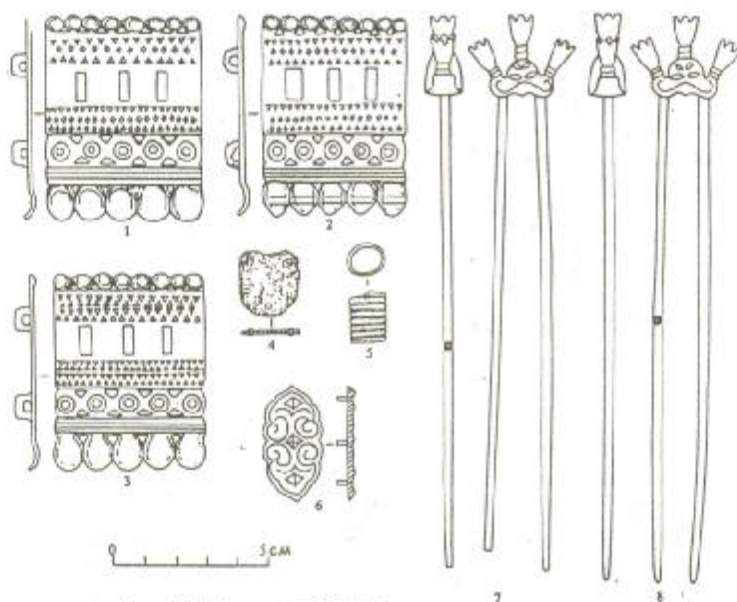

Рис. 15. Изделия из бронзы.

Позолоченные бронзовые шпильки. В верхней части имеют форму головного убора, сверху 3-х рожковые, в виде цветка лотоса. Сама же шпилька в виде шила. В поперечном сечении круглые (рис. 15:7,8).

Позолоченное бронзовое украшение почти овальной формы, по краям остроконечное; по поверхности украшено цветочным орнаментом в виде завитков. На тыльной стороне 3 шпенька. Длина 3,9, ширина 2 см (рис. 15:6).

Изделия из железа представлены поясными пряжками (рис. 16:1-3), наконечником копья (рис. 16:10), ножом (рис. 16:5), панцирными пластинами (рис. 16:4,6,8,9), наконечниками стрел пяти типов (рис. 17:1-6, 8,9), гвоздями (рис. 18).

Из других украшений следует выделить нефритовые, серебряные, агатовые, обсидиановые, стеклянные бусины (рис. 19) и серебряные цепь и шпильки, каменные диски (рис. 20).

Итак, могильник Хунцуньюйчан представляет собой большой некрополь с образцами могил, которые раньше не встречались. В

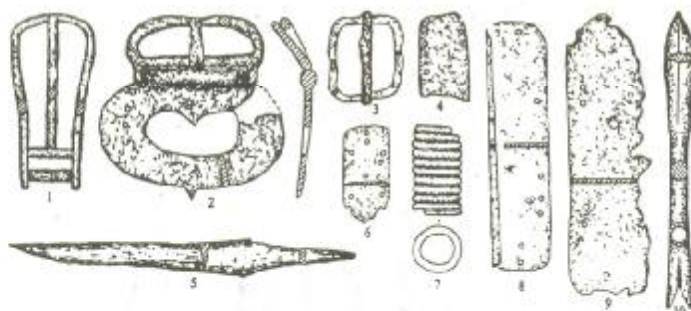

Рис. 16. Изделия из железа.

бохайской культуре наиболее распространен тип погребальной камеры в виде ножа. Здесь же раскопаны и прямоугольные, и лопатообразные. Для района Хэйлунцзяна известные погребения с кирпичной кладкой, но в то же время такой тип кирпичей (рис. 21) на могильниках бохайской культуры найден впервые. Способ изготовления и обжига их отличен от тех, что уже встречались в бохайских памятниках.

В могилах Хунцуньюйчана преимущественно групповые вторичные погребения, простые одиночные были крайне редки. Это основная особенность погребальных обычаев бохайцев (Чжу Гочэн, Вэй Гочжун 1984; Бохай ши 1986; Чжан Тайсян, У Веньсян, Вэй Гочжун 1987; The First International symposium of Bohai Culture 1996). В культурном слое было найдено большое

количество зубов лошади. Китайские археологи считают, что это сохранилось из мохэских погребальных традиций, когда после смерти мохэсца лошадь или кости лошади, часто черепа, клали в могилу умершего.

Если посмотреть на инвентарь, то можно отметить его сходство с инвентарем мохэских памятников Среднего Приамурья (Деревянко 1975; 1977). Это и формы сосудов (гуань, ху), бронзовые серьги с нефритовыми дисками, панцирные пластины, количество отверстий и их расположение абсолютно идентично, ножи, наконечники копий и стрел, пряжки и бляшки, спиралевидные

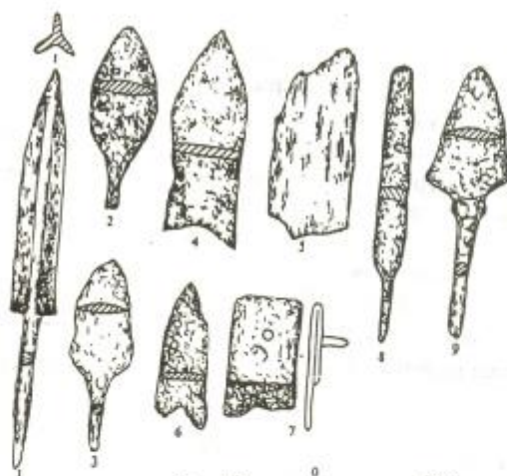

Рис. 17

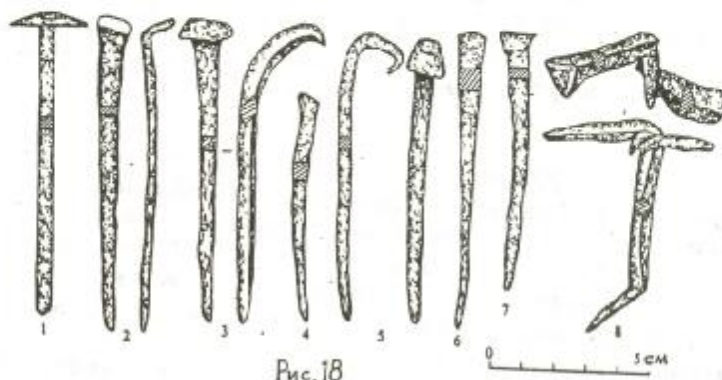

Рис. 18

Рис. 17. Изделия из железа.

Рис. 18. Железные гвозди.

Рис. 19. Щипчики (1), серебряная цепь (3), нефритовые диски (2, 4).

Рис. 20. Бусы (1-20), серебряный наконечник ремня (21).

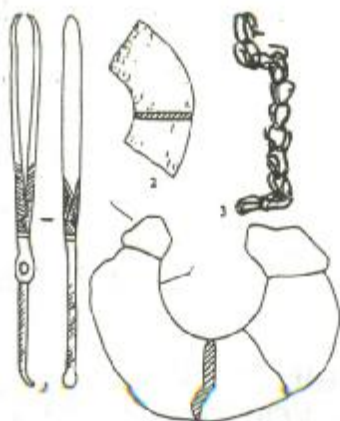

Рис. 19

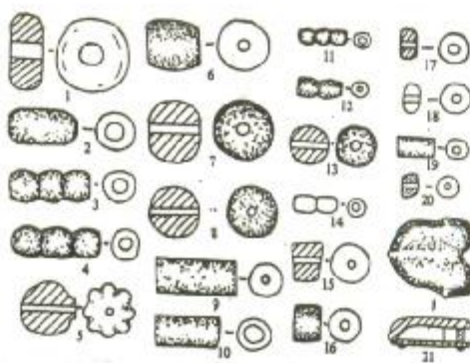

Рис. 20

украшения, бусы и пронизки, железные гвозди. Даже вещи тюркского облика, присутствующие в бохайском могильнике Хунцзуньюйчан, есть и в мохэских погребениях Среднего Приамурья (бронзовые наконечники ремней, поясные бляшки сердцевидной, полукруглой формы (с прямоугольной прорезью у срезанного края). Поясные пряжки с овальной рамкой, плоской в сечении, заостренным на конце щитком, неподвижно скрепленным с рамкой и др.

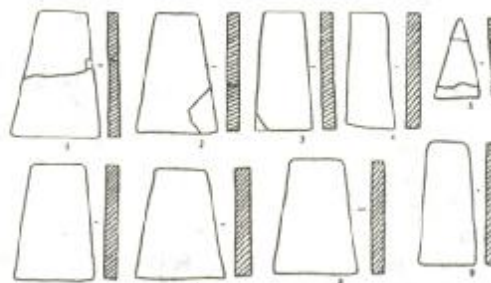

Рис. 21. Образцы кирпичей трапецевидной (1-4, 6-9) и треугольной формы (5).

Думается, что подобные могильники есть и на левом берегу Амура, просто, они еще не раскопаны. Тем более, что, по устным сообщениям археологов Благовещенского педуниверситета, летом 1998 года обнаружены могилы с каменной кладкой, очень похожие на бохайские, раскопанные в Хэйлунцзяне. Это еще раз подтверждает то, что Амур не был этническим разделителем между культурами Китая и России, а являлся водной магистралью, соединяющей два круга культур, очень похожих друг на друга.

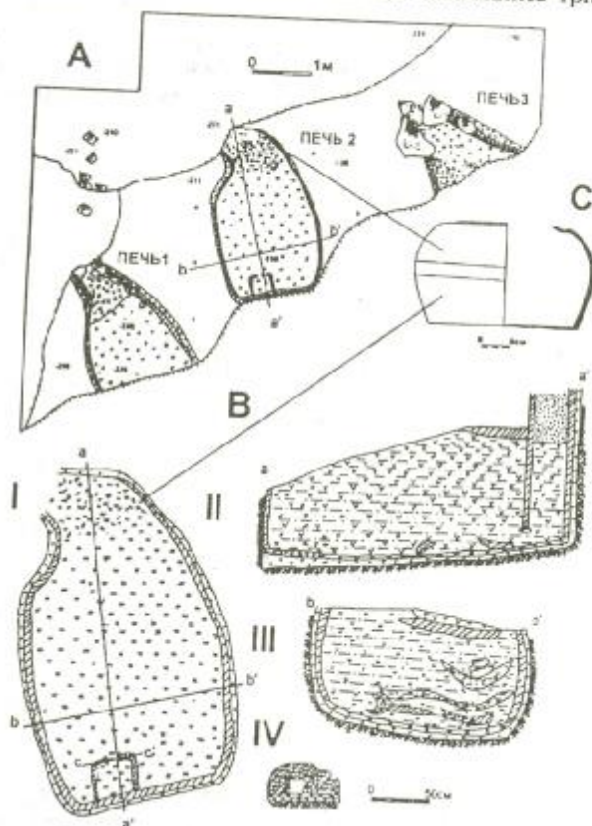
ЛИТЕРАТУРА

- Бохай ши ивэнь цзи 1986 [Сборник переводных статей по истории Бохая]. Харбин (на кит. яз.).
 Деревянко Е.И. 1975. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск: Наука.
 Деревянко Е.И. 1977. Троицкий могильник. Новосибирск: Наука.
 Цзинь Таймшунь, Чжао Чжефу, Вань Сянбин. 1997. Могильник Хунцзуньюйчан у города Нинъян провинции Хэйлунцзян. *Каогу*, № 2: 97-112 (на кит. яз.).
 Чжан Тайсян, У Веньсян, Вэй Гочжун. 1987. Краткая история древнего Хэйлунцзяна. Харбин. Изд-во Бэйфан венью (на кит. яз.).
 Чжу Гочэн, Вэй Гочжун. 1984. Бохай шигао [Очерки истории Бохая]. Харбин (на кит. яз.).
 The First International symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). 1996. Vladivostok.

На Корсаковском селище раскопана гончарная мастерская с хорошо сохранившимися обжигательными печами. Селище находится в юго-западном Приморье, южная половина которого являлась составной частью областей Шуайбинь и Восточной столицы Бохайского королевства (Шавкунов 1968:60). Памятник расположен на левом берегу р. Борисовки, в 1 км от северной окраины с. Корсаковки Уссурийского р-на. Селище, судя по находкам на поверхности пашни, занимало несколько сот квадратных метров высокой поймы. Часть селища разрушена рекой. В многочисленных береговых обнажениях на протяжении 600 м тянется культурный слой. Мощность культурного слоя 0,5-1 м. В одном из обрывов восточной части селища обнажились три гончарные печи (рис. 1, А).

Печь 1 (рис. 1, А). Остатки печи залежали под слоем коричневой супеси на глубине 0,95-1 м от уровня дневной поверхности. Котлован для печи был вырыт на глубину 0,6 м. Продольной осью он ориентирован с северо-запада на юго-восток. Печь одноярусная. Топочное устье расположено с северо-запада, ширина его 0,34 м, высота из-за разрушений не определена. Топочная камера имела высоту 0,42, длину 0,7, ширину 0,34-0,73 м. Юго-восточная часть печи разрушена рекой. Сохранившаяся часть обжигательной камеры имела длину 1,3, ширину 0,8-1,55, высоту 0,7 м.

Печь была заполнена коричневой супесью, в толще которой встречались крупные куски голубовато-серой обмазки (остатки свода) и камни различной величины. В северо-западной части печи супесь смешана с древесным углем, в юго-западной включала в себя значительное количество спекшейся земли. Свод куполообразный, верхняя его часть завалилась в печь. Изготовлен свод из глины и рубленой травы. Стенки печи обмазаны слоем глины в 3-7 см, которая от высокой температуры приобрела серо-голубой цвет. За глинистой

рели голубовато-серый оттенок, а под – темно-серый цвет. Под имел уклон к топке. Дно топки пропитано сажей.

Печь 3 (рис. 1, А) располагалась в 2,3 м на северо-восток от печи 2. Вскрыта на глубине 0,7 м. Юго-восточная половина печи разрушена рекой. Котлован печи заполнен коричневой супесью с редкими включениями жженой земли. В северо-западной части печи к заполнению примешивались кусочки углей. Свод, как и в других печах, завалился внутрь и развалился на куски.

От печи сохранились устье топки, топка и часть обжигательной камеры. Топочное устье укреплено камнями. Ширина его 0,4, высота 0,24 м. Топочная камера, верхняя часть которой разрушена, имела длину 0,6, ширину 0,4, высоту до 0,5 м. Сохранившаяся часть обжигательной камеры достигала в длину 1, в ширину 0,7-1,15 м. Высота не превышала 0,5 м.

Граница между топкой и обжигательной камерой, как и в других печах, проходила по поду. Под глинобитный, толщиной 3-5 см. Материковая супесь под глиной прокалилась до 6 см. Стенки печи изогнуты внутрь и обмазаны слоем глины в 5-10 см, прокаленной до серо-голубого цвета.

Гончарной посуды в печах не обнаружено. В обжигательной камере печи 3 найдено два станковых фрагмента керамики, в печи 2 – пять станковых черепков и на своде вблизи устья топки раздавленный горшковидный сосуд. Сосуд станковый, черного цвета. Обжиг некачественный, в изломе черепок с серой прослойкой. Черепок тяжелый без характерного звона при постукивании. Высота сосуда 20,3, диаметр дна 29, диаметр венчика 19, толщина стенок до 1,2, толщина дна 0,5 см (рис. 1, С).

У топочного устья печей располагалась яма глубиной до 1,5 м. В толще песчаного заполнения на глубине 0,8 м от дна ямы залегала прослойка, насыщенная обмазкой, углями, керамикой и линзами хорошо отмученной глины. Судя по заполнению, яма служила для выброса сгоревшего керамического брака.

Вся керамика из ямы представлена фрагментами либо бракованных сосудов, либо сильно пережженных, потрескавшихся и деформированных, либо плохо обожженных. Последние, как правило, большие и толстостенные. В яме собрано 436 станковых и 4 лепных фрагментов сосудов. Лепная керамика представлена сосудами баночной формы со следами пищевого нагара. Станковая по цвету разделяется на две группы: серую и черную. Преобладала сероглиняная керамика: толщина черепка 1-2 см, тесто плотное, серого цвета с примесью песка. Керамика черного цвета в изломе серого или коричневого оттенка. Толщина ее 0,6-1,4 см. Среди этой посуды встречались фрагменты больших корчаг.

Станковая керамика представлена горшками, чашами и шаровидными формами, а также сосудами с широкими горизонтальными ленточными ручками. На некоторых сосудах видны следы лощения и ангоба.

Распространенным орнаментом является лощение в виде волнистых, косых, вертикальных и горизонтальных полос. На отдельных фрагментах лощеный орнамент имеется на внутренней поверхности стенок и днищ.

Прочерченный орнамент представлен параллельными горизонтально-замкнутыми полосами, между которыми часто заключались ряды волнисто-арочного орнамента. Зона распространения орнаментов – горловины и верхние части тулова сосудов.

Формовка осуществлялась на гончарном круге. Сосуды с круга снимались с помощью нити или песчаной подсыпки. Посуда отличается симметричностью и правильностью линий орнамента.

Вскрытые на селище обжигательные печи и яма составляли единый производственный комплекс – гончарную мастерскую. Сооружение печей в котловане позволяло пресечь потерю тепла и достичь лучших результатов обжига глиняных изделий. Однако обжиг крупных толстостенных сосудов был плохой. Для обжига такой посуды в печах не обеспечивалась достаточная температура, поэтому треть всего керамического брака приходится на толстостенные сосуды.

Печи по конструкции аналогичны печам для обжига черепицы, раскопанным на Краскинском городище (Болдин, Ивлиев 1984:145-146) и печам для обжига черепицы и кирпича из-под Верхней столицы Бохая городища Дунцинчэн (Чжу Гочэн, Чжао Хунгуан 1986:34-36). Они также сооружены в котловане, одноярусные и состоят из трех секций – топки обжигательной камеры и трубы, расположенных одна за другой на одной оси.

Подобного устройства печи известны в Корее и сохранились на Корейском полуострове вплоть до XX в. (Eskardt 1929: рис.44). Эти печи располагались по склону холма так, чтобы устье топки находилось ниже основания трубы. Они были разделены перегородками на отдельные камеры – очевидно, на топку, обжигательную камеру и трубу (Ксенофонтова 1980:60-61).

Следует отметить, что одноярусные обжигательные печи имелись в сунском Китае в империи Ляо (Дунбэй вэнь 1955:19-21) и Цзинь (Леньков 1987: 23-24). От бохайских и корейских печей последние отличались несколько усложненной конструкцией. В частности их под и стенки имели теплозащитную прослойку от материкового грунта.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдин В.И., Ивлиев А.Л. 1984. Черепичное производство и Бохае (по материалам Краснинского городища). *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новонобнрск: 142-151.
- Ксенофонтова Р.А. 1980. *Японское традиционное гончарство XIX - первой половины XX в.* М.: Наука.
- Леньков В.Д. 1987. Некоторые итоги изучения жилых и производственных объектов Лазовского городища. Новые данные о культуре и хозяйству средневековых народов Дальнего Востока. Владивосток: 21-25.
- Шавкувов Э.В. 1968. *Государство Бохай в памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Eckardt A. 1929. *Geschichte der Koreanischen Kunst*. Leipzig.
- Дунбэй вэньу гунцзедуй ицзюу сынянь гунцзо цзяньбао [Краткий отчет Дунбэйского отряда по охране и изучению памятников материальной культуры в 1954 году]. *Вэньу цзянькао цзюэжя*, № 3: 14-16.
- Чжу Гочэнь, Чжао Хунгуан. 1996. Бохай чжуань ва яочжи фацзюэ баогяо [Отчет о раскопках бохайских печей для обжига кирпича и черепицы]. *Бэйфан Вэньу*, № 2: 34-38.

С.П. Нестеров

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В БАССЕЙНЕ РЕКИ АМУР

Проблемы, связанные с изучением истории раннесредневековых племен Дальнего Востока, давно привлекают внимание многих специалистов: археологов, этнографов, историков, лингвистов. Дискуссии, возникающие по тому или иному вопросу, свидетельствуют о сложности интерпретации археологических, письменных и других материалов. Одной из таких проблем является решение вопросов об этнической принадлежности населения Приамурья, Приморья и Маньчжурии в средние века; о границах их расселения; о миграционных процессах; о смене археологических культур и т.д. Историография проблемы достаточно обширна и многопланова.

В современной историографии эпоха раннего средневековья Приамурья представлена двумя археологическими культурами: мохэской и амурских чжурчжэней (по В.Е.Медведеву), или покровской (по Ю.М.Васильеву) (Деревянко 1975; Медведев 1977; Васильев 1986). Первая отождествляется с племенами мохэ, вторая - с чжурчжэнями. Ю.М.Васильев и О.В.Дьякова отмечают, что это отождествление "выполнено на уровне предположений и должным анализом письменных и археологических источников не обеспечено" (Васильев, Дьякова 1987: 67). Появление новых археологических материалов, новые переводы китайских летописных текстов, выделение локальных групп в культурах позволяют рассматривать эту проблему на отличном от прежнего уровне. Все неразрешенные вопросы имеют два совершенно четких хронологических пласта. Наиболее ранний связан с мохэской культурой, с которой исследователи соотносят начало эпохи раннего средневековья на Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Второй относится к завершающей стадии раннего - началу развитого средневековья и проходит под знаком культуры амурских чжурчжэней (покровской культуры).

История исследования археологических памятников на Дальнем Востоке подробно изложена А.П.Окладниковым и А.П.Деревянко (Окладников, Деревянко А.П. 1973: 8-44). Относительно изучения раннесредневековых памятников в российском Приамурье Е.И.Деревянко в начале 1970-х гг. заметила, что "...за период с 1935 по 1972 г. накоплен значительный фактический материал, который частично нашел отражение в работах А.П.Окладникова, Ж.В.Андреевой, А.П.Деревянко, Э.В.Шавкунова и других исследователей. В то же время еще нет ни одной монографии, в которой рассматривалась бы история мохэских племен Приамурья и Приморья" (1975: 25). Таким образом, можно считать, что монографией Е.И.Деревянко "Мохэские памятники Среднего Амура" был открыт новый этап в изучении этнокультурной истории населения бассейна р. Амур в целом и Приамурья в частности.

Так уж сложилось в раннесредневековой историографии Дальнего Востока, что археологические материалы этого периода были сразу отнесены к тунгусо-маньчжурским племенам мохэ, хорошо известным по китайским летописям. История становления этой точки зрения совсем недавно подробно рассмотрена О.В.Дьяковой в монографии "Мохэские памятники Приморья" (1998: 9-10), что позволяет нам не останавливаться на генезисе этого вопроса.

Одновременно с мохэским этническим массивом в Приамурье исследователи разрабатывали шивэйский пласт. Но в отличие от мохэ, с которыми соотносили *весь* раннесредневековый археологический материал, материальная культура шивэй оставалась неизвестной. Э.В.Шавкунов и А.П.Деревянко отметили этническую неоднородность шивэй и разделили их на три группы: шилкинскую, верхнеамурскую и среднеамурскую. Последнюю, или шивэйских мохэ, они локализовали по *всему Среднему Амуру* и его притокам до устья р. Сунгари, в том числе и в долине р. Зеи. Именно с шивэйскими мохэ исследователи в какой-то степени связали археологический материал, известный на начало 1960-х гг. (Шавкунов, Деревянко 1964: 554-555). Эти археологические материалы происходят, судя по сводке Е.И.Деревянко (1975), с памятников, *которые и в настоящее время относят к мохэской археологической культуре. Из этого положения* вытекает вывод о том, что между некоторой частью шивэй и мохэ разницы в материальной культуре не было, при всем том, что, судя по письменным источникам, шивэй были монголоязычными, а мохэ - тунгусоязычными племенами. В попытке выйти из этого противоречия Е.И.Деревянко предположила проживание на Амуре этнического субстрата, но при преобладании мохэ (у шивэй "обыкновенно одинаковы с мохэскими", "их язык есть язык мохэ" и в то же время один с киданьским, т.е. шивэй - двуязычны). "Наибольшее сходство, - по ее мнению, - наблюдается между мохэ и бо шивэй", хотя "вполне возможно, что большие (да - С.Н.) шивэй или какая-то их часть были родственны мохэсам" (1975: 192-193). Да шивэй, по данным "Суй шу", резко отличались по языку от остальных монголоязычных шивэй: последние их язык не понимали (Материалы по истории 1984: 137).

Е.И.Деревянко (1975: 192), исходя из материалов раскопок в Восточном Забайкалье (Бурхотуйский могильник) и в Приамурье, высказала предположение о том, что "Восточное Забайкалье с Верхним Амуром и северо-восточная часть Монголии были, возможно, теми районами, где происходило формирование *протомохэской культуры*" (выделено нами -С.Н.). Наоборот, А.П.Окладников (1960: 28), предполагая наличие "определенных культурно-этнических" связей населения долины р. Онон и Приамурья, увязывал их с расселением амурских мохэских племен вверх по Шилке, где они жили "сплоченными родовыми массивами" (Асеев и др. 1984: 120-121). Точка зрения Е.И.Деревянко получила поддержку у специалистов по забайкальской археологии (И.В.Асеева, И.И.Кириллова, Е.В.Ковычева), которые этот же район включили в формирование бурхотуйской культуры, тем самым признав для мохэ и бурхотуйцев некую единую культурную и этническую общность, племена которой "в дальнейшем по мере контактов с другими культурами и народами развились в локальные варианты" (Асеев и др. 1984: 121-123).

В монографии "Племена Приамурья" Е.И.Деревянко еще раз вернулась к проблемам этногенеза мохэских племен Приамурья, подтвердив на более широком историческом фоне высказанные ранее положения. Единственно, в этой работе было высказано предположение о принадлежности носителей бурхотуйской культуры к шивэй (Деревянко 1981: 255), и тем самым установлена определенная этнокультурная цепочка родства племен, некогда входивших в "единую этнокультурную общность": шивэй (бурхотуйцы)-верхнеамурские шивэйские мохэ-приамурские мохэ. При этом материальная культура шивэйских мохэ и мохэ остается неразличимой.

У данной этнической реконструкции, на наш взгляд, есть одно слабое место, обусловленное начальным этапом применения в археологии естественных методов датирования археологических объектов: отсутствие серии абсолютных дат памятников, которые бы однозначно свидетельствовали о хронологической увязке происходивших событий. В настоящее время серия радиоуглеродных дат, полученная для большинства средневековых памятников Приамурья как мохэских, так и относящихся к шивэй (Деревянко и др. 1995: 93-94), позволяют пересмотреть

предложенную Е.И.Деревянко и поддержанную рядом коллег этногенетическую схему развития населения Приамурья и их связь с Забайкальскими племенами.

Если говорить об общей концепции, разработанной Е.И.Деревянко, то ее положения сводятся к следующему: 1) все известные раскопанные раннесредневековые памятники Приамурья принадлежат культуре мохэ, делящиеся на локальные варианты; 2) мохэская культура прошла ряд хронологических этапов, начиная с IV в. н.э.; 3) на основе мохэского субстрата вырастают первые на Дальнем Востоке государства - Бохай и Цзинь (Деревянко 1981: 30-32). Несмотря на признание Е.И.Деревянко локальных вариантов единой мохэской культуры, в ее работах они не получили своей характеристики. Тем не менее, это явилось новым шагом в изучении мохэской археологической культуры.

Таким образом, мы можем констатировать, что на данном этапе изучения мохэской культуры для ее характеристики использовался весь не разделенный на локальные варианты комплекс археологического материала в хронологических рамках раннего средневековья (в трудах А.П.Окладникова, А.П.Деревянко, Е.И.Деревянко, Э.В.Шавкунова). Уже в конце 1970-х гг. эта концепция начала приходить в несоответствие со все возрастающим объемом археологического материала как из Приамурья, так и из Приморья, и из Маньчжурии. Все больше стали очевидны определенные различия в керамических комплексах мохэской культуры. Первые сомнения о единстве мохэской керамики высказала еще Е.И.Деревянко в монографии *"Мохэские памятники Среднего Амура"* (1975: 139), выделив в небольшую группу "сосуды значительных размеров с яйцевидным туловом и очень маленьким по диаметру дном" с Михайловского городища на р. Завитой. В то же время, они (из-за своих очень тонких стенок) были объединены в одну группу с посудой из Троицкого могильника, в отличие от более толстостенной керамики из Кочковатского и Найфельдского могильников (там же: 140).

Наконец, изучение и систематизация мохэской керамики позволили О.В.Дьяковой в 1979 г. выделить среди мохэских памятников четыре группы: найфельдскую, троицкую, михайловскую и благословеннинскую, различающиеся по составу категорий лепной посуды, форме, орнаменту и технике ее изготовления (1979: 3). Несколько позже, в монографии *"Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР..."*, она к этому списку добавляет гладковскую группу (Дьякова 1984: 91-93). Но, несмотря на наличие пяти локальных групп памятников, О.В.Дьякова (1984: 115) считает, что мохэские памятники остаются однокультурными, "что подтверждается наличием на них типично мохэских сосудов", характеристика которым дана в одной из совместных работ с Е.И.Деревянко (Дьякова, Деревянко 1981: 61-65). К более ранним исследователям отнесла памятники благословеннинской и михайловской групп, к поздним - найфельдскую и троицкую группы, а гладковскую сблизила с троицкой, но отметила ее более архаичные черты (Дьякова 1984: 93, 121).

Основную причину различия мохэских керамических комплексов, О.В.Дьякова видит в составе того аборигенного населения, на территорию которого мигрировали мохэские племена, то есть в их происхождении. Дополнительными факторами могли служить хронологические различия исследованных памятников и, в некоторых случаях, географическая удаленность их друг от друга, что обуславливало определенную изолированность и влияние местных условий (Там же: 121-122).

Касаясь соотношения мохэских керамических комплексов с керамикой бурхотуйской культуры Забайкалья, О.В.Дьякова поддержала изложенную выше точку зрения ряда исследователей "о единой культурно-этнической общности" для мохэ и бурхотуйцев. Более того, исследователь установила, что лепную керамику (по ее терминологии, "типично мохэский сосуд") бурхотуйцев "следует отождествлять лишь с типично мохэскими сосудами троицкой группы памятников", а такие же сосуды найфельдской группы аналогичны им "только по форме и традиционному налепному декору под венчиком, но полностью отличаются по орнаменту". Учитывая тот факт, что после переселения мохэ на Амур не прослеживается их связь с бурхотуйцами, О.В.Дьякова делает вывод о том, что разделение двух культур произошло на ранних этапах их этногенеза (учитывая отсутствие у мохэ сосудов на поддонах, - "...когда хуннское влияние было еще спорадическим") (там же: 125-127).

Очень важные положения, касающиеся этнокультурных проблем в Приамурье, были высказаны О.В.Дьяковой в докладе на "Окладниковских чтениях" (1985 г.). В нем впервые тезисно освещены основные характеристики (хронология, территория, погребальный обряд, жилища) всех пяти групп памятников мохэской культуры, в сравнении с культурой амурских чжурчжэней (Дьякова 1988: 221-231). И кроме того было отмечено, что "благословеннинская и найфельдская группы мохэской культуры, хотя и родственны амурским чжурчжэням, но не являлись для них истоком, а имели параллельное развитие", а троицкая группа появилась в Приаму-

рье в уже "сложившемся виде, с устоявшимися традициями и сохраняла их все время своего существования" (там же: 225, 231) (выделено нами — С.Н.).

Последнее обстоятельство имеет для историографии мохэской культуры большое значение, особенно для гипотезы о бурхотуйско-протомохэской общности в древности. Во-первых, признание появления в Приамурье троицкой группы в уже сложившемся виде в VII в. предполагает исход ее носителей из Забайкалья примерно в этот же время. Но в Забайкалье в этот период была распространена бурхотуйская культура, все же отличная от троицкой группы мохэской культуры, и связь между ними предполагалась лишь в достаточно отдаленном прошлом и только по одной категории посуды — горшкам. Это делает гипотезу о "культурно-этнической общности" мохэ и бурхотуйцев довольно прозрачной: в противном случае наблюдалось бы значительно большее сходство не только в керамике, но и в погребальном обряде, хозяйстве и т.д. Во-вторых, встают вопросы о территории расселения протомохэ после разделения "общности" на локальные варианты, о складывании культуры троицких мохэ, о причинах их миграции в Приамурье. В-третьих, культура троицких мохэ признается традиционной, как сохранившая наиболее древние черты в керамике, а все остальные мохэские группы — претерпевшими достаточно сильные изменения при соприкосновении на новых территориях с местным аборигенным населением.

Происхождение троицкой группы мохэ О.В. Дьякова генетически связывает с сяньбийскими древностями из Внутренней Монголии, где найдены прототипы сосудов троицкого облика (могильники Чкалайнор, Балиньцзоци возле Ляохэ, Чжухэ). В наиболее ранних работах она соотносила сяньбийские памятники с бурхотуйцами (1979: 15), в поздних работах об этой связи уже не упоминается (1988: 230-231; 1993: 313-314), но отмечается наличие в троицкой группе аналогий с керамикой бурхотуйской культуры Забайкалья (1993: 15).

Таким образом, идея деления единой мохэской культуры на пять групп памятников по лепной (аборигенной) керамике окончательно сформировалась и получила в работах О.В. Дьяковой достаточно полную характеристику к началу 1990-х гг. Исследователю удалось установить, что троицкая группа мохэ явилась ядром формирования бохайской культуры и культуры амурских чжурчженей, поэтому "логичнее было бы говорить о троицком варианте мохэской культуры в эпохи Бохая, Ляо и Цзинь, потому что это одна и та же культура, развивавшаяся во времени и пространстве..." (1998: 190). Это положение позволило приблизиться к пониманию причин сходства мохэских памятников троицкой группы из районов к западу от Малого Хингана с памятниками амурских чжурчженей, расположенных к востоку от этого хребта.

Выделение в Приморье трех (благовещенской, найфельдской и троицкой) из пяти групп памятников мохэской культуры, характерных для Приамурья, наличие аналогичных памятников в Маньчжурии позволили О.В. Дьяковой поставить вопрос о мохэской культурно-исторической общности, носители которой, "расселившись на всем пространстве региона и обрассовав пять локально-хронологических вариантов, ...становились субстратной средой для создания крупных, в том числе и государственных объединений" (1998: 190). Из всех мохэских групп наименее разработанными оказались михайловская и гладковская, территория распространения которых ограничена лишь Амурской областью.

Заканчивая анализ работ О.В. Дьяковой, касающихся проблем этнокультурной ситуации в дальневосточной регионе, необходимо отметить, что она ни одну из мохэских групп памятников не связала ни с шивэй, ни с шивэйскими мохэ, хотя ею были предприняты попытки соотнести, например, найфельдскую группу памятников с летописными сумо мохэ (1984: 124).

Близкую позицию к изложенной выше точке зрения ряда исследователей по проблемам этнической истории Приамурья в средневековье занимают благовещенские археологи (Д.П. Болотин, Б.С. Сапунов, Н.Н. Зайцев, В.Г. Петров). По их мнению, тунгусоязычные мохэ в Приамурье и Приморье были пришельцами (вопрос о месте исхода ими не рассматривается), которые появились здесь в первые века I тыс. н.э., открыв эпоху средневековья на юге Дальнего Востока (Болотин и др. 1992: 26). С этим же периодом совпадает начало "распада одной археологической монокультуры вследствие того, что различные группы мигрантов обосновались на удаленных друг от друга территориях" и вступили во взаимоотношение с различным автохтонным населением: польцевской культуры — в Приамурье, кроуновской — в Приморье (Болотин, Сапунов 1992: 33) (талаканская культура раннего железного века Западного Приамурья ко времени написания цитируемой статьи еще не была выделена — С.Н.).

Исследователи локализируют на Амуре до X в. н.э. только две группы памятников мохэской культуры: найфельдскую и троицкую. Место михайловской и гладковской группы памятников, отнесенных О.В. Дьяковой также к мохэской культуре, ими не определяется. Дальнейшую этническую историю Д.П. Болотин, Б.С. Сапунов, Н.Н. Зайцев и В.Г. Петров связывают с эволюцией мохэской культуры в покровскую (амурских чжурчженей) (Болотин и др. 1992: 27).

Что касается северной группы шивэй, то район их обитания благовещенские исследователи определяют в бассейне р. Нонни (в которой они видят летописную Нашуй), а не на Амуре (Болотин, Сапунов 1992: 37).

Иная, в отличие от вышеизложенной, точка зрения по составу населения Приамурья в эпоху средневековья представлена в работах В.Е.Медведева. Ее суть в следующем. В числе первых тунгусоязычных переселенцев в Приамурье из западных районов были пращурчжэни, которые в результате взаимодействия с местными аборигенными племенами, предположительно польцевской культуры, создали чжурчжэньскую культуру. Затем это пращурчжэньское население было потеснено вниз по Амуру новыми переселенцами - мохэ. Временной промежуток между двумя миграциями двух тунгусоязычных групп, по мнению В.Е.Медведева, был небольшой, так как пращурчжэни еще не успели закончить процесс ассимиляции местного польцевского населения. Сходство в материальной и духовной культуре между пращурчжэнями и мохэ "в период миграции и несколько позже" исследователь видит в том, что они "имели по несколько культурно-этнических корней, или основ, одна из которых должна была быть для них общей" (Медведев 1986: 173-174). В дальнейшем, по крайней мере в VII-VIII вв., эти две культуры развивались самостоятельно (там же: 175).

Если исходить из того, что памятники амурских чжурчжэней, по данным В.Е.Медведева, "локализируются на отрезке среднего течения Амура ниже устья Сунгари, а также на протяжении 300 км ниже устья Уссури, т.е. в нижнем течении реки" (там же: 164), и одновременного наличия в этом же ареале памятников найфельдской группы мохэской культуры (Дьякова 1993: 320), то необходимо также признать параллельное существование носителей этих двух культур в пределах одного и того же региона.

К первому этапу развития чжурчжэньской культуры, датируемому второй половиной VII - серединой IX вв., В.Е.Медведев относит и "этнокультурные связи ранних чжурчжэней с их северо-западными и западными соседями - монголоязычными племенами шивэй...". При этом исследователь поддерживает этническое определение бурхотуйской культуры как шивэйской и общность материальных культур мохэ и бурхотуйцев, а так же подчеркивает отсутствие ее между последними и чжурчжэнями (1986: 175-176).

Таким образом, в списке раннесредневекового населения, помимо шивэй и мохэ, появляются амурские чжурчжэни, а вместе с ними и проблема их соотношения с амурскими племенами мохэ (особенно с троицкой группой), так как сходство их материальных культур, по мере накопления материала, становилось все более очевидным. Наиболее приемлемое, на наш взгляд, объяснение этому факту предложено О.В.Дьяковой, о чем мы писали выше. В тоже время этническое определение памятников этого региона Приамурья как чжурчжэньских породило острую дискуссию между исследователями.

Точка зрения Э.В.Шавкунова на этнокультурную ситуацию в Приамурье в эпоху раннего средневековья, начиная с 1960-х гг., претерпела довольно сильные изменения. В материалах к *"Истории Сибири"* он (в соавторстве с А.П.Деревянко) отнес все известные к этому времени раннесредневековые памятники Верхнего и Среднего Приамурья к мохэ и, в какой-то мере, к шивэйским мохэ, предполагая, видимо, их родство (Шавкунов, Деревянко 1964: 554-556).

В монографии *"Государство Бохай..."* Э.В.Шавкунов подробно анализирует сообщения китайских письменных источников о племенах мохэ и приходит к выводу, что "основной центр расселения мохэских племен в IV-VII вв. приходился на бассейн Сунгари, Уссури, Нижнего Амура и их притоков" (1968: 30). Как видно из этого заявления, из ареала расселения мохэ исключен Верхний и Средний Амур, из-за чего раннесредневековые памятники (ранее относимые им к мохэ) остаются без этнокультурного определения. Необходимо, правда, заметить, что Э.В.Шавкунов в данной работе этот парадокс никак не прокомментировал и даже его не отметил. Более того, в дальнейшем (в статье "Локализация гидронима Хэйшуй...") он из ареала проживания мохэ (самого северного племенного объединения - хэйшуй мохэ) исключил Нижний Амур, определив первоначальные наиболее северные границы проживания хэйшуй примерно устьем р. Муданьцзян, правого притока р. Сунгари, и долину р. Мулиньхэ (по Э.В.Шавкунову, р. Хэйшуй), левого притока р. Уссури (Шавкунов 1986: 56). Основные выводы, которые делает Э.В.Шавкунов в цитируемой статье на основании анализа материалов письменных источников, сводятся к следующему: 1) эти материалы не дают основания для отождествления древней р. Хэйшуй с Амуром; 2) "...напротив, они позволяют отрицать присутствие в I тысячелетии н.э. на Нижнем Амуре как мукрийских (мохэских - С.Н.) племен, так и чжурчжэней" (амурских - С.Н.). Что касается этнической принадлежности раннесредневековых памятников (мохэской культуры), исследованных на Амуре, то Э.В.Шавкунов, ссылаясь на результаты определения территории расселения племен шивэй китайского историка Тан Инцзе, считает, что эти "...археологические памятники скорее всего принадлежали монголоязычным шибэрам и дагу-

рам" (шивэй и доумолоу – С.Н.) (Государство Бохай 1994: 23). Памятники же амурских чжурчженей (которые Э.В.Шавкунов и Ю.М.Васильев относят к покровской культуре) он также соотносит в этническом плане с монголоязычными шивэй (шибэрами), таким образом полагая, что общая этническая картина в Приамурье в эпоху средневековья "оставалась практически без каких-либо существенных изменений вплоть до второй половины XII в." (Шавкунов, Васильев 1989: 21).

В работах Э.В.Шавкунова нет комментариев к выделенным О.В.Дьяковой группам мохэской культуры. Ю.М.Васильев с таким делением согласен и на них ссылается, например, считая тронцкую группу "мохэской" культуры, возможно, ранним (первым) этапом покровской культуры – тронцким (конец VIII-IX вв.) (Васильев 1986: 7, 14, 16). Но при этом Ю.М.Васильев поддерживает точку зрения Э.В.Шавкунова о шивэйской принадлежности "мохэской" культуры, что вытекает из признания им факта, отнесения "мохэской" и покровской культур к одной археологической культуре как разных хронологических этапов (там же: 16). Последнее положение полностью совпадает с точкой зрения О.В.Дьяковой (см. выше), но имеет, таким образом, другое этническое определение, в том числе и о принадлежности к покровской культуре племенного объединения Уго, в состав которого входили и шивэй. Последнее предположение было высказано Ю.М.Васильевым еще в начале 1980-х гг. (1983: 150) В этой же статье он размещает в районах Среднего и Нижнего Амура обширное и могущественное государство Мэнгу, "в состав которого (в IX-XII вв. – С.Н.) были включены не только монголоязычные шивэйцы и кидани, но и тунгусоязычные мохэцы, возможно, какая-то часть уйгурских и киргизских племен, также по-видимому, палеоазиатские племена Цзираминь (гилемин)..." (там же: 151).

В связи с этническим составом "государства Мэнгу", как он представлен Ю.М.Васильевым, встает закономерный вопрос: какие археологические памятники в указанных районах Приамурья можно связать с племенами мохэ, если мохэская культура им не принадлежит? Ответа на этот вопрос в работах Ю.М.Васильева нет. Видимо, в дальнейшем исследователь отказался от данного этнического состава "государства Мэнгу", сосредоточив основное внимание на монголоязычных племенах шивэй как носителях покровской культуры. Даже в отношении принадлежности племен уго к покровской культуре у Ю.М.Васильева и Э.В.Шавкунова появилось сомнение: они высказали версию об их отнесении к древним согдийцам (Шавкунов, Васильев 1989: 19-21). Но точка зрения о создании в Приамурье шивэйского государства получила поддержку у Э.В.Шавкунова, который, вслед за Ш.Сандагом, называет его "государство Хамаг Монгол", а образование связывает с первой половиной XII в. и именем Хабул-хана (Шавкунов 1990: 49-50). Следует обратить внимание на тот факт, что Ш.Сандаг существовавшее у монголов "одно время" (то есть недолго) государства не связывает с территорией Приамурья. Это следует из того, что все военные действия между монголами и чжурчженями в первой половине – середине XII в. происходят в восточных районах Монголии (Сандаг 1977: 25-26).

Вопрос о существовании государства Хамаг монгол специально рассмотрел Н.Ц.Мункуев. Он проанализировал текст из "Тайной истории монголов" и выявил в нем фрагменты, где есть словосочетание *хамаг монгол*: "*Qatuiq mongqol-i Qabul-qahan meden aba*" ("Хабул-хахан ведал всеми монголами."); "...*Ambaqai-qahan qatuiq mongqol-i meden aba*" ("...Амбахай-хахан ведал всеми монголами."); "...*qatuiq mongol tayici'ut Onan-u Qorqonaq jubur quraju-Qutula-yi qahan bolqaba*" ("...все монголы-тайчиуты, собравшись в долине Хорхонах на Ононе, сделали Хутулу хаханом") (1977: 379-380).

Упомянутые в отрывках Хабул-хан, Амбагай-хан и Хутула-хан, один за другим, возглавляли довольно крупное объединение монголов в первой половине XII в. (примерно до 1160-х гг.), которое, Л.Н.Гумилев называет "Монгольским ханством" ("Монгольской державой"), или Хамаг монгол улус, а его население *qatuiq mongyol* (1997: 449, 450), т.е. данное выражение несет еще и этническую нагрузку. Н.Ц.Мункуев отмечает, что ни в одном письменном источнике нет ни названия *Хамаг монгол улус*, ни одноименного этнонима: есть только *Mongyol ulus* (Монгольское государство) и *Yeke mongyol ulus* ("Великое монгольское государство"), но они связаны с более поздним временем. Встретившееся в одном отрывке словосочетание *все монгол-тайчиуты* позволило Н.Ц.Мункуеву сравнить его с такими именами как *монгол-бесуты*, *монгол-баруласы* и сделать вывод о том, что *qatuiq* ("все") является лишь детерминативом к слову *монгол*, как и к сочетанию *монгол-тайчиут* (1977: 380-383).

Согласно же китайским историческим записям, в XII в. существовало два монгольских государства. В сочинении южносунского ученого Ли Синь-чуаня "Цзи Цзи" сказано: "Есть еще государство, которое [именуется] Мэнгу, находится к северо-востоку от чжурчженей. При Тан их называли мэнгу (выделено нами – С.Н.), также называют их и мэнгу" (Кычанов 1980: 144-145). Далее рассказывается о военных конфликтах между монголами и чжурчженями, происхо-

дившими в 30-40 гг XII в., что хорошо соотносится с данными монгольских письменных источников о вражде между объединением монголов под предводительством Хабул-хана, Амбагай-хана и Хабул-хана и чжурчжэньским государством Цзинь (Кычанов 1980: 145; Сандаг 1977: 25-26). В это же время, по данным Ли Синь-чуаня, "их государства [государь] также назвался цзуюань хуанди "император - основоположник династии". ...Монгол назвался императором, и, поскольку они напали на государство Цзинь, они захватывали китайских и киданьских детей и женщин и делали этих [женщин] своими женами и наложницами. С этих пор родившиеся [от таких браков и связей] дети уже совершенно не походили на монголов. И так, [монголы] постепенно стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовали свое государство Да Мэнгу го - "Государство великих монголов" (Великое монгольское государство). Однако два государства жили на востоке и на западе [соответственно], и обе стороны глядели друг на друга на расстоянии нескольких тысяч ли. Не знаем, по какой причине [их] объединяют и [они] получили единое наименование (выделено нами - С.Н.). Поэтому, когда Цзинь достигло расцвета, было учреждено северо-восточное пограничное управление, Дунбэй чжаотао сы, с целью защиты от мэнгу (монголов), Гаоли (Корея) и юго-западное пограничное управление, Синань чжаотао сы, с целью управления северными районами, удерживаемыми Западными Ся и мэнгу (монголами)" (Кычанов 1980: 145).

Исследователи считают, что монгольским императором (Аоло боцзиле китайских текстов) был, скорее всего, Хабул-хан, отсюда делается заключение о существовании в XII в. в Монголии монгольского государства (Кычанов 1980: 147). Для нашего исследования важно то, что как бы не решался вопрос о реальности существования монгольского государства или только временного объединения монгольских племен, его связывают с территорией Центральной Азии. Тем не менее, попытаемся разобраться в проблеме одновременного существования "двух монгольских государств".

Е.И. Кычанов отметил, что сообщение о двух государствах монголов имеет давнюю трудность трактовки, так как китайский текст не очень четок по смыслу. Он также ссылается на мнение японского исследователя Комаи Ёсиаки, который считает, что "два государства" - это не монголы и Цзинь, а монголы и татары XII в. до их объединения под единым именем "монгол". Е.И. Кычанов полагает, что китайских авторов, в том числе и Ли Синь-чуаня, и Чжао Хуна (автора "Мэн-да бэй-лу"), "в XII в. уже смущало противоречие, состоявшее в том, что в китайских источниках были сведения о каких-то монголах, живших явно на Амуре, на севере Маньчжурии..., и фактическим проживанием монголов в XII в. на территории современной МНР. Они не могли отчетливо увязать эти два факта и, не допуская мысли о переселении, ибо китайская историография в описании иноземцев в средние века в основе своей строилась на том принципе, что каждый народ жил на своем месте...". Указывались только факты явных и хорошо известных переселений" (Кычанов 1980: 146).

Предложенная Е.И. Кычановым точка зрения, по крайней мере, объясняет этот парадокс с двумя "монгольскими государствами". Действительно, уже в начальной фразе Ли Синь-чуаня проводится связь между Мэнгу, известных ему и живших к западу от Большого Хингана, и танскими мэнгу, которые в раннем средневековье обитали на Верхнем Амуре и Аргуни. Но, не допуская переселения мэнгу в монгольские степи (это отражено во фразе: "Мы не знаем по какой причине их объединяют...") и стараясь увязать их с современными ему монголами, между которыми были тысячи ли расстояния, южносунский ученый и высказал предположение о двух монгольских государствах.

Другую проблему представляет сообщение источника о проживании Мэнгу северо-восточнее чжурчжэней и об учреждении последними двух пограничных управлений (см. выше цитированный текст китайского сочинения).

На наш взгляд, основным моментом в понимании этого сообщения является установление географического района, относительно которого Ли Синь-чуань определял направления сторон горизонта. Во времена этого южносунского ученого часть Северного Китая (до р. Хуанхэ) была захвачена чжурчжэнями, вплоть до восточных границ тангутского государства Си Ся. Здесь же находилась Западная столица чжурчжэней (совр. Датун) (Шавкунов 1990: 48; Кожанов 1980: 39-47; Мелихов 1977: 63). А в 1153 г. чжурчжэньский император "перенес свою резиденцию из Шанцзина (Яньцзина) в г. Чжунду (около совр. Пекина) - главную столицу Цзиньской империи до 1214 г." (Мелихов 1977: 62) Вследствие административной реформы 1153 г. в Цзиньской империи окончательно сложилась система из пяти столиц, из которых Западная, Средняя и Южная находились в Северном Китае (Евсюков 1990: 73; Воробьев 1975, карта-схема 4).

Таким образом, учреждение северо-восточного пограничного округа выглядит логично по отношению к Северному Китаю, так как именно относительно него Корея находится северо-восточнее, а по отношению к Маньчжурии - юго-восточнее. Северо-восточное от Северного

Китай направление было самым беспокойным для чжурчжэньских правителей: не случайно в источнике подчеркнуты защитные функции этой государственной структуры, в то время как создание юго-западного пограничного округа должно было способствовать управлению "северными районами, удерживаемыми Западным Ся и мэнгу" (Кычанов 1980: 145). В последнем сообщении содержится достаточно вольное обращение китайского историка с направлениями по сторонам света: с одной стороны округ называется юго-западным, с другой - контролируемые районы являются северными.

Поэтому Ли Синь-чуань, говоря о Мэнгу (мэнгу), проживавших северо-восточнее чжурчжэней, в территориальном отношении, скорее всего, ориентировался на чжурчжэней Северного Китая, где был политический центр Цзиньского государства.

Мы остановились достаточно подробно на проблеме существования монгольского государства в XII в. потому, что его существование ряд исследователей связывает с Нижним Приамурьем, при этом одним из главных аргументов являются сообщения письменных источников, цитированных нами выше. Историографический анализ этой проблемы показал, что до сих пор у монголоведов нет единой точки зрения о более раннем государстве у монголов, чем империя Чингис-хана. И в тоже время, сторонники Хамаг монгол улуса никогда не связывали его формирование с территорией Приамурья.

Несколько иная версия о существовании на севере Приморья и в районе нижнего течения Уссури, или в приморско-амурском регионе, племен *мангу* высказана В.Е.Ларичевым. Исследователь, ссылаясь на перевод В.П.Васильева первого варианта "Цзинь ши" (составленного Мэнхуном), считает, что их этническое имя произошло от названия реки, на которой они жили. "В этой связи, - пишет В.Е.Ларичев, - стоит заметить, что ульчи, или мангуны, и сейчас называют Амур Мангу, что значит "река" или "вода". Поэтому, надо полагать, что название "мангу" означало "поречане", а сами мангу представляли собой, возможно, союз ульчских племен, территория расселения которых в средневековье была значительно более обширной, чем в настоящее время" (1990: 79). Еще в середине XIX в. в русской этнографической литературе их именовали ольчами и *мангунами*. Язык ульчей относится к южно-тунгусской группе (Смоляк 1966: 11). Это значит, что изложенная далее В.Е.Ларичевым история взаимоотношения мангу с чжурчжэнями, война между ними в 1135-1147 гг., потеря чжурчжэнями 27 крепостей к северу от р. Сипинхэ, наконец, объявление вождя мангу Аоло себя императором "Великого мангуского государства" никак не связаны с монголами! С одной стороны, такая этническая интерпретация объясняет многие факты, нашедшие отражение в китайских письменных источниках: северо-восточное проживание мангу от чжурчжэней, ношение мангу одежды из рыбьей кожи, их охотничий быт, большие размеры разделяющей эти племена реки, под которой многие исследователи видят р. Амур, наконец, загадку существования двух государств Мэнгу. С другой - сопоставление событий, изложенных в сочинении Мэнхуна "Цзинь ши", с приведенными отрывками из других нарративных источников, как китайских, так и монгольских (Кычанов 1980: 144-146; Садаг 1977: 25-26), свидетельствует о том, что и в нем речь идет все же о центрально-азиатских монголах. Возможно, в китайских сочинениях произошло механическое смешение данных по двум группам племен только на основании сходства их имен: монголоязычных *мэнгу* (*мэнгу*) и тунгусоязычных *мангу* ("...Не знаем, по какой причине... [они] получили единое наименование").

Версия Э.В.Шавкунова и Ю.М.Васильева вызвала возражения у В.Е.Медведева, который подробно разобрал эту концепцию и справедливо сделал вывод об идентичности этнонимов "мэнгу" (мэнгу, мэнгули) и "монголы", а также об отсутствии на территории восточнее Малого Хингана какого-либо государства монголоязычных шивэй или монголов (Медведев 1984: 162-165). Критический анализ этой точки зрения В.Е. Медведевым и наше согласие с его выводами позволяет нам более не останавливаться на ее деталях. Отметим только, что существование "государства Хамаг Монгол" в IX-XII вв. (как считает Ю.М.Васильев), или только в XII в. (по мнению Э.В.Шавкунова), здесь было невозможно из-за того, что практически все Приамурье оказалось занятым мигрировавшими сюда не ранее VIII в. хэйшуй (в западные районы) и бохайскими (в западные и восточные регионы) мохэ, а также переселение в восточные районы в X в. мохэ-ских (троецкой группы) по происхождению племен чжурчжэней (Нестеров 1998: 68-69, 94-95). Учитывая мнение В.Е.Ларичева, можно предположить, что переселившиеся сюда чжурчжэни к XII в. создали достаточно мощное племенное объединение Мангу (Мэнгу), о населении которого у китайцев сложилось лишь некоторое представление этнографического характера, но не более, и которое в дальнейшем было наложено, как ни парадоксально, на схожие по имени монголоязычные племена (отсюда и недоумение средневековых китайских историков о наличии двух, разделенных тысячами ли государств мэнгу).

И только в XIII в. в западной части Приамурья появляются монголоязычные дауры, переселение которых можно связать с монгольской экспансией, и которые в результате смешения с

аборигенным тунгусоязычным населением сформировали владимировскую археологическую культуру (Болотин 1995: 12-14).

Что касается более раннего периода истории Приамурья, то мы вполне согласны с проживанием на Амуре, Зеи и Буреи монголоязычных шивэй северной группы (в том числе и мэнью шивэй на Верхнем Амуре) вплоть до Малого Хингана. Вполне возможно, что этимология этнонима *монгол*, как показал Э.В. Шавкунов, связана с древним названием Амурского, которое у тунгусоязычных народов было известно под именем Мамнгу, Мамгу, Мангу, Мангму (Шавкунов 1987: 167).

Таким образом, заканчивая историографический анализ проблемы присутствия на Нижнем Амуре монголов и их государства Хамг монгол в средневековье, отметим, что в настоящее время ни археологические, ни письменные источники не дают оснований для локализации монгольского государства в данном регионе и соотношения покровской культуры (амурских чжурчженей) с монголоязычными шивэй.

С другой стороны, достаточно перспективной выглядит версия В.Е. Ларичева о существовании в XII в. в Приамурье, прилегающим к устью Уссури, если не государства, то хотя бы тунгусоязычного племенного объединения Мангу.

Что же касается раннесредневековых шивэй, то их В.Е. Ларичев помещает в бассейне Верхнего Амурского, Шилки и Аргунь, Зеи и Буреи, северо-западнее племен уцзи (хэйшуй мохэ), которые в этот период обитали по берегам Амурского от устья Сунгари до устья Уссури (Ларичев 1980: 28; История Золотой Империи 1998: 50-51).

Очень подробно география размещения шивэй по данным письменных источников исследована китайским ученым Тан Инцзе (по другой транскрипции, Чжэн Индэ). В статье "Новые исследования географии шивэй" (1983: 83-88) (в нашей работе все ссылки сделаны на русский вариант одноименной статьи) (Чжэн Индэ 1994: 115-128) он в хронологической последовательности проанализировал сведения династических хроник династий Северная Вэй, Суй и Тан. И хотя его мнение о том, что "...наибольший географический ареал обитания шивэй: на востоке - до Малого Хингана, на северо-западе - до Яблонева хребта, на юге - до реки Таозрхэ и на севере - до современного хребта Ям-Алинь" (там же: 127-128), в целом, совпадает с точкой зрения российских ученых на их локализацию, некоторые частные определения территории тех или иных групп шивэй являются спорными, как и идентификация названий раннесредневековых рек и гор с современными. Так, например, местожительство шэньмода шивэй Тан Инцзе локализует у современного хребта Ям-Алинь, считая его древним Хубушань, что находится севернее (выделено нами - С.Н.) места проживания бэй шивэй. А последние, по его мнению, занимали район Аргунь и верхнего течения Амурского (по современной гидрографии, Верхний Амур заканчивается у устья Зеи - С.Н.) (там же: 118). Достаточно посмотреть на географическую карту Амурской области, чтобы выяснить, что хребет Ям-Алинь находится от Верхнего Амурского восточнее, а не севернее (Амурская область 1989: 9). В последнем направлении располагается Становой хребет. Учитывая эту географическую неточность, локализация шэньмода шивэй на р. Селемдже, проживавших юго-западнее бэй шивэй, становится маловероятной.

В исследовании Тан Инцзе есть разночтение с другими переводами об имени племени шивэй, от которого "через несколько тысяч ли на северо-запад [...] прибываешь в земли больших (да - С.Н.) шивэй". Китайский исследователь указывает в квадратных скобках - бэй шивэй (Чжэн Индэ 1994: 119), а В.С.Таскин - шэньмода шивэй (Материалы по истории 1984: 137). Хотя в обоих случаях из-за неопределенно большого расстояния до да шивэй его локализация совпадает, вариант В.С.Таскина по контексту выглядит логичнее.

Наиболее непонятным и абсолютно неприемлемым является использование Тан Инцзе в качестве косвенного доказательства проживания северных шивэй на берегах Верхнего Амурского и Аргунь сообщения средневекового китайского автора Ма Дуаньлиня в сочинении "Вэньсянь тункао" о том, что племена "Цюйдумэй во времена Суй находились на север от шивэй... Неоднократно на больших судах прибывали к Северным шивэй и занимались грабежом". Тан Инцзе считает, что Цюйдумэй проживали на современном полуострове Камчатка! (Чжэн Индэ 1994: 118) В данном случае, скорее всего, неверно дана локализация племени Цюйдумэй.

В танский период, когда китайцам стало известно более 20 шивэйских племен, на территории Приамурья, по мнению Тан Инцзе, проживали следующие племена: си шивэй, да шивэй, лоцзу шивэй, пово шивэй, дажучжэ шивэй, сяжучжэ шивэй - к северу от Амурского; шаньбэй и мэнью шивэй - к югу от этой реки. При этом лоцзу, мэнью, си и да шивэй соответствуют бэй шивэй суйского времени, пово шивэй - бэй шивэй ("так как пово и бэй - это разные передачи одного звучания"), а дажучжэ и сяжучжэ шивэй - бывшие шэньмода шивэй (там же: 126).

Заслуживает внимания локализация племени шаньбэй шивэй в районе р. Кумары, так как, на наш взгляд, она позволяет не только географически соотнести с ними (согласно описаниям в

Танских хрониках) проживание таких племен шивэй, как сяожучжэ, да жучжэ и пово (бо), но и установить преемственность шивэйских племен Приамурья суйского времени с шивэями танской эпохи. Что касается дун шивэй, то, на наш взгляд, его размещение Тан Инцзе к северу от р. Таоэрхэ, в которой он видит древнюю Насюэхэ, не совсем оправдано, так как есть другая точка зрения на местонахождение этого гидронима: его отождествляют с притоком р. Амур р. Зей (К. Сиратори, В. С. Таскин) (Материалы по истории 1984: 363). А письменные данные свидетельствуют, что дун шивэй проживали в 300 ли юго-восточнее уваней (ухуаней), которые, в свою очередь, обитали северо-восточнее улохоу, местонахождение которых устанавливается достаточно точно, благодаря открытию пещеры-храма вэйского времени в районе современной р. Ганьхэ, в верховьях р. Нонни (Ми Вэньпин 1991: 79).

Таким образом, большинство карт расселения шивэйских племен в Приамурье, составленных разными учеными (А. П. Деревянко, Е. И. Деревянко, В. Е. Ларичевым, Тан Инцзе), имеют примерно одинаковый состав племен, изменяющийся во времени, но сохраняющий определенную преемственность (местожительства, схожесть названия) с населением предыдущих эпох. Основной задачей дальнейшего изучения летописных шивэй является уточнение ареалов их проживания в Приамурье и соотнесение с известными на этой территории археологическими памятниками.

Выше нами были рассмотрены мнения российских ученых об этнокультурной ситуации в Приамурье в эпоху раннего средневековья, основанные на археологических материалах, происходящих с левобережья Амура. С правого берега к Амуру прилегает большая провинция Северо-Восточного Китая - Хэйлунцзян, где китайскими археологами раскопаны и изучены многочисленные памятники этого периода (Раскопки могильника Туаньцзе 1989: 719-726; Тан Инцзе, Чжан Тайсян 1980: 87-88; Бо Тун, Хун Гуан 1996: 23-25; Гань Чжигэн 1985: 23-29; Могильник Шичангоу 1991: 57-66; Вещи из могильника Чжунсин 1991: 71-72 и др.). У китайских археологов нет сомнения в том, что эти памятники связаны с племенами мохэ. Поэтому выделенный тунжэньская тип памятников, название которому дали раскопки поселения у Тунжэнь в уезде Суйбинь пров. Хэйлунцзян, они сразу отнесли к мохэской культуре. На основании его материалов исследователи установили два хронологических этапа существования тунжэньского варианта культуры: ранний - тунжэньский и поздний - суйбиньский; между ними выделяется еще переходный период. В этническом плане ранний этап тунжэньского варианта мохэской культуры они связывают с хэйшуй мохэ, а суйбиньский - с чжурчжэнями периода Ляо (Хао Цинюнь 1995: 101-105). По российской периодизации, это соответствует благословеннинско-найфельдской и троницкой группам мохэской культуры, а на последнем этапе - амурским чжурчжэнями.

С чжурчжэнями Приамурья китайские археологи связывают выделенную ими культуру уюо, локализуя ее по правому берегу Амура и в низовьях Сунгари (Сунь Сюжэнь, Гань Чжигэн 1986: 96). Этническое определение последней вызвало острую дискуссию среди российских ученых (В. Е. Медведев, Э. В. Шавкунов, Ю. М. Васильев и др.) (Медведев, Войтишек 1986: 49; Шавкунов, Васильев 1989: 19), которая еще до конца не закончена.

Археологические памятники из провинции Цзилинь (могильники Дахаймэн, Чалиба, Лаохэшэнь и др.), что приурочены к верхнему течению р. Сунгари (р. 2-я Сунгари) китайские исследователи относят к сумо мохэ, или раннему этапу государства Бохай (Раскопки в Лаохэшэнь 1987: 103; Инь Юйшан 1990: 574-576; Хэ Мин, Чэн Цзяньминь, Ли Ган 1995: 29-45).

Несмотря на то, что китайскими учеными проделана большая работа как по накоплению археологического материала, так и по его интерпретации и определению этнической принадлежности на основе тщательного анализа текстов китайских династийных хроник о племенах шивэй и мохэ, о бохайцах и чжурчжэнях, "...остается немало сложностей и проблем, связанных прежде всего с отождествлением этнонимов с конкретными археологическими памятниками и их группами (например, сегодня исследователи затрудняются указать точное место обитания племен фуе, гудо), а также выделением раннего этапа (уцзи)" (Хао Цинюнь 1995: 105). Но при этом они вполне определенно соотносят приамурские памятники с хэйшуй мохэ, а материалы из южных районов Маньчжурии с сумо мохэ - основными племенами танского периода. Проблема шивэйской принадлежности мохэской археологической культуры китайскими исследователями не поднималась.

Локализация северной группы шивэй (бэй, бо и шэньмода) в пределах Зейско-Бурейского района (или Западного) Приамурья дала возможность соотнести их с михайловской группой памятников, которую, как и более северный локальный вариант памятников бо шивэй - гладковскую группу Предложенное этническое определение михайловской группы как шивэйской, новейшие материалы по этой группе, полученные в результате раскопок стоянок на р. Буре, а также результаты радиоуглеродного и археологического датирования позволяют установить хронологические рамки существования михайловской группы (с III в. по IX-X вв. н.э.) и создать

ее этнографический облик. Все это поставило на повестку дня вопрос о выделении михайловской группы памятников в михайловскую археологическую культуру, включающую собственно михайловский и гладковский локальные варианты (Нестеров 1995).

Завершая историографический обзор современных исследований этнокультурных процессов в Приамурье в эпоху раннего средневековья, необходимо отметить, во-первых, положительную динамику их изучения, во-вторых, ряд дискуссионных моментов, порожденный углубленным анализом имеющегося археологического материала и письменных источников. К последним можно отнести: реконструкцию средневековой географии дальневосточного региона; локализацию летописных шивэй, мохэ, уго, амурских чжурчжэней как в Приамурье, так в Приморье и в Маньчжурии; этнокультурную характеристику найфельдской и троишской групп мохэской культуры, михайловской культуры и культуры амурских чжурчжэней (или покровской культуры). Наконец, определенный интерес вызывает механизм тюркского (в широком смысле слова) и киданьского влияния на дальневосточные культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. 1989. Благовещенск: Хабар. кн. изд-во.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. 1984. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука.
- Бо Тун, Хун Гуан. 1996. Поселение Муланьцзидун в у. Хайлинь, пров. Хэйлунцзян. *Бэйфан вэнь*, № 2: 23-25 (на кит. яз.).
- Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н., Петров В.Г. 1992. К вопросу об этнической истории Приамурья эпохи средневековья (по археологическим данным). *Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов*. Вып. 7. Благовещенск: 25-32.
- Болотин Д.П. 1995. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII-XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск.
- Болотин Д.П., Сапунов Б.С. 1992. К дискуссии по проблеме этнической интерпретации средневековых археологических культур Приамурья. *Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов*. Вып. 7. Благовещенск: 32-42.
- Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н. 1997. Новые памятники раннего железного века на Верхнем Амуре. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: 155-159.
- Васильев Ю.М. 1983. К вопросу об этнической характеристике населения Приамурья в IX-XII веках. *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 141-153.
- Васильев Ю.М. 1986. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XII вв. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев Ю.М., Дьякова О.В. 1987. Погребальный обряд покровской культуры в свете летописных и этнографических данных. *Вопросы археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 67-79.
- Воробьев М.В. 1975. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). *Исторический очерк*. М.: Наука.
- Гань Чжигэн. 1985. Мохэ и памятники мохэ в бассейне Хэйлунцзяна. *Бэйфан вэнь*, № 1: 23-29.
- Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России. 1994. М.: Наука.
- Гумилев Л.Н. 1997. Древняя Русь и Великая степь / Сост. и общ. ред. А.И. Куркич: В 2-х книгах. Кн. 1. М.: Институт ДИ-ДИК (Серия "Сочинения Л.Н. Гумилева"; Вып. 7).
- Деревянко Е.И. 1975. Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск: Наука.
- Деревянко Е.И. 1981. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). Новосибирск: Наука.
- Деревянко Е.И., Кузьмин Я.В., Нестеров С.П., Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д. 1995. Хронология раннесредневековых памятников Приамурья (предварительные результаты). *Гуманитарные науки в Сибири*, № 3: 93-94.
- Дьякова О.В. 1979. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник (IV-X вв.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск.
- Дьякова О.В., Деревянко Е.И. 1981. К вопросу о "типично мохэских" сосудах. *Материалы по археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 61-65.
- Дьякова О.В. 1984. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV-X вв. М.: Наука.
- Дьякова О.В. 1988. О корреляции раннесредневековых культур Приамурья. *Материальная культура Востока*. Ч. II. М.: 221-231.

- Дьякова О.В. 1993. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Ч. I-III. Владивосток: Дальнаука.
- Дьякова О.В. 1998. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука.
- Евсюков В.В. 1990. Империя Цзинь в период правления Дигуаня. *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск: 72-78.
- Инь Юйшань. 1990. Два бохайских погребения, обнаруженные в Чалибацунь уезда Юнцзи пров. Цзилинь. *Каогу*, № 6: 574-576 (на кит. яз.).
- История Золотой империи 1998. Пер. Г.М.Розова, коммент. А.Г.Малыгина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Кожанов С.Т. 1980. Начальный этап войны между империями Сун и Цзинь. *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск: 39-47.
- Кычанов Е.И. 1980. Монголы в VI - первой половине XII в. *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск: 136-148.
- Ларичев В.Е. 1980. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии. *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск: 9-38.
- Ларичев В.Е. 1990. Народы среднего и нижнего Амура в эпоху средневековья. *Центральная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск: 78-84.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунгу. 1984. М.: Наука.
- Медведев В.Е. 1977. Культура амурских чжурчженей (конец X-XI век). Новосибирск: Наука.
- Медведев В.Е. 1984. К вопросу о средневековой народности мэнгу. *Археология юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: 162-165.
- Медведев В.Е. 1986. Приамурье в конце I - начале II тысячелетия. *Чжурчженская эпоха*. Новосибирск: Наука.
- Медведев В.Е., Войтишек Е.Э. 1986. О материальной культуре племен уго (по данным китайских археологов). *Известия СО АН СССР*, №3, Вып. 1: 49-53.
- Мелихов Г.В. 1977. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: 62-84.
- Ми Вэньпин. 1991. Открытие и первоначальное изучение пещерного храма сяньбийцев. *Хулуьбэйэр Вэнь*, № 1: 72-80 (на кит. яз., перевод С.В.Алкина).
- Могильник Шичангоу 1991: Могильник Шичангоу в у. Хуалинь в районе Муданьцзян пров. Хэйлуцзян. *Бэйфан вэнь*, № 4 (28): 57-66 (на кит. яз.).
- Мункуев Н.Ц. 1977. Заметки о древних монголах. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М. 377-408.
- Нестеров С.П. 1995. Северные шивэй в Приамурье. *Традиционная культура Востока Азии (археология и культурная антропология)*. Благовещенск: 105-122.
- Нестеров С.П. 1998. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.
- Окладников А.П. 1960. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье. *Труды БКНИИ СО АН СССР*. Улан-Удэ: 16-30.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, Дальневост. кн. изд-во.
- Раскопки в Лаохэцзэнь 1987: *Раскопки в Лаохэцзэнь у Юйшу (Юйшу Лаохэцзэнь)*. Пекин: Изд-во Вэнь (на кит. яз.).
- Раскопки могильника Туаньцзе 1989: Раскопки могильника Туаньцзе в уезде Лобэй пров. Хэйлуцзян. *Каогу*, № 8: 719-726 (на кит. яз.).
- Сандаг Ш. 1977. Образование единого монгольского государства и Чингисхан. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: 23-45.
- Смоляк А.В. 1966. Ульчи (хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем). М.: Наука.
- Сунь Сюэцзэнь, Гань Чжигэнь. 1982. Племена уго и характеристика их материальной культуры. Выявление и изучение культурного типа уго. *Дунбэй каогу юй лishi*, № 1: 95-103 (на кит. яз., перевод С.В.Алкина).
- Тан Инцзе, Чжан Тайсян. 1980. Древние культуры Амура (предварительные данные). *Вэнь*, № 87-88 (на кит. яз.).
- Тан Инцзе. 1983. Новые исследования географии шивэй. *Шэхуй кэсюэ цзикань*, 83-88 (на кит. яз., перевод А.Л. Ивлиева).
- Хао Цинюнь. 1995. Мохэ и локальные варианты их материальной культуры. *Традиционная культура Востока Азии. Археология и культурная антропология*. Благовещенск: 101-105.
- Ху Сюэцзе, Тянь Хуа. 1991. Вещи из могильника Чжунсин, у. Суйбинь, пров. Хэйлуцзян. *Бэйфан вэнь*, № 4 (28): 71-77 (на кит. яз., перевод С.В.Алкина).

- Хэ Мин, Чэн Цзяньминь, Ли Ган. 1995. Могильник мохэ в Чалиба, у. Юнцзи, пров. Цзилинь, *Вэньбу*, № 9: 29-45 (на кит. яз.; перевод С.В. Алкина).
- Чжэн Индэ. 1994. Новые исследования географии шивэй. *Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России*. Владивосток: 115-128.
- Шавкунов Э.В. 1968. *Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Шавкунов Э.В. 1986. Локализация гидронима Хэйшуй и проблема этнической принадлежности "амурских чжурчжэней". *Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР*. Владивосток: 51-62.
- Шавкунов Э.В. 1987. Еще раз об этимологии этнонима монгол. *Древний и средневековый Восток*. М.: 165-171.
- Шавкунов Э.В. 1990. *Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Шавкунов Э.В., Васильев Ю.М. 1989. Покровская культура Приамурья: проблемы датировки и этнической интерпретации. *Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья*. Препринт. Владивосток: 16-22.
- Шавкунов Э.В., Деревянко А.П. 1964. Народы советского Дальнего Востока во второй половине I тыс. н.э. (до образования государства Бохай). *Материалы по древней истории Сибири*. Т. 1. Улан-Удэ: 553-565.

Ю.М. Васильев

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Не совсем правильно, видимо, разделять оружие на оборонительное и наступательное, оно равно использовалось при нападении и защите: оборонительные мечи или топоры нам не известны. Оружие оно и есть оружие, и, естественно, всегда применялось для достижения успешного результата. Другое дело защитное снаряжение - доспехи, шлемы, щиты. Однако в определенных условиях, и оно могло служить наступательным оружием. Сейчас нам хорошо известны различные виды рукопашного боя. И мы прекрасно знаем, что и руки, и ноги были неплохим оружием. Главное - умение владеть им.

Довольно сложно судить по материалам погребений о разнообразии и количестве оружия в различные исторические эпохи. Какое-то оружие по традиции могли просто не класть в могилу, как, например, мечи: сакральное значение их известно по фольклорным материалам. Во многих случаях мечи передавались по наследству - от отца к сыну. Иногда сородичи из соображений собственной безопасности нередко намеренно "не вооружали" мертвеца, так как порча оружия не всегда могла создать должный эффект. Хотя иногда, видимо, достаточно было положить в могилу оружие в ножнах, колчане или в чехле. А при проведении обряда обезвреживания (экзгумашей) оружие попросту нередко изымали или дополнительно портили.

Холодное оружие делится на несколько видов: *ударное* (булава, палица), *колющее* (копье, пика, меч-кончар), *рубящее* (топор, меч, некоторые виды сабель), *колюще-рубящее* (палаш, сабля,), *колюще-режущее* (нож, кинжал). Однако рассмотрим его по встречаемости в погребениях.

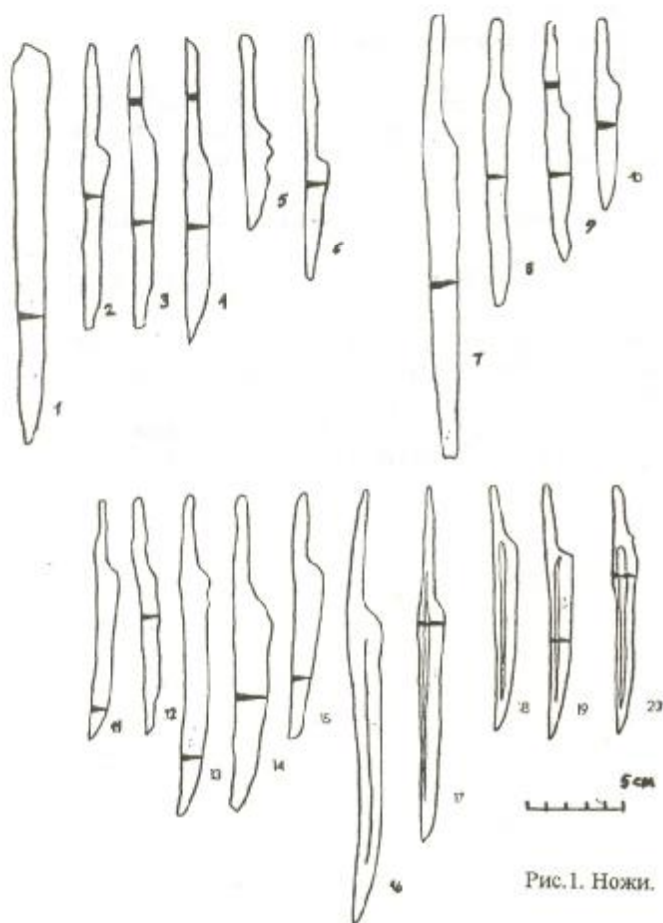

Рис. 1. Ножи.

1. с прямыми клинком и спинкой (рис. 1, 1-6),
2. с выпуклой спинкой и прямым лезвием (рис. 1, 7-10),
3. с вогнутой спинкой и выпуклым лезвием - саблевидные (рис. 1, 11-20).

Определенный интерес в третьем типе представляют ножи с желобками-долами, находящимися с одной стороны, в основном, правой (рис. 1, 16-20). На могильнике Луданникова Сопка найден всего один такой нож (курган № 49). Немного их есть в Корсаковском могильнике, больше всего в Надеждинском, Болоньском и Краснокуровском. Желобки-долы предназначались, видимо, не только для увеличения жесткости клинка, но и для более прочной кузнечной сварки полос пакета. Эти ножи ковали, по-видимому, из трех полос, что удалось установить по небольшому участку лезвия ножа из кургана № 7 Краснокуровского могильника. В результате воздействия высокой температуры при кремации (1100°C) лезвие расщепилось на три части.

Все ножи имели универсальное назначение. Длина клинков без черенка колеблется от 6 до 26 см, ширина 1-1,4 см, сечение клиновидное. Наиболее часто встречаются ножи длиной 9-11 см. Более длинные и более широкие, чем 1,4 см редки. Вполне возможно, что ножи, отличающиеся большей длиной, могли служить в качестве охотничьих или боевых.

Изредка у некоторых ножей клинок может быть несколько выгнут в сторону. До недавнего времени подобные ножи встречались у нанайцев: ими строгали дерево по направлению к себе (Сем 1973: 127).

Черешки ножей представляют прямое продолжение спинки. Они могут быть прямые или слегка отогнутые книзу, особенно у ножей третьего типа. Есть несколько ножей, отличающихся при небольшой длине (7-9 см) особо длинными черешками. У отдельных ножей ручка насаживалась прямо на тыльную часть клинка (Назаичевский могильник, погребение № 15). Заметим, что в памятниках Приморья ХП-ХІІІ вв. ножи совершенно иные (Леньков 1974: 122-123).

В погребениях ножи располагаются в районе пояса, на груди, около головы, в ногах, иногда под сосудами. В одном погребении их может быть от одного до трех, причем одинаковых размеров. Ножи нередко находились в ножнах - берестяных, кожаных, деревянных, матерчатых, -

Ножи.

После керамики это наиболее часто встречающаяся категория вещей. В этом нет ничего удивительного, так как ножи имели наиболее универсальное хозяйственно-бытовое назначение и были самым распространенным орудием труда, которым пользовались и мужчины, и женщины, и дети (Плетнева 1967: 79). Судя по всему, в рассматриваемый период специализации ножей, свойственной более позднему времени, не было. Один и тот же нож применялся для приготовления пищи, разделки туш животных, снятия шкур, потрошения рыбы и дичи, строгания дерева, раскряса кож, бересты и для многого другого.

Количество ножей в различных могильниках неодинаково. Так, в Корсаковском из 150 погребений они есть в 65, в Надеждинском - в 62 из 150, в Дубовом - в 8 из 18, в Западной группе Луданниковой Сопки в 41 из 96, в Восточной группе Луданниковой Сопки в 3 из 24, в Южной группе в 3 из 12, в Протоке Быстрая из 28 - 8, в Назаичевском могильнике всего один нож на 21 раскопанное погребение. Таким образом, примерно в 50% погребений есть ножи.

По форме клинка все ножи можно разделить на три типа:

от которых сохранились либо пропитанные окислами железа остатки их, либо какие-то детали. Вообще же всякий острый, режущий предмет охранял от злых духов. У якутов бытовало поверье: "Чтобы отпугивать чертей, мучающих во сне, хорошо прятать под постель нож, ножницы, вообще какие-нибудь железные режущие инструменты..." (Серошевский 1896: 637).

Каких-либо закономерностей в направлении лезвий и острия ножей в погребениях нет - они различны, ведь большинство погребений преднамеренно разрыты в древности.

Боевые ножи (кинжалы).

Оговорим сразу, что кинжалы - обоюдоострое колюще-режущее оружие - в могильниках покровской культуры пока не найдены. Существует небольшое количество длинных однолезвийных ножей с прямой, выпуклой или вогнутой спинкой (рис. 2), которые могут быть отнесены к боевым.

Особый интерес представляет нож, найденный в деревянных ножнах рядом с бронзовой ложкой в погребении кургана № 4 Анюйского могильника (рис. 2, 6). Сомнений в боевом предназначении этого ножа нет. Общая длина его 312, ширина 18 мм. У него длинная (134 мм) полая рукоять, украшенная группами поперечных и косых насечек. Рукоятка и навершие овальной формы крепились на ноже расклепыванием черешка. Точно такая же рукоять в разобранном виде найдена на городище Музиза на р. Бикин.

Рис. 2. Боевые ножи (кинжалы). Корсаковский могильник (1-2), Болоньский могильник (3), Надеждинский могильник (4), Краснокуровский могильник (5), могильник Анной, Половина (6).

Топоры.

Топоры - довольно редкая находка в могильниках Дальнего Востока России. Объясняется это, вероятно, какой-то специфической чертой погребального обряда: нельзя полагать, что топор не применялся в повседневной жизни. Гробы, изготовленные из тесаных досок, дрова для костра и очагов, столбы для помостов и проч. - свидетельствуют о широком использовании топоров. К тому же строительство больших жилищ-полуземлянок без топора вообще невозможно, равно, как и без лопаты.

Все рабочие топоры найдены в грунтовых, а боевые (за исключением одного) - в курганных могильниках. Из 12 топоров 10 принадлежат Надеждинскому могильнику (Медведев 1977). Делятся они на три типа.

I тип - с удлинённым, слегка расширенным лезвием (рис. 3, 1-4) имеет относительно небольшой обух, прямой или зауженный. У некоторых топоров он расплюснут. Длина их 150, 152 и 165 мм (см. таб.). Проушина подпрямоугольной формы, не более 40 мм длиной и 27 шириной.

II тип - небольшие колуновидные топоры (рис. 3, 5-8). Короткие, относительно толстые, с прямоугольной проушиной.

III тип. Топоры универсального назначения (рис. 3, 9-10). Маленькие, с прямым или закругленным расширяющимся лезвием. Они могли использоваться и как небольшие плотницкие топоры и как боевые. Последнее в большей степени относится к топору под № 9, имеющему несколько вытянутый обухок.

Боевой топор - рубящее оружие ближнего боя, обладающее большой проникающей силой. В отличие от рабочих у боевых меньшая масса и более вытянутая форма. Вряд ли можно согласиться с характеристикой топоров Надеждинского могильника, данной В.Е.Медведевым, относящим все топоры, кроме колуновидных, к топорам хозяйственно-боевого назначения. Споры нет, в случае необходимости в бою мог сломаться любой топор. Но наличие специализированных боевых топоров-чеканов все-таки свидетельствует о разделении топоров по назначению. Вряд ли воин-профессионал, бережно и заботливо относившийся к оружию - ведь от него нередко зависела жизнь, - стал бы использовать топор-чекан не по прямому назначению.

Топоров-чеканов найдено всего четыре. Все они высокообушные и представляют собой три разновидности.

Топор № 1 из погребения № 91 Надеждинского могильника (рис. 3, 11). Длина его 130, ширина лезвия 40, обуха 22, ширина в районе проушины 22, толщина 24 мм. Проушина прямоугольной формы, молотковидный обухок расплюснут. Последнее обстоятельство дает основание усомниться в его боевом назначении.

Топор № 2 из кремации кургана № 5 Озерной группы Луданниковой Сопки (рис. 3, 12). Откован он несколько небрежно. Длина топорика 95, ширина в районе проушины 13, толщина 18 мм. Проушина прямоугольной формы (17x5 мм) расположена не симметрично к центру. Лезвие у него 29 мм, острый обухок - 23 мм.

Топор № 3 найден в кургане № 56 Краснокуровского могильника (рис. 3, 13). Длина его 107 мм, ширина лезвия 38 обухка - 18 мм. Обухок заужен до толщины в 6 мм, лезвие расширяющееся овальное. В районе проушины топорик расширяется до 21 мм. Проушина прямоугольная (7x24 мм) с округленными внутренними торцевыми сторонами. Спереди округлен только верхний торец, а нижний - плоский. По обуху и верхним граням чекана сделаны насечки.

Топор № 4 из погребения № 2 могильника Протока Быстрая (рис. 3, 14). Это уникальное изделие средневековых оружейников. Топорик-чекан имеет молотковидный обухок и расширяющееся лезвие (35 мм). Длина топорика 92 мм, ширина в области проушины 17, толщина 23 мм. Обухок в сечении 16x14 мм. Насад втулчатый: железная втулка диаметром 15 мм впрессована в круглую проушину и выступает в сторону рукоятки на 21 мм. Внутренний диаметр втулки 10 мм, и снизу она частично обломана. Тонкая рукоятка чекана была расклинена в проушине длиной (80 мм) шпилькой со щитком-упором яйцевидной формы. Внутренний конец шпильки заострен, внешний - плоский с небольшим отверстием.

В районе проушины на левой и правой боковых гранях топор украшен солярной эмблемой: парными округлыми полукруглыми лепестками, обращенными спинками друг к другу. Между ними - выпуклое ребро. Все эти полукружия заключены между парными параллельными ребрами, опоясывающими топор выше и ниже проушины, причем одно полукружие продолжается вниз за ребра. Таким образом, получается "круг", пересеченный двумя ребрами. С передней и тыльной сторон топора из-под парных ребер выходят также по два узких округлых "лепестка". В 8 мм ниже "круга" - еще два параллельных ребра (шириной 2,5-3 мм). На них вершинами друг к другу нанесены углы (зигзаги), образующие вместе ромбы. Ниже ребер - прорезной трилистник. Сами ребра украшены жемчужником.

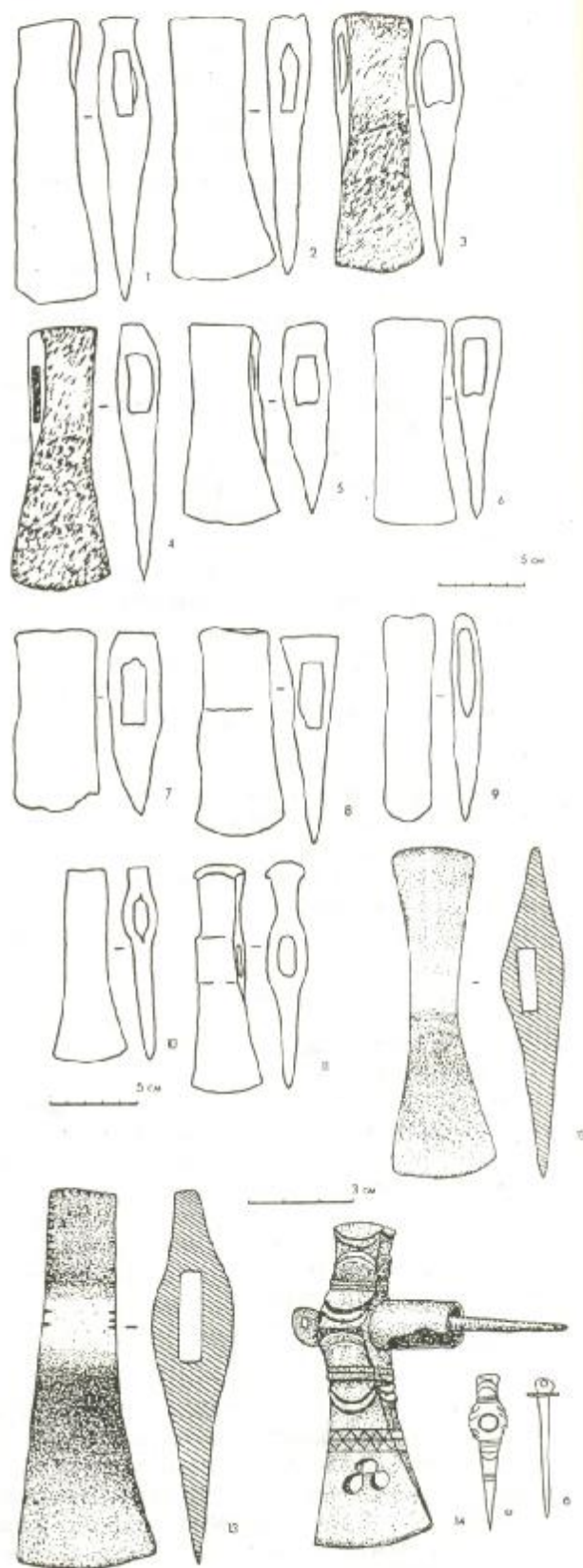

Рис. 3. Топоры. Надеждинский могильник (1-7, 9-11). Болонский могильник (8), Озерная группа Луданиковой сопки (12), Краснокуровский могильник (13), протока быстрая (14; а - вид спереди, б - шпилька).

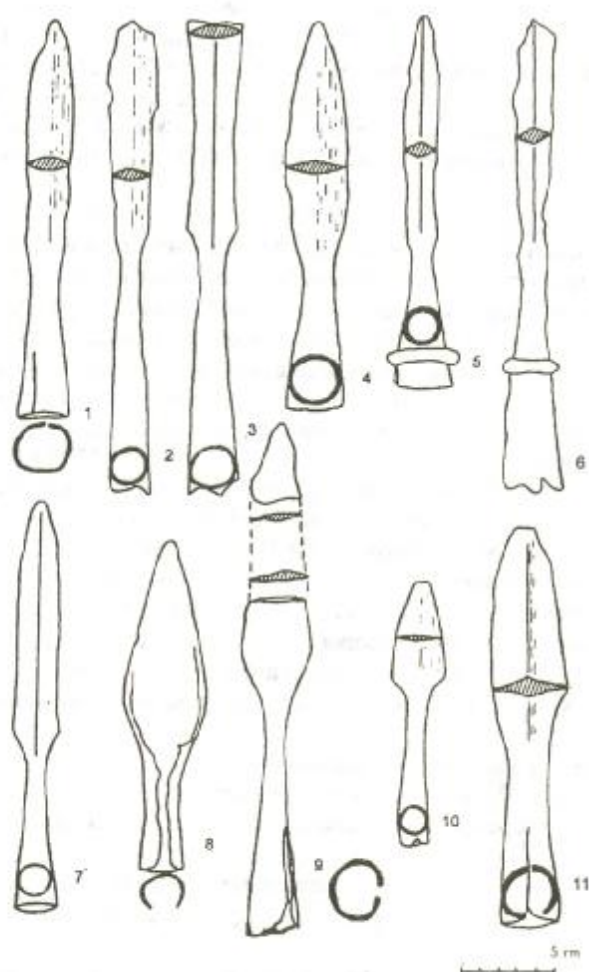

Рис. 4. Наконечники копий. Надеждинский могильник (1, 4, 8, 10), Корсаковский могильник (2-3, 5-6, 9), Краснокуровский могильник (7), Болоньский могильник (11).

I тип. Ланцетовидные. Их два вида. Первый представлен двумя наконечниками: из погребения № 29 Корсаковского могильника и одним из Надеждинского (рис. 4, 1-2). У одного из наконечников есть четко выделенные плечики (Корсаковский), у другого перо плавно переходит в насад.

Второй вид представлен одним наконечником из погребения № 54 Корсаковского могильника (рис. 4, 3). Это ланцетовидный удлиненный с зауженным пером и четкими вогнутыми плечиками наконечник. Втулка-насад имеет зубчатый низ - два треугольных выреза (по юбочке). У наконечника обломано острие. Длина пера, видимо, 200 мм (сохранившаяся часть 130 мм), длина насада 125, диаметр 24 мм. Толщина ромбовидного в сечении пера 8 мм. Такие наконечники есть в Троицком могильнике (Деревянко 1977: таб. XVI, 2, 10). Наконечники копий с пером подобного строения, но с другим насадом встречены на Шайгинском городище (Шавкунов 1983: 95-96 рис. 6). Два таких наконечника есть в фондах Хабаровского краеведческого музея, но место находки их неизвестно. Судя по характерным повреждениям, они из могильника.

II тип. Лавролистный (рис. 4, 4). Найден в Надеждинском могильнике. Длина его 210, ширина пера 34, длина 130 мм. Диаметр втулки 30 мм. Толщина пера 6 мм, сечение линзовидное.

III тип. Килевидные ромбического сечения (рис. 4, 5-7). Два наконечника найдены в Корсаковском могильнике (№№ 9 и 87) и один в Краснокуровском. У наконечника из погребения № 87 довольно плохая сохранность. Наконечники из Корсаковского могильника имеют разомкнутую втулку и кольцо-уплотнитель. К шейке перо у этих наконечников суживается. Наконечник из Краснокуровского могильника длиной 220, шириной 23 мм. Перо в сечении ромбовидное, толщиной 6 мм. Диаметр насада 25 мм.

Такой топорик-чекан мог являться и символом власти, но расположение погребения по отношению к другим, и его инвентарь, хотя и небедный (два сосуда тризны, четыре в погребении, 6 наконечников стрел, 3 халцедоновых галечки, нож, кресало и 8 рыболовных крючков), не свидетельствуют о какой-либо исключительности покойного. Однако тонкая круглая рукоять (10 мм) вызывает сомнение в боевом использовании чекана.

Судя по отчету Л.В. Звездина о раскопках на Дубовой релке, при строительстве Амурского железнодорожного моста были найдены три топора, но, к сожалению, в фондах Хабаровского краеведческого музея они не обнаружены: видимо, утрачены.

Наконечники копий.

Наконечники копий никак не могут быть отнесены к массовому материалу. Особенно редки они в курганных могильниках: всего один найден в Краснокуровском некрополе. В грунтовых же обнаружено девять: четыре в Надеждинском, пять и четыре обломка в Корсаковском и острие копья в Назанчевском. В то же время в Троицком могильнике обнаружено 45 наконечников (целых, обломанных и втулок) (Деревянко 1977: 134).

Все наконечники втульчатые, кованые. Во втулках некоторых типов есть продольные щели (место соединения втулки насада) и отверстия для штырей-стопоров. Наконечников четыре типа.

IV тип. Ромбовидный (рис. 4, 8, 9). Найден в погребении № 148 Корсаковского могильника. Более половины пера обломано, причем, по-видимому, острие найдено здесь же в погребении. Вероятная длина 274, длина пера 150, ширина 38, толщина пера 4 мм, диаметр насада со щелью 30 мм. Шейка довольно узкая - 10 мм. К ромбовидным наконечникам можно отнести наконечник копья, сделанный весьма примитивно из полосы железа толщиной 1,5-2 мм (рис. 4, 8). Втулка согнута очень небрежно. Естественно, что ценность этого наконечника как оружия ничтожна. Это свидетельствует о чисто votивном назначении данного наконечника, т.е. специальном изготовлении для погребения.

V тип представляет собой, по-видимому, метательное копье, дротик, сулицу (рис. 4, 10). Этот треугольный с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками наконечник имеет в длину 144 мм. Длина пера 68, ширина 28 мм, диаметр насада 14 мм. Сечение - уплощенный ромб.

Копье было оружием, прежде всего конного воина и, кроме того, являлось охотничьей принадлежностью. В X-XI вв., несомненно, роль конницы в Приамурье не была последней. Возможность быстро передвигаться и покрывать большие расстояния (дневной переход до 50 и более км [Кирпичников 1973: 72]) имели большое значение. В этих условиях естественно выдвигание на первый план копья - главнейшего наступательного оружия (там же). По-видимому, не совсем верно мнение некоторых исследователей (Плетнева 1967: 160; Медведев 1977: 139) о вытеснении копий боевыми топорами. Во-первых, это оружие различного назначения. Во-вторых, в памятниках покровской культуры боевых топоров найдено еще меньше, чем копий. К тому же, находка топора вместе с наконечником копья в погребении № 92 Надеждинского могильника отнюдь не подкрепляет мысль о вытеснении одного вида другим. Обращаясь к памятникам ХП-ХШ вв. Приморья, без труда заметим, что наконечники копий здесь достигли высокого совершенства и существуют одновременно с боевыми топорами.

В погребениях наконечники копий располагались следующим образом.

Надеждинский могильник, погребение № 65: справа острием к ногам, вместе с колчанной портупеей и стрелами.

Корсаковский, погребение № 29: острием вдоль могилы к востоку.

Корсаковский, погребение № 54: слева на мече, острием вдоль оси к ногам.

Надеждинский, погребение № 72: рядом с черепом и станковым сосудом, острием на северо-восток.

Корсаковский, погребение № 148: в юго-юго-западной части могилы (разрытой).

Корсаковский, погребение № 9: около черепа, слева, острием на северо-северо-запад (вдоль оси).

Корсаковский, погребение № 87: слева, параллельно плечевой кости, острием на северо-запад.

Краснокуровский, курган № 7: в железном котелке, острием на северо-запад (вместе с остатками кремаций).

В Надеждинском и Краснокуровском могильниках наконечники копий найдены целые. В первом, видимо, древки были сломаны. В Корсаковском могильнике, за исключением одного, все имеют обрубленное острие. Есть в могилах только одни острия - в центральной части или в области груди покойного. Один наконечник копья, намеренно сломанный в районе шейки, найден на Амуре (адрес его, к сожалению, неизвестен).

Мечи.

Принадлежат к редким находкам: два - в Западной группе Луданниковой Сопки, один - в Анойском, три - в Надеждинском, два - в Корсаковском могильниках. Один меч с изогнутым саблевидным клинком был найден в 1913 г. при обследовании могильника Дубовая Релка В.К. Арсеньевым и Л.И. Звездиным. Об этом мече В.К. Арсеньев писал в отчете о раскопках могильника Дубовая релка: "японцы установили, что меч японский" (Архив Общества изучения Амурского края, ф. 108, оп. 1, № 84, с. 7). Однако последние наши исследования исключают этот меч из средневековых материалов, так как оказалось, что в материалах этого могильника попали вещи из более поздних погребений (XIX в.). К тому же, именно такие мечи и встречаются в них.

Обнаружены обрубки мечей в Назаичевском и Корсаковском могильниках. Все мечи однолезвийные, с прямой полосой и концом, заостренным с одной стороны, нередко косо "срубленным" под углом 40-45° и заточенным. Нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, считающих такие мечи палашами (Деревянко 1977; Медведев 1977; Худяков 1980). Палаш - это длинная прямая сабля с *двусторонней заточкой конца*. Этой отличительной чертой у мечей из могильников покровской культуры мы не находим. Единственным палашом можно считать меч из кургана № 23 Западной группы Луданниковой Сопки.

По форме клинка можно выделить четыре типа мечей.

Тип I. Небольшие мечи с несколько выгнутой спинкой и суживающимся к концу лезвием. Два меча найдены в Надеждинском могильнике (рис. 5, 1-2). Роль гарды выполняла обойма подтреугольной формы, которая закрепляла деревянную рукоять. На пята клиновидного черена рукоятка фиксировалась эллипсовидным навершием гладким или же с радиальными насечками. Длина мечей 420 и 465 мм, ширина 25 и 35 мм. Сечение клиновидное.

Тип II. Палаш (рис. 5, 3). Найден в погребении воина в кургане № 23 Западной группы Луданиковской Сопки. Длина его 746, ширина 33, толщина 5-6 мм. Меч был в ножнах, поэтому сильно коррозирован. Сечение клиновидное, но конец имеет *обоядоострую заточку*, черен короткий, заостренный с двух сторон. Деревянная рукоять была скреплена бронзовой обоймой яйцевидной формы с насечками по краям.

Тип III. Прямые однолезвийные мечи с клиновидным сечением полосы (рис. 5, 4, 5). Длина сохранившейся части клинка обломанного меча из погребения № 54 Надеждинского могильника - 450, ширина полосы 30 мм. Яйцевидная железная гарда имеет отверстие, соответствующее обойме, одетой на клинок перед эфесом. Заканчивалась рукоять длинной железной обоймой с овальной головкой.

У второго меча суживающийся к концу клинок имеет овальную заточку острия (рис. 5, 5). Длина его 725, ширина 25-26 мм. Гарда яйцевидной формы с овальными зубчиками. Перед ней на клинке насажена обойма. За гардой - длинная обойма каплевидной формы. Елмань - железная обойма, глухая с тыльной стороны со скошенным окончанием. На черешке есть штырь-заклепка с двумя шляпками ромбической формы. У мечей этого типа конец обычно заточен под 45° (рис. 5, 6).

Тип IV. Мечи прямые однолезвийные с пятиугольным сечением клинка (рис. 5, 7-9). Сюда относятся обрубки мечей, найденные в Корсаковском (погребения № 15, 19, 51а, 70, 73, 76, 78, 277, 285) и Назанчевском (погребение № 10) могильниках.

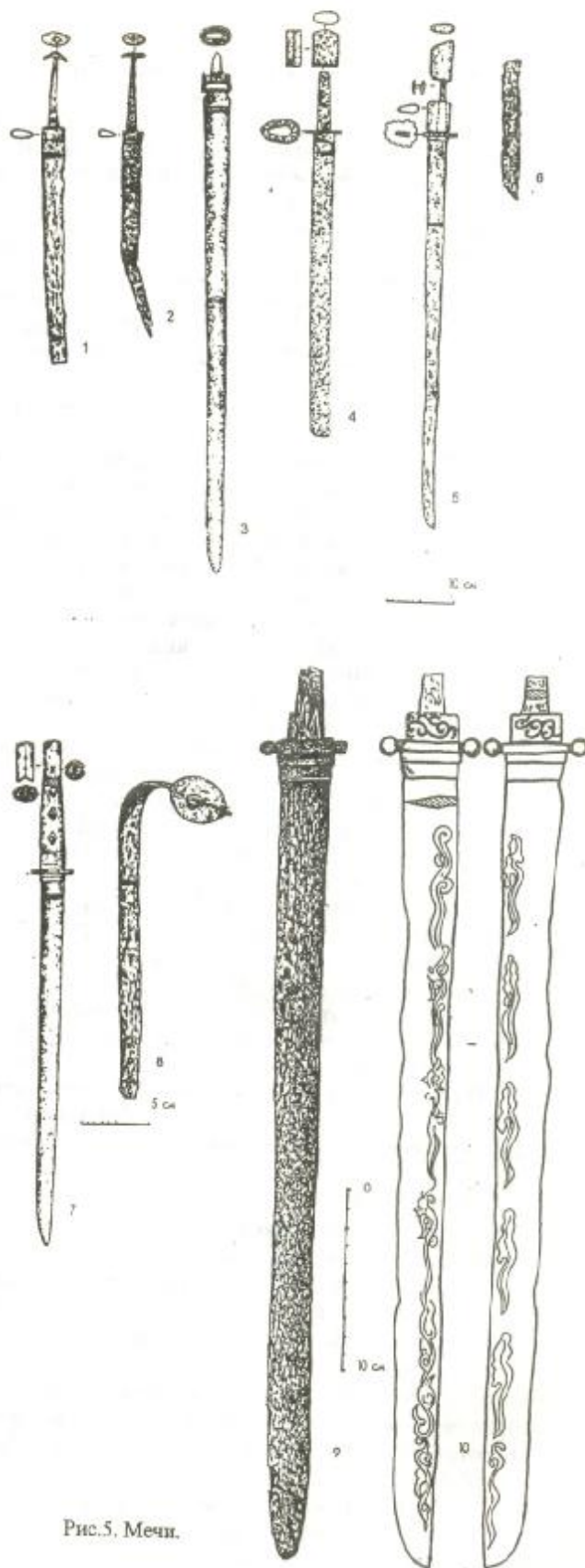

Рис. 5. Мечи.

Надеждинский могильник (1, 2, 8), Западная группа Луданиковской сопки (3, 7), Корсаковский могильник (4, 5, 6), могильник Анной, Половинка (9, 10).

Меч из кургана № 29 Западной группы Луданниковой Сопки (рис. 5, 7) был обнаружен в погребении с колчаном (36 наконечников стрел), его портупеей и удилами. Меч находился в ножнах, на сохранившейся части которых есть следы перекрещивающихся шнуров. Длина клинка 543, ширина 30-33, толщина 5-7 мм. Гарда - железная пластина яйцевидной формы. На ней крестообразно расположены четыре группы из трех ромбовидных отверстий ("трилистники"). Спереди и сзади гарды - железные обоймы с кольцевидными опоясывающими бороздками. У меча достаточно длинная (190 мм) рукоять. В трех местах она проклепана сквозными железными штырьками с ромбовидными шляпками. Оканчивалась рукоять железным цилиндрическим навершием, состоящим из двух половин с парой ромбовидных прорезей сверху и снизу.

Целый преднамеренно изогнутый меч обнаружен в погребении № 56 Надеждинского могильника (рис. 5, 8). Общая длина его 850, ширина 35, толщина 6 мм. Заточка конца несколько схожа с финским ножом, но, возможно, это следствие коррозии. У округлой гарды слева есть отверстие, напоминающее по форме *когай хицу* в цубах японских мечей (Спеваковский 1981: 122, рис. 22, Ш). В плоском черене сохранились два штырька-заклепки с бронзовыми ромбическими шляпками на концах.

Особый интерес представляет меч, найденный в кургане № 2 Аппойского могильника (рис. 5, 9). Погребение, видимо, принадлежало родовому или племенному вождю. Меч находился в деревянных ножнах, обтянутых тонкой серебряной фольгой, ставшей чрезвычайно хрупкой за время нахождения в могиле. Фольга покрыта точечным орнаментом: сетка с ромбическими ячейками. Длина клинка 443 мм (общая 488 мм), ширина 29, толщина 8 мм. Меч сильно проржавел. В слое коррозии была обнаружена инкрустация, нанесенная золотой проволокой на обе стороны клинка. Только рентгеновский снимок позволил полностью выявить рисунок. На левой стороне это пламевидные узоры, а на правой - несколько лоз (рис. 5, 10). Перед гардой и позади ее - железные обоймы. Задняя украшена серебряной аппликацией - стилизованной лозой. Техника исполнения ее близка аппликациям уздечных блях из того же погребения.

Кроме мечей и их обрубков в могильниках встречаются и различные детали их: навершия, обоймы, заклепки и части рукояток. Очень интересны находки, сделанные в Корсаковском могильнике (Медведев 1982: 112, 116) (погребения № 182, 365). Это позолоченные хомутки-набойки, через которые продернут ремень с бронзовыми золочеными бляшками и пряжкой. Оба хомутка прибиты к деревянной основе, причем, у изделия из погребения № 365 с противоположной стороны есть фигура рыбки. В.Е. Медведев трактует эти вещи как "пайцзы". По нашему мнению, это детали ножен мечей с частью портупей. Могли быть они и деталями колчана, натуच्या, но никак не пояса. Части подобных изделий есть в раннесредневековом Согде (Распопова 1980: рис. 63, 31), в Троицком могильнике (Деревянко 1977: таб. XX, рис. 1, 2, таб. XLII, рис. 21) и у кыргызов (Евтюхова 1947: рис. 98).

После изложенного выше возникает вопрос: имеет ли холодное оружие местные корни или же является импортным? В подавляющем большинстве мечи, вероятно, импортного производства, связанного с тюркским миром. К мечам местного изготовления можно отнести, видимо, только мечи третьего типа.

Топоры-чеканы не имеют ничего общего с топорами из чжурчженских памятников Приморья. Более близки они центрально-азиатским образцам. Своеобразием отличаются и ножи, особенно боевые. Сомнений в местном изготовлении их, равно как и копий, не возникает.

ЛИТЕРАТУРА

- Деревянко Е.И. 1977. *Троицкий могильник*. Новосибирск: Наука.
- Евтюхова Л.А. 1947. *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан.
- Леньков В.Д. 1974. *Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища)*. Новосибирск: Наука.
- Кирпичников А.В. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв.* Л.: Наука (Свод археологических источников, Е № 36).
- Медведев В.Е. 1977. *Культура амурских чжурчженей. Конец X-XI век*. Новосибирск: Наука.
- Медведев В.Е. 1982. *Средневековые памятники острова Уссурийского*. Новосибирск: Наука.
- Плетнева С.А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. М.: Наука (МИА, № 142).
- Распопова В.И. 1980. *Металлические изделия раннесредневекового Согда*. Л.: Наука.
- Сем Ю.А. 1973. *Нанайцы*. Владивосток.
- Серошевский В.Л. 1986. *Якуты*. Т. 1. СПб.
- Спеваковский А.Б. 1981. *Самурай - военное сословие Японии*. М.: Наука.
- Худяков Ю.С. 1980. *Вооружение енисейских киргизов VI-XII вв.* Новосибирск: Наука.
- Шавкунов В.Э. 1983. *Комбинированные копья чжурчженей. Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 92-97.

НАСЕЛЕНИЕ ДОЛИНЫ Р. СУЙФУН В ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Цель настоящей работы, основанной на результатах археологического обследования среднего течения бассейна р. Суйфун, рассмотреть основные этапы освоения долины реки с древности до начала государственного периода. Попытаться проследить изменения в структуре расселения и ландшафтной приуроченности поселений на различных хронологических срезах, понять их причины и связь с эволюцией хозяйственной стратегии древнего населения. Хронологические рамки работы обусловлены с одной стороны количеством и качеством имеющихся археологических источников, с другой стороны, важностью исследования предгосударственного периода на территории Приморья.

Река Суйфун (Субинь=Шуайбинь=Сюйпин=Чоубинцзян=Суйфун=Раздольная), образуется слиянием двух рек – Сяосуйфэньхэ (длиной 169 км) и Дасуйфэньхэ (длиной 148 км), бассейны которых расположены в пределах Восточно-Маньчжурского нагорья на территории КНР. В гидрографическом отношении р. Суйфун принадлежит к бассейну Японского моря. Общая длина реки 245 км, по территории России она протекает на протяжении 191 км. Общая площадь бассейна 16 830 кв. км, в пределах России 6 820 км. Общее падение реки 880 м, средний уклон ее 2,13% (в пределах России 0,45%). Рассматриваемый участок бассейна Суйфуна, где река протекает в меридиональном направлении, расположен в континентальной зоне Южного Приморья. Этот участок реки может быть разделен на две части, каждая из которых отличается своими физико-географическими условиями.

На протяжении первой части долины, от российско-китайской границы до с. Чернятино, русло реки умеренно извилистое, слабо разветвленное, ширина долины меняется от 0,2 до 5 км, по течению имеются естественные стеснения русла, которые сменяются расширениями.

Вторая часть реки, от с. Чернятино и до с. Красный Яр характеризуется асимметрией, на отдельных участках ярко выраженной – с одной стороны относительно высокая периодически затопляемая пойма, с другой стороны высокий берег из коренных пород. Ширина долины меняется от 3 до 10 км.

На всем протяжении долины реки и притоков сильно террасированы. Выделяются низкая пойма (0,3-0,5 м), высокая (0,5-3 м) и надпойменные террасы: первая (3-6 м), вторая (7-10 м), третья (12-16 м), четвертая (17-30 м) и пятая (35-80 м).

Общая картина распределения археологических памятников связана определенными геолого-геоморфологическими особенностями строения долины р. Суйфун, верхняя и средняя часть которой проходит через древнее Борисовское базальтовое плато. Фактически долина Суйфуна представляет собой две разных страны – верхнюю (поверхность плато) и нижнюю (пойменная часть долины).

Вертикальный пространственный профиль ландшафтов среднего течения р. Суйфун подразделяется на три основных компонента – поверхность плато, склоновые ландшафты и пойменные. Опорными на протяжении всей долины являются именно пойменные ландшафты – как самые биологически продуктивные и с одной стороны, и как самый нижний компонент вертикального пространственного профиля – замыкающий вещественно-энергетический каскад. Благодаря хорошо развитым протокам с просторными долинами и наносными глубоко гумусированными почвами, земли в долине реки являются наиболее плодородными в крае.

Археологическое изучение бассейна р. Суйфун началось с 1858 г., когда военный топограф Флоренский составил первый план древностей в окрестностях г. Уссурийска (Коляда, Кузнецов 1997:6). Вслед за Флоренским окрестности Уссурийска посетили Лопатин (1864, 1869) и Пржевальский (Пржевальский 1870). В 1870 г. по заданию ИРГО во главе специальной историко-этнографо-археологической экспедиции в Приморье появляется П. Кафаров (Кафаров 1871). Дальнейшее исследование этого района связано с именами членов ОИАК, В.П.Маргаритова, Л.А.Кралоткина, Ф.Ф.Буссе (Буссе 1908), а позднее с именами А.З.Федорова (1916) и В.К. Арсеньева (1922).

В 1950-х годах, после образования Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П.Окладникова были проведены раскопки на территории Южно-Уссурийского (Забелина 1955) и Красноярского (Окладников 1959; Воробьев 1959) городищ, разведочные работы на Западно-Уссурийском городище (Забелина 1960), проведены раскопки поселения

Кроуновка I (Чапигоу) и Сенькиной Шапки (Окладников 1959). В конце 1950-х гг. Э.В.Шавкуновым были обследованы и частично раскопаны остатки буддийских храмов бохайского времени в долине р. Кроуновка и проведены разведки в долине р. Кроуновки и Борисовки (Шавкунов 1961). В 1972 г. В.Е.Медведевым в районе с. Борисовка, были проведены раскопки остатков бохайского буддийского храма (Медведев 1998). С начала 1970-х гг. в бассейне р. Суйфун проводили исследования сотрудники Института истории (А.В.Гарковик, В.А.Хорев, В.И.Болдин, Л.Е.Семенченко, И.С.Жушиховская, Ю.Е.Вострецов, А.Л.Ивлиев, Ю.Г.Никитин, Н.Н.Крадин), ДВГУ (Д.Л.Бродянский, А.А.Крупяно, Ю.В.Кривуля, П.Л.Семи), УГПИ (А.М.Кузнецов, В.А.Лыньша, А.В.Мерзляков). Большой вклад в археологическое изучение этой территории был сделан членами детского археологического клуба "Резерв" г. Уссурийска под руководством А.Л.Мезенцева и Д.Ю.Бровко. За несколько лет ими были обследованы окрестности г. Уссурийска и открыто много интересных археологических памятников.

С 1994 г., когда мы начали проводить сплошное пешее археологическое обследование долины р. Суйфун, была не только обследована большая ее часть, но и проведены раскопки, направленные на уточнение хронологии отдельных памятников. В результате этих усилий обнаружено более 250 новых археологических памятников, относящихся к различным культурно-историческим эпохам, начиная с эпохи верхнего палеолита и заканчивая поздним средневековьем. Многие памятники содержат культурные слои сразу нескольких эпох, поэтому при изучении различных этапов заселения рассматриваемой территории можно оперировать минимум 360 памятниками.

При проведении полевых работ нами были использованы методы "археологии поселений" (Willey 1953), которые включают в себя особые приемы картографирования археологических памятников с использованием сплошного археологического обследования территории и тестирования памятников.

Методически такой подход к изучению древних поселений выражается в использовании нескольких уровней анализа – от исследований в рамках отдельного поселения до исследований в границах всего региона. Оказалось, что подобные исследования требуют намного больших по масштабу работ, особенно в сочетании с раскопками. Поэтому, разбив всю долину р. Суйфун на отдельные участки, мы попытались достичь регионального уровня исследования, обследуя ее по частям.

Методы пространственного анализа были применены для нескольких хронологических срезов, на каждом из которых была определена группа археологических памятников, предположительно относящихся к одной археологической культуре.

К древнейшим на рассматриваемой территории относятся памятники с каменным инвентарем палеолитического облика, расположенные в основном на останцах базальтового плато, высотой 70-100 м. Почти на всех этих местонахождениях культурный слой невыражен или отсутствует полностью, органических остатков не сохранилось, археологический материал получен

странения зайсановской культуры. Основанием для такого вывода послужили материалы были полученные при исследовании нижней части культурного слоя поселений Кроуновка 1 и Сенькина Шапка (Окладников 1959, Бродянский 1987). Информация, полученная в последние годы при исследовании вновь открытых памятников, достаточно ограничена, а большинство коллекций содержат фрагментированный и часто невыразительный археологический материал, не позволяющий уверенно дифференцировать его в культурно-хронологическом отношении.

Вместе с тем, территория бассейна р. Суйфун в физико-географическом отношении близка к зоне распространения культурных традиций Северо-восточной Манчжурии, и есть определенное сходство материалов памятников долины р. Суйфун с культурой Дасиншу (Чжан Тайсян 1982) и культурами эпохи палеометалла Северо-восточного Китая (Nelson 1995).

Безусловное увеличение количества памятников по сравнению с предыдущей эпохой, при той же изученности территории, несомненно свидетельствует об значительном росте населения долины, а приуроченность поселений убедительно показывает, что эксплуатируемая территория существенно расширилась за счет освоения склоновых и пойменных ландшафтов.

Эпоха палеометалла представлена также двумя группами памятников довольно резко отличающихся друг от друга по выбору места. Первая группа насчитывает несколько поселений, расположенных на господствующих, иногда трудно доступных высотах с хорошим обзором недалеко от русла Суйфуна. На четырех памятниках: поселениях Синельниково I (III), Сенькина Шапка (II), Ново-Георгиевка 3 (II), Чернятино 3, расположенных на вершинах (уплощенных площадках) крутых отрогов, наиболее уязвимые направления со стороны седловины или перешейка защищены простыми фортификационными сооружениями, причем, на трех памятниках валом и рвами были огорожены лишь самые оконечности выдающихся к реке мысов. Площадь таких памятников составляет в среднем 1100 – 2500 м². Мощност и насыщенность культурного слоя эпохи бронзы в пределах огороженной части на некоторых памятниках весьма значительна, а на двух из них культурный слой зафиксирован и за ее границами. Памятники отмечают наличие своеобразной керамики, не характерной для более раннего времени (Клюев, Никитин 1998:104).

К другой группе относятся поселения большей площади 9 – 15 тыс. м², расположенные на первой или второй надпойменных террасах: Чернятино 2 (II), Константиновка 8(II),10(II). Эти памятники характеризуются мощным культурным слоем, весьма насыщенным не только артефактами, но и сохранившимися, благодаря плотным супесчаным наслоениям более поздних эпох, органическими остатками.

Такая двойная система поселений, относящихся к одной археологической культуре – небольшие укрепления на высотах, с четко выраженной подконтрольной территорией с одной стороны и, относительно большие долговременные поселения в долине с другой стороны, вероятно, свидетельствует о том, что на раннем этапе эпохи палеометалла в долине р. Суйфун появляется новая группа населения, которой было необходимо выбрать место для поселений. Возможно, что стратегия такого выбора определялась, в том числе и наличием определенного конфликта между пришельцами и аборигенным населением. В определенной степени такой вывод подтверждается анализом обнаруженных в Приморье ранних бронзовых изделий, исследуя которые Л.В.Конькова пришла к выводу об их импортном характере и возможности переселения отдельных групп носителей знаний о металле в Приморье (Конькова 1989:41).

Исходные точки таких миграций, вероятнее всего были расположены в северо-восточной части ареала распространения памятников культуры *нижнего слоя сяцзядянь* (Алкин 1998:104) в Манчжурии. Укрепленные сооружения этой культуры не только схожи с суйфунскими укреплениями своими защитными сооружениями, но и располагались в таких же труднодоступных местах с обязательными естественными скальными обрывами (Алкин 1998:106). Еще одним фактором, увеличивающим подобное сходство, является концентрация укрепленных поселений на сравнительно небольшой территории, что фактически создавало целый укрепленный район (Алкин 1998:106).

Эпоха раннего железного века, обыкновенно подразделяемая в Приморье на три последовательно сменявших друг друга культурно-хронологических периода: янковский, кроуновский, польцевский (Окладников 1959, Андреева 1970, Бродянский 1983, 1987, 1996), в долине р. Суйфун представлена группой памятников, которые, несомненно, связаны с распространением земледелия и имеют общую культурную традицию. Изучение начального этапа раннего железного века связано с проблемой дифференциации в долине р. Суйфун континентального варианта янковской культуры, попытка выделения которой на этой территории осуществлена пока лишь в нижних горизонтах трех памятников – Кроуновка 1 (Бродянский 1983: 80), Новоникольск 7, Доброполье 12 (Мезенцев 1996). Чистых комплексов до сих пор не выделено, тем не менее, по аналогии с материалами исследований в центральном Приморье, ставится вопрос о

выделении памятников, отнесенных ранее к континентальному варианту янковской культуры в *анучинскую культуру*, с предварительной датировкой X–V вв. до н.э. (Бродянский 1996а: 138–139).

Стратиграфически, слой континентального варианта янковской культуры здесь так же не выделен, а вычленяется только в виде археологических комплексов с размытыми границами на памятниках с ярко выраженным кроуновским слоем (Окладников 1959). Более ярко, сочетания янковско-кроуновских признаков проявились в памятниках центральной части Приморья (Андреева, Ключев 1987; Бродянский 1996б). Сравнение этих материалов с материалами памятников западного Приморья, по мнению Д.Л.Бродянского, позволяет сделать "вывод о стадийном характере типов и признаков" (1996б) и, в итоге, выделить эту группу памятников в отдельную археологическую культуру – *анучинскую*.

С другой стороны, анализ археологических комплексов континентального варианта янковской культуры из памятников западного Приморья, в сравнении с материалами кроуновской культуры той же территории, позволяет предположить, что эти две культуры соответствуют двум этапам распространения земледельческого населения в Приморье, генетически связанного между собой. Первая, более ранняя и более слабая волна земледельцев, связана с "континентальным вариантом янковской культуры", вторая, более поздняя, с кроуновской культурой. По мнению китайского исследователя Сунь Цзиньцзи, янковская археологическая культура, предшествующая кроуновской и имеющая с ней генеалогические связи, должна быть культурой предков "северных воцзюй" (Сунь Цзиньцзи 1999).

Вместе с тем, ситуация скорее всего была более сложной, а янковская и анучинская культуры могли образоваться в результате наложения субстрата пришлого земледельческого населения на разную местную основу.

Начало интенсивного освоения долины р. Суйфун приходится на конец I тысячелетия, когда здесь появляются носители кроуновской культуры. К началу 2000 года в долине р. Суйфун зафиксировано 72 археологических памятника, относящихся к кроуновской археологической культуре. Все эти памятники – поселения, располагавшиеся на высоких пойменных (иногда первой надпойменной) террасах, в соответствии с величиной их площади разбиваются на 3 группы (ранга). К первому рангу отнесены самые крупные поселения с площадью 15–20 га. Ко второму рангу отнесены поселения с площадью 2–3 га, к третьему – поселения с площадью до 1,5 га. Определение величины гравитационной связи между памятниками позволило построить модель пространственного распределения поселений.

Анализ расположения кроуновских поселений, по отношению к сельскохозяйственным землям, сравнение размеров поселений и их групп при наложении всех этих данных на карту, позволил выявить основные тенденции в картине расселения в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Так, количество поселений по сравнению начальным этапом кроуновской культуры возрастает почти вдвое. При появлении кроуновцев в долине Суйфуна размеры большинства поселений были небольшими, площадью не более 1,5 га. Одновременная численность таких поселков не превышала 100 – 150 человек, а их распределение по долине носило неравномерно дисперсный характер. На отдельных участках долины характер расселения был несколько иным – компактными гнездами (Вострецов 1990: 72), когда вокруг одного центрального поселения, площадью 2 – 3 га, одновременно могло существовать около десятка мелких. Подобные скопления поселений выявлены в районе сел Кроуновка, Корсаковка, Черятино, Борисовка, Загородное, Доброполье.

Демографические подсчеты показывают, что в одном таком центральном поселении, как Кроуновка 1, могло одновременно проживать до 500 – 600 человек (Вострецов 1987: 40). Для этого типа поселений характерны крупные жилища, рассчитанные на одну нуклеарную и/или большую семью, причем величина жилищ и поселений коррелируется с уровнем ресурсов земледелия (Vostretsov 1996).

Более поздний этап характеризуется появлением еще одного типа – крупных поселений с площадью свыше 15 га, приуроченных к естественным расширениям долины реки Суйфун или притоков. Кустовая привязка памятников в пределах естественных границ в долине Суйфуна и основных притоков сохраняется, однако количество поселений возрастает. В районах наибольшей концентрации населения складываются сельскохозяйственные агломерации, например в районе современных сел Корсаковка – Борисовка – Кроуновка или Загородное – Доброполье. Демографические подсчеты общего количества населения в долине р. Суйфун в кроуновское время на современном уровне археологической изученности территории невозможны, поскольку одновременное или неодновременное существование поселений в пределах одного микрорегиона неясно.

Кроуновская культура, получившая в Китае название культура Туанцзе (Чжан Тайсян 1982; Линь Юнь 1985) традиционно связывается китайскими исследователями с племенами "северных воцзюй" (Чжан Тайсян 1982; Линь Юнь 1985; Сунь Цзиньцзи 1999) или "чжигулоу" (Ли Цян 1986). Археологические исследования подтверждают сведения письменных источников о характере хозяйства кроуновцев. В кроуновских памятниках находят многочисленные семена культурных злаков, кости домашней свиньи (Вострецов 1986). Однако, по-прежнему сохранялась охота, рыболовство и собирательство.

Поселения представляли собой простые сельские сообщества, обитатели которых выращивали просо, ячмень и пшеницу (Vostretsov 1996). В то же время, грядковая система земледелия, основанная на интенсивном ручном труде, существенно ограничивает зону хозяйственной деятельности каждого поселения в отдельности. Особенно интенсивно в это время осваиваются низкая пойменная и 1-ая надпойменные террасы, где во время регулярных паводков постоянно наблюдается частичная аккумуляция химических элементов, приносимых пойменными водами (Иванов 1976:124).

В конце V - начале VI вв. долине Суйфуна появляются носители мохэской культуры - судя по археологическому материалу, скорее всего это были хэйшуй мохэ, возможно, по мнению китайских археологов, носители археологической культуры *тулунжэнь*. Количество, характер и распределение мохэских памятников в долине Суйфуна - все это указывает на то, что, по всей вероятности, это было мощное воинское вторжение. Практически все эти памятники представляют собой небольшие укрепленные городища на господствующих высотах, расположенные на бортах долины или по краям расширений почти на равном расстоянии друг от друга. Такое распределение укреплений свидетельствует о том, что мохэцы установили жесткий военно-административный контроль над окружающими сельскохозяйственными территориями и проживавшим здесь населением. Археологическими исследованиями на поселении Чернятино 2 и могильнике Чернятино 5 обнаружены явные следы смешивания мохэских и кроуновских черт в керамическом материале, что может свидетельствовать о значительном омоложении верхней границы существования кроуновской культуры. К такому же выводу приходит и Ю.Е.Вострецов, сравнивая процессы экспансии земледельцев в Японии (средний и поздний этапы культуры Яей) и Приморье (Vostretsov 1996).

Следует также отметить, хоть и единичные, но яркие признаки присутствия в долине Суйфуна носителей ольгинской (польцевской) археологической культуры выявлены на поселении Сенькина Шапка (слой III), Чернятино 2 и Загородное 14 (отдельные находки). Изучение мохэских памятников в долине Суйфуна еще только началось, большинство просто тестировано, а небольшие раскопки проведены только на одном городище Синельниково 1 (слой IV).

Возможно, что в начале восьмого века на смену этим завоевателям - также в результате прямых военных действий - приходит другая группа мохэ. Археологические исследования остатков крепостного вала на городище Синельниково 1 (IV) выявили следы сильного пожара и последующей перестройки вала (Болдин 1998). Такие же следы пожара обнаружены при исследовании городищ Ново-Георгиевского 2 и Борисовского 1. Согласно письменным источникам в предбохайское время территория бассейна р. Суйфун уже относилась к древним землям шуайбинь мохэ (Сунь Цзиньцзи 1999), на которых впоследствии была учреждена бохайская область Шуайбинь с тремя округами: Хуачжоу, Ичжоу, Цзяньчжоу (Ивлиев 1995:30).

Заключение

К моменту образования государства Бохай, в долине р. Суйфун уже сложились все условия, благоприятствующие включению этой части территории Приморья в состав бохайского государства:

1. Наличие пригодных для земледелия и уже разработанных земельных ресурсов (наиболее плодородные земли в Приморье).
2. Наличие достаточно большого количества населения, обрабатывающего эти земли.
3. Высокий уровень социального развития населения этой территории. Сложившаяся уже в кроуновское время сначала двухступенчатая, а затем и трехступенчатая иерархия поселений, даже при отсутствии монументальных сооружений, позволяет предположить наличие определенной, хотя и слабо централизованной организации общества типа вожества.

ЛИТЕРАТУРА

- Алкин С.В., Беляков А.В. 1998. Культура ранней бронзы в Юго-восточной Маньчжурии. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: 103-110.
- Андреева Ж.В. 1970. *Древнее Приморье (железный век)*. М.: Наука.

- Андреева Ж.В. 1994. Проблемы периодизации (на примере неолитического периода). *Очерки первобытной археологии Дальнего Востока*. М.: Наука: 86-107.
- Андреева Ж.В., Клюев Н.А. 1987. Поселение железного века Анучино 1 (по материалам раскопок 1996 г.). *Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока*. Препринт. Владивосток: 19-22.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. 1998. Новые сведения о фортификации бохайских городищ. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: 152-157.
- Бродянский Д.Л. 1983. Ранний железный век Южного Приморья (янковская культура). - Н.Н.Диков, Д.Л.Бродянский, В.И.Дьяков. *Древние культуры Тихоокеанского побережья*. Владивосток: 65-108.
- Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Издательство ДВГУ.
- Бродянский Д.Л. 1996а. Илоу и воцзюй: новый взгляд на старую загадку. *Известия Восточного института* № 3: 134-143.
- Бродянский Д.Л. 1996б. Анучинская культура. *Освоение Северной Пацифики*. Владивосток, ДВГУ. С.110-134.
- Буссе Ф.Ф., Крапоткин Л.А. 1908. Остатки древностей в Амурском крае. *Записки общества изучения Амурского края*, Т.ХІІ: 1-66.
- Воробьев М.В. 1959. О работе Ворошиловского отряда в 1956 г КСИИМК, Вып. 73: 122-125.
- Вострецов Ю.Е. 1990. Система расселения и демографическая емкость ландшафта. *История взаимодействия общества и природы: факты и концепции*. (Тез. докл. конф., Москва, дек. 1990). Ч.ІІ-ІІІ. М.: 72-73.
- Вострецов Ю.Е. 1987. Некоторые демографические аспекты развития кроуновской культуры. *Вопросы археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 34-42.
- Вострецов Ю.Е. 1986. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря. *Приморье в древности и средневековье (материалы региональной археологической конференции)*. Уссурийск: 17-23.
- Вострецов Ю.Е., Жушиховская И.С. 1985. Опыт палеоэкологического исследования древних культур Приморья. *Человек и окружающая среда в древности и средневековье*. М.: 71-77.
- Воробьев М.В. 1959. О работе Ворошиловского отряда в 1956 г КСИИМК, Вып. 73: 122-125.
- Забелина Н.Н. 1955. Раскопки Дальневосточной археологической экспедиции в г. Ворошилове (1954 г.). *Советское Приморье*, Вып. 19. Владивосток: 273-280.
- Забелина Н.Н. 1960. К исторической топографии г. Уссурийска. *Вопросы географии Дальнего Востока*. Вып. 4. Хабаровск: 374-390.
- Иванов Г.И. 1976. Почвообразование на юге Дальнего Востока. М.: Наука.
- Ивлиев А.Л. 1995. Письменные источники об истории Приморья середины I - начала II тысячелетий н.э. *Приморье в древности и средневековье (материалы региональной археологической конференции)*. Уссурийск: 30-34.
- История 1989: *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века*. М.: Наука.
- Кафаров П.И. 1871. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край. *Известия ИРГО*, Т. VII, № 2, 3, 5-7. СПб.
- Клюев Н.А., Никитин Ю.Г. 1998. К вопросу о ранних фортификационных сооружениях в Приморье. *Материалы международной конференции "Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе"*. СПб.: 103-104.
- Коляда А.С., Кузнецов А.М. 1997. *Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету*. Уссурийск.
- Конькова Л.В. 1989. *Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР*. Л.: Наука.
- Кузнецов А.М. 1986. Новые данные по каменному веку юго-западного Приморья. *Палеолит и неолит*. Л.: Наука: 138-142.
- Ли Цян 1986. Исследование воцзюй и восточных воцзюй. *Бэйфан вэньу*, № 1: 2-10 (на кит. яз.; перевод А.Л.Ивлиева).
- Линь Юнь. 1985. О культуре туанцзе. *Бэйфан Вэньу*, № 1: 8-22 (на кит. яз.; перевод А.Л.Ивлиева).
- Лопатин И. 1864. Обзор южной части Приморской области Восточной Сибири за рекой Суйфунгом. *Записки СО ИРГО*. Иркутск, кн. VII.
- Лопатин И. 1869. Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране (Архив ИИМК РАН, №34/1869).
- Медведев В.Е. 1998. *Бахайская кумирня в Приморье*. Сеул: Хакъенмунхваса. Совместное издание Института Когуре (Республика Корея) и Института археологии и этнографии СО РАН (на корейском и русском языках).

- Окладников А.П. 1959. Работы на Дальнем Востоке в 1956 г. *КСИИМК*, Вып. 73: 107-114.
- Окладников А.П. 1959. *Далекое прошлое Приморья*. Владивосток: Приморское кн. изд-во.
- Пржевальский Н.М. 1860. *Путешествие в Уссурийском крае*. СПб.
- Федоров А.З. 1916. *Памятники старины в г. Никольск-Уссурийском и его окрестностях*. Никольск-Уссурийский.
- Чжан Тайсян 1982. Предварительное обследование первобытных культур в долине Суйфэньхэ. *Шэжуй кэсюэ чжансянь*, № 2, Чанчунь. С. 181-184 (на кит. яз.; перевод А.Л.Ивлиева).
- Шавкунов Э.В. 1961. О результатах археологических исследований в Славянском районе в 1958 г. *Труды ДВФ СО АН СССР, серия историческая*, Т. 2. Владивосток: 173-186.
- Nelson S.M. 1995 (ed.). *Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall*. New York – London: Routledge.
- Vostretsov Y. 1996. Events preceding appearing of the first state in the Far East of Russia. *The First international Symposium of Bohai Culture (to the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state)*. Vladivostok: 60-61.
- Willey G. 1953. *Prehistoric Settlements Patterns in the Niru Valley*. Bureau of American Ethnology Bulletin No 155.

Е.И. Гельман, В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев

РАСКОПКИ КОЛОДЦА КРАСКИНСКОГО ГОРОДИЩА

Ход раскопок и устройство колодца

Раскопки колодца, обнаруженного в западной, производственной части буддийского храмового комплекса осуществлялись в 1997 и 1998 гг.

В 1997 году вскрыта черепичная крыша и верхняя часть шахты колодца. Самые верхние гальки, из которых была сложена шахта колодца, проявились на глубине 50-60 см от дневной поверхности, а контуры развала камней верхней части колодезной шахты и темное заполнение котлована колодца вокруг нее, ясно очертились на уровне после выборки 4 пласта раскопа XV (пласт соответствует 20-25 см) вблизи печи № 4 (рис. 1:1). Размеры каменных галек составили преимущественно от 10-15 см до 20-30 см в поперечнике. С северо-запада к колодезной кладке пристроен фундамент Г-образной формы сложенный в 1-2 ряда крупных камней. Ширина его 40-50 см. В юго-западном направлении на таком же уровне расчищено черепичное покрытие (рис. 1:2). Сверху черепица скреплена обмазкой. Очевидно, сделано это было преднамеренно, поскольку сложенная из нижних черепиц и не связанная верхними, черепичная кровля не препятствовала проникновению влаги под навес. Черепица и обмазка имеет следы огня. Длина навеса 2, ширина 1,3 м. Черепичный навес, вероятно, являлся крышей колодца.

В 1998 г. вокруг колодца заложен раскоп размерами 4х4 м (рис. 1:2). Для того, чтобы выявить конструкцию сооружения, было решено разбирать по пластам одновременно и кладку колодезной шахты и котлован колодца. Поэтому, сначала кладка колодезной шахты была разобрана до уровня 5 пласта, а территория вокруг нее была тщательно зачищена. При этом котлован, в котором был построен колодец, отчетливо обозначился в виде очень темной, почти черной супеси в форме квадрата с округлыми углами (рис. 2:2). Размеры квадрата с угла на угол составили 3,30 м, от одной стороны до другой – 2,75-2,80 м.

При разборке кладки колодезной шахты до уровня 5 пласта выяснилось, что она состоит из гальки и черепицы, которой заполнялось пространство между камнями вперемешку с темной, почти черной, плотной супесью. Встречались и фрагменты керамики, но по сравнению с черепицей их было очень мало. Внутреннее кольцо кладки, обращенное внутрь шахты колодца, было выложено из гальки. Его ширина была обусловлена специально подобранными гальками удлиненной формы, длиной 25-40 см. Ширина кладки шахты колодца в целом составила 45-75 см на уровне после 5 пласта, что почти соответствовало ширине на уровне 4 пласта. Диаметр отверстия колодца составил 72-82 см (при 53-76 см на уровне 4 пласта).

В процессе разборки 6 пласта стало очевидным, что ширина кладки колодезной шахты существенно расширилась до 70-112 см. Такое расширение кладки на уровне 5-6 пластов несомненно связано с увеличением диаметра отверстия колодца 78-80 см (рис. 2:2). Расширение кладки колодца на уровне 5-6 пластов несомненно связано с увеличением диаметра отверстия колодца. Котлован колодца на этом уровне приобрел округлые очертания, довольно расплывчатые в его западной половине. Диаметр котлована по линии север-юг составил 3.16 м.

Из кладки колодезной шахты на этом уровне кроме черепицы и керамики были извлечены три фрагмента чугунного котла, железный гвоздь и остатки зубов какого-то животного. Вне котлована колодца в слое серой супеси и рыжевато-песка также встречались материалы, хотя и не в значительном количестве, представленные мелкими фрагментами черепицы и керамики.

При снятии 7 пласта очертания котлована снова претерпели изменения. Четко обозначился восточный угол, северный вышел за пределы раскопа. Западный и южный углы не имели четких очертаний — юго-западная сторона котлована колодца не прослеживалась, так как в темную супесь, соответствующую заполнению котлована колодца, вклинились пятна ярко-желтого крупнозернистого песка и светло-серого песка (рис. 2:3). Поскольку раскопки проходили в постоянной борьбе за сохранение пытающихся оползти бортов раскопа во время регулярных сильных дождей, то было нетрудно предположить, что древние строители сталкивались с аналогичной проблемой. При высоком уровне воды в реке, согласно закону сообщающихся сосудов, уровень грунтовых вод был довольно высоким и на городище, расположенном на низменной местности довольно близко к реке и морю (200-500 м). Даже если колодец строился зимой, то на такой глубине почва уже не промерзает, а поэтому супесь, которой сложены все строительные горизонты и материк на городище, могла легко осыпаться. Единственным выходом в этой ситуации могло быть постепенное вымораживание грунта по мере продвижения вглубь.

Размеры котлована на этом уровне составили: от западного угла к восточному 3.70 м, длина одной стороны примерно 2.70-2.80 м. Заполнение котлована колодца вокруг кольца кладки по-прежнему представляло собой темно-серую супесь, а заполнение кладки помимо каменных галек и черепицы — плотную, очень темную супесь, вследствие присутствия вместе с деформированной, бракованной или разбитой черепицей, сажных включений, кусков шлака, обломки печей и даже фрагментов каменного угля, т.е. отходов черепичного производства.

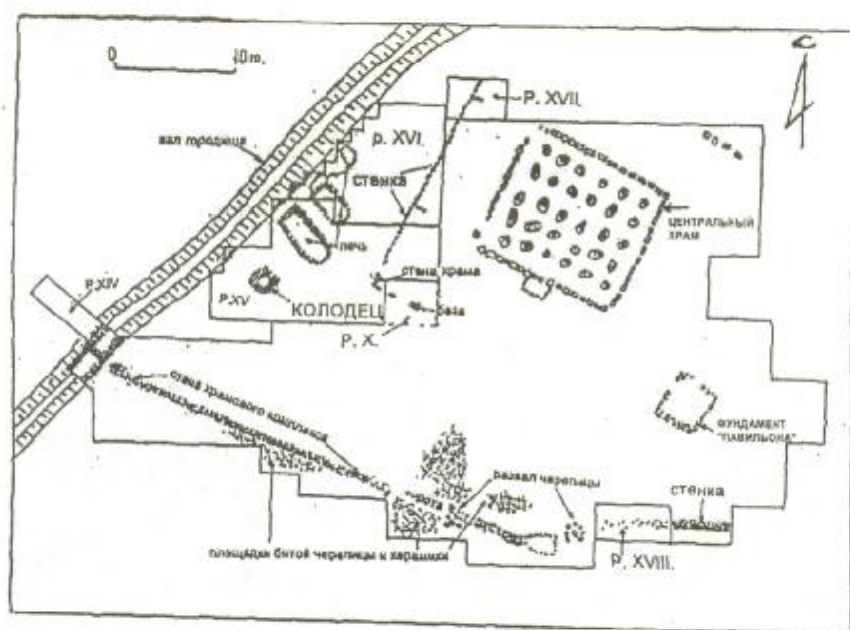
Ширина кольца кладки колодезной шахты на этом уровне составляла 72 — 96 см, диаметр отверстия колодца — 82-108 см.

При снятии 7 пласта в северо-восточном углу раскапываемого вокруг колодца участка обозначились контуры ямы глубиной 15-18 см, уходящей в борта раскопа (рис. 2:3). Ее заполнение состояло из черной супеси со значительным количеством древесного угля, даже целых кусков деревянных плашек, мелких фрагментов черепицы, обломки, обломки керамики. Яма отделена прослойкой серой супеси от примыкающего к печи № 4 слоя темной, почти черной супеси, залегавшего на уровне 4 и 5 пластов. Как нам представляется, эта яма, скорее всего, имеет отношение к остаткам нижележащей печи № 8 и связана с ее функционированием.

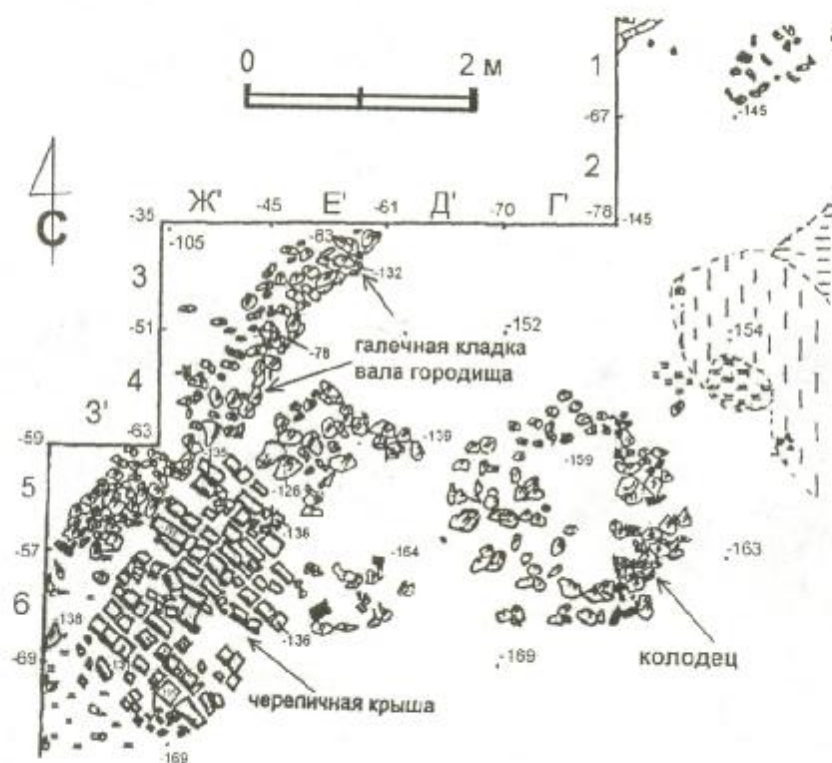
В юго-восточном углу раскапываемого вокруг колодца участка, в кв. Б*7, также проявилось темное пятно, уходящее в борта раскопа (рис. 2:3). Толщина этого пятна не превышала нескольких сантиметров. Оно состояло из рыжевато-крупного песка вперемешку с древесным углем.

В северо-западном углу участка раскопа с колодцем, за пределами котлована колодца на глубине — 232 см (130-140 см от дневной поверхности) была найдена головка керамического миниатюрного дракончика. К сожалению, ушки и язычок у него отсутствовали, нос был оформлен пятачком (рис. 7:5). Кроме дракончика, за пределами котлована колодца был найден фрагмент диска черепицы (на отметке — 240 см) (рис. 7:6 слева). Фрагмент диска (другого) также был найден (на отметке — 233 см) в заполнении кладки колодца (рис. 7:6 справа).

На уровне 8 пласта юго-западная сторона котлована колодца оказалась размытой (рис. 2:4). Остальные стороны образовывали фигуру, похожую на ромб, у которого углы по-прежнему были ориентированы по сторонам света. Видимая длина сторон (углы оказались за бортами раскопа) составила от 2 до 3 м. Ширина кольца кладки колодезной шахты на этом уровне составила от 68 до 104 см. На этой глубине сменилось заполнение котлована — вместо темной

1

2

Рис.1. (1) Расположение основных раскопов и объектов на территории храмового комплекса. (2) План с остатками черепичной крыши и верхними камнями краскинского колодца

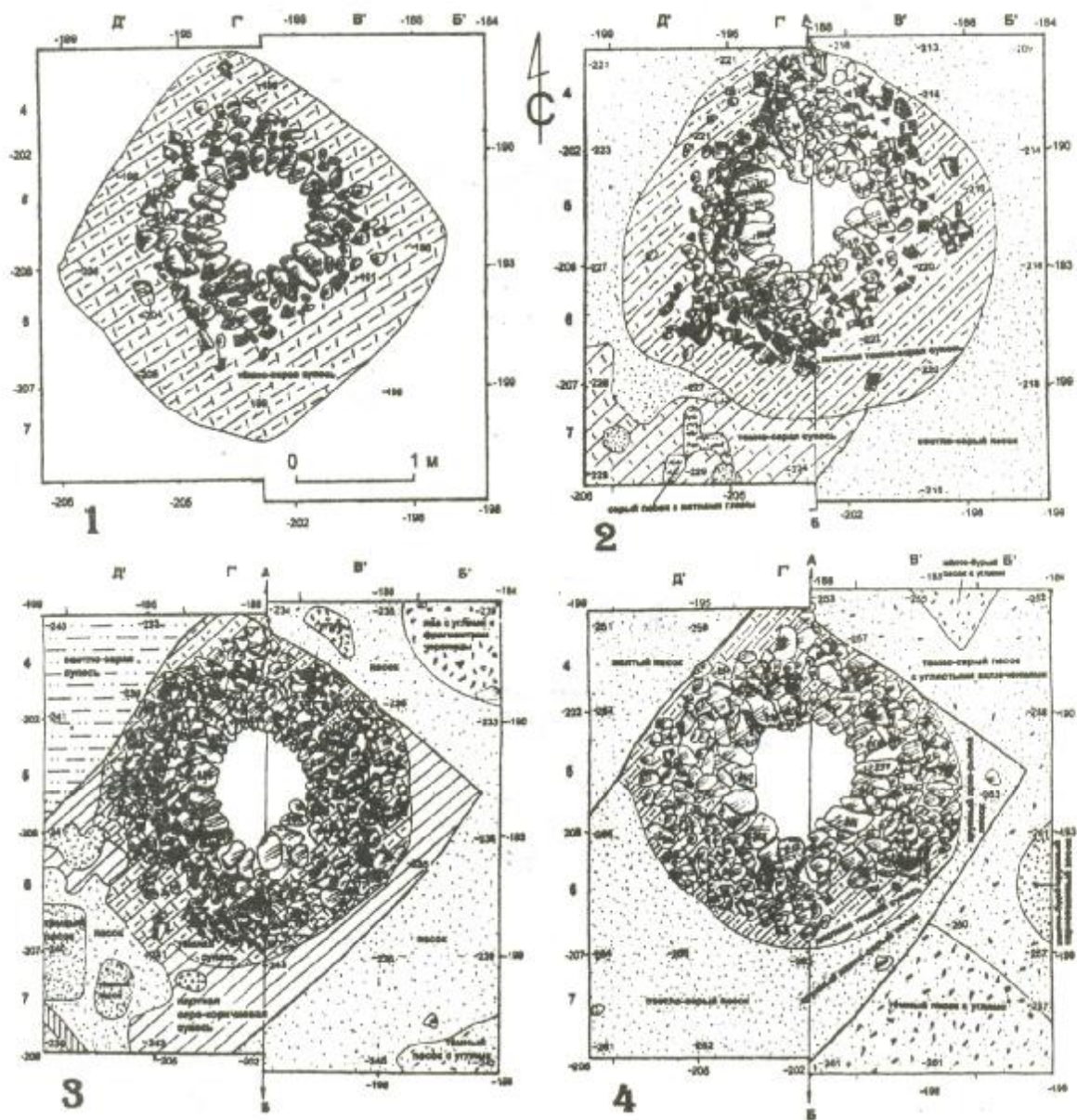

Рис.2. Планы раскопок колодца: (1) на уровне после снятия 5 пласта; (2) после снятия 6 пласта; (3) после снятия 7 пласта; (4) после снятия 8 пласта.

супеси появился яркий, рыжий крупный и плотный песок, резко контрастировавший с плотной, почти черной супесью, заполнявшей вместе с камнем и черепицей кладку колодезной шахты. Слой, не связанный с заполнением котлована колодца, на уровне 8 пласта в восточной половине раскапываемого участка представлен темно-серой супесью с углистыми включениями и пятнами желто-бурого песка. Наибольшая концентрация углистых включений наблюдалась в юго-восточной части раскопа. В этом месте найдены фрагменты керамики, мелкие фрагменты черепицы, фрагмент лепного украшения крыши храма.

В северо-западной части раскапываемого участка с колодцем, на этом же уровне, вне котлована колодца залегал желтый песок, четко обрисовавший край этой части котлована. В этом слое также встречались фрагменты керамики, черепицы, "игральные фишки" (диски диаметром от 1,5 до 5-7 см, сделанные из фрагментов керамических сосудов или черепицы). В заполнении кладки колодца кроме черепицы, керамики, был найден железный гвоздь и несколько кусков металлического шлака.

Из заполнения котлована колодца были извлечены 4457 фрагментов черепицы, из них крупных фрагментов 3534 ед., в том числе фрагментов верхней черепицы 871 ед. (25%), нижней черепицы 2660 ед., несколько фрагментов козырьковой черепицы. Кроме того, в кладке колодезной шахты было найдено 366 фрагментов станковой (круговой) керамики, преимущественно стенки сосудов. Важным моментом является находка в заполнении кладки колодца фрагмента таза, части которого были найдены при зачистке печи № 4.

Из-за дождей уровень грунтовых вод значительно повысился, в результате чего во время выборки 9 пласта вода стала активно просачиваться в раскоп и колодец. Для осушения раскопа в юго-восточном углу был откопан водосборник 50x50 см и глубиной около 70 – 75 см. Здесь на уровне, соответствующем 10 – 11 пластам, находился погребенный дерн. В выбранном слое содержалось много фрагментов веточек кустарника, деревянных палочек, при этом конец одной из палочек имел следы обработки – он был сглажен как колышек. Хорошая сохранность дерева, видимо, объясняется постоянным высоким уровнем грунтовых вод в этом месте. Кроме того, в 9, 10 и 11 пластах из водосборника было извлечено несколько фрагментов стенок станковой керамики довольно хорошего качества. При выборке 11 пласта был пробит железистый слой болотных отложений, освободивший находившийся под ним насыщенный грунтовыми водами зыбучий песок. На этом дальнейшие работы непосредственно на участке раскопа вокруг колодца пришлось приостановить и целиком переключиться на заполнение шахты колодца.

Верхняя часть заполнения шахты колодца до отметки -300 см (на глубине 160-170 см от верхних камней колодца) состояла преимущественно из каменных галек (более 500 штук) и нескольких верхних черепиц (рис. 3). Под ними, упираясь в стенки колодца (они были неровные, так как камни, из которых сложено внутреннее кольцо колодца, были удлиненной формы, и внутри колодца были обращены их короткие стороны, не примыкавшие плотно друг к другу) лежали куски

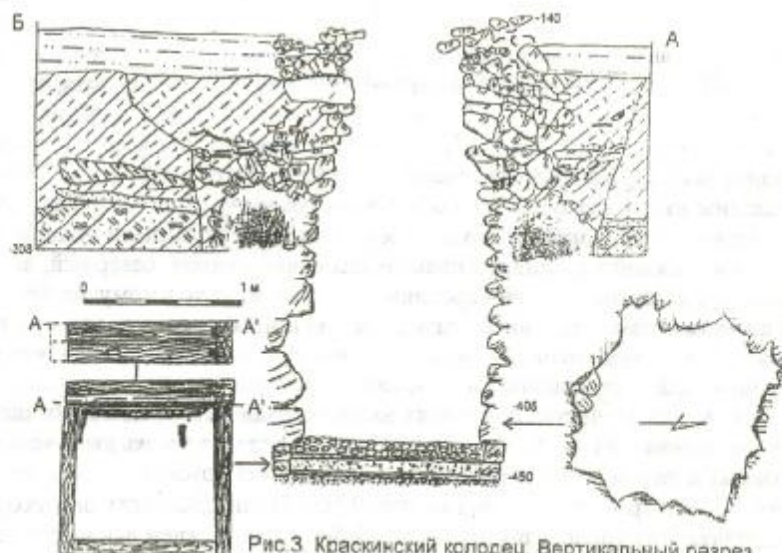

Рис.3 Красинский колодец. Вертикальный разрез, план шахты на уровне -405 см и деревянный сруб.

очень большой каменной полукруглой плиты, толщиной 4-5 см. Судя по размерам, плита вполне могла использоваться в качестве неподвижной части крышки колодца, вторая половина которой, видимо, была деревянной. Каменная плита располагалась в колодце наискось, создавая пробку для камней и черепицы, которыми была забита верхняя часть колодца. Ниже плиты, в пределах от -290/-300 см до -320/-330 см, камней и фрагментов черепицы было немного, в основном это был заиленный вязкий и липкий песок, насыщенный мелкими угольками и обгоревшими мелкими веточками дуба. Нижняя часть этого слоя подвергнута флотации, а затем и про-

мывке через сито, что позволило получить целый ряд экофактов (мелкие пресноводные улитки, мантия морского моллюска мидии, мелкие косточки, крылья насекомых и проч.) и ботанические остатки, среди которых выделялись карбонизированные остатки скорлупы и сердцевинки лесного ореха лещины, кедрового ореха, колочки репейника и проч.

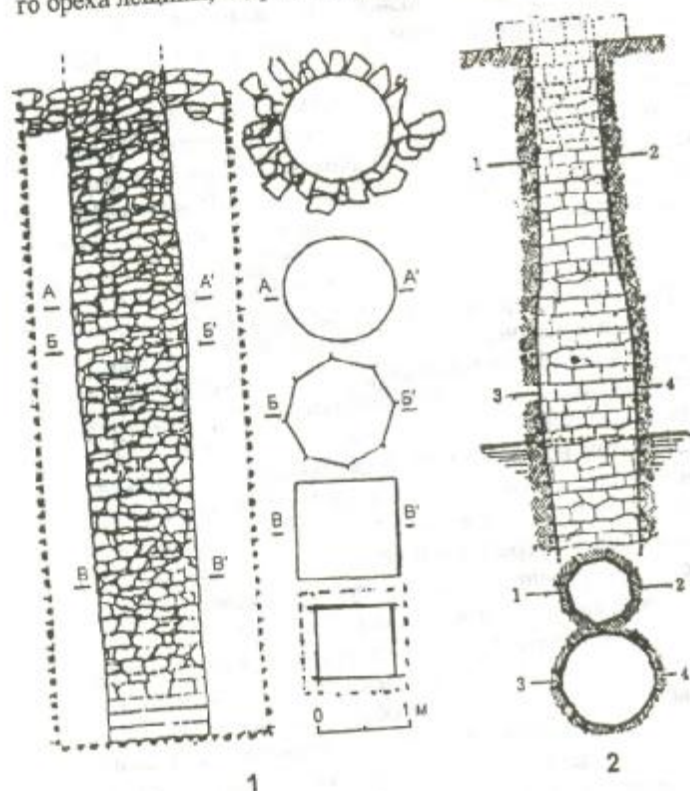

Рис. 4. (1) План разреза когурёского колодца из Пхеньяна
(2) План разреза колодца из Верхней столпы Бохая

(рис. 3). Каменная вымостка дна колодца из галек мелких и средних размеров обнаружилась на глубине -410 см. На этом же уровне, в последнем ярусе камней в кладке колодца, в углах были оставлены ниши для более свободного поступления воды в колодец (после их расчистки вода стала поступать в колодец еще быстрее). При этом углы были прикрыты: восточный угол — половинкой нижней черепицы с пальчиковым орнаментом, северный, западный и южный углы — большими кусками верхней черепицы. В западном углу к тому же лежал большой кусок корчаги, а рядом упомянутый выше развал сосуда с пробитыми отверстиями и челюсть, судя по размеру зубов, очень крупной свиньи. Как мы предполагаем, это является остатками жертвоприношения. Длина сторон шахты на уровне каменной вымостки составила 115x115 см.

Во время расчистки основания нижнего ряда каменной кладки шахты колодца была обнаружена деревянная часть его конструкции в виде сруба из двух венцов (рис. 3). Его северо-западная и юго-восточная части были сложены из брусьев с сечением 14x14x14 см и видимой длиной (а его края уходили под камни) 99 см. В западном углу они уходили слишком глубоко, а в северном углу удалось прощупать край брусьев в нижнем венце (это еще 5 см).

Юго-западная и северо-восточная части сруба были сложены из плах, у которых плоская сторона шириной 14 см была обращена внутрь. В северном углу, в нижнем бруссе удалось проследить паз размерами 10x6 см, в который вставлялась плаха, имевшая шип в торцевой части. Для прочности в этот же паз был забит клин длиной 9-10 см.

Ближе к западному углу в этом же нижнем бруссе был обнаружен второй паз размерами 10x8 см. Расстояние от северного видимого угла шахты колодца до центра этого паза составило около 55 см, таким образом, до западного угла оставалось еще почти 40 см. Паз был свободен, трудно сказать, для чего он был устроен именно здесь. Между нижним и верхним брусьями, а также на уровне нижнего бруса были обнаружены остатки деревянного фильтра, представлявшего собой конструкцию из двух деревянных плетёных решёток, между которыми находилась

Диаметр шахты колодца на отметке -290/-300 (-160/-170 см от верхних камней кладки колодезной шахты) составил 85x115 см. Начиная с отметки -320/-330 см в колодце был обнаружен основной массив артефактов, представленных раздавленными археологически целыми сосудами и фрагментами, а также фрагментами и целыми экземплярами верхней и нижней черепицы. Среди всего этого материала, наискосок располагалась плаха удовлетворительной сохранности — видна структура несколько измочаленного от длительного пребывания в воде дерева. Расчистка шла вслепую, на ощупь, среди черной, жирной, болотной грязи. Последние сосуды — фрагмент корчаги и вазовидный сосуд с пробитыми двумя отверстиями в стенке были извлечены на отметке -385/-405 см (рис. 5:5,7:2). Начиная с этого уровня работа в колодце производилась при постоянном откачивании воды.

На уровне -320/-325 шахта колодца приобрела форму квадрата, а ее стены оказались сложены из очень массивных камней

слой черного песка. Каркас решёток был сделан из толстых веток, а решётка из тонких веточек. Удалось извлечь кусок неповрежденной решётки, на веточках плетения которой отчетливо видны следы стяжек толстой нитью. Кроме того, там же находилась толстая палка, служившая основой каркаса, а также два фрагмента палок с заостренными концами. Один из них, скорее всего, принадлежал этой палке. Точнее говорить затруднительно, поскольку мутная вода не позволяла фиксировать более точно весь процесс зачистки дна колодца.

Во время разборки центральной части каменной вымостки дна колодца была обнаружена деревянная чашечка на поддоне (рис. 7:3). Поблизости, также вверх дном лежало керамическое чернолощенное блюдо (рис. 7:4). Рядом с этими сосудами были найден фрагмент стенки сосуда в форме шестиугольника (рис. 7:7). Все эти предметы несомненно имеют ритуальное значение и, явно, были положены при строительстве колодца.

После того, как была расчищена от каменной гальки и песка большая часть дна (его северо-западная половина) колодца, вместе с двумя венцами брусьев и плах, оказалось что ниже находится зыбучий песок – взвесь аллювиальных отложений в грунтовых водах, достигнувших к этому времени довольно высокой отметки по сравнению с другим сезоном года. Нивелировочная отметка дна колодца без каменной гальки – 450 см. На этом этапе работ были проведены промеры деревянных частей колодца. Брусья, ставшие мягкими от времени, не выдержали тяжести каменной кладки колодца и лопнули, опустившись лопнувшими концами в зыбучий песок.

Из-за сильных дождей поднялся уровень грунтовых вод и раскоп с колодцем оказались под водой. Работы были прекращены. Те же обстоятельства не позволили завершить исследования в 1999 году.

Предметы из заполнения шахты колодца

Черепица

Кроме перечисленных выше сосудов, фрагментов деревянной конструкции колодца и экофактов, из шахты колодца было извлечено 9 целых с небольшими повреждениями верхних черепиц и 818 фрагментов как верхней, так и нижней черепицы, один археологически целый экземпляр нижней черепицы, а также 1 фрагмент диска фронтальной черепицы (рис. 7:7).

Нижняя черепица, в плане имеет форму трапеции, слегка вогнутая (дуга её края составляет $\frac{1}{4}$ окружности). Длина нижней черепицы 37.5 см, ширина широкого края с "пальчиковым" орнаментом 30 см, ширина узкой стороны точно не устанавливается. Черепок ее в изломе серый, на поверхности темно-серый. Из фрагментов имеются 26 единиц от фронтальной черепицы с "пальчиковым" орнаментом, причем как одинарным (с выпуклой стороны), так и двойным, когда защищаются края торцевой части и выпуклой, и вогнутой сторон.

Верхняя черепица представляет собой сужающийся к хвостовой части желоб, дуга края которого составляет $\frac{1}{2}$ окружности. Более тонкая хвостовая часть, на которую накладывалась расположенная выше по скату кровли черепица, отделяется от основной части резким уступом на выпуклой поверхности. Эта черепица имеет следующие параметры: длина 34.2 - 36.1 см, ширина узкой части хвостовика 10.2 - 11 см, ширина широкой стороны черепицы 16.4 - 18.7 см. Длина хвоста с желобком составила 5.2 - 6.6 см. Вся верхняя черепица обжигалась в восстановительной среде.

Имеется 13 фрагментов (4.6%) с технологическим орнаментом на выпуклой поверхности (в том числе 4 ед. окислительного обжига с дымлением на последней стадии, 1 – окислительного обжига, остальные – восстановительного). В целом для крупных фрагментов нижней черепицы имеются следующие данные по обжигу: окислительного обжига (от оранжевого до коричневого цвета) – 17.3%, окислительного обжига с дымлением в конце (оранжево-коричневые в изломе и черные на поверхности) – 33.5%, восстановительного обжига (серые и серые серной поверхностью) – 66.5%.

Керамика

В целом керамика представлена фрагментами от 22 целых или археологически целых, а также частично сохранившихся станковых (изготовленных на круге кольцевым налетом и частично тянутых) сосудов.

Керамическая фляга (рис. 5:1). Ее размеры: диаметр прямого с горизонтально срезанным краем и овального в горизонтальном плане венчика 7х8.8 см, диаметр короткой горловины 8.6 - 9.9 см, наибольший диаметр уплощенного с одной стороны тулова 17 см, диаметр круглого дна 12.3 см, общая высота сосуда 23.1 - 23.4 см. У него имелись две пары петлевидных ручек, из которых сохранилась только одна. Сосуд изготовлен из запесоченной глины. Черепок в изломе серый, на поверхности на $\frac{2}{3}$ высоты сверху серый, ниже - оранжево-коричневый. Сосуд был сначала изготовлен на круге, затем сплюснен с одной стороны, но так как дно при этом осталось

практически не изменившимся, то эта плоская поверхность имеет небольшой наклон. Поверхность тулова имеет почти сплошное вертикальное лощение, наносившееся инструментом с довольно узким рабочим краем (около 2-3 мм). На горловине тем же инструментом нанесены вертикальные редкие лощеные полосы. Дно тщательно залощено, но все же в центре виден след от оси круга. Обжиг производился в восстановительной среде при температуре не более 800-850°. Изменение цвета на нижней части сосуда связано с пребыванием его в пожаре. На территории России это единственный такой сосуд. В нем сочетаются черты классических киданьских фляг с чертами характерными для корейского гончарства эпох Когурё – Корё. За пределами России второй такой экземпляр был найден (по сообщению китайского коллеги из г. Харбина Ван Юй-ляна) в районе г. Муданьцзяна провинции Хэйлунцзян.

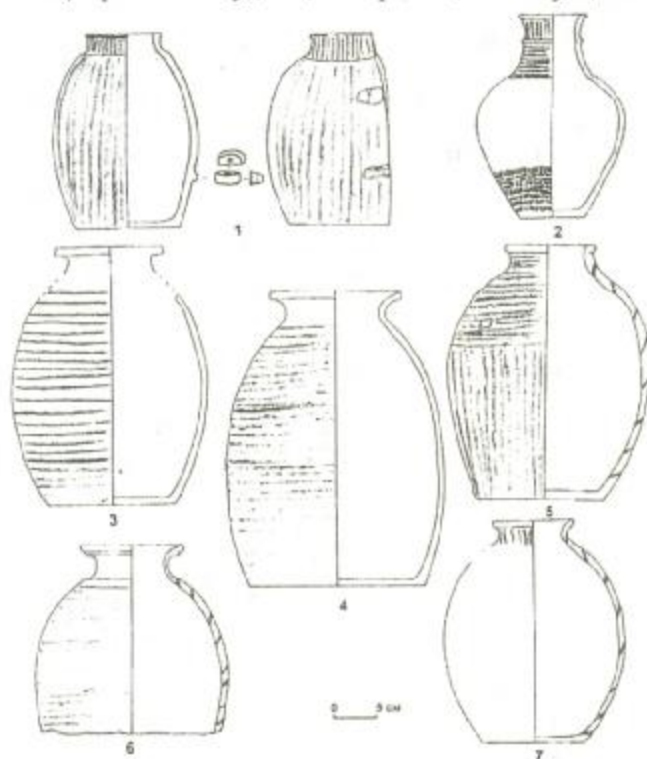

Рис. 5. Сосуды из колодезной шахты.

Он распределен равномерно по всему черепку, его размеры в среднем составляют 0.5-1 мм. Края зерен песка окатанные, т.е. он не подвергался дроблению, а только просеивался. Поверхность заглаживалась и ложила, однако лощение сохранилось только на верхней части сосуда и то в результате того, что часть фрагментов подверглась вторичному обжигу во время пожара. На верхней части горловины до валика оно вертикальное, на остальной поверхности – горизонтальное. В нижней, придонной части сосуда – орнамент в виде 9 рядов оттисков наклонных "штрихов" (ширина рабочего края роликового штампа, которым наносился орнамент, 8 мм), причем ряды прокатаны неровно и наложились друг на друга то в одном, то в другом месте. На дне в центре имеется рельефный круг диаметром 2.5 см, при ширине рельефной линии 0.2-0.3 см. Сама форма сосуда, равно как и его лощеный и оттиснутый декор и рельефный круг на дне, являются типичными для киданьских вазовидных сосудов IX-X вв. (Ивлиев 1985). Состав формовочной массы также указывает на то, что данный сосуд не местного происхождения. Киданьская ваза – это первое реальное свидетельство пребывания киданей на территории Приморья, связанного с киданьским завоеванием государства Бохай.

Вазовидные сосуды – 3 экземпляра. Один из них с диаметром венчика около 11 см сохранился не полностью. Диаметр горловины с выдавленным валиком у ее основания в самой узкой части 7.7 см, наибольший диаметр тулова 20.9 см, диаметр дна 12 см при общей высоте сосуда 25 см (рис. 6:4). Сосуд изготовлен из запеченной глины, черепок в изломе светло-серый, на поверхности серебристо-серый. Поверхность сосуда заглаживалась и ложила. Сначала было нанесено вертикальное лощение на всю поверхность тулова, затем горизонтальное на круге в средней части тулова сосуда. Кроме того, вертикальные разреженные лощеные полосы были нанесены на горловину. Дно тщательно обточено и заглажено – сосуд при этом переворачивался

Киданьская ваза (рис. 5:2). Диаметр отогнутого венчика с закругленным краем составила 7.9 см, диаметр горловины в самой узкой части 6.1 см, высота горловины, опоясанной в средней части и у ее основания двумя валиками 7.7 см, наибольший диаметр тулова составил 17 см, диаметр дна 7.3 см, а общая высота сосуда 24.2 см. Черепок в изломе землисто-коричневого цвета, на поверхности – серого. Петрографический анализ черепка (выполнен к.и.н. Б.Л.Залищак из Дальневосточного института геологии) показал наличие в глинистой составляющей формовочной массы равномерно распределенной примеси эпидота в алевритистой примеси, которая составляет около 10%. Это характерная особенность, так как керамики с таким признаком ни на Краскинском, ни на других бохайских памятниках пока не встречалось. Песка в черепке мало – 10-15%, по составу он гранитный (кварц, полевые шпаты, мелкозернистый гранит, микрокварцит, единичные зерна микропигмента).

вверх дном. Второй сосуд имеет диаметр отогнутого с округлым краем венчика 9.5 см, диаметр горловины 8.1 см, наибольший диаметр тулова 21.2 см, диаметр дна 1.7 см, при общей высоте сосуда 26.7 см (рис. 5:7). Сосуд изготовлен из запесоченной глины. Черепок в изломе светло-серый, на поверхности темно-серый. Поверхность тулова имеет сплошное зеркальное лощение. Кроме того, на горловине нанесены разреженные вертикальные лощенные полосы. На поверхности дна снаружи есть следы снятия с круга ножом или проволокой. У третьего сосуда сильно отогнутый венчик с вытянутым вверх и рассеченным сбоку краем имеет диаметр 12.2 см, диаметр короткой горловины - 8.9 см, диаметр шаровидного тулова в самой широкой части составил 23.6 см, диаметр дна - 14.4 см при общей высоте сосуда 25 см (рис. 6:5). Сосуд также был изготовлен из запесоченной глины, черепок светло-серый в изломе и темно-серый на поверхности. На поверхность тулова нанесено горизонтально-полосчатое лощение. Дно имеет следы песчаной посыпки.

Горшочки - 2 экземпляра. Имеют уплощенно-сферическое тулово и прямой венчик, являющийся одновременно и короткой горловиной с горизонтально срезанным краем, по размерам приближенный к диаметру дна (рис. 6:10,11). Диаметры венчиков составили соответственно 9.4 и 10.3 см, наибольшие диаметры тулова 14.8 и 17.8 см, дна - 8.7 и 11.2 см. Оба сосуда изготовлены из запесоченной глины. У меньшего сосуда поверхность просто заглажена на круге, у большего - горизонтально-полосчатое лощение с серебристым блеском. У первого на дне имеются следы снятия с круга нитью. Оба сосуда обжигались в восстановительной среде и имеют черепок серого цвета.

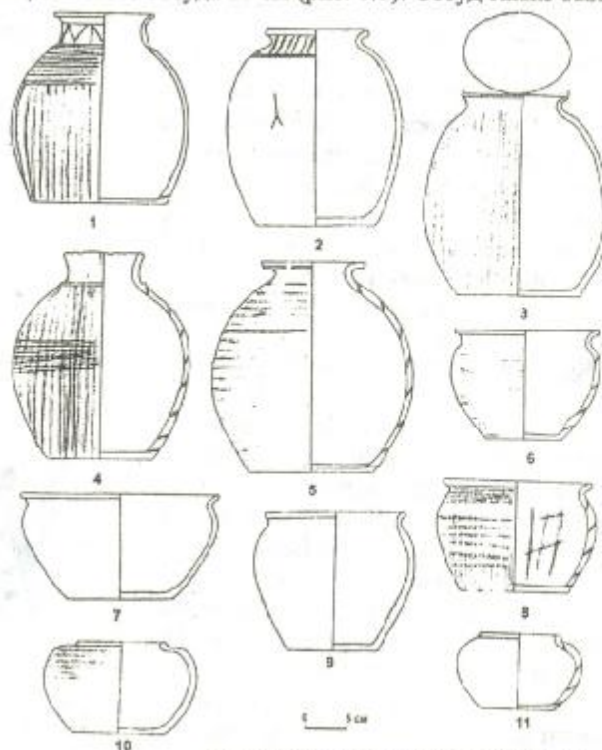

Рис. 6. Сосуды из колодезной шахты.

Приземистые горшки с широким открытым устьем - 4 экземпляра. Первый горшок имеет диаметр венчика 16.4 см, диаметр горловины 15.8 см, наибольший диаметр тулова 18.9 см, диаметр дна 10.9 см, высота сосуда 16.1 см (рис. 6:9). Второй сосуд имеет следующие параметры: диаметр венчика 17.7 см, диаметр горловины 16.2 см, наибольший диаметр тулова 19.2 см, диаметр дна 12.9 см, общая высота сосуда 13.3 см (рис. 6:8). У третьего сосуда диаметр венчика 17 см, диаметр горловины 15.2 см, наибольший диаметр тулова 17.8 см, диаметр дна 8.8 см, его общая высота - 13.2 см (рис. 6:6). У четвертого горшка диаметр отогнутого округлого венчика с вытянутым вверх краем составляет 23.5 см, диаметр короткой горловины 22.8 см, наибольший диаметр тулова 23 см, диаметр дна 12 см (рис. 6:7). Первый сосуд изготовлен из формовочной массы с разнотекстурным, преимущественно средне- и крупнотекстурным минеральным отощителем, три остальных изготовлены из запесоченной глины. Первый и четвертый имеют черепок, серый в изломе, и темно-серый на поверхности, у второго сосуда черепок полностью темно-серый, у третьего сосуда черепок в изломе светло-серый, на поверхности черный. У первого горшка отчетливо видны бугристые следы от техники выбивки. У первого, третьего и четвертого горшков на внешнюю поверхность наносилось на круге горизонтально-полосчатое лощение. У второго горшка на тулово сначала было нанесено вертикальное лощение, затем горизонтально-полосчатое на круге. На внутренней поверхности также имеются редкие, пересекающиеся под прямым углом лощенные полосы. У первого сосуда на дне имеются следы подсыпки, у второго, третьего и четвертого - следы снятия с круга ножом или проволокой. Кроме того, у второго сосуда виден след квадратной оси круга (длина одной стороной 5.7 см), а у четвертого - отпечаток оси круга диаметром 4 см.

Горшки "закрытого типа" с вытянутым туловом представлены двумя экземплярами. У одного из них отогнутый с вытянутым вверх краем вертикально срезанный венчик имеет диаметр 11.7 см, диаметр короткой горловины 10.4 см, наибольший диаметр тулова - 20.6 см, диаметр дна - 13.9 см, общая высота сосуда 23.4 см (рис. 6:2). Сосуд изготовлен из запесоченной глины с

охристыми включениями. Черепок в изломе коричнево-оранжевый, на поверхности серый с рыжими пятнами. Поверхность заглаженная, подлощенная, т.е. имеет тусклое, полосчатое лощение. На горловине нанесены вертикальные разреженные, с небольшим наклоном вправо лощенные полосы. У основания горловины – врезная широкая канавка, опоясывающая сосуд. В центральной части тулова прочерчен тамгообразный знак. На дне имеются следы песчаной подсыпки. Второй сосуд имеет характерную особенность – овальный в горизонтальном плане венчик с зауженным и слегка вытянутым вверх краем диаметром 9.8х12.2 см (рис. 6:3). Диаметр короткой горловины составил не менее 11.2 см, наибольший диаметр тулова (расположен в нижней части сосуда – тоже характерная деталь) 22.1 см, диаметр дна – 14.6 см, высота 23.9 см. Сосуд изготовлен из запесоченной глины с редкими гравелитовыми включениями. Черепок полностью серого цвета. На поверхность тулова нанесено вертикальное лощение, которое сохранилось не везде, а только на тех фрагментах, которые подверглись дополнительному воздействию огня во время пожара. На дне отпечатался след квадратной деревянной (хорошо видна структура) оси круга.

Корчаги сохранились частично. В коллекции из заполнения колодца имеются фрагменты двух сосудов. У одной из них диаметр трубчатого венчика составил 56 см, диаметр короткой выделенной горловины 52.4 см (рис. 7:2). Изготовлена из запесоченной глины с незначительным количеством гравелитовых включений. Черепок серого цвета. Сосуд собирался ленточным налепом, а затем подвергался выбивке. Поверхность тулова заглаживалась и лощилась на круге. Лощение горизонтально-полосчатое. У второй корчаги диаметр трубчатого венчика составляет 59 см, диаметр короткой выделенной горловины 55.2 см (рис. 7:1). Черепок буро-коричневый в изломе и черный на поверхности. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, имеет следы техники выбивки. Поверхность, включая венчик, подвергалась горизонтально-полосчатому лощению на круге. Изнутри на сохранившейся части корчаги нанесены косые лощенные линии.

Баночные сосуды (название довольно условное) представлены тремя целыми и одним частично сохранившимся экземпляром. Один из них имеет диаметр отогнутого, утолщенного округлого венчика 10.8 см, диаметр выделенной короткой горловины – 9.9 см, наибольший диаметр вытянутого, яйцевидного тулова – 24.6 см, диаметр дна – 15 см, высота сосуда 30.7 см, толщина стенок 0.7-0.9 см (рис. 5:5). Верхняя треть тулова подвергнута горизонтально-полосчатому лощению, нижние две трети – вертикальному. Сосуд изготовлен из формовочной массы с минеральным среднезернистым отощителем (размер зёрен не более 0.5 мм). Дно изготовлено из двух лепешек и имеет следы снятия с круга ножом или проволокой. На тулове есть два пробитых снаружи отверстия. Этот сосуд был одним из самых нижних в заполнении колодца. Найден рядом с корчагой и челюстью свиньи. У второго сосуда диаметр отогнутого с вертикально срезанным краем венчика 14.2 см, диаметр горловины – 11.9 см, наибольший диаметр вытянутого тулова, приходящийся на его нижнюю часть, – 25.3 см, диаметр широкого дна – 20.4 см, общая высота сосуда 35.8 см (рис. 5:4). Внешняя поверхность подвергнута лощению в виде широких полос. Сосуд изготовлен из запесоченной глины. Черепок серый в изломе и темно-серый на поверхности. На дне имеется рельефный след в виде прямой линии (не по центру), видимо, от поверхности круга, а также следы подсыпки. Третий сосуд имеет диаметр венчика с вертикально срезанным краем 14.6 см, диаметр выделенной горловины – 8.7 см, наибольший

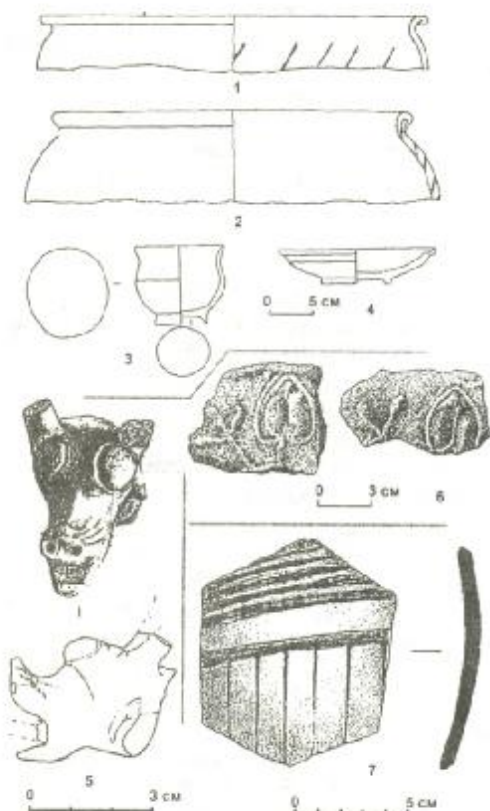

Рис. 7. Сосуды и предметы, найденные во время раскопок краскинского колодца.

диаметр яйцевидного тулова - 22,9 см, диаметр дна - 14,6 см, общую высоту - 31,1 см (рис. 5:3). Сосуд изготовлен из запесоченной глины, черепок серый в изломе и черный на поверхности. Тулово подвергалось горизонтальному лощению в виде широких серебристых полос. На днище проглядывают следы снятия с круга ножом или проволокой, а также круглый след, возможно, от оси круга. Кроме того, имеются следы песчаной подсыпки. От четвертого сосуда этого типа сохранилась только верхняя часть (рис. 5:6). Диаметр "двугубого" венчика составил 12,5 см, диаметр горловины - 8,6 см, наибольший диаметр тулова - 23 см. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, Черепок в изломе слоеный - серый-коричневый-серый, на поверхности темно-серый. На этом сосуде отчетливо видны признаки спирального кольцевого налета. Поверхность тулова заглаживалась и лощилась на круге. Лощение горизонтально-полосчатое, частое.

Сосуд с шаровидным туловом и широким дном, имеет отогнутый, округлый венчик с врезной линией с внутренней стороны (рис. 6:1). Диаметр горловины, хорошо очерченной, в виде усеченного конуса, составил 9,7 см в самой узкой части. У основания горловины имеется резкий уступ, переходящий в тулово, наибольший диаметр которого составил 21 см, диаметр дна 16 см. Сосуд изготовлен из запесоченной глины, черепок оранжево-коричневый в изломе и серый на поверхности. Верхняя треть тулова покрыта горизонтально-полосчатым лощением, нижние две трети подвергнуты вертикальному полосчатому лощению. На горловину нанесен зигзагообразный лощеный орнамент. Дно имеет следы мелкой песчаной подсыпки.

Чернолощенное блюдо (рис. 7:4). Его размеры составили: диаметр венчика 12,5 см, высота 2,8 см, диаметр кольцевого поддона 5,6 см, высота кольцевого поддона 0,5 см при толщине 0,5 см и толщине дна 0,5 см.

Деревянная чаша

Найдена на каменной вымостке дна колодца. Диаметр ее овального в плане выгнутого наружу венчика (она выточена вручную) составил 7,1х6,5 см, при этом его наибольший диаметр равен наибольшему диаметру тулова, высота чаши - 6,4 см, диаметр кольцевого поддона 4,2х3,8 см, при высоте кольцевого поддона 1,2 см. Толщина стенок в тонких частях не превышает 3 мм. Она лежала в положении вверх дном. Представляет собой уникальную вещь - до сих пор ни на одном бохайском памятнике, как в России, так и в КНДР, и Китае, не было найдено деревянных сосудов или изделий из дерева.

Заключение

Таким образом, раскопки колодца позволили не только познакомиться с устройством бохайского колодца, но и получить новую информацию о стратиграфии Краскинского городища на территории храмового комплекса. Погребенный дерн в этой части городища находился на глубине 260-270 см от дневной поверхности и содержал в себе культурные остатки в виде станковой керамики и образцов дерева со следами обработки. Сам колодец был сооружен не ранее черепичных печей №4 и №6, отходы из которых, наряду с отходами более ранних, залегающих ниже печей №5 и №8 были использованы при строительстве колодезной шахты. С другой стороны, сооружения верхней части колодца привязываются к самым верхним горизонтам памятника, по времени соотносясь с поздней галечной кладкой вала (Об устройстве вала см.: Ивлиев, Болдин, Никитин 1998).

Верхняя черепица, которая находилась в верхней и средней частях заполнения колодца по форме отличается от черепицы из кладки колодца. В отличие от последней её хвостовая часть оформлена уступом, для лучшего крепления черепицы на крыше. Как отметил Э.В. Шавкунов, это самый поздний тип черепицы, который встречался во время раскопок Борисовского и Корсаковского храмов, а также дворцовых и храмовых зданий на территории Верхней столицы в Дунцзинчэне, в том числе и на черепице с глазурью (Tung-Ching-Ch'eng 1939: fig. 48; Шавкунов 1995: 105; Раскопка 1994: 89, 387; Медведев 1998; Чжунго 1997: 101, рис.58, табл.84-87). На Краскинском городище эта черепица была использована только для одного западного угла центрального храма, что, по-видимому, означало начало ремонта крыши. Фрагменты такой черепицы также отмечались на уровне 1-2 пластов раскопок XI и XII. Печей, производивших эту черепицу на Краскинском городище, пока не найдено, её не встречено ни в котловане колодца, ни в кладке колодезной шахты. Раскопанные до этого печи, включая те, что расположены вблизи колодца, производили черепицу либо с гладкой, либо с гофрированной узкой хвостовой частью, как на черепице из Копытинского и Абрикосовского храмов (Шавкунов 1968: табл.24; Шавкунов 1995: 105). Такая же черепица содержалась в кладке шахты колодца.

Тип диска черепицы, фрагменты которого были найдены в кладке колодезной шахты и на галечном дне колодца (рис. 7:6), является более ранним, чем тот, что использовался для декора

верхней черепицы центрального храма на Краскинском городище и в Дунцинчэне (Tung-Ching-Ch'eng 1939: fig. 48, pl. LXXVII: 1; Государство Бохай 1994: рис. 7; Чжунго 1997: табл. 89: 1). Как показали раскопки 1999 г., на Краскинском городище этот тип диска относится к более раннему сооружению, фундамент которого был частично разрушен строительством центрального храма. Очевидно, колодец строился, когда диски этого типа уже выходили из употребления, скорее всего, одновременно со строительством центрального храма после разрушения предшествовавшего ему здания.

Всё это указывает на строительство и функционирование колодца в самый поздний период существования Краскинского городища.

Начало строительства самого городища, видимо, можно отнести ко времени не позднее переезда Да Циньмао в Восточную столицу примерно в 785-793 гг. (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984: 60), поскольку эта территория входила в столичную область Лунъюаньфу, будучи ближайшей к столице удобной для строительства морского порта гаванью. Не исключено, что город мог существовать и несколько ранее, так как именно область Восточной столицы в "Повествовании о Бохэе" "Синь тан шу" названа "дорогой в Японию", а бохайские посольства прибывали в Японию начиная с 727 г., причём только одно из них в 776 г. отправилось туда из более южного порта Тухаолу Южной столицы (Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984: 180). Гибель Краскинского городища, также следует связывать с разгромом Верхней столицы киданями, поскольку материалы, полученные во время раскопок на городище, включая самую позднюю форму верхней черепицы, аналогичны материалам Верхней столицы Бохая, прекратившей своё существование с упразднением здесь столицы марионеточного киданьского государства Дундань в 30-х годах X в. В пользу этого говорит и находка киданьского вазовидного сосуда в шахте колодца.

Разрушение колодца, по нашему мнению, отражает последний момент существования городища. Большинство сосудов из колодца, черепица, ветки дуба, каменная часть крышки колодца были брошены внутрь перед тем, как он был завален камнями. Кроме того, в верхней части колодца, выше уровня воды в нем, какое-то время пылал огонь (как, впрочем, и на территории храма в целом, включая стену, отделяющую храмовый комплекс от остальной части памятника). Часть толстой ветки, которая торчала немного наискосок среди сосудов и черепицы, сгорела, а часть законсервировалась в воде. Угли и обгоревшие тонкие веточки также сохранились, в конечном итоге оказавшись в зашпленном слое под каменной крышечкой. Флотация и промывка этого слоя дали также карбонизированные ботанические остатки, указывающие на большую вероятность того, что гибель колодца и городища произошла в начале осени.

Данный колодец по устройству своей каменной шахты довольно близок к колодцу, обнаруженному на городище Верхней столицы Бохая (Тю Ён Хон 1979: 66-67), а наличием деревянного сруба под каменной кладкой шахты и круглым сечением шахты вверху и квадратным внизу он идентичен когурёскому колодцу, раскопанному в Пхеньяне (Кан Тхэ Он 1986: 38-39). Совершенно новой, ранее нигде не встреченной деталью является выявленная в краскинском колодце оригинальная система фильтрации воды, состоящая из деревянных решёток и каменной вымостки дна, сохранившаяся благодаря высокому уровню грунтовых вод в этой местности.

Отличительной особенностью колодца из Краскинского городища является использование отходов черепичного производства при строительстве колодезной шахты. Фрагменты черепицы и керамики, использованные при строительстве колодца, дают представление об эволюции форм и декора черепицы на Краскинском городище, а также характеризуют отдельные стороны технологического процесса ее изготовления. Фрагменты каменного угля указывают на его применение для обжига черепицы.

Керамические сосуды из заполнения шахты колодца в целом довольно полно характеризуют набор типов форм бохайской керамики, встречающийся и на других бохайских памятниках, имеющих верхний строительный горизонт, относящийся к концу существования государства Бохай. Исключением являются киданьская ваза и фляга. Если ваза, своим происхождением несомненно обязана киданьскому гончару, то фляга сочетает в себе черты киданьских сосудов, уплощенных с двух сторон, с двумя парами петлевидных ручек (Ивлиев 1996: 31) и сосудов времени государства Объединенная Силла, уплощенных с одной стороны (Catalogue 1987: 74). Эта особенность сохранялась в корейской керамике и в дальнейшем в период Корё (Корё сидэ 1991: 71).

Важным вопросом, который необходимо затронуть, является назначение колодца. Согласно буддийским канонам, присутствующему на территории храма источнику придается особое значение, до некоторой степени даже ритуальное (Тян 1992: 122). Место строительства храма также священо и вряд ли совместимо с существованием на его территории каких-либо производственных объектов, включая печи для обжига черепицы. На территории храмового комплекса к настоящему моменту раскопано уже девять черепичных печей, которые, впрочем, могли рабо-

тать только в относительно краткий период строительства храмовых зданий для обеспечения этого строительства кровельной черепицей. Колодец располагается в непосредственной близости от печей и был построен с использованием отходов черепичного производства. Его назначение мы связываем в первую очередь с производственной необходимостью, хотя нельзя не отметить проведение ритуальной церемонии при его строительстве, а возможно и открытии перед началом использования.

ЛИТЕРАТУРА

- Государство Бохай 1994: *Государство Бохай (698-926 гг.) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Ивлиев А.Л. 1985. Киданьская керамика. *Древний и средневековый Восток*. Ч. I. М.: 100-125.
- Ивлиев А.Л. 1996. Керамические фляги киданей. *Древнее искусство тихоокеанских культур*. Вып. 9. Владивосток: 131-144.
- Ивлиев А.Л., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. 1998. Новые сведения о фортификации бохайских городищ. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: 152-156.
- Корё сидэ чильгырыт [Керамика эпохи Корё]. 1991. Выставка по специальной программе музея университета Ёнсе. Музей университета Ёнсе.
- Медведев В.Е. 1998. *Бохайская кумирня в Приморье*. Сеул: Хакъёнмунхваса.
- Раскопка 1994: *Раскопка памятников бохайской культуры Приморья в России*. Сеул.
- Тю Ён Хон. 1979. *Боккай бунка* [Культура Бохая]. Перевод [на японский язык] Исторического отдела Общества корейских учёных в Японии. Токио: Юсанкаку. (*Кокогаку сэисё*. Т. 16).
- Тян В.Д. 1992. Космос, гармония, храм. [Особенности храмового буддийского зодчества Корен в связи с учением пхунсу и древнекитайской философией]. *Этнографическое обозрение*, 1992, № 2: 116-132.
- Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. 1984. *Бохай ши гао* [Наброски к истории Бохая]. [Харбин]: Хэйлунцзяншэн вэньчжунь чубань бяньцзиши.
- Чжунго 1997: *Чжунго шэцзюйчжэнь каогунъчжэсо*. Людиншань юй бохайчжэнь. Тандай бохай-дэ гуицзю муди юй дучэн чжэси [Институт археологии Академии общественных наук Китая. Людиншань и Бохайчжэнь. Остатки кладбища аристократии и столичного города государства Бохай эпохи Тан]. Пекин: Изд-во Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ (Чжунго гунъе каогун баогао цзи [Собрание полевых археологических отчетов Китая.] Специальный археологический выпуск. Серия "дин", № 56).
- Шавкунов Э.В. 1968. *Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье*. Л.: Наука.
- Шавкунов Э.В. 1995. Раскопки на сопке Копыто. *Вестник ДВО РАН*, № 2: 103-107.
- Catalogue 16. 1987. *Special Exhibition of Earthenware and Stoneware (Unified Silla - Koryo)*. Seoul: Ewha Womans University Museum.
- Tung-Ching-Ch'eng. 1939. *Report on the excavation of the Site of the Capital of P'o-hai*. Tokyo (Archaeologia orientalis, Vol. V).

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Средневековое население Приморского края оставило после себя многочисленные следы в виде различных археологических памятников. Среди них достойное место занимают городища, под которыми здесь подразумеваются укрепленные, т.е. обнесенные земляными или каменными валами, а иногда и рвами, поселения различного назначения (города, временные военные лагеря, сторожевые посты и т.д.). Городищ к середине 90-х годов XX века в Приморском крае известно около сотни, но, несомненно, количество их на самом деле значительно больше и многие памятники еще ждут своего открытия для археологии.

В отечественной научной литературе уже накоплен достаточно большой опыт классификации городищ Приморского края. Так, еще в прошлом веке Ф.Ф.Буссе подразделял городища на долговременные и временные укрепления, отличавшиеся друг от друга мощностью и сложностью фортификационных сооружений (Буссе 1888: 12-13). Два типа городищ, террасовидные и обычные, выделял и В.К.Арсеньев. Под террасовидными он понимал горные городища, расположенные на склонах сопкок, искусственно прорезанных террасами под жилища и хозяйственные объекты, а под обычными - городища в долинах и на плоских вершинах, как правило, невысоких сопкок (Арсеньев 1947: 316).

Позже исследователи классифицировали уже городища отдельных культурно-исторических периодов средневековой истории. Так, М.В.Воробьев выделяет два типа (горные и долинные) городищ чжурчженей, причем не только отмечает их характерные особенности, но и сравнивает их с подобными памятниками других государственных образований Дальнего Востока (Воробьев 1968). Э.В.Шавкунов, в целом соглашаясь с его классификацией, добавляет еще один тип городищ - маленькие равнинные, сопровождающие некоторые большие городища (1990:55). Подробную классификацию бохайских памятников предложил В.И.Болдин. Он выделяет два типа городищ: долинные и горные. Каждый тип подразделяется еще на виды - долинные с простой и сложной фортификацией, и горные - на мысах, на сопках, отдельно стоящих в долинах и на мелкие горные укрепления, причем второй вид горных городищ в зависимости от размеров делится еще на два подвида (1992).

Не вдаваясь в подробный анализ всех достоинств и недостатков перечисленных выше классификаций, следует, однако, отметить одно немаловажное обстоятельство: отмечая разнообразие бохайских и чжурчженских городищ, они практически не затрагивают процесса эволюции этого типа памятников и совершенно не касаются огромного периода почти в двести лет (после падения бохайского королевства и до начала цзиньской империи), во время которого жизнь на территории Приморского края не замирала и который характеризуется довольно значительными культурными, этническими и политическими изменениями.

Цель данной статьи - по мере возможности восполнить отмеченные выше проблемы в изучении принципов средневекового градостроительства народов Дальнего Востока России.

Сразу следует оговориться, что не все известные на данный момент городища могут служить источником информации для данного исследования. Некоторые памятники частично или полностью разрушены строительными или сельскохозяйственными работами современного населения, некоторые, это в основном касается памятников северной части Приморья, недостаточно изучены в археологическом отношении, так как отдельные шурфы и даже небольшие раскопы не всегда дают достаточно материала для уверенной датировки и культурной интерпретации, а с некоторых памятников даже не сняты или не опубликованы планы. Все это вынуждает воспользоваться рассмотрением довольно ограниченного числа городищ Приморья, что в определенной степени может отразиться на итоговых выводах данной статьи.

Наиболее изученными в археологическом отношении являются горные городища чжурчженей. В разное время стационарные работы проводились на Ананьевском, Горнохуторском, Дубовой сопке, Екатериновском, Известковском, Константиновском I, Красноярском, Лазовском, Новогордеевском (Круглая сопка), Плахотнюкинском, Скалистом, Шайгинском и Шкляевском городищах. Все эти памятники расположены на довольно высоких, с крутыми труднодоступными склонами отрогах хребтов или на отдельностоящих сопках, но с обязательным прямым выходом в речную долину. Оборонительные сооружения в них устраивались с максимальным использованием особенностей рельефа. Так, валы старались насыпать либо по хребтам, соединяющим вершины сопкок, либо по верхнему излому склонов. Ворота находились в

наиболее удобных для подъема местах, но оснащались дополнительными защитными устройствами - надвратными и привратными башнями, полукруглыми и "Г"-образными валиками, удлиняющими проход в воротах, а иногда даже целой системой валов, образующей перед входом дворики с извилистым проходом и тупиками. В отдельных случаях в районе ворот могли насыпать дополнительные один или два вала. Все перечисленные городища имели так называемые внутренние города и различного вида источники питьевой воды. В фортификационном оформлении этих городищ большое место занимали башни, располагавшиеся довольно равномерно по всему валу. Исключение составляют Красноярское и Скалистое городища, на которых башен не зафиксировано. В отношении Скалистого городища вполне можно предположить, что роль башен могли играть многочисленные скальные выходы, во многом определяющие границы памятника и являющиеся естественной и надежной защитой города. В отношении же Красноярского городища логичное объяснение отсутствия башен на городском валу подобрать трудно. Возможно, городские стены на нем возводились задолго до того, как в Приморье проникли идеи необходимости возведения башен для повышения обороноспособности городов, а, возможно, роль башен могли играть многочисленные изгибы и повороты валов городища.

Все перечисленные выше городища имеют сходный археологический материал и, несомненно, относятся к одной культуре. По найденным на Шайгинском городище весовым гирикам, изготовленным во время существования на Дальнем Востоке государства Восточное Ся (Ивлиев 1990), а также относящейся к тому же времени железной весовой чашке (Шавкунов, Ленков 1990: 11-12) памятник уверенно датируется началом XIII века. Подобные же гирики найдены на Красноярском и Известковском городищах, что в очередной раз подтверждает их принадлежность к памятникам шайгинского времени.

Городские валы горных чжурчжэньских городищ насыпались, как правило, из земли и лишь в отдельных случаях на отдельных отрезках (Скалистое и, по-видимому, Известковское городища) он складывался из дикого камня. Земляные валы, по данным М.В.Воробьева (1968:72), были либо глинобитными, либо складывались из сырцового кирпича. Далеко не на всех горных городищах чжурчжэней Приморья исследовались крепостные валы. В тех же случаях, когда это делалось, картина была следующей: на Ананьевском (Хорев, Васильева, 1989: 10, рис. 2), Красноярском (Воробьев 1967: 430), Шайгинском (Шавкунов 1982: 33, рис. 2,5) и Новогордеевском (Шавкунов и др. 1971: 118, черт. №2) вал состоял из различных чередующихся слоев земли. В других случаях - на Известковском (Шавкунов В.Э. 1988: 8) и Горнохуторском (Васильева 1994: рис.50) городищах в разрезах вала не видно отдельных прослоек. Стен, сложенных из сырцового, кирпича на горных городищах чжурчжэней в Приморском крае не зафиксировано.

У большинства названных памятников есть еще одна особенность: наличие на территории городища, как правило, вблизи одних из ворот, насыпанного из земли подквадратной формы так называемого "редута", длина сторон которого равна 20-25 м. Внутри такого редута находились 3-4 небольших жилища (Галактионов 1983а), а сам редут традиционно считается ставкой главы нокомандующего или военного коменданта города. И здесь не обошлось без исключений. Редуты не зафиксированы на Скалистом и Известковском городищах. Однако последнее к началу его активного изучения было уже изрядно разрушено - была взорвана его вершина и часть южного края, а центр изрядно завален обломками скальной породы. Поэтому, не исключено, что редут не городище мог быть. Кроме перечисленных памятников, подобные редуты имеются на практике следующие датировать XIII в. и относить ко времени существования на Дальнем Востоке государства Восточное Ся. Кстати, такой же редут имеется на расположенном в Маньчжурии городище Чэнцзышань, являвшемся Южной столицей Восточного Ся (Цзилинь 1991: 108, рис.57).

Другие горные с башнями городища Приморского края (Кокшаровское IV, Новонезинское, Новопокровское, Орловское, Павловское I, Смоляниновское, Стоговское и Тигровое) либо практически не изучались, либо не дали какого-либо материала, позволяющего судить об их временной или культурной принадлежности. Однако сам факт наличия на них башен - бохайцы, по-видимому, башен не знали (Воробьев 1968: 68) - делает более вероятностную принадлежность их к чжурчжэньскому миру. Это, кстати, подтверждается и материалами из китайской провинции Цзилинь, где горные с башнями городища относятся либо к чжурчжэньскому (городище Ганьгоуцзы), либо к киданьско-чжурчжэньскому (городище Цяньцзинь) времени (Цзилинь 1991: 109-111).

Еще одной отличительной особенностью всех горных с башнями городищ является наличие на них одного или нескольких внутренних городов, при этом следует отметить, что выделение их происходило разными путями. Иногда валы как бы отсекали от города какую-то часть и тогда одной из сторон внутреннего города являлась внешняя городская стена (Горнохуторское,

Известковское, Скалистое городища), иногда внутри города выделялись отдельные, чаще прямоугольной формы, участки (Шайгинское, Лазовское городища), а иногда могли быть и оба типа внутренних городов на одном памятнике (Красноярское городище).

И последнее. У некоторых таких городищ есть непонятная пристройка - вне городища у подножия одного из склонов сопки имеется небольшое отгороженное валом от долины пространство (Шайгинское, Известковское, Новогордеевское и Горнохуторское городища). На Шайгинском городище через такой "внешний редут" была проложена траншея, но никаких остатков строений там обнаружено не было и назначение такого устройства осталось непонятым.

Таким образом, все исследованные горные городища с башнями относятся к одной культуре - чжурчжэней. Однако нельзя игнорировать тот факт, что большая часть их имеет интересное и неповторимое устройство - редуты, которые, похоже, находятся только на памятниках государства Восточное Ся (1215-1234 гг.). Возможно, приморские городища копировали устройство Южной столицы Восточного Ся. В таком случае они, несомненно, должны были функционировать, а может быть даже строиться в отмеченный короткий период. Горные же с башнями, но без "редутов" городища чжурчжэней либо строились до 1215 года, либо так до конца и не были достроены, как это произошло с Орловским городищем, на котором не только "редут", но и валы полностью не были насыпаны (Шавкунов 1990: 69).

Следующей категорией памятников Приморского края являются горные городища без башен - Ауровское, Заречное, Каменское, Кишиневское, Мономаховское, Отраденское, Саратовское, Синельниковское и Стекланухинское II. Они также расположены на вершинах или склонах сопки и обязательно имеют прямой выход в речную долину. Валы у них насыпаны из земли или дикого камня. По своим размерам эти городища несколько меньше городищ с башнями. Эти памятники изучены достаточно слабо. Раскопки проводились только на Кишиневском городище, но оно оказалось незамеченным и, по-видимому, до конца недостроенным (Леньков 1979: 7-8). На других городищах, которые по размерам значительно уступают Кишиневскому, раскопочные работы не проводились. Небольшие зачистки на Ауровском, Синельниковском и Мономаховском памятниках дают некоторые основания предварительно отнести их к бохайскому времени, но уточнить дату можно будет только после масштабных стационарных археологических исследований.

Есть еще два горных без башен на валах городища, которые находятся несколько особняком от перечисленных. Расположены они на перевалах между долинами рек (перевал Венюкова и Песчаный перевал) и стоят, таким образом, достаточно далеко от сколько-нибудь значительных водных артерий. Кроме того, строители городищ не стремились использовать естественные условия для обеспечения дополнительной защиты этих памятников, а специально располагали их на достаточно ровных участках. Видимо, именно с этим связана и форма городищ (близкая к правильным четырехугольникам), а не произвольная, обусловленная рельефом местности, как у остальных горных городищ. Археологические работы на этих памятниках не производились и культурный и временной диагноз их поставлен не был. Однако определенные предположения об их датировке сделать можно. Дело в том, что оба этих городища, по всей видимости, были основаны с целью контроля самого удобного пути из одной речной долины в другую, причем на водоразделе рек бассейна р. Уссури и Японского моря. Такой контроль на территории единой культурной общности вряд ли был необходим, да и не похожи они на все известные бохайские и чжурчжэньские городища Приморья. Скорее всего оба городища, поставленные на перевалах, предназначались для защиты внутренних районов от возможного вторжения с побережья. А за всю средневековую историю края самая реальная опасность этого была в конце XIII века. После неудачных попыток монголов в 1274 и 1281 гг. завоевать Японские острова, вполне можно было ожидать ответное вторжение. По всей видимости, именно в это время, т.е. в конце XIII - начале XIV вв. и были построены эти два городища.

На территории Приморья известна еще одна категория горных городищ - Горнореченское I, Константиновское IV, Новогеоргиевское II - которые правильнее было бы назвать укреплениями. Они небольшие по площади (порядка 0,1 га) и занимают вершины высоких сопки, расположенных вдоль долин рек. Форма их произвольная, продиктована, как правило, рельефом вершины. Немногочисленный археологический материал, полученный во время обследований таких укреплений, тяготеет к материалу с бохайских памятников. Культурный слой на них небольшой, а каких-либо остатков сооружений внутри них зафиксировать не удалось. Скорее всего эти укрепления являлись сторожевыми постами или сигнальными заставами, посредством которых велись наблюдения и контроль за наиболее удобными путями сообщений (Государство Бохай 1994: 67).

Довольно близко к горным городищам в топографическом плане находятся мысовые городища - Березовское, Ветка, Горнореченское II, Михайловское, Новоселищенское, Рудановское и

т.д. Эти памятники расположены на не очень высоких, но с крутыми склонами мысах, выдающихся в речную долину. Как правило, такие мысы имеют относительно плоскую вершину, на которой и насыпаны земляные валы. Иногда они окружают вершину со всех сторон, иногда только отсекают оконечность мыса от остальной части - в основном в тех случаях, когда склоны мыса достаточно круты и неприступны.

Городища на мысах изучены очень слабо. Лишь на Рудановском, имеющем, кстати, из всех мысовых городищ самую сложную систему фортификационных сооружений, проводились стационарные раскопки. Остальные памятники в лучшем случае просто шурфовались. Рудановское же городище является многослойным. Верхний слой относится к бохайскому времени и именно к нему следует относить основную часть фортификационных сооружений. Средний слой относится к польцевской (ольгинской) культуре I-V вв. н.э. и, по мнению Д.Л.Бродянского, первые валы на памятнике могли появиться в это время (1987: 183). Другие мысовые городища имеют фортификацию значительно менее сложную. Материал из шурфов на таких памятниках, как Новоселищенское (Ивлиев 1978: 70) и Можаяев ключ (Рубленко 1985: 6), относятся к мохэскому времени (V-VIII вв. н.э.). Два мысовых городища, аналогичных приморским, исследованы В.В.Поносовым недалеко от Харбина на территории Северо-Восточного Китая (1942). Собранные на них глиняные фигурки животных, имеющие большое сходство с мохэскими глиняными фигурками, найденными на Осиновском холме в Приморском крае (Окладников 1959: 182-185), дают основание отнести оба эти городища к мохэской археологической культуре.

Таким образом, из всех рассмотренных мысовых городищ, только одно, Рудановское, единственное имеющее достаточно сложную фортификационную систему, содержит бохайский слой. Все остальные относятся к более раннему времени. Но, возможно, некоторая часть таких памятников и более раннего происхождения.

В отечественной археологической литературе бытует мнение, что поселения ольгинской (польцевской) культуры Приморского края не имеют оборонительных сооружений (История 1989: 126). Однако есть определенные основания поставить это утверждение под сомнение. Один из памятников Приморья, Бельцово II, расположенный на левом берегу р. Арсеньевки недалеко от ее слияния с р. Уссури, верхний слой которого относится к ольгинской культуре, имеет довольно-таки своеобразную, хотя и простую систему защиты. Сам памятник расположен на более пологих северном и западном склонах горного отрога. С южной и восточной сторон он ограничен крутым скальным обрывом высотой около 80 м, а с северной и западной сторон укреплен искусственной террасовидной площадкой, врезанной в склон и подсыпанной с наружной стороны. Внешний скат этой узкой и длинной терраски довольно крутой, высотой около 1,5 м. С внешней стороны памятника склон этой терраски выглядит как самый настоящий вал и, видимо, она по замыслу должна была выполнять функцию защитного сооружения (Шавкунов В.Э. 1987: 14-16). Вполне возможно, что Бельцово II является одним из самых ранних городищ Приморского края. И хотя его скорее можно считать не мысовым, а горным памятником, фортификационная система у него очень схожа с таковой мысовых городищ. Поэтому не исключено, что часть городищ на мысах с простейшей (пересекающей мыс валом) фортификационной системой могла возникнуть в предшествующее мохэцам время, т.е. в I-V вв. н.э.

Кроме горных и мысовых городищ, в Приморье имеется довольно много памятников, расположенных в долинах рек. Они также делятся на несколько групп. Самыми изученными являются большие равнинные городища без башен на валах - Высокое, Горбатковское, Западно-Уссурийское, Краскинское, Николаевское I и II Михайловского района, Новогордеевское, Покровское, Старореченское и т.п. Эти памятники иногда имеют форму близкую к правильному четырехугольнику, иногда произвольную. Валы у них не очень высокие, насыпаны из земли, изредка облицованы диким камнем.

На некоторых памятниках удалось проследить устройство вала. Так, на Николаевском II городище в разрезе вала четко видно, что на земляной платформе, служившей основанием крепостного вала, с внутренней и внешней сторон сооружены из речной гальки невысокие стенки, вокруг которых насыпана земля (Болдин, Семенченко 1975: рис.5). Подобное устройство, по-видимому, было и у вала Краскинского городища. В некоторых случаях, например, на Николаевском I городище (Шавкунов 1994: 59) и в бохайском вале горного Новогордеевского городища (Болдин 1987: 89) скелет вала составляла не каменная, а деревянная стена.

Из перечисленных выше памятников стационарные раскопки проводились на Краскинском, Старореченском и обоих Николаевских городищах и везде материалы дают основания однозначно относить их к бохайской культуре. То же самое дала и шурфовка Высокого городища. На остальных памятниках этой группы работы ограничивались лишь сбором подъемного материала, который также в основном относится к бохайскому времени. Внешнее обустройство этих городищ полностью совпадает с собирательным образом равнинных бохайских городищ на тер-

ритории Китая и отличается от равнинных памятников других культур Приморья, Кореи и Северо-Восточного Китая (Воробьев 1968: 68-69). Все это дает основание отнести равнинные без башен городища Приморья ко времени вхождения части края в состав государства Бохай.

Другой многочисленной категорией долинных памятников являются городища с башнями. Они также имеют иногда произвольную, иногда близкую к четырехугольнику форму. Большинство таких памятников окружено валом со всех сторон, но иногда - Марьяновское и Николаевское Партизанского района (бывшее Сучанское) - вал на городище с одной стороны, там где есть значительная естественная защита в виде реки или крутого обрыва, либо отсутствует, либо является чисто символическим. Башни на таких городищах насыпаны возле ворот, на углах, а также по фронту вала на расстоянии 30-80 м одна от другой.

Описываемую группу городищ условно можно разделить на две подгруппы. В одну входят большие по площади и с более высоким валом - Марьяновское, Николаевское (Партизанский район), Чугуевское и Южно-Уссурийское. Все они содержат слои бохайского и чжурчжэньского времени. Разрезы вала Марьяновского (Шавкунов и др., 1971: 68), Чугуевского (Иваньев 1951: 297) и Южно-Уссурийского (Забелина 1960: 378) городищ показывают, что крепостные стены на них на определенном этапе надстраивались. Видимо, эти городища образовались в бохайское время и были без башен. Позже чжурчжэни, поселившиеся на тех же местах, насыпали валы и в соответствии со своими фортификационными взглядами возвели на них башни. Данные по валам Николаевского городища отсутствуют, но можно с уверенностью предположить, что и там будет наблюдаться такая же картина.

К сожалению, все четыре перечисленных городища подверглись значительным разрушениям уже в наше время - Чугуевское и Южно-Уссурийское застроены, а остальные распаханы так, что верхний (чжурчжэньский) слой на них практически уничтожен, поэтому сейчас уже невозможно определить на какой стадии чжурчжэньской истории они функционировали. Находки северосунских и чжурчжэньских монет позволяют с большой долей уверенности предполагать конец XII - начало XIII вв. Правда, на Южно-Уссурийском городище был найден весовой диск 1230 года (Ивлиев 1990: 5), который мог бы свидетельствовать о функционировании памятника и во время государства Восточное Ся, но условия нахождения диска неизвестны и гарантией точной датировки городища он служить не может.

Другая подгруппа равнинных с башнями городищ состоит всего из трех памятников - Богуславского, Майского и Пограничного городищ. Их объединяют следующие факторы: меньшая по сравнению с первой подгруппой площадь, почти правильная квадратная форма и меньшая высота валов. Кроме того, расположены они относительно близко друг от друга - в западной части Приморского края. Археологическим стационарным работам подверглось только Майское городище. Своеобразный археологический материал памятника - близкие к бохайским изделия из кости и формы венчиков сосудов из нижних частей слоя и типичные для чжурчжэней изделия наряду с нумизматическим материалом XI-XII вв. в верхней его части дают основание отнести городище к ранним чжурчжэням и датировать его началом эпохи Цзинь, т.е. XII веком (Ивлиев 1978: 29-30). На остальных двух городищах производились только визуальные наблюдения и сбор подъемного материала, который также дает основания относить эти памятники к цзиньскому времени. В целом же форма и размеры всех трех городищ более всего подходят под описание ранних цзиньских крепостей - детинцев, распространенных в Маньчжурии чжурчжэньских поселений (Ивлиев 1983: 130).

Последней большой группой укрепленных памятников Приморья являются маленькие равнинные городища. Обычно это квадратной формы (реже близкой к круглой) укрепления с небольшой высотой валов и без башен. Самое крупное из них - Садовый ключ (80х90 м). Остальные - Лобановка I и II, Вострецовское, Кокшаровское III, Верхнебуреевское, Павловское II и III - значительно меньше. Кроме перечисленных есть еще несколько подобных памятников, расположенных рядом с большими городищами - Богуславским, Южно-Уссурийским, Западно-Уссурийским и Шайгинским - специального названия не имеющие. Часть из них к тому же уже уничтожена пахотными работами. Ни на одном из таких городищ стационарных работ не проводилось и датировка их не определена. Назначение их тоже не ясно. Л.А.Кропоткин предполагал, что такой объект, расположенный возле Южно-Уссурийского городища, мог служить для защиты водоема для потребностей гарнизона самого городища (Буссе, Кропоткин 1908: 16). В.К.Арсеньев считал их "осаждающими укреплениями" (1947: 317), т.е. лагерями войск, осаждающих большое городище. Однако, оба предположения совершенно не объясняют наличие таких укреплений вдали от больших городищ и тем более маленьких укреплений, расположенных сериями, недалеко друг от друга, как это имеет место, например, с Павловскими или же Лобановскими, которых, по некоторым сведениям, было одиннадцать (Шавкунов и др., 1971: 75).

Помимо перечисленных выше больших групп городищ, в крае есть еще несколько памятников, отличающихся от остальных своей необычностью. Это, во-первых, два городища в долине р. Уссури - Кокшаровские I и II. Оба памятника являются долинными и имеют произвольную форму. Главное, что отличает их от всех остальных городищ, это количество башен - их на каждом из памятников всего по одной. Хотя на них не проводились стационарные археологические работы, считается, что оба памятника содержат бохайский слой (Государство Бохай 1994:60), а Кокшаровское I еще и чжурчжэньский (Шавкунов 1990:55). Однако, у бохайских городищ башен не было, а чжурчжэньские, наоборот, имели угловые, привратные и фронтальные башни (Воробьев 1968:71), что подтверждается материалами из Приморья и Маньчжурии. После гибели чжурчжэньского государства Цзинь на территории Северо-Восточного Китая происходит упадок фортификационной техники и в юаньское время (XIII-XIV вв.) башни на стенах располагались произвольно (Воробьев 1968: 69). Не улучшилось положение и в послеоаньское время - в провинции Цзилинь известно городище, относимое китайскими исследователями к позднечжурчжэньскому племени Ехэ и датируемое концом минского (XIV-XVII) периода. Это равнинное, произвольной формы городище, имеющее всего две башни (Цзилинь 1991: рис.47). По своей внешней архитектуре это самый близкий кокшаровским памятник.

К сожалению, материалы минского времени в Приморье практически не известны и сравнивать кокшаровский подъемный материал, представленный в основном керамикой, не с чем. Хотя внешне эта керамика (Галактионов 1983б: рис.14-19) имеет в отдельных экземплярах достаточно сходства с бохайской, но в ней есть и существенное своеобразие как в орнаменте, так и в формах сосудов и их элементов. Учитывая все выше сказанное, уже не должно казаться необоснованным предположение о возможности более поздней (XIV-XVII вв.) датировки Кокшаровского I и Кокшаровского II городищ.

Еще одним, выпадающим из общего ряда, памятником является городище Батюки, находящееся недалеко от районного центра Лазо. Это также равнинное городище, имеющее правильную квадратную форму и ориентированное строго по сторонам света. Внутри него имеется квадратный в плане внутренний город, обнесенный двойным рвом и имеющий одну общую стену с внешним городом. На территории внутреннего города, в свою очередь, имеются еще обвалованные участки, а также небольшие обвалованные западинки по всему городищу. Ворота и башни на валу расположены без особой системы. Датировочного материала с памятника получено не было. В Приморье, кроме описываемого, подобные памятники не известны, а по материалам Северо-Восточного Китая наиболее близкие ему городища, видимо, были в юаньское (XIII-XIV вв.) время и характерно для них было "разное количество башен по стенам и разное расстояние между ними, ворота не в центре стен, с различными валиками или вовсе без них" (Воробьев 1968: 69).

И, наконец, последнее из необычных городищ Приморья - это городище на Красном мысу в Уссурийском заливе. По своим фортификационным сооружениям этот памятник довольно близок мысовым городищам - вал отсекает от остального массива небольшой участок полуострова. Остальные границы памятника представляют собой естественную защиту в виде почти отвесных скал, окруженных морем или же небольшими песчаными косами. Однако в отличие от мысовых городищ вал Красного мыса имеет насыпные башни и ворота, которые к настоящему времени разрушены, но, похоже, в древности имели "Г"-образный защитный бруствер. Кроме того, это единственное в Приморье городище, находящееся непосредственно на берегу моря. На территории памятника имеется много небольших западин - остатки жилищ. Одно из них было раскопано Ф.Ф.Буссе и В.П.Маргаритовым, но датировочного материала получено не было. Правда, на протяжении 1,5 верст от вала на полях встречалась черепица, а также была найдена сунская монета конца X века. Скорее всего само городище является укрепленным детинцем средневекового города, что характерно для культуры чжурчжэней первой половины XII века. Да и сами жилища по своим размерам уступают наиболее типичным жилищам верхнего строительного горизонта чжурчжэньских городищ XIII в. и более близки к жилищам нижнего горизонта. Все вместе взятое может, пожалуй, свидетельствовать о датировке городища на Красном мысу XII веком.

Таким образом, обзор основных групп средневековых городищ Приморского края может, с одной стороны, облегчить в дальнейшем датировку новых открытых памятников, а с другой стороны, наметить эволюцию этой категории поселений. Самые первые укрепленные земляным валом поселения появились в первой половине I тыс. н.э. (Большово II и, возможно, Рудановское). В мохэское время (V-VIII вв. н.э.) мысовые городища получают уже гораздо большее распространение. В VIII веке в результате включения края в состав королевства Бохай и, как следствие этого, смены хозяйственного уклада (переход от охоты к земледелию и животноводству) появляются равнинные городища, хотя в отдельных местах (Рудановское, Новогордеевское, Известковское городища) еще сохраняются поселения на мысах и невысоких сопках. По-

видимому, в X веке в результате начала агрессии против бохайцев киданей в крае появляются довольно большие по площади горные городища (Ауровское, Отрадненское). После падения Бохая оставшееся население, скорее всего, продолжало жить либо в неукрепленных поселениях, либо в прежних городах. В начале XII в. с включением земель в состав государства чжурчжэней на прежних равнинных городищах происходит их реконструкция - валы увеличиваются, на них появляются башни (Чугуевское, Марьяновское и т.д.). В то же время в степной зоне края образуются новые (Майское, Богуславское, Пограничненское) городища, появляется и морской порт (Красный мыс). В конце XII - начале XIII вв. чжурчжэни строят ряд больших горных городищ с башнями на валах и, скорее всего, лишь в XIII веке во время существования на Дальнем Востоке государства Восточное Ся на многих горных городищах устраиваются "редуты" - своеобразные ставки высшего военного командования городов. Пока остается проблематичным время возникновения самых маленьких равнинных и горных укреплений.

В послезиньское время в восточных районах края возникает ряд городищ (Батюки, Песчаный перевал, Перевал Венюкова), которые, видимо, служили форпостами для отражения возможного вторжения на материк японских войск из северных районов архипелага. И, наконец, самыми поздними по времени (XIV - XVII вв.) городищами в крае являются долинские с единственной башней на городских стенах - Кокшаровское I и Кокшаровское II. Население этих и им подобных городищ было переселено Нурхаи и его преемниками на территорию Маньчжурии, после чего край опустел и больших поселений основывать уже было некому.

Предложенная культурно-хронологическая разбивка городищ по внешним топографическим признакам является первым опытом подобного рода для памятников Приморского края. Несомненно, проверить правомочность такого подхода можно только после масштабных археологических работ на каждой категории городищ. Определенные коррективы в предложенную схему могут внести такие факторы, как географическое положение объектов, их размеры, административное значение, внутренняя топография и т.п. Практическое решение этих вопросов еще далеко и поэтому теоретическое обоснование культурно-хронологической таблицы памятников должно, с одной стороны, помочь в датировке новых открытых памятников, а с другой стороны, определить приоритетные городища для исследования конкретных этапов средневековой археологии южной части Приморского края.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев В.К. 1947. Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. *Сочинения*. Т. 4. Владивосток: 313-318.
- Болдин В.И. 1989. Итоги изучения бохайского слоя на Новогордеевском городище в 1987 году. *Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 86-91.
- Болдин В.И. 1992. Бохайские городища в Приморье. *Россия и АТР*, № 2: 58-69.
- Болдин В.И., Семениченко Л.Е. 1975. Отчет об археологических исследованиях на Николаевском городище II в Приморском крае в 1975 году (Архив ИА РАН, Р.1, д.5646).
- Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: ДВГУ.
- Буссе Ф.Ф. 1888. Остатки древностей в долинах Лефу, Даубихэ и Улахэ. *Записки общества изучения Амурского края*, Т. 1. Владивосток.
- Буссе Ф.Ф., Кропоткин Л.А. 1908. Остатки древностей в Амурском крае. *Записки общества изучения Амурского края*, Т. 12. Владивосток: 1-66.
- Васильева Т.А. 1994. Отчет об археологических исследованиях на Горнохуторском городище в Приморском крае в 1994 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 396).
- Воробьев М.В. 1967. Развалины дворца в Краснояровской крепости в Приморье. *Историко-филологические исследования. Сборник статей к 70-летию акад. Н.И.Конрада*. М.: 430-435.
- Воробьев М.В. 1968. Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения. *Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР*. Вып. 5. Л.: 60-73.
- Галактионов О.С. 1983а. К вопросу о так называемых "редутах". *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 107-114.
- Галактионов О.С. 1983б. Отчет об археологической разведке в Приморском крае в 1983 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 195).
- Государство Бохай 1994: *Государство Бохай (698-926) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Забелина Н.Н. 1960. К исторической топографии г. Уссурийска. *Вопросы географии Дальнего Востока*. Вып.4. Хабаровск: 374-390.

- Иваньев Л.Н. 1951 Древности села Чугуевки в Приморском крае. *Советская археология*, Т. XV: 296-298.
- Ивлиев А.Л. 1978. Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году (Архив ИА РАН, Р.-1, № 7478).
- Ивлиев А.Л. 1983. Городища киданей. *Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий*. Владивосток: 120-133.
- Ивлиев А.Л. 1990. Новые материалы о средневековых бронзовых дисках из Приморья. *Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур*. Владивосток: 5-18.
- История 1989. *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века*. М.: Наука.
- Леньков В.Д. 1979. Отчет об археологических исследованиях в Приморском крае в 1979 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 141.)
- Окладников А.П. 1959. *Далекое прошлое Приморья*. Владивосток: Приморское кн. изд-во.
- Поносов В.В. 1942. Доисторическая скульптура из окрестностей Харбина. *Сборник научных работ пржевальцев*. Харбин: 59-62.
- Рубленко Н.Г. 1985. Археологическая разведка в Лазовском районе Приморского края в 1985 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 331).
- Хорев В.А., Васильева Т.А. 1989. Крепостной вал Ананьевского городища. *Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов)*. Южно-Сахалинск: 8-12.
- Шавкунов В.Э. 1987. Отчет об археологической разведке в Яковлевском районе Приморского края в 1987 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 228).
- Шавкунов В.Э. 1988. Отчет об археологической разведке в Шкотовском районе Приморского края в 1988 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 351).
- Шавкунов Э.В. 1982. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1982 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 181).
- Шавкунов Э.В. 1990. *Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока*. М.: Наука.
- Шавкунов Э.В. 1994. Бохайские памятники Приморья. *Реконструкция корейской истории в северо-восточной части Китая и восточной части России*. Сеул: 57-64. (на корейском языке).
- Шавкунов Э.В., Галактионов О.С., Семениченко Л.Е., Васильев Ю.М. 1971. Отчет о полевых исследованиях на территории Приморского и Хабаровского краев в 1971 году (Архив ИА РАН, Р.-1, № 4537).
- Шавкунов Э.В., Леньков В.Д. 1990. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Партизанском районе Приморского края в 1990 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф.1, оп.2, № 358).
- Цзилинь шэн чжи 1991: *Цзилинь шэн чжи* [Описание провинции Цзилинь]. Т.43. *Вэньу чжи* [Описание древностей]. Чанчунь (на китайском языке).

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ДЕРЕВА И КОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕ И БЫТУ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

В настоящей работе продолжена систематизация костяных, а также деревянных изделий со средневековых памятников Приморья, рассматриваются некоторые технологические особенности их изготовления в домашних условиях. Две данные категории артефактов объединены, так как приемы обработки дерева и кости, инструментарий, используемый для этой цели, сходны между собой. Разница здесь лишь в большей твердости кости, которая требовала от мастера большей изощренности приемов и более совершенных инструментов (Рыбаков 1948: 413). В статье использованы материалы с наиболее изученных памятников чжурчжэньской эпохи в Приморье Шайгинского, Ананьевского, Новогордеевского, Майского городищ, Осиновского, Аргановского селищ.

Классификация сделана по функциональному признаку, за основу взята разработка И.А. Закировой (Закирова 1988: 220-243).

Группа I. Орудия труда и предметы домашнего обихода.

Первая категория - рукояти (Табл. I, 1, 2), 17 экз. Обнаружены на Шайгинском, Ананьевском городищах. Материалом для их изготовления служила кость и дерево. Они представляют собой одно и двусоставные пластины из рога или кости шириной 0,4-1,3, толщиной 0,2-0,4 см. Длина сохранившегося экземпляра 10,5 см. Одна рукоять деревянная, втульчатая, длина 10,9 см, толщина 0,7 см. В сечении прямоугольные, либо овальные, оконечность закруглена.

Вторая категория - шилья, проколки (9 экз.). Найдено одно шило из рыбьей косточки с Майского городища (Ивлиев 1981: Рис. 44, 2), аналогичное бохайскому (Лещенко, Болдин 1990: 2), а также костявые и роговые проколки, чуть изогнутые, заостренные на конце, с Осиновского селища (Никитин 1986: Рис. 38, 1, 3) и фрагменты с Шайгинского городища. Длина от 12,2 до 13,8 см.

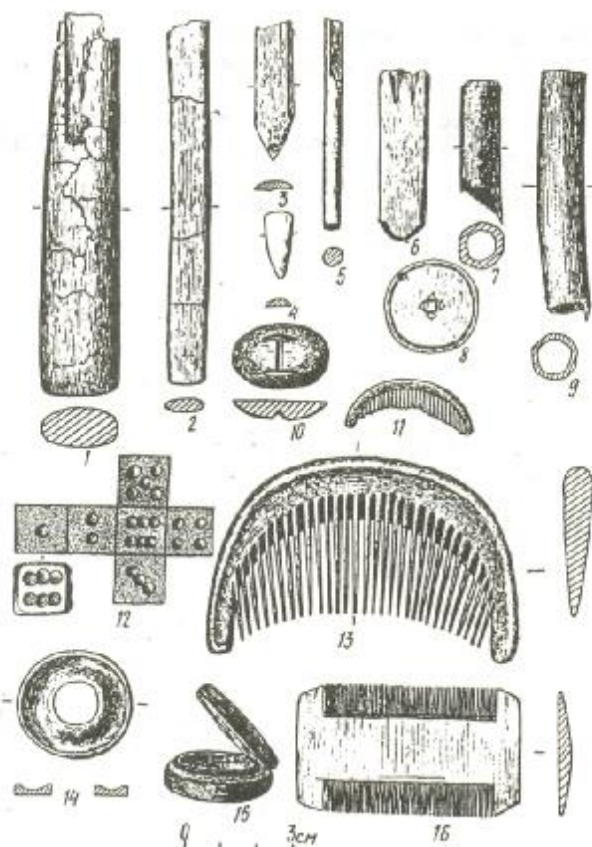

Табл. I. Легенду см на стр. 175.

Третья категория - ножи для копья женьшени (Табл. I, 3, 4, 26), 5 экз. Изготавливались из обработанного ребра животного. Они плоские, чуть изогнуты в нижней части, заострены. Длина сохранившегося, найденного на Осиновском селище и первоначально трактуемого как шорная игла (Никитин 1986: рис. 38, 2) 13,6 см. Аналогичные приспособления существовали у бохайцев (Лещенко, Болдин 1990: 3). Подобными ножами пользовались удгейцы для женьшеневого промысла (Арсеньев 1947: 240; Бранловский 1901: 85; Ларькин 1959: 141).

Четвертая категория - игольники (Табл. I, 7), 5 экз. Сделаны из трубчатых костей животных. Обнаружены в целом и фрагментарном виде на Шайгинском городище. Длина 6,8, диаметр 0,9-1,7, толщина стенок 0,2-0,3 см.

Аналогичные костяные игольники встречались у бохайцев (Лещенко, Болдин 1990: Табл. I, 8). До недавнего времени костяными игольниками пользовались коренные народности Дальнего Востока (Браиловский 1901: 137; Лопатин 1922: 148; Маак 1859: 207).

Пятая категория - наковаленка ювелира (Табл. I, 18), 1 экз. Обнаружена на Шайгинском городище. Сделана из задней стенки метатарзальной кости изюбра, превращенной в пластину с лунковидным углублением для выбивки из бронзовых или серебряных пластин полусферных блях, предназначавшихся для декорирования седел и других предметов снаряжения верхового коня (Шавкунов 1977: 12).

Шестая категория - ложки (4 экз.). Овальная форма, 3,8х9 см. Сделаны из кости изюбра, оленя. Обнаружены на Майском, Шайгинском городищах, Осиновском селище. Подобные ложки встречены на бохайских памятниках Приморья (Лещенко, Болдин 1990: Табл. I, 12), т.е. прослеживается определенная традиция у средневекового населения Дальнего Востока, которая впоследствии продолжается коренными народностями Дальнего Востока, использовавшими в качестве материала и дерево (Лопатин 1922: Табл. XXVII, 71).

Седьмая категория - костяные палочки для еды (Табл. I, 5, 25), 16 экз. Встречены на Майском, Новогордеевском, Шайгинском городищах, Аргановском селище. Длина 21,1-23,8 см, в сечении прямоугольные, овальные, круглые.

Восьмая категория - деревянные чаши (Табл. I, 19, 20), предположительно 8 экз., так как встречены лишь фрагментарно. Обнаружены на Шайгинском, Ананьевском городищах. Представляют собой небольшие, диаметром около 3,5 см чаши с прямым венчиком, часто с бороздкой. Толщина стенок 0,3-0,7 см.

Группа II. Предметы конской упряжи.

Первая категория - путовые петли (Табл. I, 21), 2 экз. Обнаружены на Шайгинском городище. Аналогичный предмет конской упряжи широко распространен в кочевнических средневековых памятниках (Могильников 1981а: рис. 19, 66, 67; Могильников 1981: рис. 26, 14, 16; Кызласов Л.Р. 1981: рис. 30, 67).

Группа III. Предметы туалета и украшения.

Первая категория - гребни (Табл. I, 11, 13, 16). Материалом для изготовления служила как кость, так и дерево. Обнаружены на Шайгинском, Ананьевском, Майском городищах.

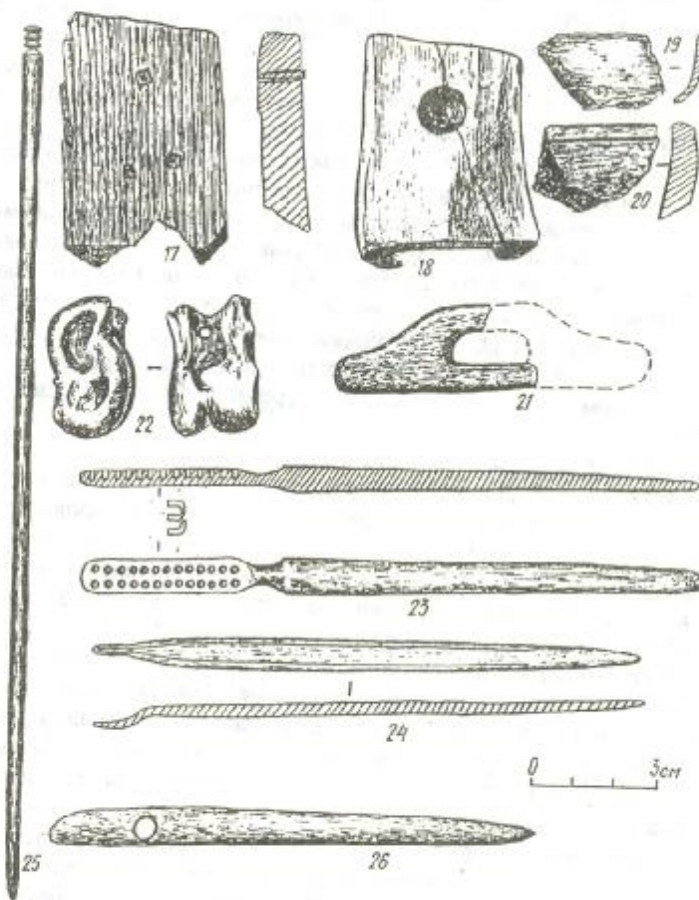

Табл. I. Продолжение. Изделия из кости и дерева с чжурчженских памятников Приморья: 1, 2, 6 - рукоятки (дерево, кость); 3, 4 - фрагменты ножей для ковки женьшеня (кость); 5 - палочка для еды, фрагмент (кость); 7 - игольник (кость); 8 - монетовидный амулет (дерево); 9 - ворворка - (кость); 10, 12 - фишки (кость); 11, 13, 16 - гребни (кость, дерево); 14 - кольцо (кость); 15 - коробочка (кость); 17 - предмет неизвестного назначения (дерево); 18 - наковаленка ювелира (кость); 19, 20 - фрагменты деревянных чаш; 21 - петля от пут (кость); 22 - альчик (кость); 23 - щетка (кость); 24 - заколка (кость); 25 - палочка для еды (кость); 26 - нож для ковки женьшеня (кость).

Вид I - односторонние гребни. Костяные (17 экз.) полуовальной формы. Ширина основания 0,2-0,4; толщина 0,2-0,7 см. Зубья пропилены с двух сторон. Деревянные (31 экз.) полукруглой или полуовальной формы. Ширина основания 0,4-1,5, толщина 0,4-1,5, длина 8,5-11, диаметр изгиба 5,5-6 см. Зубья пропилены с двух сторон, расстояние между зубьями 0,2 см, длина зубьев 3,5-5 см.

Вид II - двусторонние гребни (4 экз.), деревянные, прямоугольной формы, одна сторона чуть выпуклая. Обнаружены на Шайгинском городище. Размеры сохранившегося гребня 6,3х3,7, толщина 0,35-0,4 см.

Гребни как предмет ухода за волосами вошли в употребление еще в эпоху мезолита (Сокольский 1971: 138). Односторонние гребни с округлым верхом - традиционная форма, которая существовала на Дальнем Востоке в течение длительного времени. В Китае подобные гребни отмечены в цзиньских могильниках (Дьяконова 1976: 185), а также в сунских и минских могильниках (Цзе Си-гун 1963: Табл. 8, 5; Сунь Вэй-чан, Ни Вань-цзюнь 1963: Табл. 8, 3; Шао Цзянь-бай 1986: 920, 5, 6). В Монголии - в коллекции костяных изделий из Кара-Корума (Левашева 1965: 309, рис. 163, 2), в монгольских погребениях XIII-XIV вв. (Ковычев 1984, Рис. 16). В коллекции изделий из Хара-Хото имеются деревянные гребни двух типов: односторонние с округлым верхом и двусторонний частый гребень (Фонды Государственного Эрмитажа, X-3343, X-3344).

Вторая категория - костяные щетки (Табл. I, 23), 13 экз. Обнаружены на Шайгинском, Майском городищах. Длина сохранившегося изделия 15, ширина 0,8-1,4, толщина 0,3-0,6 см. Верхняя, т.е. рабочая часть этого изделия имеет с одной стороны множество парных отверстий, куда вставлялась щетина (0,15-0,2 см), а с обратной стороны посередине проходил неглубокий желобок. Ручка щетки чаще всего прямоугольная в сечении, на лицевой стороне имелись 2-4 бороздки. Поверхность изделий залощена. Подобные костяные щетки встречались у средневековых хакасов X-XIV вв. (Кызласов И. Л. 1981: рис. 74-75).

Третья категория - костяные головные закладки (Табл. II, 8), 6 экз. Найдены на Шайгинском, Майском городищах, Осиновском селище. Длина сохранившегося экземпляра 13,2 см. На чжурчженских памятниках Приморья встречаются аналогичной формы закладки из бронзы.

Четвертая категория - костяные косметические коробочки (Табл. I, 15), 3 экз. Обнаружены на Шайгинском городище. Круглой формы, диаметром 3 см и состояла из нижней половинки и крышки.

Пятая категория - костяные и роговые сферической формы наременные накладки (6 экз.). Встречены на Шайгинском городище. Круглой формы, диаметром 1,5-2,5 см. В центре сквозные отверстия. Одна сторона у них плоская, другая в форме полусферы, высотой 0,3-0,4 см.

Шестая категория - костяные кольца (Табл. I, 14), 3 экз. Найдены на Шайгинском городище. Диаметр 3, толщина 0,3 см.

Седьмая категория - костяные ворворки (Табл. I, 9), 5 экз. Обнаружены на Майском, Шайгинском городищах. Сделаны из трубчатых костей животных. Длина 5,7-7,5, толщина 0,1-0,2 см.

Восьмая категория - деревянный монетовидный амулет (Табл. I, 8). Обнаружен на Шайгинском городище. Диаметр изделия 2,7 см, с краю имеется отверстие для подвешивания диаметром 0,2 см, в центре ажурное крестовидное отверстие.

Группа IV. Предметы для игр.

Первая категория - фишки (Табл. I, 10, 12), материал - кость, рог, дерево.

Вид I (4 экз.) - кубической формы. На каждой грани имеется от 1 до 6 круглых вдавлений, обозначающих число. Обнаружены на Шайгинском городище.

Игра в кости широко была распространена среди всех азиатских народов - и оседлых, и кочевых (Плетнева 1967: 157). Аналогичные кубики найдены в Саркеле (Там же: рис. 46, 6, 7).

Вид II - овальной формы из рога (3 экз.) Обнаружены на Шайгинском городище. Размеры 1,6х2,4 - 1,9х2,6 см. Фишки в форме овала размерами 2х1,5, толщиной 0,5 см зафиксированы на Ананьевском городище (4 экз.). Сделаны из дерева.

Вторая категория - альчики (Табл. I, 22), 42 экз. Встречены на Шайгинском, Ананьевском, Новогордеевском, Майском городищах, Аргановском, Осиновском селищах. Они использовались в качестве игровых костей. Но есть и такие, которые употреблялись как энцик. Их отличительной чертой является наличие сквозного отверстия для шнура (Shavkunov 1975: 26). Встречаются и астрагалы крупных животных со сработанной поверхностью. Они могли использоваться в качестве лошад. Особенно характерные экземпляры обнаружены на Осиновском селище (Никитин 1986: рис. 44).

Попытаемся проследить некоторые технологические особенности изготовления чжурчженскими Приморья перечисленных предметов из кости и дерева.

Процесс обработки кости довольно подробно описан в литературе (Изюмова 1940:15-25). Он состоял из ряда этапов - отбор сырья, обезжиривание, удаление суставов срезом ножа или сколом топора, размягчение, резьба, шлифовка, полировка. Мастера изготавливали необходимые вещи различными способами - спиливали, срезали, высверливали, стесывали ненужные части (Петерс 1986: 23).

Деревообрабатывающий инструментарий чжурчжэней был частично описан ранее. Он включает в себя топоры, тесла, напильники, долота, пилки, скобели, сверла, резцы (Леньков 1974: Табл.29). С тех пор значительно расширился ассортимент инструментария по обработке дерева и кости. Зафиксированы новые виды и типы пил. Известно, что существуют пилы для поперечного (с треугольными зубьями) и для продольного пиления дерева и кости (зуб под углом 90°) (Колчин 1985: 256).

К настоящему времени чжурчжэньские пилы в зависимости от формы полотна можно разделить на следующие виды.

Вид I (Табл. II, 5), 1 экз. Обнаружен на Шайгинском городище - пила для поперечного пиления дерева. Имеет дугообразную форму, две рукоятки, которые вставлялись в деревянные пазы. Ширина полотна 4,2, длина 18,5, толщина 0,1 см. Зубья треугольной формы, расстояние между ними 0,5-0,7 см.

Вид II (Табл. II, 3, 4, 6) - пилы прямоугольной формы. Обнаружены на Шайгинском, Майском, Ананьевском городищах, Аргановском селище. В данном виде можно выделить два типа пил. 1-й (14 экз.) - пилы прямоугольной формы с шириной полотна 2,5-3,5 см имеют с треугольными зубьями для поперечного пиления дерева и с отклоненными в сторону зубьями. Длина от 11 до 23, толщина 0,1-0,25 см. По бокам отверстия, часто с пробитыми штифтами. Тип 2-й - 19 экз. Ширина полотна 1-1,8, длина 13,5-23,5, толщина 0,1 см. На концах полотно заканчивается крутыми петлями для крепления к раме. Шаг зуба 0,2-0,5 см. Пилы видов I и II использовались как европейскими, так и азиатскими народами (Колчин 1985: табл. 99, 7). У якутов в XIX - начале XX вв. это были традиционные орудия, применявшиеся для маленьких

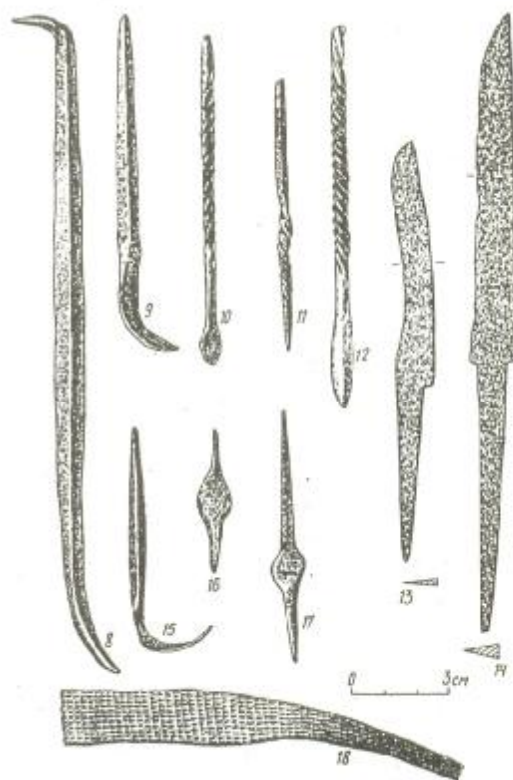
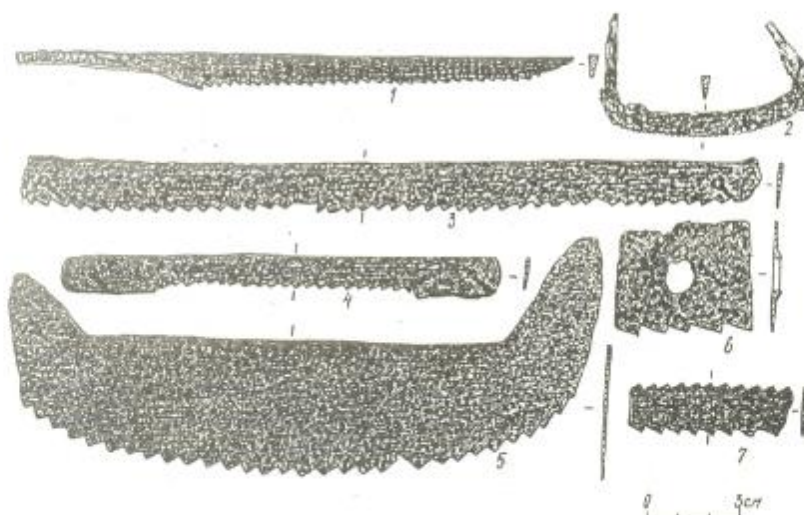

Табл. II. Инструментарий по обработке дерева и кости: 1 - пилка-ножовка; 2 - пилка скобелевидной формы; 3, 4, 6 - пилы с прямоугольным полотном; 5 - пила дугообразной формы; 7 - двухсторонняя пилочка; 8, 9, 15 - ложки; 10-12 - спиралевидные сверла; 13, 14 - ножи; 16, 17 - лучковые сверла; 18 - рашпиль.

поделок, в основном для столярного дела (Зыков 1989:120). Тип III (табл. II, 7), 1 экз., обнаружен на Шайгинском городище. Двусторонняя пилочка. Верхний ряд зубьев имеет форму треугольников, на нижнем ряду зубья под углом 90°. Ширина полотна 1, толщина 0,15, ширина шага зубьев 0,5 см.

Вид III (Табл. II, 1), 1 экз. Обнаружен на Шайгинском городище. Пила-пожовка. Длина рабочей части 12 см. Деревянная рукоятка насаживалась на черенок, являясь прямым продолжением полотна. На полотне с одной стороны имелась сетка-наждачка для заточки поверхности изделий, т.е. этот инструмент служил одновременно пилой и напильником и был весьма удобен при изготовлении мелких деревянных и костяных изделий. Зубчики чуть отклонены в сторону, шаг 0,3 см.

Вид IV (табл. II, 2), 1 экз. Обнаружен на Шайгинском городище. Небольшая пилочка, по форме напоминающая скобель. Ширина полотна 0,7, толщина 0,2 см. Зубчики небольшие, расстояние между ними, т.е. шаг 0,2 см.

Рассмотрим на конкретном материале технологию изготовления изделий из дерева и кости. Гребни. Вначале выпиливалась деревянная или костяная заготовка. Для этой цели удобнее всего было воспользоваться небольшими пилами вида II второго типа. Заготовка выравнивалась, шлифовалась. Для этой цели могли использоваться напильники, песчанник. Затем заготовке придавалась форма полуовала, либо прямоугольника. Затем всю поверхность полировали, заглаживали. После этого нарезали зубья. На деревянных гребнях зубья всегда, располагались вдоль волокон древесины. На всех чжурчжэньских гребнях делалась отметка нижней границы зубьев линией, прочерченной острием и размечались сами зубья. Все чжурчжэньские гребни для предотвращения сломов пропиливались с двух сторон. Ширина пропила равнялась ширине хода зубьев пилы. Поэтому для пропилов зубьев частого и редкого рядов должны были применяться пилки различной толщины. Для этой цели идеальной была пила-скобель вида IV. Могла быть применена и двусторонняя пилочка вида II третьего типа.

Для просверливания малых отверстий в шетках и других изделиях использовались лучковые сверла (Табл. II, 16, 17) - 29 экз. Встречены на Шайгинском, Ананьевском, Красноярском городищах. Длина от 4 до 8,5, толщина 0,1-0,2 см. Сверло представляет собой железный тонкий стержень, имеющий в середине плоский щиток. На этот стержень надевали приводную катушку. Нижняя часть стержня имела перовидное лезвие, а сверху - черенок для круглой рукоятки. Приводная катушка соединялась со струной малого лука. При движении вправо или влево катушка вращалась вместе со сверлом (Колчин 1985: 271). У долган в средней части рукоятки имелось отверстие, через которое пропусклся ремень, скрепляющий лучок. При сверлении ремень несколько раз перекидывают вокруг рукоятки, затем, держа левой рукой за подвижную катушку, правой двигают лучок взад и вперед, приводя таким образом во вращательное движение рукоятку вместе с наконечником (Попов 1937: 100). Данный тип сверла широко использовался как на древней Руси (Колчин 1985: Табл. III, 1), так и народами Сибири (Алексеев 1976: 160; Вайнштейн 1972: 249).

Кроме лучковых у чжурчжэней существовали и спиральные сверла с перовидным лезвием и заостренным концом, а также обычные перовидные сверла с прямоугольной и круглой в сечении ручкой (Табл. II, 10-12) 15 экз. Обнаружены на Шайгинском, Ананьевском городищах. Длина 6-13,5, диаметр пера от 0,5 до 1 см.

Для выборки внутренней поверхности изделий, например деревянных чаш, могли быть использованы ложковидные резцы (Табл. II, 8, 9, 15) - 14 экз. Найдены на Шайгинском и Ананьевском городищах. Длина 0,9-2,3 см, черешок в сечении прямоугольный, лопаточка или резец загнута внутрь.

Другими важными инструментами при обработке дерева являются ножи, они обнаружены практически на всех чжурчжэньских памятниках Приморья. Широко были распространены железные черешковые ножи с прямым или слегка выгнутым утолщенным обушком, переходящим в прямое узкое остро отточенное лезвие (Табл. II, 14). Если при обработке различных частей деревянных изделий могли применяться прямолезвийные ножи, то для получения полостей в деревянной посуде могли использоваться ножи с изогнутым концом, а также ножи с изогнутым внутрь лезвием (Табл. II, 13). Ножи с изогнутым концом применялись у чжурчжэней и при раскряйке шкур (Лещенко 1988: Рис. 1, 4-7). Сама по себе эта форма ножей довольно древняя. Такого вида ножи из бронзы бытовали уже в скифское время на Алтае (Руденко 1953: 240). Подобные ножи обнаружены в женских захоронениях могильника Кокзель (Дьяконова 1976: 203). Они входили в набор инструментов для шитья одежды, обуви, головных уборов и т.п. У тувинцев женщины ими раскраивали шкуры (Дьяконова 1976: 203), а у кетов такими ножами выделывали деревянные ложки (Алексеев 1967: 112, рис. 8), т.е. эти ножи с отогнутым наружу концом имели multifunctional назначение.

Следует также отметить новый тип напильника, найденный на Новогордеевском городище (Табл. II, 18). Это двуручный напильник типа рапиры. Ширина полотна 2,8 см, рабочая поверхность сделана в виде точечных зубьев. Этот напильник мог быть использован при черновой обработке кости, так как им можно было снять сразу значительный слой. Подобного типа напильники для обработки кости встречались в Древней Руси (Колчин 1985: Табл. III, 8).

Обработаны и проанализированы также различные заготовки изделий из дерева и кости (87 экз.). При увеличении на них четко видны следы спила, либо среза ножом. При просмотре изделий, даже, казалось бы, с идеально ровной поверхностью (деревянные чаши, сферические накладки), видны следы работы резцами, ножами, т.е. без применения каких-либо токарных станков.

На наиболее изученном памятнике чжурчжэньской эпохи в Приморье - Шайгинском городище (раскопано 265 жилых комплексов) был проанализирован весь инструментарий по обработке дерева и кости. Оказалось, что в 122 жилищах обнаружен единичный инструментарий, а в 47 жилищах - набор инструментов по обработке дерева и кости. Это может свидетельствовать о распространении данной отрасли домашнего производства, на городище. Изготовление бытовых предметов из дерева и кости было необходимо каждой семье, а что-то, возможно, делалось на заказ в домашних условиях. Но это далеко не товарное производство, когда изделия изготавливаются специально для продажи, при узкой специализации. Расплывчатость грани перехода от семейно-бытового уровня к работе хотя бы на узкий рынок была для косторезного ремесла не столько стадийным явлением сколько одной из характерных особенностей его развития вплоть до вытеснения кости и рога пластмассами (Флерова 1998: 86).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Е.А. 1967. *Кеты*. Л.: Наука.
- Алексеев Е.А. 1976. Народная техника обработки дерева у кетов. *Материальная культура народов Сибири и Севера*. Л.: 156-172.
- Арсеньев В.К. 1947. Искатели женьшеня. *Сочинения*. Т.4. Владивосток.
- Браиловский С.Н. 1901. Тазы или удихэ. *Живая старина*. Вып. 2. СПб.
- Вайнштейн С.И. 1972. *Историческая этнография тувинцев*. М.: Наука.
- Дьяконова В.П. 1976. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев. *Материальная культура народов Сибири и Севера*. Л.: 220-243.
- Закирова И.А. 1988. Косторезное дело Болгара. *Город Болгар* М.
- Зыков Ф.М. 1989. *Традиционные орудия якутов (XIX - начало XX в.)*. Новосибирск: Наука.
- Ивлиев А.Л. 1978. Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1978 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН: ф.1, оп.2, № 150).
- Ивлиев А.Л. 1981. Отчет об археологических исследованиях в Ханкайском районе Приморского края в 1981 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН: ф.1, оп.2, № 184).
- Исюмова С.А. 1940. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра*. Вып. XXX. М., Л.:
- Ковычев Е.В. 1984. *История Забайкалья I - середина II тыс. н.э.* Иркутск.
- Колчин Б.А. 1985. Ремесло. *Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР*. М.: 245-297.
- Кызласов Л.Р. 1981. Культура древних уйгур (VIII-IX вв.). *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: 52-54.
- Кызласов И.Л. 1981. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIX вв.). *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: 200-207.
- Ларькин В.Г. 1959. Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления советской власти. *Труды ДФ СО АН СССР. Сер. ист.*, Т. I. Саранск: 126-153.
- Левашева В.П. 1965. Костяные изделия из Кара-Корума. *Древнемонгольские города*. М.
- Леньков В.Д. 1974. *Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища)*. Новосибирск: Наука.
- Лещенко Н.В. 1988. Выделка шкур и обработка кож у чжурчжэней в XII-начале XIII в. *Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века*. Владивосток: 93-99.
- Лещенко Н.В., Болдин В.И. 1990. Изделия из кости и рога бохайских памятников Приморья. *Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 60-69.
- Лопатин И.А. 1922. *Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские*. Владивосток.
- Маак Р. 1859. *Путешествие на Амур*. СПб.
- Могильников В.А. 1981. Кимаки. *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М.: 43-45.

- Могильников В.А. 1981а. Тюрки. *Археология СССР. Стены Евразии в эпоху средневековья*. М.: 29-43.
- Никитин Ю.Г. 1986. Отчет об археологических исследованиях на Осиновском средневековом поселении в Приморском крае в 1986 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, № 337).
- Петерс Б.Г. 1986. *Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*. М.: Наука.
- Плетнева С.А. 1967. *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура*. М.: Наука (МИА, № 142).
- Попов А.А. 1937. Техника у долган. *Советская этнография*, № 1: 91-135.
- Руденко С.И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.: Л.: Изд-во АН СССР.
- Рыбаков Б.А. 1948. *Ремесло древней Руси*. М.: Изд-во АН СССР.
- Сокольский Н.И. 1971. *Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья*. М.: Наука.
- Сунь Вэйчан, Ни Ваньцзюнь. 1963. Краткий отчет об исследовании Минской могилы в пригороде Шанхая. *Каогу*, № 8.
- Флерова В.Е. 1998. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла. *Российская археология*. № 2: 86-89.
- Цзе Сигун. 1963. Раскопки (первый сезон) сунских и минских могил в местности Слюцзингу около г. Тайюань. *Каогу*, № 5: 250-260.
- Чэнь Давэй. 1962. Могила с фресками эпохи Цзинь в Чаояне пров. Ляонин. *Каогу*, № 7.
- Shavkunov E.V. 1975. The Chihurchzhenian Netsyke. *The Journal of the International Netsuke Collectors Society*, Vol. 3, № 2: 26-32.
- Шавкунов Э.В. 1977. Отчет об археологических исследованиях на Шайгинском городище в Приморском крае в 1977 году (Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, № 117).
- Шао Цзяньбай. 1986. Краткий отчет об обследовании древней могилы в Хуошицзюй уезда Люань провинции Аньхуй. *Каогу*, № 10: 916-921.

ШАЙГИНСКАЯ ПАЙЦЗА В СВЕТЕ ДАННЫХ ЯПОНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

История с "корёским" судном. В японской летописи "Адзума кагами", завершённой в начале XIV в. и содержащей описание событий в истории Японии с 1180 по 1266 гг., есть следующее сообщение под 29-м днём хиноэ-сару 2-го месяца первого года Гэннин [1224]: "Зимой прошлого года люди Корё на судне приплыли и остановились в бухте Тэрадомариура провинции Этиго¹. Вследствие этого сегодня начальник министерства церемоний (сикibu таю) Токомоки взял и преподнёс их лук и стрелы и прочие предметы, включая панцири, молодому правителю. И тогда [правитель] осмотрел их, люди начиная от провинции Осю участвовали в демонстрации. Луки, два как обычные луки, но очень короткие, похожи на луки варягов [Эдзо], теплая одежда из кожи, <...> большой меч, 1 шт., обычный меч, но всё же более толстой и выпуклой формы меч, 1 шт., в общем похож на обычный меч, пояс, 1 комплект стеганый из шкура, К этому поясу в центре прикреплена серебряная табличка длиной 7 сун, шириной 3 сун (прямоугольная), на ней нанесена надпись из 4 знаков. Также серебряная ложка, 1 шт., пила, 1 шт., палочки для еды, 1 пара, но кости животного, гребень в кожаном футляре, панцири, - все эти вещи похожи на те, что в нашей стране, глядя на их форму, определили их названия. Что касается надписи из четырёх знаков, хотя нескольким учёным было велено изучить, не нашлось человека, который прочёл бы её. Текст надписи следующий: (Рис.1)" (цит. по: Акияма 1935: 65).

Место, куда прибыло "корёское судно", соответствует современному городу Тэрадомари в префектуре Ниигата на западном побережье Японии.

Текст надписи на серебряной табличке впоследствии неоднократно привлекал внимание японских учёных, но только в 1898 г. профессор Сиратори впервые высказал мнение о том, что эта надпись сделана малым чжурчжэньским письмом (Акияма 1935: 66-67). В начале XX в. другой японский учёный Найто Конан сопоставил надпись на серебряной табличке с материалами по чжурчжэньской письменности, опубликованными в словаре В. Грубе, и смог прочесть второй и третий знаки надписи, как "государственный" (Акияма 1935: 66-67). В 1930-х годах профессор Инаба Ивакити разбил четыре "знака" надписи на составлявшие их, по его мнению, 7 знаков малого чжурчжэньского письма и прочёл всю надпись: "Чочэнь гурун-ни туман вэн" – "Начальник десяти тысяч дворов Вэн Государства чжурчжэней". При этом он пользовался вариантом надписи, приведённом в ёсикавском списке летописи (Рис.2), в отличие от своих предшественников, пользовавшихся списком Симадзу, где надпись несколько отличалась. В подтверждение правильности своей трактовки он привёл сведения из корейской летописи "Корё са" о том, что в 1239 г. "сорок восточных чжурчжэней (дунчжэнь) под предлогом преследования Вэньдиханя дошли до Хвачжу", полагая, что этот Вэньдихань и есть десятитысячник Вэн (Инаба 1932; Акияма 1935: 67). Несмотря на всю спорность такой трактовки ценным моментом этой работы следует считать приведение варианта надписи из другого списка летописи, позволившего увидеть вариации трактовки надписи японскими переписчиками летописи в первом, втором и четвёртом знаках. Наконец, Акияма Кэндзо в 1935 г. опубликовал своё исследование, в котором он провёл сравнение надписи непосредственно с минским чжурчжэньско-китайским словарём из серии "Хуа-и и юй", послужившим основой для словаря В. Грубе. При этом, он подтвердил верность прочтения второго и третьего знаков надписи, высказав сомнения относительно трактовки первого и последнего знаков, сделанной Инабой Ивакити. В заключении своей работы Акияма отметил, что теперь совершенно ясно, что описанное в "Адзума кагами" прибытие корёсцев на самом деле было прибытием чжурчжэней, и что даже, если прибывшие этнически были корёс-

¹ Этиго – историческая провинция, входит в префектуру Ниигата.

² Крупным шрифтом даётся основной текст летописи, мелким – имеющийся в летописи комментарий.

цами, они находились под властью государства Дунчжэнь-го (иначе государства Дун Ся – Восточное Ся) и, что больше нет никаких препятствий для утверждения того факта, что это был визит чжурчжэньского судна (Акияма 1935).

Тем не менее, надпись оставалась не до конца прочтенной, а в двух известных списках летописи "Адзума кагами" имелись существенные различия в передаче этой надписи, и не было ясности, который из списков содержит более точный вариант. Эти вопросы остались открытыми до новых находок.

三
趾
米
俵

Рис.1

三
趾
米
俵

Рис.2

主

Рис.4

Рис.3

Рис.5

Шайгинская пайцза. Такая находка была сделана, наконец, в 1976 г., но уже не в японских летописях, а в Приморье, на Шайгинском городище. Тогда, во время раскопок жилища № 155 была найдена "серебряная пластина продолговато-овальной формы". Одна из сторон пластины имела "вертикальную надпись, знаки которой выполнены с помощью чеканки в виде двойной пунктирной линии. Заключённое внутри пунктирных линий пространство покрыто тонким слоем позолоты. Всего в надписи содержится шесть знаков "большого чжурчжэньского письма" (Рис.3). Это описание взято из публикации, сделанной Э.В.Шавкуновым, А.М.Певновым и автором настоящего выступления. Тогда было высказано мнение, что пластина ("пайцза") принадлежала тысячнику (мэнъянь - начальнику тысячи дворов) и была выпущена в империи Цзинь в 1145 г. Текст надписи из соединённых попарно второго и третьего, пятого и шестого знаков и стоящего отдельно четвёртого знака был прочтён А.М.Певновым как "гурунни хагдауун" и переведён: "Государственное свидетельство (удостоверение)" (Шавкунов и др. 1978). В дальнейшем Александр Михайлович уточнил чтение и перевод следующим образом: "Гурунни гагдаГун" – "Государственное удостоверение (государственная пайцза)" (Певнов 1989).

При сравнении текста этой пайцзы с записью текста на серебряной табличке в "Адзума кагами" сразу же бросается в глаза полное сходство в их компоновке – по парное соединение второго и третьего и пятого и шестого знаков при отдельно стоящем четвёртом знаке, при этом и написание всех этих знаков при наличии небольших различий в общих чертах совпадает. Серьёзно отличается только первый знак надписи списка Симадзу, но в списке Ёсикава он уже гораздо ближе к первому знаку на шайгинской пайцзе. Что касается более мелких различий в других знаках, то второй знак шайгинской пайцзы более точно соответствует знаку из списка Симадзу и отличается отсутствием одной черты в списке Ёсикава. Пятые знаки обоих списков совпадают, но при этом отличаются от соответствующего знака шайгинской надписи отсутствием верхней горизонтальной черты и деталью нижнего элемента, шестой знак надписи в списке Ёсикава отличается от знака в списке Симадзу наличием средней горизонтальной черты в верхнем элементе, но полностью совпадает со знаком шайгинской надписи. Очевидно, несовпадающие между собой различия между надписями обоих списков "Адзума кагами" и шайгинской являются следствием ошибок переписчиков, копировавших оригинальную надпись, идентичную надписи на шайгинской пайцзе. Табличка с "корёского судна" имела длину "7 сун", что вполне соответствует длине шайгинской пайцзы – 22,2 см. Ширина шайгинской пайцзы 6,5 см, тогда как ширина той таблички 3 суна (9,1 см). Очень вероятно, что здесь в летописи ошибочно стоит "3" вместо "2" (эти два знака различаются только одной горизонтальной чертой), тогда и ширина этой таблички – 6,06 см вполне сопоставима с шириной шайгинской пайцзы. Следовательно, шайгинская пайцза и оказавшаяся в Японии в 1223 г. серебряная табличка идентичны.

В связи с этим возникает ряд вопросов и выводов, на которых остановимся ниже.

О назначении такой пайцзы и её первом знаке. Сделанный в 1976 г. вывод о том что шайгинская пайцза это свидетельство начальника тысяче-дворки – мэнъянь, а первый знак на ней есть написанный скорописью чжурчжэньский знак "тысяча", вызывает сомнения в свете следующих фактов.

Записи "Цзинь ши" (цз.58.) о награждении пайцзами, золотыми десяти тысячниками (ваньху), серебряными – мэнъань, деревянными – моукэ и пуянъ – относятся только ко времени правления Агуды, начиная с 1116 года. "Цзинь ши", ничего не сообщая о надписях на них, указывает только, что это были верительные бирки начала Цзинь. В 1145 г. были выпущены новые золотые и серебряные пайцзы, но об их системе в "Цзинь ши" нет подробностей. В дальнейшем отмечается выпуск только лаковых верительных бирок разных цветов различными ведомствами. Тем не менее, описание внешнего вида и содержания надписей на серебряных цзиньских пайцзах, скорее всего, системы, начатой в 1145 г., сохранилось в записях видевших их сунских авторов. Так, посетивший цзиньскую столицу Яньцзин с сунским посольством в 1177 г. Чжоу Хуй в "Записках о поездке на север [в Цзинь]" ("Бэй юань лу") пишет, что цзиньские чиновники, принимавшие посольскую делегацию, "каждый имел на поясе серебряную табличку, по виду похожую на пластину музыкального инструмента *фансян*. На ней варварскими письменами написаны четыре знака: "цзи-су цзоу-ди" – "быстро двигаться по почтовым станциям", сверху императорская подпись, её вид похож на иероглиф "чжу" – "правитель" (Рис.4). По законам варваров отправляющийся посланником должен иметь на поясе пластину, они различаются на золотые, серебряные и деревянные." (цит. по: Чжэн Шаоцзун 1974: 83, 94). Другой китаец, Фань Чэнда, посетивший Цзинь в составе сунского посольства в 1170 г., в сочинении "Ланьпэй лу" ("Записки с поводьями в руках") писал: Заместители церемониймейстера для приёма иностранных послов "все имеют серебряные таблички на поясе. По законам варваров отправляющийся в качестве посланника должен иметь на поясе табличку, различаются золотые, серебряные, деревянные таблички, на них по-чжурчжэньски написано: "Согласно высочайшему повелению быстро двигаться по почтовым станциям," и подпись Агуды" (цит. по: Чжэн Шаоцзун 1974: 94). Таким образом, записи сунских свидетелей о цзиньских пайцзах отражают наличие на них личной подписи императора или личной подписи Агуды, основным же назначением этих табличек, судя по текстам на них, было свидетельствование личного указа императора о предоставлении лошадей и беспрепятственного проезда по почтовым станциям империи.

Первый знак на цзиньских серебряных пайцзах образца 1145 г., как пишет Чжоу Хуй, похож на иероглиф "чжу" "правитель". Именно этот знак встречается в качестве первого в написанном малым киданьским письмом слове, соответствующем китайскому "хуанди" – "император", в эпитафиях в мавзолеях лясского императора Дао-цзуна и императрицы Сюань И. При этом, китайский исследователь Чжэн Шаоцзун отмечает, что в этих же эпитафиях есть и знак, представляющий собой скорописное написание того же знака. В свою очередь, этот скорописный вариант присутствует на написанных малым киданьским письмом золотой и серебряной пайцзах, найденных в 1972 г. в уезде Чэнцэ провинции Хэбэй (Рис.5), и на такой же серебряной пайцзе, обнаруженной в 1983 г. в уезде Дэхуй провинции Цзилинь (Чжэн Шаоцзун 1974; Цзилиньшэн 1991: 264-265). В связи с этим, Чжэн Шаоцзун полагает, что первый знак этих, подписанных киданьским письмом верительных бирок, означает "император". Следует отметить, что первый знак на шайгинской пайцзе тоже вполне можно трактовать, как скорописное написание этого же знака, подобного китайскому "чжу". Здесь важно также и то, что первый знак как шайгинской, так и указанных пайцз из Хэбэя и Цзилиня сделан гораздо крупнее и почерком, отличным от последующих знаков надписи. Такая же особенность наблюдается и на позолоченной пайцзе, найденной в 1930-х гг. в провинции Жэхэ (Рис.6). Выполненный китайскими иероглифами текст лицевой стороны пайцзы гласит: "Тяньпэй Чэнцзисы хуанди шэнчжэ цзи" – "Повеление Пожалованного Небом императора Чингиза: срочно!", на оборотной стороне два киданьских знака, соответствующих китайскому выражению "цзоу ма" – "ехать на лошади" (Нэква 1940: 91-96, табл.51-52). И здесь первые два знака лицевой стороны, относящиеся к титулу Чингис-хана, "тянь пэй" – "Пожалованный Небом" сделаны более крупными в одну строку, тогда как остальная надпись сделана более мелкими знаками в две строки. Как видим, и здесь более крупными знаками выписан титул великого хана. Учитывая же то, что при монгольском дворе были киданьские и чжурчжэньские советники –

Рис.6

выходцы из Цзинь, не вызывает особых сомнений то, что система государственного устройства, включая и систему верительных знаков, во многом должна была совпадать с аналогичной системой в Цзинь и её преемника на северо-востоке – Восточном Ся. Из всего этого следует то, что первый знак на шайгинской пайцзе должен быть либо обозначением императора, либо его личным подписным знаком.

О времени шайгинской пайцзы. Дата поступления серебряной таблички в Японию – 1223 г. – свидетельствует о том, что она была в употреблении по своему прямому назначению – как государственное свидетельство – именно в том году. Назначение пайцзы – удостоверение уполномоченного посланца императора. То, что она оказалась среди подношений японскому правителю, говорит о том, что подношения эти были не "данью" или дарами от прибывших на японское побережье, а "трофеями", захваченными у прибывших местными властями провинции Этиго и переданными затем центральному правительству. Недаром летопись сообщает только о передаче этих предметов церемониймейстером правителю, не упоминая при этом о прибывших "корёсцах". В таком случае, и шайгинская пайцза, идентичная попавшей в Японию, должна датироваться 20-ми годами XIII в. – временем государства Восточное Ся. Японские учёные, как указывалось выше, уже пришли к выводу о том, что государством, свидетельством которого была попавшая в Японию пайцза, могло быть только Дунчжэнь – Восточное Ся. Действительно, судно зимой прибыло в бухту Тэрадомариура, что соответствует современному городу Тэрадомари в префектуре Нингата на западном побережье Японии. А это примерно соответствует местам прибытия при следовании традиционному зимнему бохайскому маршруту в Японию из Восточной столицы Бохая напрямую через Японское море (см., напрмер: Ван Чэнли 1984: 156-157; Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун 1984: 180). Даже, если оно непреднамеренно оказалось в Японии, будучи вынесенным сюда постоянно дующими зимой с материка северо-западными ветрами, наиболее вероятно, что оно пришло с западного побережья Японского моря, которое в 1215-1233 гг. до Восточно-корейского залива на юге принадлежало государству Восточное Ся. Чжурчжэньская надпись на табличке говорит о том, что её носитель был посланником правителя Восточного Ся, либо Цзинь. Но из Цзинь в те годы судно могло прийти только из Жёлтого, либо Восточно-Китайского морей, а в таком случае оно вряд ли уклонилось бы столь на север от традиционных портов прибытия китайских и корёских судов на Кюсю и юге Хонсю. Следовательно, остаётся только один наиболее вероятный источник поступления пайцзы – Восточное Ся.

Таким образом, свидетельство японской летописи является надёжным основанием для отнесения шайгинской пайцзы к официальным документам Восточного Ся, и соответственно ещё одним подтверждением датировки Шайгинского городища временем этого государства. Наличие же свидетельства посланника императора Пусяня Ваньну на этом памятнике, возможно, в будущем с накоплением материалов позволит пролить свет на роль и значение этого города в истории Восточного Ся.

ЛИТЕРАТУРА

- Аккияма Кэндзо 1935. Камакура дзидай-ниокэру дзёсин фунэ-но райкё - "Адзума кагами"-но дзёсин мондзи-то "Ка эбису яку го"-но дзёсин мондзи-то но хикаку кэнкю [Прибытие чжурчжэньского судна в эпоху Камакура – сравнительное исследование чжурчжэньских знаков из "Адзума кагами" с чжурчжэньской письменностью словаря "Хуа-и инь"]. *Рэкиси тэри*, Т. 65, № 1: 65-74 (на японском языке).
- Ван Чэнли. 1984. *Бохай цзяньши* [Краткая история Бохая]. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ.
- Инаба Ивакити. 1932. Адзума кагами дзёсин дзи-но син [Новое исследование чжурчжэньских знаков из "Адзума кагами"]. *Сэйкогакусё*, № 9: 1-19 (на японском языке).
- Нэка 1940: *Кёкёгакудзё-ёри митару нэка* [Жэхэ с точки зрения археологии]. Фэнтянь [совр. Шэньян]: Министерство народного благосостояния Маньчжоу-го, (Мансюоку кёсэки кобуцу тёса хёкоку [Отчёт об обследовании древних памятников и предметов старины Маньчжоу-го]. Вып.2) (на японском языке).
- Певнов А.М. 1989. О чжурчжэньской надписи на серебряной пайцзе с Шайгинского городища в Приморском крае. *Новое в Дальневосточной археологии (Материалы медиевистов)*. Южно-Сахалинск: 60-68.
- Цзилиньшэ 1991: *Цзилиньшэ чжи* [Описание провинции Цзилинь]. Т.43. Вэньу чжи [Описание памятников истории и культуры]. Чанчунь (на китайском языке).
- Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. 1984. Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао (Наброски по истории Бохая). Харбин.
- Чжэн Шаоцзун 1974. Чэндэ фасянь-дэ цидань фуай [Киданьские верительные бирки, обнаруженные в Чэндэ]. *Вэньу*, № 10: 82-85, 94 (на китайском языке).
- Шавкунов Э.В., Певнов А.М., Ивлиев А.Л. 1978. Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища. *Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток: 127-131.

НЕОБЫЧНЫЙ ПРЕДМЕТ ОРУЖИЯ С АНАНЬЕВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1993 году при исследовании Ананьевского городища – памятника эпохи чжурчжэней начала XIII века, расположенного на оконечности горного отрога в долине одного из правых притоков р. Раздольной (р. Суйфун) – р. Ананьевки (р. Эльдуга), в 4,5 км к западу от железнодорожной станции Веновитино Надеждинского района Приморского края был обнаружен обломок необычного предмета (Хорев 1993: рис.19).

Находка была сделана в южной части городища к югу от раскопа с остатками жилища №3, 4 и к западу от раскопа с остатками жилища №26 в слое жёлтой глины. Без всякого сомнения, он принадлежал верхнему строительному горизонту городища. Предмет представлял собой часть чугунного изделия сферондной формы весом 2,4 кг. В круглых отверстиях на теле изделия были закреплены четыре массивных железных стреловидных наконечника. Изделие было определено как пороховой снаряд (Шавкунов 1997).

В 1999 году в этом же районе рядом с одной из грабительских ямок была обнаружена ещё одна часть этого же предмета весом 1,5 кг. В целом изделие представляло собой чугунную отливку жёлудевидной формы, изготовленную в двухсторонней литейной форме (рис.1). Толщина стенок изделия от 0,5 до 1,1 см. Высота его 16,5 см, ширина в средней части 8,6 см. Общий вес обеих частей 3,9 кг. Предположительно вес целого изделия 4,5-4,6 кг. Одна сторона заканчивается горловиной высотой 1,8 см, диаметр верхней части горловины 3,5 см. В горловине закреплён железный штырь с ушком в верхней части, с вставленным в него железным кольцом. Длина штыря с ушком 10,7 см, толщина 0,7 см. Ушко выступает над горловиной на 3,4 см, диаметр отверстия его 1,7 см. Диаметр круглого в сечении кольца, вставленного в ушко 7 см, толщина кольца 1,2 см. В отверстия на тулове изделия диаметром каждого 1 см были вставлены одиннадцать железных массивных стреловидных наконечников. Специально откованные наконечники закреплялись в двухсторонней исчезающей глиняной форме, после чего происходила отливка изделия. Один ряд из четырёх наконечников располагался ниже основания горловины на плечиках тулова. Сохранилось три и обломок черешка четвёртого. Расстояние между наконечниками на тулове 4,5-4,7 см. Второй ряд шёл по средней части тулова. Здесь наконечников было не менее шести. На обеих частях сохранилось четыре наконечника и обломок черешка. Ещё один наконечник должен был находиться на отсутствующей части изделия. Какой-то закономерности в расположении наконечников этого ряда не выявлено. Расстояние между ними от 2,2 до 4 см. Ещё один наконечник находится на противоположной от ушка стороне. Мощные стреловидные наконечники состояли из несколько уплощённого черешка шириной 1,1-1,2 см и толщиной 0,7-0,9 см и уплощённого подтреугольной формы пера размером 4 на 3 см. Длина наконечников 9-10 см, длина черешка от 5,7 до 6 см. Сохранность изделия говорит о длительном использовании его. От мощных ударных действий тулово его раскололось на 3-4 обломка (найдено пока 2), большинство наконечников примято к тулову, два из них обломаны. Один из этих наконечников найден в 1979 году при исследовании раскопа с остатками жилища №25, находящегося в этом районе (Хорев 1979: рис.39, 3). Можно предположить, что этот предмет относился к разряду оружия ударного действия и служил в качестве своеобразного кистеня.

Подобное оружие имело достаточно широкое распространение во всём мире в позднее средневековье (Трубинов 1997: 67). Так, в Японии известна разновидность кистеня под названием кусари-чигирики, являющееся аналогом европейских цепов (Попенко 158, 160 рис.42). Это ударное оружие состоит из рукояти и свободно прикреплённого к нему боевого ударного конца той или иной формы, часто усиленного шипообразными выступами. Тяжёлая шипованная боеголовка крепилась к древку прочной цепью. Таким образом, ударная часть получала подвижность и свободное вращение, что делало оружие прекрасным средством борьбы против прикрытого защитным доспехом воина.

Рассматриваемый нами предмет оружия имеет необычно большой вес. Чтобы успешно действовать этим оружием в бою, нужно было обладать очень большой физической силой. Это ис-

ключает его из вида массового оружия. Можно высказать предположение о возможном применении какого-то специального приспособления для манипуляций этим тяжёлым снарядом при защите крепостных стен.

ЛИТЕРАТУРА

- Попенко В.Н. 1992. *Холодное оружие Востока и Запада*. М.
Трубников Б.Г. 1997. *Большой словарь оружия*. СПб.- М.: Полигон. АСТ.
Хорев В.А. 1979. Отчёт об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1979 г. (Архив ИА РАН, Р. 1, № 7928).
Хорев В.А. 1993. Отчёт об археологических исследованиях на Ананьевском городище в Приморском крае в 1993 г. (Архив ИА ДВО РАН, Ф. 1, оп. 2, д. 381).
Шавкунов В.Э. 1997. Пороховой снаряд с Ананьевского городища. *Россия и АТР*, 1997, № 1: 45-48.

Isao USUKI

MOKHE - JURCHEN TYPE RECTANGULAR BELT ORNAMENTS

Introduction

It has been established that bronze rectangular openwork belt ornaments are characteristic relics of Mokhe culture and Amur Jurchen (Poklovka) culture in the Russian Far East. They were also excavated at Hokkaido island of northern Japan. Some Japanese archaeologists emphasized ancient cultural and trade relationships between Russian Far East and Hokkaido (Kato 1975, Kikuchi 1976). However, recently they were often excavated inside a territory of Bohai kingdom. New discoveries raise some problems about their dates, manufacturing place, distribution or so. Therefore, it is necessary to reexamine about them.

Medvedev (1986), Vasil'ev (1990), Tang and Qu (1996) had already studied Mokhe-Jurchen belt ornaments, and pointed out some important facts about a reconstruction of belts and designs of these ornaments. However, they couldn't make an available chronological sequence of them. Analyzing the ornaments that were buried in tombs, Amano considered characteristics of Mokhe society (Amano 1994, 1995). However, since at that time it was thought that they distributed mainly in Amur river basin, he didn't pay much attention to a role of Bohai Kingdom in his articles. Recently, analyzing variations of a upper edge shape of them, Wang Pei-xin revealed an outline of their chronological sequence (Wang 1997). Moreover he pointed out a periodical transition of their distribution pattern and mentioned about that reason. However, it is necessary to examine more details of their chronology. Hence, in this paper, in addition to the Wang's result, I will analyze other parts of these ornaments typologically, and will show a detailed chronology. After that, I will reexamine the transition of their distribution and consider what contacts and interaction existed between societies in north east China, Russian Far East and northern Japan in Mokhe- Jurchen time.

Classification

Each rectangular ornament has the following three principal decorative parts. Each part is classified as follows:

(1) *Upper edge* (see Fig. 1)

Forms of it are classified into bellow main types.

- 1: Flat type
- 2: Birdhead like type: composed a few birdhead like elements
- 3: Beads like type: composed a few bead-like elements
- 4: Serrate type

Type 2 is further subdivided as follows.

- 2a: Composed from three heart like shape birdheads. Each eye is expressed in a small round hole. There are small hole among Birdheads.
- 2b: Ccomposed in 3-4 birdheads expressed in straight lines. Each eye is expressed in a round hole.
- 2c: Composed in 4-5 small-sized flat bird-heads.
- 2d: Composed in 3-4 petal formed bird-heads, Each eye is expressed in a small hole
- 2e: Composed in 4-5 petal formed flat birdheads

Type 3 is divided as follows further.

- 3b: Composed in 5 large balls.

(2) *Middle part* (openwork decorations, see Fig.2)

Forms of holes are classified into five main types.

- I : 2 rectangular holes
II : 3 rectangular holes
III: 1 cross shaped hole at a center with 2 rectangular holes
IV: 1 cross shaped hole
V : No hole

(3) *Lower part* (incised decorations and openwork, see Fig. 3)

Principal decorative elements of them are classified as follows.

- A: Key hole shaped
B: Circle pattern
C: U shaped

Dr. Desai

D. Openwork

Each type is subdivided as follows

- 1: Composed from 3 long key hole shaped patterns.
- 2: Composed from 3 - 4 short key hole shaped patterns.

are opened among circles.

B2: 5 pieces of concentric circle that is horizontally arranged. Vertically small holes are opened among circles.

C1: Long type.

C2: Short type.

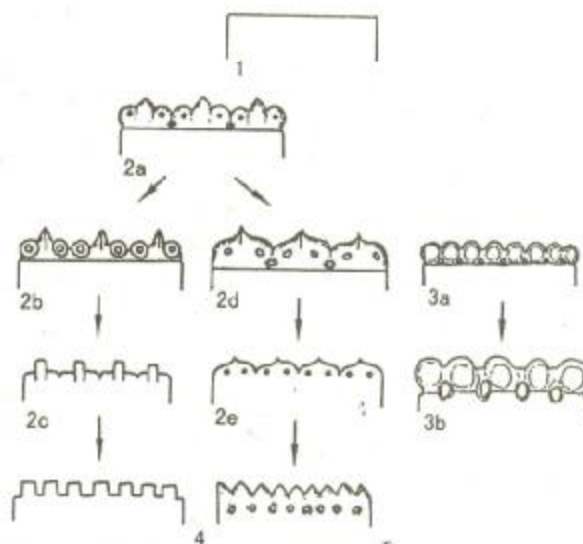

Fig.1 Classification and Transition of Upper Edge

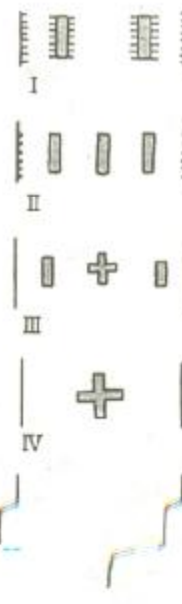

Fig.2 Classification and Transition of Middle part

Change process of each part.

It is recognized that the oldest type is an ornament unearthed from Naifel'd 9th grave, and that Nadezhinskoe cemetery, where the newest ones are unearthed, is dated to 10-11th centuries. Added to this, we can use some available dates of Bohai sites in China, and examine the gradual transition of them.

Change process of each part is shown at Fig. 1-3.

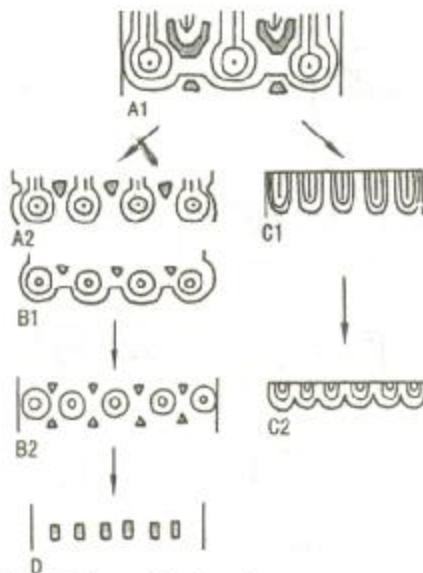

Fig. 3 Classification and Transition of lower part

Chronology

Further, an examination on combinations of decorative patterns introduced the chronology that is shown by Table. 1 and Fig. 4.

Furthermore, considering their manufacturing and designs, I can establish the early phase (I-III stage) and the late phase (IV-VI stage). In the early phase, their designs were sculptural, and in the late phase, such new elements as equipped bells, cross type pattern, simplified openwork designs and so on are adopted.

By the way, in the III stage, ornaments that possess the same combination of common decorative elements (3a-I-B₂) were often excavated inside the Bohai territory. I especially name this kind of ornament the Bohai type.

Table 1. Assemblages of decorative elements

Stage	Upper edge	Middle part	Lower part
I	1	I	A1
II	1 · 2a	I · II	A2 · B1 · C1
III	2b · 2d · 3a	I · II	B2 · C2
IV	2b · 2d · 3b	II · III	D
V	2c · 2e	II · III	D
VI	4	III · IV · V	D · E

On the absolute date of each stage there is not enough evidence to decide the matter unfortunately. Here I will show only a hypothetical view about it.

Based on the dates of Naifel'd 9th grave and Dahaimeng 11th grave, the I stage is dated at the 7th century. As some ornaments of the II stage and the III stage are excavated from early Bohai sites, they can be dated at the 8th century. Because it is recognized that the change process of these ornaments are very gradual, probably IV · V stages are dated at the 9-10th centuries. the VI stage is dated after 10th century in basis of radioactive dates of Nadezhinskoe cemetery.

On the question of absolute dating of Mokhe-Jurchen culture history, much still remains to be done. This question should be discussed further in future.

Transition of distribution (see Fig. 5 and Table. 2)

In regard to Bohai type ornaments (Wang's B type), Wang also showed that they distributed mainly inside Bohai territory. Moreover, he suggested that after Mokhe - Jurchen type ornaments disappeared south of Amur river after the middle of 8th century, Amur basin became the center of their distribution, and that they entirely disappeared in Jin dynasty time (after 12th century).

Here, I reexamine the transition of distribution of these ornaments chronologically. In the I stage these a few ornaments existed in both Amur basin and the 2nd Sungari basin. In the II stage, their distribution pattern inclined toward the south. In the III stage, this tendency got strengthened. Beside this, the distribution spreads to Maritime region. On the contrary, after the IV stage, the main land of the distribution moved to Amur basin. South of Amur, they had not been utilized already.

A clay product like a mold excavated from Hai-gou site in the Mutangziang basin, whose design are very similar to ornaments of the III stage, proves that to the III stage manufacturing places of belt ornaments existed in the south (mainly Sungari basin).

On the other hand, various changes of their decorations in the late phase suggests that their manufacturing places moved to the north.

Ornaments of Hokkaido

Then, I will examine about ornaments excavated from the site in Hokkaido. As mentioned above, both ornaments of Menashitomari site and that of Moyoro site have common shapes and decorations. All belong to II stage. To Ohtsk culture, it is recognized that also various continental metal goods were excavated in Hokkaido.

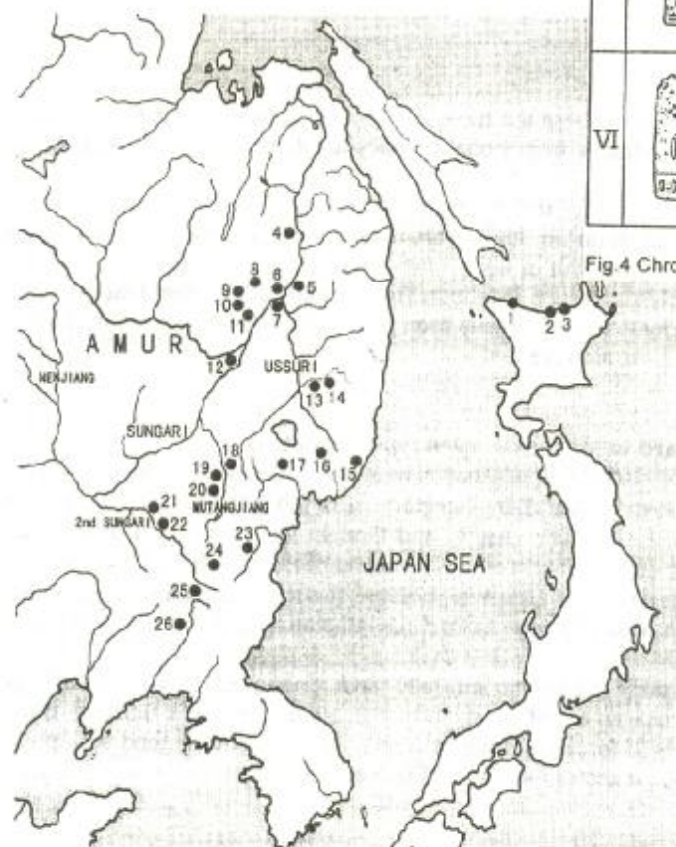

Fig.5 Distribution Map

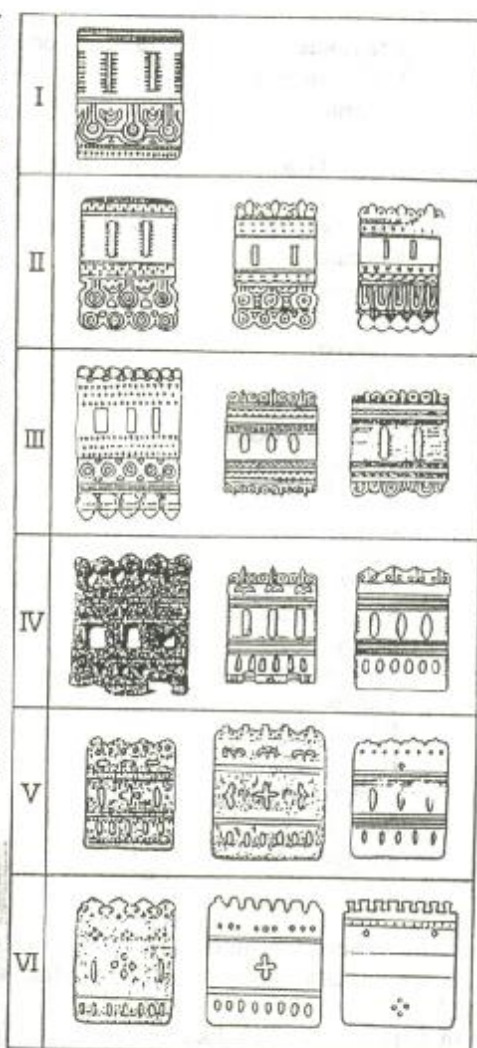

Fig.4 Chronology of Rectangular ornaments

Table.2 Sites of Rectangular Belt Ornaments

No	Site Name	Stage of ornaments	Estimated Date	Culture type
1	Menashitomari	II	8 th century	Ohotsk
2	Sakaeura No.2	II	8 th century	Ohotsk
3	Moyoro	II	8 th century	Ohotsk
4	Bolon' lake	V · VI	10-11 th centuries	Amur Jurchen
5	Petrpavlovka	IV		Amur Jurchen
6	Pokrovka	VI		Amur Jurchen
7	Korsakov	III-V	7-10 th centuries	Amur Jurchen
8	Rdan'kova	V · VI		Amur Jurchen
9	Naifel'd	I	7 th century	Mokhe
10	Dubovoe	I-IV		Amur Jurchen
11	Nadzhinskoe	III-V	10-11 th centuries	Amur Jurchen
12	Suibin No.3	IV-VI	10-11 th centuries	Amur Jurchen
13	Novopokrovka	IV	Bohai?	
14	Rossina	III · IV		Mokhe
15	Sinye Skary	III		Bohai
16	Shaiga	II	12 th century	Jin□Jurchen□
17	Novogoldeevka	IV		
	Konstantinovka	III		Bohai Bohai
18	Shichanggou	III	Early epoch	Bohai
19	Hekou	III		Bohai
20	Hongzunyuchang	III		Bohai
21	Chaliba	II	Early epoch	Bohai
22	Dahaimeng	I-III	Early epoch	Mokhe-Bohai
23	Huizhang	II		Bohai
24	Dongqing	III		Bohai
25	Yongan	III		Bohai
26	Dongtaizi	III		Bohai

As above mentioned, manufacturing places of these are thought to be the southern (Sungari river basin). Probably, metal goods may have been traded from Bohai territory to Ohotsk culture through Amur basin.

In spite of that, why does an ornament after the III stage are not discovered in Hokkaido. This seems to have been related to political situation, in 8th century. Bohai kingdom started the conquest war against northern Mokhe groups in the first half of 8th century. After that, they became to be managed to Bohai Kingdom until first half of 9th century. It follows from what has been said that the trade route was closed in days of disputes. It doesn't seem to have been reconstructed after that again. Therefore certain Jurchen goods excavated in Hokkaido are few.

Principle in regard to Mokhe-Jurchen type ornaments

Next I consider the reason, why this kind of belt ornaments were not used in the south since the IV stage. According to burying ways of them in Korsakov cemetery, it is thought that they were used based on the custom of Mokhe tribe tradition. The custom and thought are based on a tribe social principle and may have been confronted with a thought of a government of Bohai nation. Therefore, the use of them may have been restricted in the south. However, because the national management power was not so strong in the north, northern Mokhe groups started manufacturing of these ornaments and utilized them generally.

After Bohai kingdom was ruined, these ornaments still may have functioned, as symbols of Jurchen society. Later, under a stronger management of Jin dynasty, the use of them was finished. But a few ornaments seem to have been preserved for a long time by Jurchen people. Such a good example is one unearthed from Shaiga fort site. I think it shows the origin of igin ofigin ofing.

REFERENCES CITED

- Amano Tetsya. 1994. Backgrounds of Belt Ornaments Imported to Hokkaido Island in Ohotsk Culture Epoch. *Hoppo-shi no Shin Shiza*: 45-73 (In Japanese).
- Amano Tetsya. 1995. Some Characteristics of Mokhe Society. *Nippon Kodai no Densyo to Higasi Azia*: 570-599 (In Japanese).

- Heilongjian provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology. 1991. Shichanggou Cemetery at Hualin, Mutangjian, Heilongjian province. *Beifang Wenwu* 1991-4: 57-66 (In Chinese).
- Heilongjian provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, Jilin University Faculty of Archaeology. 1996 A Brief Report of the Excavation at Hegou Site, Hailin City, Heilongjian Province. *Kaogu* 1996-2: 52-60 (In Chinese).
- Jilin Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology. 1996. Chaliba Mokhe Cemetery at Yongji, Jilin province. *Wenwu* 1995-9: 29-47 (In Chinese).
- Jilin Provincial Museum. 1987. Dahaimeng Site at Yangton, Yongji, Jilin Province. *Kaoguxue Jikan* 5: 120-151 (In Chinese).
- Kato Shinpei. 1975. Beyond the Mamiya Strait. *Ethnos in Asia* 2: 40-52 (In Japanese).
- Kikuchi Toshihiko 1976. Mokhe - Jurchen Goods in Ohotsk Culture. *Northern Cultural Studies* 10: 31-117.
- Medvedev V. E. 1986. *Priamur'e v Konets I - Nachale II Tysyacheletiya*. Novosibirsk: Nauka (In Russian).
- Sato Takahiro 1994. *Menashitomari Site*. Esashi machi Board of Education.
- Sun Xiu-ren and Zhi-geng Gang 1982. Wuguo Tribes and Characteristics of Their Material Culture. *Dongbei kaogu yu Lishi* 1: 95-103 (In Chinese).
- Tang Ying-jie and Hong-guang Qu 1996. A Study of Mokhe - Jurchen Belt Ornaments. *Collect Essays of the 8th Annual Meeting of the Chinese Archaeology Association*: 184-196 (In Chinese).
- Vasil'ev Yu.M. 1990. Poyasnye Nabory Pokrovskoi Kul'tury Kak Istoricheskii Istochnik. *Problemy Sredmnevekovoi Arkheologii Dal'nego Vostoka*. Vladivostok: 122-146 (In Russian).
- Wang Pei-xin. 1988. On the Mouhe - Nuzhen Bronze Belt System. *Beifang Wengwu* 1997-1: 19-29 (In Chinese).
- Yamada Goro, Yoshinaga Hirakawa, Yukio Kobayashi, Hiroshi Ushiro, and Takahiro Sato. 1995. Continental type Remnants Occurred from the Remains of the Ohotsk Culture in Hokkaido. *Final Reports on «Research Project of the Historical and Cultural Exchange on the North»*: 65-80 (In Japanese).

ШАМАНИЗМ – КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В каждой науке есть определенный набор проблем, которые в силу своей сложности, долгое время остаются в поле зрения специалистов, так как пока не могут получить убедительного однозначного разрешения. В этнологии одним из таких явлений представляется шаманизм, который много лет был известен как практическое явление, но в качестве предмета исследования он был описан только в конце XIX века В.М. Михайловским (1892). Переживая определенные периоды роста и спада интереса, шаманство в настоящее время широко обсуждается на специальных научных симпозиумах и конференциях и на страницах обширных монографических исследований. Причем, очевидно, что эта проблема перешагнула уже рамки одной дисциплины и из чисто научного явления она превратилась в пользующуюся широкой популярностью эзотерическую диковину, которая пропагандируется бестселлерами К. Кастанеды и массовыми изданиями, типа *"Как самому совершить шаманское путешествие"*. За время изучения шаманизма представления о нем претерпели серьезные изменения. Вначале это явление рассматривалось как курьезный продукт примитивных заблуждений и откровенной патологии. Позднее быстрое установление, что в случае с шаманами мы сталкиваемся не просто с порождением ранней стадии развития культуры, но с некоторыми феноменами, имеющими отношение к сокровенным сторонам человеческого бытия.

К настоящему времени сложилась обширная литература проблемы шаманизма, которая включает тысячи работ, прежде всего этнографического характера. Усилиями нескольких поколений этнографов собраны подробные сведения о процедуре шаманского камлания, атрибутах и костюме шамана и представлениях о шаманизме разных народов (например: Алексеев 1975; Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири 1981; Михайлов 1987; Басилов 1992; Амойон 1996; Humphrey, Onop 1996; Shamanism in Siberia 1978; Shamanism, history and state 1996). Однако в рамках этнографии возможности этой дисциплины позволяют рассматривать феномен шаманизма в двух основных аспектах: 1) с точки зрения исследователя, наблюдающего его конкретные проявления; 2) с точки зрения людей, участвующих в камлании и проводящих его, а затем рассказывающих о своих переживаниях и соображениях по этому поводу. На первый взгляд, такая практика позволяет получить полное и вполне законченное представление о сути данного явления. Однако в проблеме шаманизма существует обширное поле деятельности, которое не укладывается в рамки этнографии или этнологии. Речь идет о тех психических состояниях, в которые входит шаман во время своего камлания, а затем, под влиянием шамана, в них погружаются и другие участники этого действия. Несмотря на то, что шаманы часто прибегали к разного рода трюкам для того, чтобы произвести впечатление на владение ими свою аудиторию, существует ряд явлений, которые убедительно показывают на владение ими рядом специфических приемов воздействия. Прежде всего, это лечебное действие камланий, которые приносили положительный результат для людей с реальными признаками различных заболеваний. Заслуживают также внимания данные о способностях шаманов переносить большие физические нагрузки и экстремальные ситуации разного рода. Однако все эти способности достигались таким путем и такими неординарными средствами, что они привели к различным доводам данного явления к выводу о психической неполноценности шаманов. Позднее, когда к изучению шаманизма были привлечены специалисты-психологи, применившие свои экспериментальные методы, было доказано, что шаманы являются не только психически нормальными людьми, но по ряду важных показателей они намного превосходили других представителей своих обществ. В результате изменения представлений о характере шаманского действия, процедура камлания стала рассматриваться как вхождение в особое состояние транса, однако механизм этого явления и его значение оставались во многом неясными. Связь шаманизма, известного как шаманская болезнь (Радлов 1989; Широкогоров 1919). Следовательно, рассматриваемое нами явление, наряду с внешними доступными для непосредственного наблюдения анализа формами репрезентации, имеет и еще один внутренний план, связанный с психическими процессами, содержание которых не явно даже для тех людей, которые сами находят их влиянием. Эта вторая сторона практики шаманов получает свое выражение в их действии ряде атрибутов, но она не сводится к ним и может быть исследована только специальными

тодами и приемами анализа. Очевидно, что решающее мнение в решении вопросов подобного рода принадлежит представителям естественно-научных и близких к ним дисциплин. Трудно переоценить то значение, которое имеют для анализа интересующей нас проблемы исследования нейропсихологов и нейрофизиологов, раскрывающие сокровенные секреты работы мозга (в частности, Арбиб 1976; Лурия 1973; Прибрам 1975; Хомская 1987). В качестве положительного примера включения специалиста-медика в исследование этнографических проблем можно привести известную работу С.Н.Давиденкова (1947). Попытки психологического исследования шаманизма предпринимались уже в начале века, однако, уровень развития науки этого времени не позволил добиться существенных успехов в этой области (Богораз 1910; Липский 1923). Современное состояние наших представлений о принципах и механизмах функционирования высшей нервной деятельности человека открывает благоприятные возможности для получения более конкретных результатов.

Существующие границы между отдельными отраслями науки, с которыми связана проблема шаманизма, настолько резко выражены, что не может быть речи о простом состыковании данных конкретных каждой из них. Поэтому со всей очевидностью нам необходимо провести анализ проблемы на другом уровне уже междисциплинарного характера. В этом случае сразу возникает необходимость четкого определения методологии, которая позволит провести нам корректный синтез конкретно научных данных. Известный специалист по данной проблеме М.Элиаде в свое время видел необходимую методологическую базу в общем религиоведении (Ревуенкова 1979; Элиаде 1987). Такая позиция вполне соответствует его идее, согласно которой шаманизм является одной из архаических техник достижения экстаза. На современном уровне исследования проблемы шаманизма такой подход представляется уже недостаточным. Во-первых, потому, что роль и значение шаманизма в жизни и культуре практикующих его обществ оказывается более значимой. Поэтому более правомерно рассматривать интересующий нас феномен как культурное явление. Во-вторых, достижения шаманов касаются не только истоков религиозной жизни, а имеют важное значение для некоторых сторон человеческого существования вообще. С учетом данных соображений представляется более перспективным антропологический подход к рассматриваемой проблеме, предполагающей анализировать все явления, в которых участвует человек, с учетом роли и свойств самого человека. Этот подход позволяет преодолеть базовое противоречие разделения человека и результатов его духовной и практической деятельности, являющееся камнем преткновения конкретно научных дисциплин. Восстановление утраченных связей между человеком и его опредмеченными творениями выводит нас из сферы превращенных форм к реальным причинам возникновения и функционирования различных явлений культуры. В случае с шаманизмом весь набор материальных атрибутов шамана и его костюма, произносимые тексты и исполняемый во время камлания танец должны рассматриваться не только как самостоятельные культурные образования, но, прежде всего, как определенные средства воздействия на психику. Это воздействие строится на основе общих принципов работы мозга, которые имеют свою внутреннюю логику, но подчиняются и некоторым влияниям внешних, культурных факторов. В совокупности весь этот набор средств культуры и сами люди, использующие их для совершения камлания, образуют единый, взаимосвязанный комплекс, который и должен являться предметом антропологического исследования шаманизма.

В арсенале современной антропологии и смежных с ней дисциплин накоплен солидный набор идей и методов анализа психической жизни человека и его социального и культурного измерений. Среди важнейших достижений последних лет следует отметить работы французского антрополога К.Левн-Строса (1983; 1994), который на материалах мифологии показал близкое сходство психических процессов человека развитого индустриального и архаического, развивающегося обществ. Этот вывод дает основание для использования достижений современной психологии при анализе этнографических материалов. Среди различных направлений психологической науки, имеющих отношение к проблемам шаманизма, особенно следует отметить роль аналитической психологии К.Юнга с ее концепцией архетипа (1991; 1995; 1997). В последние годы появились уникальные исследования, в ходе которых специалисты сами применяли шаманские практики или вызывали у испытуемых в ходе экспериментов состояния, близкие шаманским (Гроф 1993; 1994; Уолш 1996).

До настоящего времени не утратили свое значение исследования наших соотечественников фольклориста В.Я.Проппа (1946; 1986), метод анализа фольклорных текстов которого был успешно использован в работе с шаманскими обрядами и текстами (Новик 1984), и представителей культурно-исторической школы психологии (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия). Основная идея Л.С.Выготского о влиянии орудий и знаков на психические функции человека обладает большим эвристическим значением для решения проблем шаманизма (1982; 1983;

1984). Однако концепция его последователей о ведущей роли деятельности в формировании сознания человека нуждается в пересмотре в свете теории коммуникации (Леонтьев 1981).

В соответствии с современным уровнем изученности проблемы, шаманизм можно определить как особую практику, на которой специализировались избранные люди-шаманы, обладавшие способностью совершать путешествия с целью контакта с определенными существами-духами или вмещать их в себя для достижения необходимых результатов в интересах отдельных людей или целых коллективов. Процедура шаманского камлания, по мнению его организаторов, и применяемые в нем основные атрибуты предназначались, зачастую, для того, чтобы освободить душу из телесной оболочки и отправить ее в странствие в другие миры, где она должна найти духа, оказавшего воздействие на людей и их мир и путем уговоров или борьбы с духом заставить его отказаться от своего воздействия. Для шамана и других людей, признававших силу и способности шамана, эти миры духов и путешествия в них были явлениями абсолютно реальными, также как и их зависимость от духов. Однако, присутствуя на камлании, этнографы ясно видели, что, несмотря на высокие прыжки и быстрые движения, шаман никуда не исчезал, а все время оставался в реальном пространстве. Не внушал доверия и вид камлающего во время сеанса: нечленораздельные выкрики, пена на губах, закрытые глаза. Возьмем, для примера, описание камлания нанайского шамана, сделанное в начале века А.И.Лопатиным. "Шаман стремительно ринулся в темный угол, куда были направлены его страшные взоры и с яростью изо всей мочи закричал: "Вот он Га-а-а!" – и в тот же миг все присутствующие также яростным дружным хором закричали Га-а-а! Оглушительные учащенные удары бубна, неистовый гром и лязг побрякушек кафтана, дикie разноголосые крики собравшихся, истерические восклицания шамана, стоны больной – все это в темной душевной фанзе создало настоящий ад. Оказывается, одухотворенный и прозревший шаман увидел злого духа, который мучает больную и, следовательно, является причиной болезни. Заметив его, шаман бросился на него, надеясь громкими ударами в бубен, лязгом железа и страшным криком испугать злого духа и отогнать его от больной" (Лопатин 1922). Для того чтобы восстановить доверие к шаманам, современной науке понадобился более внушительный арсенал средств, по сравнению с тем, которым обладали наши предшественники. Дело заключается не просто в различном отношении к понятию реальности шаманиста и человека развитого общества. Эффект множественности реальных миров возникает не только при условии перемещения наблюдателя в другие пространства и измерения. Он может также проявиться при изменении работы органов восприятия человека, которые направляются и контролируются соответствующими центрами мозга или нервной системы. Следовательно, образы и переживания, которые испытывает шаман во время камлания, реальны в том смысле, что они возникают в качестве образов и ощущений его психики, под влиянием вызванных в ней изменений. Следовательно, ореол загадочности и тайны, окружающий фигуру шамана, в таком случае может быть связан со сравнительно недавно установленным явлением - измененного состояния сознания. Такой вывод обладает необходимой степенью достоверности потому, что сходные результаты были получены у испытуемых в ходе специальных научных экспериментов по использованию различных психотропных средств, (Гроф 1993). Кроме того, некоторую общность с образами шаманских странствий можно обнаружить в описаниях сновидений и в картинах, возникающих при других специфических состояниях сознания (Уолш 1996). Поразительная устойчивость некоторых "спонтанно" возникающих образов может быть объяснена особыми условиями функционирования мозга при изменении режимов его работы. Наряду с другими характеристиками состояние измененного сознания обладает некоторыми речевыми особенностями и влияет на различные функции организма, в том числе на чувствительность органов и тканей. Поэтому шаманы обнаруживают повышенную выносливость и сопротивляемость неблагоприятным воздействиям внешней среды. Но прежде чем продемонстрировать все эти замечательные качества, они должны сначала войти в это состояние, которое ранее определяли как транс. Существуют разные способы перестроить работу своего сознания. Известно, что в некоторых случаях шаманы применяли определенные галлюциногенные средства (Добкин де Риос 1997), но чаще они использовали другой прием. Обязательными атрибутами шамана являются бубен и колотушка. Роль и значение бубна подчеркивается существованием сложного комплекса представлений, посвященных ему, в том числе убеждение в том, что бубен является двойником шамана (например, Прокофьева 1981). Во время камлания сам шаман или его помощник постоянно бьют в бубен, ритмичные мерные звуки которого сопровождают весь обряд. Кроме того, к поясу шаманского костюма прикреплялись металлические подвески и колокольчики, также издававшие сильный шум. В этнографической литературе, как правило, назначение этого звукового сопровождения сводится к функции отпугивания злых духов. Однако в свете данных физиологии высшей нервной деятельности можно привести другое, более реальное объяснение роли данного набора костюма и инструмента. Резкие ритмические звуки способны вы-

звать процесс торможения в коре полушарий головного мозга человека, отвечающих за выполнение высших психических функций человека, в результате возникает состояние близкое гипнотическому (Гримак 1978: 237; Уолш 1996: 174-178) т.е. то самое желаемое измененное состояние сознания или транс. Еще одна примечательная особенность сеанса камлания заключается в том, что свое состояние шаман может передавать другим участникам или наблюдателям его действий. Не случайно, некоторые очевидцы сравнивали обстановку этого сеанса с коллективным гипнозом. Главная же особенность поведения разных сторон камлания заключается в том, что шаман сам входит в транс, а остальные — уже под его влиянием. Кроме того, по ходу действия шаман может давать пояснения своим действиям и вести рассказ о ходе своего путешествия (Смоляк 1991: 64-65). Эти факты показывают, что он способен контролировать глубину и степень своего вхождения в состояние измененного сознания, в то время как другие люди не могут это делать. Однако все отмеченные способности, знания и навыки являются достоянием опытного шамана, который чаще всего прошел специальную подготовку у другого шамана-специалиста.

Как известно, далеко не каждый человек мог научиться совершать камлания. Будущий шаман распознавался по симптомам особой болезни. Шаманская болезнь чаще всего проявлялась в подростковом возрасте, но иногда она начиналась и в более поздний период. Характерными ее симптомами являются стремление к уединению, нарушение нормального ритма жизни, попытки произвести камлание. Период кризиса отмечен появлением духа, который извещает, что выбрал этого человека своим помощником или мистическим партнером по браку, и предлагает избраннику свою помощь в ответ на согласие стать шаманом. Если согласие получено, то болезнь прекращается, но все уже в курсе, что этого молодого человека ждет шаманская судьба, и остается только подыскать ему подходящего наставника. В том случае, когда призванный сопротивляется воле духа, болезненные симптомы еще более усугубляются, что может привести даже к летальному исходу. Характерное описание данного явления приводит Л.Я. Штернберг. "Перед тем, как стать шаманом, рассказывал мне один знакомый шаман, он болел более двух месяцев, в течение которых он лежал неподвижно, пластом, в полном беспомыслии. Не успевал он отойти от одного припадка, как впадал в другой. "Я умер бы, - сказал он мне, - если бы не сделался шаманом". Сам Лев Яковлевич стал также свидетелем начала шаманской болезни у мальчика-Койныта 12 лет. "Тот заснул после обеда и нечаянно разбуженный, начал неистово метаться и кричать, повторяя все неистовства и иступленные крики шаманов. Когда припадок окончился, лицо бедного мальчика было страшно истощено и казалось лицом пожилого человека" (Штернберг 1936: 436-437).

Сам факт шаманской болезни примечательно в силу двух обстоятельств. Во-первых, оно показывает нам, что сначала будущий шаман переживает непроизвольное вхождение в состояние измененного сознания. При этом посвящаемый переживает глубокий духовный кризис, его преследуют различные видения, которые обладают огромным воздействием, в силу того, что они проявляются впервые. Очевидно также, что тот, кто способен "заболеть" подобным образом, обладает некоторыми специфическими задатками, которые и определяют его восприимчивость к данному "недугу". Обращает также внимание то обстоятельство, что симптомы шаманской болезни появляются только после начала подросткового периода. Это обстоятельство хорошо согласуется с данными нейробиологов о том, что окончательное завершение процесса формирования мозга происходит у подростков 12-14 лет. Именно в это время у них полностью оформляются лобные доли мозга (Хомская 1987: 37). Во-вторых, описаны случаи, когда отдельные коллективы оставались без шамана. В ситуации подобного рода шаманская болезнь поразала не отдельных избранников, а всю общину в разной степени захваченных все симптомы такого сообщества. Но как только определялся настоящий шаман, у остальных все симптомы болезни сразу исчезали также быстро, как и возникали (Широкогоров 1919). Я думаю, нет необходимости отдельно останавливаться на анализе чисто медицинских аспектов шаманской болезни. Точно также все обстоятельства, связанные с общением с духом, переживаются в ходе протекания шаманской болезни, как совершенно реальные. Однако за ними обнаруживается прежде всего особая психическая реальность, присущая внутреннему миру человека. Что же это за реальность и какие средства и механизмы обеспечивают ее функционирование?

В своем обстоятельном исследовании Р. Уолш показал отличия шаманства от разного рода психопатологических явлений (эпилепсия, истерия, психозы, шизофрения). Затем он проанализировал это явление через призму некоторых современных оккультных и эзотерических практик (медиумизм, опыты выхода из тела, околосмертные переживания и осознанные сновидения). Провел также Уолш и широкие культурные сопоставления шаманизма с йогой, буддизмом, греческими мистериями (Уолш 1996). При этом, как отмечал автор предисловия к его книге, "Роджеру Уолшу удалось сохранить хрупкое равновесие между крайностями всезнающего ра-

ционализма и невыразимого в словах мистицизма" (Файдыш 1996). К сожалению, в меньшей степени рассматриваемый автор уделит внимание нейропсихологическим и физиологическим аспектам поведения шаманов. Попытаемся же восполнить этот пробел.

Шаманское камлание, как правило, производится с наступлением темноты, или же в затемненном помещении, причем камлает шаман с закрытыми глазами. Такая обстановка позволяет ограничить воздействие внешних раздражителей и максимально сосредоточиться на самом действии. Только отдельные, самые сильные шаманы могут камлать и днем. Важное значение для всей процедуры имеют резкие движения шаманского танца и ритмические звуки, издаваемые бубном и другими предметами. Мышечное напряжение, развиваемое в танце, играет большую роль в изменении уровня бодрствования центральной нервной системы. Но, как было установлено уже И.П.Павловым, работа мозга строится по определенному принципу, согласно которому раздражение на одном его участке сопровождается торможением на других, в результате чего блокируется действие других раздражителей (Гримак 1978: 238; 1987: 114; 137-141). Поэтому у шамана, прежде всего, активизируется деятельность энергетического блока мозга, в который входит ретикулярная формация и некоторые отделы гипоталамуса. Этот же блок контролирует также и химический обмен в организме. В свою очередь, звуковое сопровождение сеанса вызывает возбуждение височных отделов мозга. Эти сильные раздражители, оказывая обратное, тормозящее влияние на другие участки мозга и, прежде всего, кору полушарий - блока программирования, регуляции и контроля. Одновременно происходит изменение режима работы блока приема, переработки и хранения информации. В результате, шаман все больше переключается на свои собственные ощущения, переживания и свой опыт. Теменная доля мозга - центр кожных ощущений, ответственных за восприятие тепла, холода и боли, являясь тесно связанной с другими отделами, также изменяет обычный порядок работы (Лурия 1973; Хомская 1987: 37-68). Здесь кроются секреты необычной выносливости, которые демонстрируют камлающие шаманы. Все эти процессы происходят на фоне усиления двигательной активности и эмоционального возбуждения. В результате дальнейшего углубления аутокоммуникации шаман получает способность стимулировать своим эмоциональным возбуждением появление определенных образов, которые в силу своей отчетливой визуализации представляются ему явлениями особого мира. Образы эти, судя по рассказам шаманов, являются сюрреалистическими, что и позволяет идентифицировать их с духами. Следовательно, речь идет не просто о способности воздействовать на специальные участки, которые отвечают за непрерывную фиксацию событий и извлекать из них накопленную зрительную информацию. То, что предстает внутреннему взору шамана, вошедшего в измененное состояние сознания, является уже переработанной особым образом информацией. С этого момента начинается контакт с духами и путешествие в другие миры.

Таким образом, основная цель действий шамана сводится к тому, чтобы вызвать у себя яркие образы, которые по своему характеру отличаются от тех картин, что он может видеть в реальности. Открывающиеся ему миры, в значительной степени, связаны с работой бессознательной части психики шамана. Доступ к этой сфере открывается после стимулирования двигательного центра нервной системы и торможения коры полушарий головного мозга, которые обеспечивают состояние нормального бодрствования. В результате блокирования слухового (аудиального) и кинестетического анализаторов ведущую роль начинает играть зрительный (визуальный) канал переработки информации (Льюис, Пуселин 1995). Интенсивная работа этого канала и умение влиять на его функционирование и составляют основу искусства шамана.

В литературе не однократно высказывалось мнение, что камлание является разновидностью гипнотического сеанса (Басилов 1984; Токарев 1990). Однако такое заключение не соответствует действительности. При использовании гипнотического внушения ведущую роль играет гипнотизер, который сохраняет нормальное состояние сознания. Другой участник такого сеанса, напротив, погружается в измененное состояние, но при этом сначала расслабляется, и его мозг взаимодействует с окружающим миром только через голос гипнотизера (Шерток 1982). Общее с шаманским камланием здесь заключается в том, что гипнотизируемый более обращен к своему внутреннему миру, чем к внешнему. Как отмечает Л.П.Гримак, "гипноз, как частичное торможение коры головного мозга является таким состоянием, в котором действительность и яркость активированных посредством целенаправленного внушения энграмм (образов, представлений) бывает сильнее реальных представлений" (1978: 238). Шаман же сам вводит себя в состояние измененного сознания, сохраняя свою активность, и сам строит всю процедуру камлания. Здесь кроется одна из опасностей этого занятия, так как в случае какого-либо сбоя в обычном сценарии изменения работы мозга шаману часто уже никто не может оказать помощь. Повышенная физическая активность отличает шаманство от практики самовнушения (аутогенной тренировки), так как оно основывается на обязательном мышечном расслаблении (Лобзин, Решетников 1986). Имеющиеся данные позволяют утверждать, что при камланиях возникает особое со-

стояние, которое отличается от гипнотического и других известных в развитых культурах измененных состояний сознания. Некоторые близкие ощущения могут, по-видимому, возникать у музыкантов рок-групп, которые во время концертов подвергаются оглушительному воздействию силы звука и ритма своих песен и часто выполняют сложные танцевательные движения. Вместе с тем можно предполагать, что, добиваясь необходимого эффекта собственным путем, шаманы используют те же механизмы функционирования психики, что и другие практики. Отсюда и тот целительный эффект и некоторые другие свойства шаманских состояний.

Следовательно, шаманизм не является драмой отдельной личности, а, напротив, признается важным общественным занятием, от которого зависит нормальная жизнь целых коллективов людей. Кроме того, шаманские верования, в которые посвящен в той или иной степени каждый из членов таких коллективов, создают особую среду, стимулирующую определенные состояния и поведение. В таком случае шаманизм представляет собой прежде всего определенную традицию психической жизни человека, которая сложилась и существовала в определенных условиях. Как известно, у обычного человека сознание контролирует очень небольшую часть его психических процессов, которые тем не менее функционируют и создают его сложный внутренний мир. При таком положении, как показал Л.С. Выготский, различные явления внешнего мира способны воздействовать на психику человека помимо его воли и желания и вызывать ее определенные не всегда положительные реакции. Необычные способности шамана свидетельствуют о его способности к более полному контролю над работой своей психики и более развитой аутокоммуникации. Желаемый результат получался в результате того, что во время процедуры камлания возбуждение одних отделов мозга и нервной системы вызывало процесс торможения в других их частях. При этом высвобождались всякого рода "зажимы" и осуществлялся сброс отрицательных эмоций, осуществлявший положительный терапевтический эффект.

Однако, после того как рассматриваемое явление культуры удалось связать с механизмами контроля работы мозга, возникает правомерный вопрос: если для того, чтобы понять механизм шаманства нам требуется солидный арсенал современных знаний, то каким образом могла возникнуть шаманская практика в обществах, которые не могли обладать ими. Ответ на этот вопрос можно найти не в каких-то эзотерических откровениях, а в реальных условиях становления самого человека. В свете данных о широчайшем распространении шаманизма в Азии, Америке (Ионова 1980; Леви-Строс 1983: 147-165; Ревуненкова 1980), отчетливых его пережитках в Европе (Мороз 1977) и некоторых сходных практиках в Австралии и Африке (Берндт, Берндт 1981; Оля 1976) можно рассматривать шаманство в качестве универсального общечеловеческого явления. Учитывая, что первичное заселение Нового света относится к 13 тыс. лет назад, а Австралийского субконтинента произошло примерно 40 тыс. лет назад и около 10 тыс. лет эти территории оказались в относительной изоляции - трудно согласиться с ранее существовавшим мнением о сравнительно позднем возникновении данного явления. В противном случае трудно объяснить каким образом такое сложное явление получило столь широкое распространение за короткий промежуток времени. Как известно, наиболее развитые формы шаманизма наблюдаются у кочевников и охотников, собирателей, рыболовов - это еще один аргумент в пользу достаточности древнего его происхождения, так как в более "цивилизованных" обществах данное явление вытесняется религиозными или другими культурными институтами (Жуковская 1977; Басилов 1992). Ряд археологических свидетельств, в том числе и знаменитое изображение "колдуна" из пещеры "Трех братьев" и некоторые другие изображения палеолита, позволяют говорить о возникновении явных атрибутов шаманизма в эпоху верхнего палеолита. Следовательно, ряд обстоятельств рассматриваемого явления оказываются связанными с более общей проблемой - возникновением человека современного физического типа. В этом плане примечательно то обстоятельство, что все предшествующие *Homo sapiens sapiens* формы ископаемых людей, включая наиболее близких по времени неандертальцев, отличались менее развитым строением своего мозга. Кроманьонский человек уже обладал мозгом вполне сходным с мозгом современного человека, но у него были еще недостаточно развиты лобные доли (Кочеткова 1973: 212-213). Следовательно, ряд важнейших психических процессов, в том числе сознательных, были организованы у ранних представителей современного человека особым образом, который отчасти сохраняется в настоящее время у детей или при особых состояниях сознания. Поэтому заключительный этап антропогенеза характеризуется наряду с другими признаками, процессом окончательного оформления мозга и развитием его новых функций. В течение этого процесса новые структуры мозга, взаимодействуя с внешней реальностью, раскрывали свои возможности, с которыми можно связать развитие речи и возникновение изобразительной деятельности. У современного человека в силу того, что он сам и его мозг являются результатом длительной эволюции, характер психических процессов организован таким образом, что более древние отделы мозга подчинены более поздним (Лурия 1973). Поэтому, нам не доступны в нормальных

условиях некоторые виды восприятия окружающего мира, присущие людям далекого прошлого. Именно с этим начальным периодом формирования человека современного физического типа можно связать появление тех средств контроля работы мозга и психических состояний, которые заключается в звуковых ритмах и организованных движениях. Ограниченная роль речи в под-
держивании сознания на данном этапе развития делала человека более восприимчивым к этим факторам. В результате, сам образ жизни позволял опытным путем отбирать эффективные средства влияния на свою психику. Эти средства передавались и накапливались от поколения к поколению, закладывая определенную культурную традицию, которую мы и определяем как шаманизм.

В таком случае, широкое распространение шаманизма не является результатом его заимствования из некоего исходного центра первичного возникновения. Появления данного культурного явления могло происходить независимо в разных частях планеты при формировании *homo sapiens sapiens* и завершения процесса развития мозга современного человека. Важная роль шаманов для своих коллективов указывает на те противоречия, которые возникли перед человеком в силу новых условий его психической жизни при ограниченных возможностях их внутренней регуляции. Поэтому те процедуры, которые устраивали шаманы при своих камланиях, имели важное значение не только для исцеления недугов, но и для поддержания необходимого уровня психического здоровья людей. В этом смысле можно согласиться с мнением о том, что шаманизм является первой формой психотерапии (Функ 1996; Харитонов 1996).

Следует также учитывать, что шаманство является частью более широкого культурного контекста. Как показал в своем исследовании Дж. Кэмпбелл, мотив странствия, путешествия в иные миры является универсальным для архаических культур (Кэмпбелл 1997). Тесную связь между шаманистскими представлениями и первобытной мифологией установили В.Я. Пропп (1986) и К. Леви-Строс (1994). Обращает также внимание сходство представлений о посвящении в шаманы и обряда инициации в целом (Токарев 1990). При всех существующих вариациях важно отметить, что этот культурный контекст является также очень архаическим.

Таким образом, шаманизм представляется важным культурным феноменом, который отражает противоречивость процесса становления и развития современного человека. Это противоречие заключается в несовпадении ритмов развития внутреннего функционального и телесного строения человека, с одной стороны, и его сознательной жизни, с другой стороны. Основная стратегия человеческого существования заключается в компенсировании своей ограниченности как живого существа с помощью специально создаваемых средств культуры. В рамках культуры также производилось создание специальных средств воздействия на психику. Таким образом удавалось обеспечивать не только выживание, добывание необходимых ресурсов существования, но и психическую стабильность, нормальные условия функционирования сознания. В этом смысле шаманизм можно рассматривать как первую творческую деятельность в истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н.А. 1975. *Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в.* Новосибирск: Наука.
- Амойон Р. 1996. Традиционный сибирский шаманизм. *Центрально-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (материалы международного научного симпозиума)*. Улан-Удэ: 123-129.
- Арбиб М. 1976. *Метафорический мозг*. М.: Мир.
- Басилов В.Н. 1984. *Избранники духов*. М.: Изд-во политической литературы.
- Басилов В.Н. 1992. *Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана*. М.: Наука.
- Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. *Мир первых австралийцев*. М.: Наука.
- Богораз В.Г. 1910. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии. *Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, № 1-2.
- Выготский Л.С. 1982. Мышление и речь. - *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 2. М.: 5-362.
- Выготский Л.С. 1983. История развития высших психических функций. - *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 3. М.: 5-328.
- Выготский Л.С. 1984. Орудие и знак в развитии ребенка. - *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 6. М.: 5-90.
- Грибак Л.П. 1978. *Моделирование состояний человека в гипнозе*. М.: Наука.
- Грибак Л.П. 1987. *Резервы человеческой психики*. М.: Политиздат.
- Гроф С. 1993. *За пределами мозга*. М.: Изд-во Трансперсонального института.
- Гроф С. 1994. *Области человеческого бессознательного*. М.

- Давиденков С.Н. 1947. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.
- Добкин де Риос М. 1997. Растительные галлюциногены. М.: "КСП".
- Жуковская Н.Л. 1977. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука.
- Ионова Ю.В. 1980. Шаманизм в Корее (конец XIX-начало XX в.). Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: 4-36.
- Кочеткова В.И. 1973. Основы палеоневрологии. М.: Изд-во МГУ.
- Кэмпбелл Дж. 1997. Тысячелетний герой. М.: Ваклер Рефл-бук АСТ.
- Леви-Строс К. 1983. Структурная антропология. М.: Наука.
- Леви-Строс К. 1994. Первобытное мышление. М.: Республика.
- Леонтьев А.Н. 1981. Деятельность, сознание, личность. М.: МГУ.
- Лопатин А.И. 1922. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток (Записки Общества изучения Амурского края, Т. ХУП).
- Липский А.Н. 1923. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов, Чита.
- Лобзин В.С., Решетников М.М. 1986. Аутогенная тренировка. Л.: Медицина.
- Лурия А.Р. 1973. Основы нейропсихологии. М.: МГУ.
- Льюис Б., Пуселин Ф. 1995. NLP Магия нейролингвистического программирования без тайн. Санкт-Петербург.
- Михайлов Т.М. 1987. Бурятский шаманизм. Новосибирск: Наука.
- Михайловский В.М. 1892. Шаманство: (Сравнительно-этнографические очерки). Вып. 1. М. (Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXXXVIII. Труды этнографического отдела. Т. ХП).
- Мороз Е.Л. 1977. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси. Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.: 64-73.
- Новик Е.С. 1984. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: Наука.
- Оля Б. 1976. Боги Троической Африки. М.: Наука. 1976.
- Прибрам К. 1975. Языки мозга. М.: Прогресс.
- Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. 1981. Л.: Наука.
- Прокофьева Е.Д. 1981. Материалы по шаманству селькупов. Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука.
- Пропп В.Я. 1946. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Пропп В.Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Радлов В.В. 1989. Из Сибири. М.: Наука.
- Ревуненкова Е.В. 1979. Проблема шаманизма в трудах М. Элиаде. Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.: 241-258.
- Ревуненкова Е.В. 1980. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М.: Наука.
- Смоляк А.В. 1991. Шаман: личность функции, мировоззрение. М.: Наука.
- Токарев С.А. 1990. Ранние формы религии. М.: Политиздат.
- Уолш Р. 1996. Дух шаманизма. М.: Изд-во трансперсонального института.
- Файдыш Е. 1996. Предисловие. - Р.Уолш "Дух шаманизма". М.: Издательство Трансперсонального института.
- Функ Д.А., Харитонов В.И. 1996. К вопросу о методологии исследования шаманства в кругу родственных явлений (магия, колдовство, экстрасенсорика). Центральнo-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (материалы международного научного симпозиума). Улан-Удэ: 142-144.
- Харитонов В.И. 1996. Шаман-колдун-народный целитель: экстрасенс, творческая личность или шарлатан? Центральнo-Азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные аспекты (материалы международного научного симпозиума). Улан-Удэ: 144-146.
- Шерток Л. 1982. Непознанное в психике человека. М.: Прогресс.
- Широкогоров С.М. 1919. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Ученые записки историко-филологического факультета. Том. 1. Владивосток: 48-108.
- Штернберг Л.Я. 1933. Гиляки, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз.
- Элиаде М. 1987. Космос и история. М.: Прогресс.
- Элиаде М. 1998. Шаманизм. Киев.: София.
- Юнг К.Г. 199 Архетип и символ. М.: Renaissance.
- Юнг К.Г. 1995. Аналитическая психология. М.: Мартис.
- Юнг К.Г. 1997. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, "Университетская книга".
- Humphrey C., Onon U. 1996. Shamans and elders. Oxford.
- Shamanism, history and state. 1994. Ann Arbor: The University of Michigan press.
- Shamanism in Siberia. 1978. Ed. by D.Zegi and M.Hoppel. Budapest.

ТУНГУССКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ НИЖНЕГО АМУРА

Сравнительно-сопоставительный анализ большого числа произведений народного декоративного искусства аборигенного населения южной части российского дальнего востока XIX-XX вв. показал, что в художественной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов сохраняются до сих пор ярко выраженные черты древней тунгусской культуры, тунгусский этнокультурный (этногенетический) пласт.

Как известно, искусство амурских аборигенов - нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, негидальцев, сроков, а также нивхов - развивалось почти в тех же, что и у тунгусов (звенков и звенов) условиях охотничьего и рыболовного хозяйства, но в иной исторической обстановке.

В результате археологических раскопок было установлено, что в неолите и в начале бронзового века в так называемое глазковское время (около 3500-4000 лет тому назад) у берегов Байкала жили племена охотников-рыболовов, которые имели культуру по целому ряду ее важнейших признаков родственную или даже прямо аналогичную той, которую наблюдали у аборигенов этих мест - тунгусов - первые путешественники конца XVII-XVIII в. (Линденау 1983: 53-101).

Культура эта обнаружила поразительную устойчивость и на протяжении дальнейших двух веков, дожив в Прибайкалье до конца XIX - начала XX (Окладников 1938: 244-260).

В области материальной культуры и хозяйственного быта для древней тунгусской культуры характерны: лодка-берестянка; жилище типа шатра (чума), крытого шкурой или берестой; глиняные сосуды-дымокуры, детские колыбели. Известный российский тунгусовед Г.М.Василевич твердо отстаивала точку зрения таежного прибайкальского происхождения тунгусов и их культуры, согласно предложенной ею периодизации, имеются два основных этапа в развитии тунгусской культуры.

Первый этап - этап пешей таежной охоты; второй этап - последовательное возникновение оленеводства и становление на этой основе ряд новых элементов культуры древних тунгусов, трансформация их быта, хозяйства, материальной и духовной культуры, а также в какой-то мере и социальных отношений (Василевич 1958: 57-61). По мнению Г.М.Василевич, формы детских колыбелей у тунгусов представляют один из интереснейших показателей этнической их принадлежности. В них отражаются исторические условия, в которых ли их обладатели, образ жизни и домашний быт, национальные традиции и художественно-эстетические вкусы и привычки, тунгусская колыбель была рождена потребностями подвижной кочевой жизни в лесу, сначала на этапе пешей охоты, т. е. еще в неолите (1960: 5-28).

В своё время академик А.Ф.Миддендорф (1869: 646-651), а также Л.И.Шренк (1883:256-257) и позже известный тунгусовед С.М.Широкогоров (Shirokogorof 1935: 100-112) на обширном этнографическом материале установили факт скрещения на берегах Амур лесной тунгусской культуры с культурой местного аборигенного населения, говорившего тогда на диалектах маньчжурского языка, в результате чего образовались тунгусо-маньчжуры - нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи; а из среды древних тунгусов выделились затем негидальцы и ороки.

Северный, или тунгусский, пласт на Нижнем Амуре неоднороден: В нем видны черты более древние и более поздние, что отразилось в культуре и в языке (Смоляк 1957: 100-105; Василевич 1960: 47). Приходя в разные периоды с севера, северо-запада, позднее и с северо-востока, тунгусские племена со специфической таежной культурой расселились на Нижнем Амуре, а также в среднем и верхнем течении этой реки - на всю эту огромную территорию они несли многие элементы своей материальной и духовной культуры.

На нижнем Амуре распространились характерные предметы таежной тунгусской культуры: берестяная лодка, гнутые лыжи, колыбель своеобразной формы, древним тунгусским вкладом в культуру народов нижнего Амура были нагрудник и обувь тунгусского типа, ноговицы со специальным пояском (Смоляк 1957: 101-102). По данным Г.М.Василевич, тунгусы принесли сюда лексику, связанную с тайгой, с таёжным рельефом, столь важную для охотников-промысловиков, названия некоторых рыб и животных, термины для лыж, простейшей сети, некоторых элементов одежды (1960: 45-46).

Еще до знакомства с тунгусами народы нижнего Амура жили в соседстве с оседлыми дюрерами и даурами. Тесные контакты они имели с маньчжурами. Через маньчжуров, дауров и дочерев к ним проникали китайские товары: ткани, тушь, шелковые нитки, глиняная и фарфоровая посуда, халаты, вышивки и т.п.

Всё это не могло не отразиться на искусстве народов Нижнего Амура. Соприкосновение нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов с более развитым искусством маньчжуров и китайцев привело аборигенов и их народное декоративное искусство на более высокую ступень развития, до которой так и не дошли эвенки, эвены, негидальцы, ороки (Иванов 1949: 88).

Однако, присматриваясь более пристально к искусству народов Нижнего Амура, мы отчетливо видим в нем очень много элементов, сближающих его с искусством тунгусов, так, например, в искусстве нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей и нивхов существуют не только сюжеты, общие с тунгусскими, но и типичные для тунгусов трактовка и характеристика животных (Иванов 1954: 403-405). Разумеется, этот общий с тунгусами пласт искусства менее заметен и труднее различим, так как скрыт под пышной амурской орнаментикой или заслонен новыми сюжетами и новым оформлением.

Какие же тунгусские черты видны в искусстве амурских аборигенов? Это, прежде всего, наличие берестяных или бумажных силуэтов животных и человека в детских игрушках (Иванов 1954: 401-402), а также в силуэтах из рыбьей кожи, изображающих всадников, птиц, пресмыкающихся, служивших амулетами, которое надевались во время болезни (Иванов 1949).

Если в искусстве тунгусов эти силуэты имели самостоятельное значение, то у народов нижнего Амура они играют вспомогательную роль, превратившись в шаблон, в трафарет, облегчающий исполнение рисунка на материи или в вышивке.

Тунгусский берестяной или кожаный трафарет проник и в орнаментiku амурских народов, причем роль его здесь двоякая. В одних случаях он употребляется только в качестве шаблона, и по исполнению орнамента отбрасывается, в других - наклеивается на кожу или на материю и зашивается цветными нитками. Но и в этом случае простой силуэт вышивальщицу не устраивает: она стремится расцветить, как-нибудь разнообразить этот силуэт по нормам и традициям сложившегося на нижнем Амуре декоративного стиля, таким образом, мы видим, как старинный тунгусский берестяной силуэт скрывается под нитками и переходит в вышивку.

В вышивке народов нижнего Амура изобразительные мотивы нередко утрачивают свои реалистические черты, идущие от тунгусского искусства. Кроме чрезвычайно пышной и пестрой расцветки, фигуры приобретают упрощенный контур, и в то же время некоторые делали переданное движение и меткая характеристика отдельных фигур на нанайском свадебном халате или на удэгейском шаманском костюме) свидетельствуют о том, что в женском искусстве амурских народов старые черты тунгусского реалистического типа продолжают жить и развиваться (Кочешков 1995).

Наиболее ярко и зримо черты тунгусского реалистического искусства выступают в архитектурной резьбе по дереву у нанайцев, удэгейцев, ульчей. Так, на столбах и на балках некоторых нанайских домов в середине XX в. можно было увидеть плоскорельефные фигуры животных, отдельные или объединенные в несложную композицию, отличающиеся всеми признаками тунгусского искусства.

Тунгусским пластом в искусстве народов нижнего Амура следует считать и спирально-ленточный орнамент как один из видов техники домовой резьбы по дереву, эта техника, с виду простая, на самом деле чрезвычайно сложная, врезанная линия, исполненная такой техникой, состоит из четырех плоскостей - двух вертикальных и двух наклонных. Она известна нивхам, срокам, ульчам, нанайцам и негидальцам. Ближайшим соседям сахалинских нивхов - айнам - она неизвестна. Неизвестна она и китайцам. Японцы знакомы с ней, но применяют ее в резьбе по дереву крайне редко. Но зато эта техника резьбы по дереву широко распространена до сих пор среди эвенков и эвенов. Она применяется ими главным образом при украшении оленних седел.

Практически у всех народов Нижнего Амура реалистические изображения тунгусского типа встречаются на берестяных коробках для хранения шаманских атрибутов, на охотничьих магических фигурках из бересты и в детских игрушках, вырезанных из дерева. Еще больше тунгусских элементов можно встретить в деталях шаманской одежды и обуви, в разного рода атрибутах шаманского культа, особенно в формах и декоре бубнов и колотушек к ним.

Древний тунгусский пласт просматривается и в элементах нижеамурского орнамента, как известно, для тунгусов на протяжении их истории характерен строгий геометрический орнамент, состоящий из простейших полостей, кружков, дуг, арочек, чередующихся квадратов, зигзага, различных по форме крестообразных фигур. Из других геометрических мотивов тунгусам были

известны ромбы, диагонально пересеченные квадраты или прямоугольники (Иванов 1961: 370; Кочешков 1996: 35-36). Интересно, что все эти элементы в той или иной мере присущи и орнаментике амурских народов, этим орнаментам на Нижнем Амуре украшают предметы одежды, заимствованные у тунгусов (кафтаны, нагрудники, унты, рукавицы, ноговицы), а также изделия из рыбьей кожи, ровдуги, бересты, тунгусский стиль орнаментики присущ также и произведениям мужского искусства - изделиям из дерева, кости, металла. Недаром тунгусский пласт (комплекс) в амурской орнаментике С.В.Иванов выделил как самостоятельный северо-сибирский третий тип (1961: 348-350).

Таким образом, наличие в искусстве народов нижнего Амура древнего тунгусского пласта несомненно следует объяснить тем, что в формировании современных тунгусо-маньчжуров, а также нивхов, значительное участие принимали тунгусские племена, это подтверждается, между прочим, и анализом некоторых предметов материальной культуры, исторической лексики и шаманских атрибутов, тождественных или очень близких культурам тунгусов и аборигенных народов Нижнего Амура (Певнов 1984: 31-36; Киле 1989: 103-108; Отанна 1976: 170). Дальнейшее выявление и изучение историко-культурных пластов в культуре коренных народов Дальнего Востока несомненно не только обогатит наши знания, но и поможет найти новые грани в решении сложной и пока еще недостаточно изученной тунгусо-маньчжурской проблемы, связанной с вопросами происхождения и этнической истории древнейших народов Сибири и Дальнего Востока.

Как верно заметил академик А.П.Окладников, "в нашей науке нет, пожалуй, области более сложной и трудной, но вместе с тем и более увлекательной, столь богатой поисковыми возможностями" (1969: 81).

ЛИТЕРАТУРА

- Василевич Г. М. 1957. К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров по материалам изучения колыбелек. *Краткие сообщения Ин-та этнографии*, Вып. 28: 57-61.
- Василевич Г. М. 1958. Тунгусский кафтан. к истории его развития и распространения. *Сборник МАЭ*, Т. 18: 122-178.
- Василевич Г. М. 1960. Тунгусская колыбель в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров. *Сборник МАЭ*, Т. 19: 5-28.
- Иванов С.В. 1949. Реалистические основы искусства тунгусо-маньчжуров. *Краткие сообщения Ин-та этнографии*, Вып. 5: 86-90.
- Иванов С.В. 1954. *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в.* М.-Л.
- Иванов С.В. 1961. Орнамент как исторический источник. *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: 345-350.
- Киле Н.Б. 1989. Этнокультурные связи нанайцев по материалам фольклора. *Проблемы историко-культурных связей народов Дальнего Востока*. Владивосток: 103-108.
- Колесникова В.Д. 1972. О лексических связях в алтайских языках. *Вопросы языка и фольклора народностей Севера*. Якутск.
- Кочешков Н.В. 1995. *Декоративное искусство народов нижнего Амура и Сахалина XIX - XX вв.: проблемы этнических традиций*. СПб.: Наука.
- Кочешков Н.В. 1996. этнические корни искусства тунгусов. *Россия и АТР*, № 4: 34-52.
- Линденау Я.И. 1983. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). *Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока*. Магадан.
- Миддендорф А.Ф. 1869. *Путешествие на север и восток Сибири*, Ч.2. СПб.
- Окладников А.П. 1938. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. *Вестник древней истории*, № 1-2: 244-260.
- Окладников А.П. 1969. Тунгусо-маньчжурская проблема в свете новейших археологических исследований. *Проблемы истории Дальнего Востока*. Владивосток: 81-111.
- Отанна Г.А. 1976. Лексические особенности восточно-сахалинского диалекта в нивхском языке. *Лингвистические исследования 1976 г. Вопросы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики*. М.: 161-172.
- Певнов А.М. 1984. Глоттохронология и тунгусо-маньчжурская проблема. *Археология и этнография народов Дальнего Востока*. Владивосток: 31-37.
- Смоляк А.В. 1957. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза. *Советская этнография*, № 1: 90-105.
- Смоляк А.В. 1980. Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов нижнего Амура. *Народы и языки Сибири*. Новосибирск: 260-265.
- Шренк Л.И. 1883. Об инородцах Амурского края. т. I. СПб.
- Shirokogorof S.M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. London.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ В XIX-XX ВВ.

В процессе развития политической культуры особенно большое значение имеют переломные события в развитии общества. В это время происходит ломка привычного политического сознания, создаются новые представления о ходе исторического развития, появляются новые концепции политического процесса, рождаются новые герои, которые служат ориентиром для последующих поколений. В это же время возникают новые идеалы, которые имеют значение базовых ценностей для последующих поколений. В этом плане особенно большое значение в истории Японии имеет период середины XIX в.

В это время происходит насильственное "открытие" Японии, ее столкновение с западной цивилизацией. Началась ломка старых политических порядков и старых политических институтов. В процессе столкновения с Западом и ломки старых порядков происходило усвоение западных политических идей, которые были абсолютно новыми для Японии, и соединение их с традицией японской политической мысли. Создавались новые представления о роли Японии в мире, о ее месте в дальневосточной цивилизации, о системе международных отношений. В это же время рождаются многие основополагающие внешнеполитические концепции. В общественном сознании этой эпохи нужно искать истоки японского национализма капиталистической Японии, который сложился под воздействием старой политической культуры и новой исторической эпохи.

Японский национализм нового времени несет на себе отпечаток дальневосточной цивилизации. Он был связан с представлениями об особой миссии Японии в развитии дальневосточной цивилизации. Именно в это время формируется представление о том, что Япония, долгое время ориентировавшаяся на Китай как на лидера конфуцианской цивилизации, как на непревзойденный образец, должна сменить одряхлевший Китай в этой роли и взять на себя роль лидера дальневосточной цивилизации. Пиетет перед Китаем сменяется идеей экспансии в Китай и другие страны Дальнего Востока (Nagootunian 1970: 149; Chang 1965: 57). Отсюда берет начало одно из магистральных направлений внешней политики Японии, связанное с агрессией в Китай и Корею, бывшей вассалом Китая.

Эту внешнеполитическую линию Япония начала осуществлять уже в 70-е гг. XIX в., начав продвижение в Корею, захвата Формозы (Тайваня), а затем продолжив эту политику в конце XIX в. серией захватнических войн. Первой из них была японо-китайская война 1894-1895 гг., в которой Япония утвердила себя как гегемона на Дальнем Востоке и как азиатская колониальная держава (Очерки 1958: 324). Дальнейшее хорошо известно. Этот агрессивный курс на Дальнем Востоке, политика завоевания Китая завершился лишь с окончанием второй мировой войны.

Но можно ли утверждать, что в это же время отмирает представление о цивилизаторской миссии Японии на Дальнем Востоке? Это представление, очевидно, вновь возрождается уже в новых условиях в 80-е годы XX в., когда Япония утвердила себя в качестве великой экономической державы. И мы можем с достаточным основанием предполагать, что для утверждения представления о Японии как лидере Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии используются идеи, зародившиеся еще в середине XIX в., призываются из небытия мыслители и политические деятели, которые являются крупными авторитетами японской истории. Опора на авторитеты — это черта политической культуры. Бурный период в историческом развитии Японии середины XIX в. завершается 1868 годом, когда произошла Мэйдзи исин, которая подвела итог политическим процессам, начатым еще в 50-е гг. насильственным "открытием" Японии.

После событий Мэйдзи исин можно выделить несколько этапов в процессе развития политической культуры Японии.

1) От Мэйдзи исин до 20-х гг. XX в. Для этого периода характерно то, что политическая культура развивалась на основе синто-конфуцианской традиции, которая была дополнена заимствованием европейских политических институтов и политической идеологии. В 1970-80-е годы происходила неоднократная реорганизация японского правительства, которое по своей структуре становится все более похожим на правительства европейских стран (Очерки 1958: 205). Очень важным событием было принятие конституции 1889 г. Это очень интересный и важный момент в развитии политической культуры Японии. В содержании и особенно в функционировании японской конституции сказались характерные черты японской политической культуры. На первый взгляд может показаться, что с принятием конституции Япония превратилась в конституционную монархию. Но этого как раз не произошло. Принятие конституции 1889 г. не оз-

начало перехода к конституционной монархии. Японская монархия сохранила, а со временем даже усилила, свои традиционные черты. Она сохранила черты теократической монархии. Император играл не столько политическую роль, которая по конституции выглядела необъятной, сколько был сакральной фигурой, высшим жрецом синтоистского культа.

Это был непререкаемый политический авторитет, равный земному богу + чисто синтоистская традиция, характерная для Японии на протяжении всей ее истории. Интересно то, что таким образом в политической системе Японии соединяется несоединимое по европейским меркам: бюрократический тип руководства в лице правительства, характерный для буржуазной эпохи, и харизматический тип управления, характерный для традиционного общества. В Японии эти типы сосуществуют, каждый из них играет свою роль.

Можно выделить еще некоторые характерные черты японской политической культуры, которые составляли своего рода традицию. Исполнительная власть в это время довлела над законодательной, парламент играл подчиненную роль в политической жизни. Но нужно подчеркнуть, что появление европеизированных политических институтов привнесло новый элемент в развитие политической культуры Японии. Она как бы раздваивается на традиционную и ориентированную на западные образцы современную культуру.

2) От 20-х гг. XX в. до окончания второй мировой войны. Так называемая "демократия эры Тайсё", существовавшая в 20-е годы, привнесла в политическую жизнь Японии усиление влияния политических партий и начал парламентаризма (Hall 1993: 313). Но этого усиления роли политических партий оказалось недостаточно для того, чтобы они заняли такое же место в политической системе, как в европейских странах. 30-е годы показали, какое большое место в политической жизни играет старая политическая культура. 30-е годы - эра активизации фашистского движения. Но японская политическая система не превратилась в фашистскую систему. В Японии утвердился тоталитаризм японского типа, было возрождено традиционалистское государство, приспособленное для нужд ведения войны (Мазуров 1996: 117).

Хотелось бы обратить внимание на гальванизацию не только традиционных институтов, таких, как, например, пятидворка, но и на привлечение на службу политической системе идей XIX в. В начале 40-х годов издается полное собрание сочинений одного из основоположников японского национализма, мыслителя середины XIX в. Ёсида Сёин (1940). В то же время на службу агрессивной политике Японии были поставлены идеи о цивилизаторской миссии Японии в районе Дальнего Востока, о Японии как о вершине дальневосточной цивилизации.

3) Период послевоенных реформ, которые оказали решающее воздействие на развитие политической культуры Японии в послевоенный период. В это время происходит заимствование западной конституционной системы, которая сочетается с сохранением японской политической традиции. Японское общество продолжает во многом жить по традиционным стандартам (групповое поведение, большая роль землячества), а политическая система является слишком западной, скопированной с политико-юридических институтов Запада (Сэнго нихон 1995). Возникает противоречие между западной политической системой и традиционной социальной психологией. Это противоречие вызывает к жизни своеобразный феномен: политическая система, являющаяся аналогом европейской, испытывает на себе воздействие социальных связей и отношений, в которых во многом сохранились традиционные элементы и традиционных стереотипов поведения. Результатом этого является формирование неповторимых феноменов в политической жизни. Из них в первую очередь нужно указать на систему "1 1/2 политических партий" (Ерёмин 1992: 97-98).

4) Период 80-х годов и далее. В это время происходит все большее воздействие на политическую жизнь психологии "нового японца". О "новом японце" стали активно говорить в 80-е годы. Что же принесли с собой "новые японцы" в политическую жизнь и политическую культуру? Выход на сцену "новых японцев" сопровождался усилением индивидуализма и нового национализма, или национализма нового типа. Они бросают вызов групповому сознанию и комплексу национальной неполноценности, который был характерен для послевоенного периода. В политическом плане наиболее показательным для этого времени является развал системы "1 1/2 политических партий" и формирование коалиционных правительств. Япония как будто идет по стопам Запада (многопартийная система, усовершенствованная система выборов) (Загорский 1998: 167-168). Но это еще не означает, что политическая система Японии будет развиваться по западным образцам.

Позволим себе некоторые предположения. В дальнейшем возможны два пути эволюции политической системы Японии. 1) Путь выбора премьер-министра на всеобщих выборах, предложенный в свое время крупным политиком Накасонэ Ясукиро (Накасонэ Ясукиро 1993: 36). По существу это означало бы введение в Японии президентской системы. 2) Усиление в Японии политической роли императора, придание ему статуса полноценного конституционного монар-

ха. Первым шагом к этому является усиление сакральных функций императора.

После этого краткого обзора основных этапов развития политической культуры Японии имеет смысл выделить наиболее характерные черты этой культуры. 1) Стремление к консенсусу в процессе выработки политического курса и принятия политических решений. 2) Сильные начала авторитаризма в процессе политического развития. Это диктатура Окубо Тосимити в 70-е годы XIX в., большое влияние военщины в политической жизни. Венцом его был так называемый "фашизм". После второй мировой войны авторитарные начала вылились в своеобразную систему авторитарного парламентаризма, где доминировала Либерально-демократическая партия. 3) Особая природа лидерства, в котором приглушено личностное начало. Для Японии не характерен западный тип лидерства, доминирование сильной, волевой, инициативной личности в политическом процессе. Несколько исключений только подтверждают правило. Одно из таких исключений - Накасонэ Ясухиро, продемонстрировавший тип лидера, близкий к западным образцам. В меньшей степени на этот тип похож Хасимото Рютаро, на которого возлагались большие надежды в реформировании японского общества. Однако такой тип лидера является дефицитом для Японии.

ЛИТЕРАТУРА

- Ерёмин В.Н. 1992. *Политическая система современного японского общества*. М.: Наука.
Ёсида Сёин 1940. *Ёсида Сёин джсю*. Токио.
Загорский А. 1998. Политическая реформа в послевоенной истории Японии. *Япония в поисках новых рубежей*. М.
Мазуров И.В. 1996. *Японский фашизм*. М.: Восточная литература.
Накасонэ Ясухиро и др. 1993. *После "холодной войны"*. М.: Прогресс.
Очерки 1958: *Очерки новой истории Японии*. М.: Изд-во вост. лит-ры.
Сэнго нихон. 1995: *Сэнго нихон. Сэнрё-то кайкаку* [Послевоенная Япония. Оккупация и реформы]. Токио.
Changing Japanese attitude Toward Modernisation. 1965. Princeton, New Jersey.
Hall J.W. 1993. *Japan. From prehistory to modern times*. N.Y.
Harootunian N.D. 1970. *Toward Restoration*. Berkley.

С.М. Жучкова

ЗАРОЖДЕНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

В настоящее время происходит реорганизация партийной системы в Японии, и на первый план выдвигаются многие аспекты, связанные со спецификой политических партий Японии. Понять их можно, только исследовав процесс становления политических партий в контексте специфической политической культуры.

Большинство традиционных исследований по истории политических партий в довоенной Японии начинаются с образования партий в период движения за свободу и народные права (дзю минкэн ундо) и прослеживают их перерастание в партии Сэйюкай и Минсэйто конца 20-х гг. XX века. В этой схеме не ясно, но все же выражено предположение, что между партиями движения дзю минкэн ундо и парламентскими партиями была не только организационная преемственность, но что они руководствовались одинаковыми мотивами и придерживались одних и тех же целей. Думается, что это интерпретация упрощает ситуацию. В действительности партии конца XIX - начала XX в. были отличны от своих предшественников. Без понимания этой разницы легко ошибиться в оценке парламентских партий и судить о них по стандартам партий 1880-х годов.

Политические партии в Японии стали создаваться после опубликования 12 октября 1881 г. императорского указа об открытии парламента в 1890 г. 17 октября состоялось собрание "Лиги учреждения парламента" (Коккай кисэй домэй), которая, являясь лидером петиционного движения, была составной частью дзю минкэн ундо (History of Constitutionalism in Japan 1989:18). На базе "Лиги" была образована первая политическая партия - Риккэн дзюто (конституционная либеральная партия). 29 октября было официально объявлено о ее создании. Первый партийный список дзюто включал 101 члена, президентом был выбран Итагаки Тайсукэ, вице-президентом стал Гого Сёдзиро. Итагаки объяснял необходимость создания партии тем, что,

поскольку сам император обещал парламент, следовательно, должна быть и партия, чтобы воспитать в народе парламентские традиции и подготовить общественное мнение к правильному восприятию будущих конституционных начал (The Meiji Japan 1969c: 231). Среди партийных лидеров были Коно Хиронака, Акаи Кагэаки, Баба Тацуи, Суэхиро, Оиси, Ои Кентаро и Уэки Эмори, которого считали теоретиком партии.

В марте 1882 г., через полгода после образования дзюто, под руководством Окума Сигенобу была создана вторая политическая партия риккэн кайсинто (конституционная партия реформ и прогресса). Основу кайсинто составили участники трёх дискуссионных клубов - Отокай, Тойо Гисэйкай и Омэйся, руководителями которых были Оно Адзуса, Яно Фумио и Нума Мориказу (Lebra 1966: 373). Первый партийный список включал 116 человек.

Образование дзюто и кайсинто представляло определенную опасность для олигархического правительства Сацума и Тёсю, поэтому в противовес этим партиям в марте 1882 г. была создана Риккэн тэйсэйто (Конституционная императорская партия). Эта была проправительственная партия, организованная по инициативе бюрократии, не желавшей оставаться в изоляции и пытавшейся создать себе политическую опору. В состав партии входили в основном чиновничество и близкая к нему часть интеллигенции. Официально основателями партии считались Оти Фукучи, главный редактор газеты Токио ничи-ничи, Сакура Маруяма, основатель издательской компании Мэйдзи Ниппо, и Торадзиро Мидзуно, президент издательской компании Тоё симпо (Akita 1967: 102). В действительности за тэйсэйто стояли такие известные представители бюрократии как Ито Хиробуми и Иноуэ Каору.

Политика партии заключалась в том, чтобы обеспечить поддержку действиям правительства по введению конституции, используя лозунг национализма и постепенности социальных преобразований.

Как справедливо отметил историк-японист Е.М. Жуков (1939: 119), в этот период программные различия между тремя основными политическими партиями (течениями) Японии состояли в следующем: дзюто считала, что суверенитет должен принадлежать народу, кайсинто считала, что суверенитет должен принадлежать поровну монарху и парламенту, тэйсэйто утверждала, что суверенитет - это император, а парламент - это прикрытие.

В 1882 г. было создано и подобие первой социалистической партии Японии - так называемая Тоё сякайто (восточная социалистическая партия). Организованная группой интеллигентов во главе с Таруи Токити, эта партия была разгромлена через несколько часов после своего оформления.

Наряду с упомянутыми столичными партиями возникло много мелких провинциальных партий. Так, в это же время сторонниками движения за народные права была образована риккэн сэйто (конституционная партия) в районе Кансай. Президентом её стал Нобуюки Накадзима. В дальнейшем эта партия вошла в дзюто. Известны также такие партии, как Ава дзюто, Токусима кайсинто. В марте 1882 г. группа либералов из района Кюсю встретила в Кумамото с целью образования Кюсю кайсинто (Прогрессивная партия Кюсю) (History of Constitutionalism in Japan 1989: 18). Партия была организована с тем, чтобы противостоять группе Симэйкай из Кумамото, связанной с Риккэн тэйсэйто. Однако можно также утверждать, что Кюсю кайсинто образовалась в результате раскола дзюто на две фракции - Тоса и Кюсю. Таким образом, несмотря на претензии на самостоятельность, Кюсю кайсинто была связана с дзюто.

Строго говоря, в Японии в начале 80-х годов фактически действовали только две партии - дзюто и кайсинто. Традиционно их ставят рядом и называют помещичье-буржуазными партиями (в отечественном японоведении) или партиями движения дзю минкен ундо (в западном японоведении).

Одновременно с извещением о создании дзюто была опубликована декларация, дающая представление не столько о целях, сколько об идеалах партии:

1. Наша партия стремится к осуществлению свободы, гарантии прав, распространению благоденствия и к реформам общества.
2. Наша партия ожидает утверждения совершенной конституционной формы правления.
3. Наша партия стремится к достижению своих целей в единении с теми, кто обладает принципами, совпадающими с принципами нашей партии.

Отсюда видно, что развернутой политической программы дзюто не имела. Однако о целях партии можно судить по заявлениям ее лидеров. Так в своей речи 10 марта 1882 года в Сидзуока Итагаки выделил семь пережитков-препятствий, с которыми необходимо бороться, чтобы обеспечить конституционное правление (The Meiji Japan 1969b: 225).

Хотя сам Итагаки не вступал в острый конфликт с правительством, в местных организациях партии скоро оформилось сильное антиправительственное течение - левое крыло, выступавшее с весьма радикальных позиций. Отдельные деятели левого крыла дзюто говорили о свержении

монархии, беря за образец революционных действий борьбу русских народовольцев, и обсуждали возможность создания республиканского строя. Действия групп левого крыла: заговоры, подготовка террористических актов, нападения на полицейские участки, раздача листовок, - всё это подробно освещено в отечественных исследованиях (Очерки 1958: 274).

Наибольшее влияние дзюто имела в центральных сельскохозяйственных районах, в таких префектурах, как Гумма, Сайтама, Ибараки, Нагано, Сидзуока, Айти и других. Таким образом, она опиралась на растущую сельскую буржуазию.

В региональном плане дзюто возникла как местная организация, так как ориентировалась на родную префектуру Итагаки - префектуру Коти (ранее провинция Тоса). Интересно то, что дзюто даже называли Тоса бацу - клика Тоса. В дальнейшем, когда стали появляться местные организации дзюто, такая ориентация партии на бывшее княжество Тоса привела к расколу партии на две фракции - Тоса и Кюсю.

В значительной степени разложению партии способствовала поездка Итагаки и Гото в Европу в составе правительственной группы во главе с Ито. Внутри партии сразу же образовалась оппозиционная фракция во главе с Баба Тацуи, Суэхиро, Оиси и Ои Кэнтаро. Для Итагаки эта поездка была, по мнению американского историка Ю. Совиак, "возможностью убеждать от все более и более неуправляемых действий местных организаций" (Soviak 1966: 374). Нужно полагать, что эта поездка была прежде всего умелым ходом правительства в противодействии оппозиции. Как справедливо отметил Е.М. Жуков, это было сделано с целью посорить Окума с Итагаки и "перетянуть кого-либо из них на свою сторону" (1939: 119). Любопытное объяснение, почему в поездку пригласили лидеров дзюто, а не кайсинто, дает Дж. Акита. По его мнению, Ито считал Окума более "труднопреодолимым препятствием" в словесной баталии, а в отношении Итагаки и Гото он был уверен, что сможет обратить их в свою веру и привить им свои политические взгляды (Akita 1967: 113). Так или иначе, но поездка Итагаки и Гото имела своим результатом снижение радикальности дзюто.

На наш взгляд, кайсинто лишь отчасти можно отнести к партиям движения за свободу и народные права, если принять во внимание, что в нее вошла часть дзюто, т.е. часть партии, которая несомненно выросла из этого движения. Полагаем, что кайсинто создавалась как партия элиты.

Первоначальный партийный список включал 116 человек с указанием рода занятий, социального статуса, происхождения и места проживания, что позволяет дать достаточно полную характеристику партии кайсинто в момент ее образования.

Ядром партии была группа из 22 человек, 16 из них - это экс-бюрократы, главным образом служившие в министерстве финансов при Окума (1873-1881) и уволившиеся после его отставки с тем, чтобы последовать за ним в кайсинто (заметим, что значимость личной преданности стала одним из факторов сплоченности партии). Еще пять человек занимали должности по юридическим специальностям, остальные проявили себя в журналистике, на преподавательском поприще.

Кайсинто часто характеризуют как партию интеллектуалов. Действительно, большинство из членов партии получили образование или в Токийском университете, или в колледже Кэйю, основателем которого был поклонник и пропагандист идей западного либерализма Фукудзава Юкити, ставший идеологом партии. Многие прошли стажировку за границей или в языковых школах Эдо, Нагасаки. Один имел степень доктора права Йельского университета, шестеро получили военное образование. К этому следует добавить и тот факт, что основу партии составили члены трех дискуссионных групп, которые выпускали свои собственные газеты и журналы, ставшие партийными органами (Юбин Хотэ Симбун, Токио-Йокогама Майнити Симбун и Тея Симбун) (Soviak 1966: 375). Главными темами этих изданий были вопросы западного права и концепции развития политических институтов, пересмотр неправомерных договоров и социальные проблемы.

Иными словами, кайсинто состояла из хорошо образованных членов общества, подготовленных для широких преобразований в Японии, и представляла собой самую настоящую политическую элиту, но без политической власти.

Социальный статус или происхождение членов партии определялось в партийном списке как сидзоку (бывший самурай) или хэймин (простой человек). Необходимо отметить, что достоверность этих данных снижает тот факт, что после реставрации Мэйдзи многие сидзоку изменили свой статус на хэймин. Так, один из лидеров кайсинто Оно Адзуса сменил свой самурайский статус на хэймин, который давал большую свободу (Ibid.: 376). Согласно списку 1882 года из 116 членов кайсинто 55 человек были хэймин и 59 - сидзоку (Ibid.: 377). Заметим, что это было значительное преобладание сидзоку по сравнению с той пропорцией, что наблюдалось в обществе в целом.

Согласно партийным требованиям, при вступлении в партию необходимо было заручиться рекомендациями трех членов кайсинто, а также быть в состоянии платить членские взносы. Отсюда видно, что кайсинто ориентировалась на вполне определенный слой общества. Как считал Тогама Коно, вице-президент кайсинто, необходима вербовка сторонников: людей состоятельных, образованных и опытных, состоявшихся в какой-либо области деятельности (Akita 1967: 345). Однако неясно, были ли это представители крупной или средней буржуазии, так называемые "крупные обуржуазившиеся помещики", которых в отечественных исследованиях записывают в ряды кайсинто.

В региональном плане кайсинто изначально имела более широкую общенациональную поддержку, чем дзюто. Так, из 116 первых членов партии кайсинто 73 представляли район Канто в целом (причем 58 человек (50%) проживали в Токио), 16 - представляли район Кюсю, 7 человек, включая Окума, были из префектуры Нагасаки (Soviak 1966: 378). Заметим, что Токио привлекал людей из всех частей страны и такая пропорция его представителей сама по себе уже отражает национальный характер партии. Тот факт, что из новых членов, вступивших в партию в следующие два месяца, 94,5% были жителями Токио, свидетельствует об активности кайсинто во время своего становления именно в столичном районе. В ходе дальнейших агитационных туров кайсинто приобрела популярность и в других крупных городах. Так, среди вступивших в партию в сентябре 1882 г. 75% были из Осака, что, вероятно, было ответом на визит в этот город пропагандиста кайсинто Яно Фумио. Всего же к концу 1882 г. в кайсинто состояло более тысячи человек. Можно согласиться с Е.М. Жуковым, назвавшим кайсинто партией городского типа, если иметь в виду, что ее активность была направлена на урбанистические районы: Токио, Нагоя, Осака.

Главным положением политической стратегии кайсинто было рекрутирование сторонников в префектуральных собраниях, что обеспечило бы партии общенациональную поддержку. В результате к июню 1883 г. в 23 префектуральных и городских собраниях было 163 представителя кайсинто, в то время как дзюто имела только 46 своих представителей в 17 собраниях. Более того, кайсинто имела подавляющее большинство в префектуральных собраниях Хиросима, Хэго, Тотиги, Симанэ и Токусима.

Следует отметить тот факт, что среди членов кайсинто, представленных в столичных окружных собраниях, соотношение хэймин к сидзоку было один к двум, а в префектуральных собраниях - один к трем. На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о силе традиционной социальной элиты в сельскохозяйственных районах.

Можно утверждать, что кайсинто зарождалась в большей степени как национальная, нежели как местная партия, и подтверждением этому служат следующие обстоятельства. Во-первых, важность Токио как места происхождения руководства партии и ее первых членов, во-вторых, разнообразие географической репрезентации партии в 1882 г., а также быстрое появление региональных отделений и широкое представительство партии в префектуральных и столичных окружных собраниях в 1883 г.

Однако необходимо заметить, что подлинных условий для широкого политического развития у партий 1880-х гг. не было. Как отметил в свое время Г. Квигли, "японские партии родились без роду, без племени в недружелюбной среде, в период перехода от феодального олигархизма к конституционализму" (Квигли 1934: 98). Так, уже в декабре 1882 г. правительством был принят закон о собраниях и организациях, ставивший под удар любую общественную деятельность. Согласно этому закону, такие действия, как объявление о собрании или агитация за посещение собраний, организация митингов на улицах, рассматривались как уголовное преступление. Полиция получила право просматривать списки членов политических ассоциаций, вычеркивать неблагонадежных с ее точки зрения лиц. Правительство запретило также устраивать объединенные собрания различных партий, опасаясь создания объединенного блока этих партий. Так, были разрушены планы лидеров кайсинто о созыве национальной конференции членов префектуральных собраний в феврале 1883 г. в Токио. Наконец, правительство запретило иметь филиалы партий на местах, в силу чего местные объединения дзюто и кайсинто должны были функционировать на правах самостоятельных партий и соответственно проходить всю сложную процедуру полицейской регистрации.

Как следствие, местные ветви дзюто в большинстве случаев существовали более менее независимо, как "саморазвивающийся отросток", нежели как филиал партии. Сказанное объясняет, почему партиям не хватало внутренней связи, сплоченности.

Таким образом, давление со стороны правительства, расколы внутри партий (фракции Тоса и Кюсю в дзюто, группы Мита и Омэйся в кайсинто), уход Окума с поста председателя партии, а также утрата народной поддержки вследствие выхода из партий крупных землевладельцев, напуганных насильственными действиями деревенской бедноты, - всё это привело к решению о

самороспуске партий в 1884 г. Любопытно, что большинство тех, кто составил костяк партий в 1881-1882 гг., после роспуска партии вернулось в ряды бюрократии и в бизнес (Окума, Гото Сёдзиро и многие другие).

Строго говоря, фактически партии в дзю минкэн ундо были не партиями, а политическими ассоциациями, направленными на мобилизацию национального движения протеста против олигархического правительства Мэйдзи. Это признавали и сами лидеры партий. Так, на встрече в Сидзуока 10 марта 1882 г. свою речь о перспективах дзюто Итагаки начал словами: "Наша либеральная партия еще не вполне является политической организацией, но я возлагаю большие надежды на будущее образование сильных политических партий" (The Meiji Japan 1969b: 225). Лидер местной организации Токусима кайсинто - Абе Окито объяснял причину роспуска партии тем, что существующие политические партии все еще находились на подготовительной стадии и поэтому не могли действовать успешно (Fraser 1971: 58).

Прежде всего нужно отметить, что партии 1880-х годов оставались за кругом официальной власти, без каких-либо институциональных способов контроля за правительством и без формальных конституционных способов выражения своего недовольства. Хара Кэй (Такаси), писавший в конце 1890-х годов, охарактеризовал партии 1880-х как "партии в состоянии подготовки", способные говорить, но не способные действовать по вопросам национальной политики (Dunn 1968: 7). Их единство имело негативную окраску, так как было порождено протестом против олигархического правительства (хамбацу).

Как следствие, партии собрали в свои ряды многие течения недовольства. Во-первых, они привлекали бывших самураев, которые оказались за бортом новой сформировавшейся бюрократии, и тех, кто составлял прежде одну команду, но разошелся по вопросам политики, такими, как вопрос о Корее или создании конституционной системы власти. Во-вторых, партии поддерживали молодые интеллектуалы, чье знакомство с новыми знаниями Запада привело их к заключению, что авторитарное правление есть зло. В-третьих, их членами были состоятельные слои сельского общества, которых раздражало введение новых органов местного управления в провинции, появление чиновников, присылаемых из Токио для управления ими, а также введение новых налогов. Но было метко отмечено, что все участники партий, руководствовались они популистским чувством негодования или "задушенными амбициями", менее всего были заинтересованы в том, чтобы самим получить власть (Ibid.: 9).

Будучи организациями, которые нацелены на протест, а не на получение власти, партии 1880-х главными орудиями избрали агитацию и просвещение населения. Совсем малое число были сторонниками конспираторативной деятельности, нацеленными на конфронтацию с системой власти (левое крыло дзюто), но большинство связывало свою деятельность с организацией петиций, распространением литературы о западном либерализме, публикаций журналов и газет, а также поездками по сельским районам с целью организовать местные политические ассоциации.

Так как эти ранние партии имели малый доступ к политической власти как и большинство движений протеста, они были организационно слабы и склоны к расколам. Они были довольно малочисленны, если учесть, что максимальное число членов дзюто в год наибольшей активности партии (в 1882 г.) было 769, а кайсинто - около тысячи человек. Национальный штаб партий проявлял тенденцию к эфемерному существованию. В действительности партии представляли собой децентрализованные союзы, автономные местные образования, связанные с несколькими национальными лидерами, нежели унитарные централизованные организации с внутренней дисциплиной, иерархической структурой и машиной для пополнения партийных фондов.

С принятием в 1889 г. конституции Мэйдзи и открытием в 1890 г. парламента политическое пространство для деятельности партий значительно изменилось. В отечественной литературе изменения в политике партий трактуются однозначно: "произошел резкий поворот вправо" (Очерки 1958: 305). Причём, в качестве подтверждения упоминается один из пунктов декларации дзюто 1891 г., гласивший, что "социализм несовместим с либерализмом, который представляет наша партия" (Жуков 1939: 136). На наш взгляд, подобное "поправление" (термин Жукова) произошло гораздо раньше, когда лидер дзюто Итагаки отмежевался от левого (радикального) крыла партии.

Более серьезного внимания заслуживает тот факт, что с принятием конституции и открытием парламента изменился статус партий. Партии не были более политическими ассоциациями, вызывающими подозрение, они стали легальными организациями, которые хотя и не особенно признаны в конституции, но свободны от репрессий. Так 25 июля 1890 г. премьер-министр Ямагата Аритомо пересмотрел Правила о собраниях и политических ассоциациях, согласно которым партиям ранее запрещалось объединяться и иметь какие-либо связи друг с другом. В январе 1890 г. была восстановлена партия дзюто и при её активном участии были организованы сле-

циальные избирательные комитеты, которые должны были вести работу по разъяснению задач предстоящих парламентских выборов.

Многие в рядах народных партий (минто), как они себя называли, стали понимать, что "они более не разносчики петиций, стоящие перед воротами крепости олигархов, а уже внутри этих стен и, возможно, в один из дней займут места в совете своих старых антагонистов" (Dius 1968: 26). Парламентский контроль за кабинетом и партийное правление, как они считали, не были более несбыточной мечтой. Уже в первой декаде работы парламента народные партии действовали как организации, нацеленные на политическую власть в рамках конституции (Ibid.: 28).

Закон о выборах в нижнюю палату японского парламента (1889 г.) стал той правовой базой, которая во многом определила характер политики партий (The Meiji Japan 1969c: 214). Состоявшиеся 1 июля 1890 г. выборы в палату представителей были проведены на основе системы малых избирательных округов (на каждый избирательный участок приходилось 1-2 места в парламенте). Избирательный закон о выборах в нижнюю палату устанавливал возрастной ценз в 30 лет для получения пассивного избирательного права и 25 - для активного избирательного права. Женщины и военнослужащие были лишены избирательных прав. Имущественный ценз требовал от избирателей уплаты не менее 15 иен прямых налогов в год. Кроме того, избирательный закон предписывал также внесение денежного залога за каждого баллотирующегося кандидата и соблюдение ценза оседлости, представлявшего по существу расширение имущественного ценза. Таким образом в первых выборах участвовало не более 1,1% (450 тысяч) от всего населения Японии того времени (39,9 млн).

Кандидатов в депутаты парламента рекомендовали, и никто не мог самостоятельно обращаться с просьбой о его включении в список кандидатов. Голосование осуществлялось посредством открытого бюллетеня. Избиратели обязаны были писать свои имена и адреса в карточке для голосования и ставить в ней свою печать (hanko seal).

Избирательный закон 1889 г. вызывал многие последствия для партий. Во-первых, ограничив круг избирателей верхней социально-экономической группой, этот закон заставил партии действовать в рамках практически одной электоральной базы. Во-вторых, условия избирательного закона привели к тому, что процент обладавших избирательным правом был гораздо выше в сельскохозяйственных районах, чем в крупных городах. Это связано с тем, что поземельный налог являлся первым среди других категорий налогов в качестве источника государственных доходов, также несомненно, что ценз оседлости был на руку сельскому населению. Как свидетельствуют данные выборов 1890 г., префектура Сига имела наивысший процент голосовавших по отношению к остальному населению - 2,3 к 100, в то время как Токио имел наименьший - 0,35 к 100 (Scalapino 1966: 269).

Сказанное во многом объясняет причину преобладания в нижней палате членов дзюто-партии, всегда ориентировавшейся на сельскохозяйственные районы, по сравнению с представителями кайсинто, имевших поддержку в крупных городах. Согласно данным выборов, в 1890 г. дзюто имела 130 мест в парламенте, в 1892 г. - 94, в то время как у кайсинто в 1890 г. было 41 место, а в 1892 - 37. Учитывая, что Япония в то время была преимущественно аграрной страной с 70% сельского населения, естественно предположить, что без существенной поддержки сельскохозяйственных районов ни одна политическая партия не имела каких-либо долгосрочных перспектив.

Анализ статистических данных по выборам в разных районах Японии с 1892 по 1915 г. позволяет дать достаточно полную региональную характеристику партий, а также сделать выводы о формах предвыборных кампаний. Выборы 1892 г. показали, что только дзюто имела значительную общенациональную поддержку. Получив 94 места в парламенте, дзюто аккумулировала 52% голосов избирателей района Канто, 40% - Тохоку, 38% - Сикоку, 23% - Тюгоку, 18% - Кюсю и 14% - Кинки. Иными словами, в региональном плане позиции дзюто были наиболее сильны на Хонсю и Сикоку, причём главным образом в сельскохозяйственных районах. Показатели кайсинто были скромнее: 37 мест в парламенте. Наиболее значительную поддержку партия имела в урбанистических районах Сикоку (33%) и Канто (20%).

Единственным местом, где народные партии не имели преобладающего влияния, был о. Кюсю, который оставался одним из слабо интегрированных в национальный политический процесс районов. В то же время он выделялся тем, что служил оплотом консерватизма, региональной базой для проправительственных партий, так как значительная часть олигархии имела крепкие связи с главами региона.

Результаты выборов 1898 г. свидетельствуют о том, что в Японии стало две равных национальных партии: дзюто получила 105 мест в парламенте, кайсинто - 103. Обе партии имели почти одинаковый процент отданных за них голосов в большинстве избирательных округов. Однако выборы 1898 г. также показали, что пристрастия избирателей очень подвижны. Наибо-

лее ярко это видно на примере района Тохоку. Если в 1892 г. дзюто получила здесь поддержку 40% избирателей, а кайсинто только 3%, то в 1898 г. у дзюто лишь 6%, а у кайсинто 81%.

В связи с этим заслуживает особого внимания утверждение Р. Скалапино о том, что "хотя японские граждане проявляли высокую активность во время выборов (обычно процент голосовавших составлял 65-75%, а в 1890 г. - 93%); но они никогда не считали себя членами партий и никогда не идентифицировали себя с одной конкретной партией" (Scalapino 1966: 271).

Партии же в свою очередь делали установку не на массовое членство, а на укрепление связей с "влиятельными семьями" в каждом отдельном регионе, на получение поддержки местных и префектуральных глав, имеющих доступ к финансовым потокам. Личная привязанность, преданность, которая соединяла экономические интересы с семейными обязательствами, превращалась в своего рода родственную связь (Ibid.: 273). Личные связи с влиятельными фигурами префектуры или города были очень важны, но так как личные обязательства не были закреплены навечно, то и связи с крупными партийными лидерами не были постоянны. Всё это сказывалось на усилении или ослаблении позиций партий.

В процессе выборов, как отмечает Р. Скалапино, наиболее ожесточенная борьба шла не между партиями, а между партийными фракциями (Ibid.: 270). Лидеры фракций часто соперничали друг с другом и, стремясь расширить свои избирательные участки, направляли свои усилия и денежные средства на получение благосклонности местной элиты. В данной ситуации от партийного лидера требовалось умение обеспечить фонды для предвыборной кампании партии. Резюмируя сказанное, можно предположить, что партии были элитарными по характеру, т.е. не были рассчитаны на широкое участие в них населения. В своей организации партии отражали традиционный для Японии образец социального поведения.

Наиболее запутанным остается вопрос о политических программах партий, об их идеологии. Сборники документов по истории Японии рассматриваемого нами периода не содержат каких-либо материалов, позволяющих судить об идеологической платформе парламентских партий (The Meiji Japan 1969c). Вероятно ответ лежит на поверхности - у партий не было программ в том понимании, как это принято у подобных политических организаций в западных конституционных обществах, т.е. документ, декларация, тезисы. Можно согласиться с точкой зрения Г. Квигли о том, что вместо политической программы у партий был "набор либеральных принципов" (Квигли 1934:98) без глубокой их разработки по вопросам тактики и без учета четких целей политической борьбы.

Еще в период формирования в 1880-х главными своими идеалами партии провозгласили идеи свободы, равенства и братства, "хотя и в расплывчатой форме, но тем не менее этот привлекло широкие слои населения" (Очерки 1958: 282). Партии объявили себя сторонниками западного либерализма, конституционного правления, а теорию о естественных правах человека считали одной из идеологических основ либерального движения.

Что касается партий 1890-х, то в какой-то степени их можно считать преемниками партий 1880-х, так как многие члены новых парламентских партий были активистами движения за свободу и народные права. Вместе с тем, необходимо принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, уже к концу 1880-х гг. либеральные идеи были заменены в японском обществе сначала социал-дарвинизмом, потом органической теорией государства. Во-вторых, эта смена взглядов, идеологических пристрастий не затрагивала все общество, а была достоянием достаточно ограниченного круга представителей умеренно-либеральной интеллигенции. В-третьих, если подобные политические теории были непонятны для большей части населения, то и программа, основанная на отвлеченных понятиях не имела бы отклика.

Необходимо также учитывать политические реалии, в рамках которых действовали партии. Проанализируем такую ситуацию: партия формулирует блестящую программу, получает большинство в нижней палате парламента, но при этом не формирует правительства. Кому нужна программа? Она не нужна ни партии, ни избирателю, ни стране. Иными словами, для завоевания электората наличие такой программы не имело решающего значения.

Парламентские партии (кайсинто и дзюто) по существу были не идеологическими организациями, а партиями прагматической ориентации. Значительные различия, которые могли бы возникнуть и действительно возникали время от времени в политике двух партий, имели не идеологический характер, а касались практических проблем, связанных с налоговой политикой, аграрными вопросами, формами и размерами субсидий и тому подобное. Даже если в какой-то момент конкуренция партий подразумевала мощную идеологическую конфронтацию, отношения между партиями быстро восстанавливались.

В заключении ещё раз подчеркнём, что парламентские партии Японии конца XIX в. характеризовались ярко выраженным прагматизмом: им не хватало четкой программы и вместо того, чтобы следовать фундаментальным принципам, они действовали, исходя из целесообразности и

выгодности в борьбе за власть. Партии были более восприимчивы к требованиям особых интересов, чем к общественным нуждам. Члены партий работали на обеспечение выгод для своих местных избирательных округов или соответствующих деловых кругов, а не на благополучие нации.

В сложившейся ситуации остро встал вопрос об организации общенациональной партии. Создание в 1900 г. партии сэйюкай решило эту задачу, явив новый тип построения партии, новый тип лидера партии и новый тип членства в партии.

ЛИТЕРАТУРА

- Квигли Г. 1934. *Правительство и политическая жизнь Японии*. Пер. И. Звавича. М.: Соцэкгиз.
- Жуков Е.М. 1939. *История Японии*. М.
- Очерки 1958: *Очерки новой истории Японии (1678-1917)*. М.
- Akita G. 1967. *Foundation of constitutional government in Modern Japan, 1868-1900*. Cambridge: Harvard University Press.
- Duus P. 1968. *Party rivalry and political change in Taisho Japan*. Cambridge, Mass.
- Fraser A. 1971. *A political profile of Tokushima prefecture in the early and middle Meiji period 1868-1902*. Canberra.
- History of Constitutionalism in Japan*. 1989. Tokyo.
- Lebra J.C. 1966. Kaishinto as a political elite. *Modern Japanese leadership. Transitioned Change*. Tucson (Arizona).
- Soviak U. 1966. Kaishinto as political elite. *Modern Japanese leadership. Transitioned Change*. Tucson (Arizona).
- Scalapino R. 1966. Elections in prewar Japan. *Modern Japanese leadership. Transitioned Change*. Tucson (Arizona).
- The Meiji Japan through contemporary sources*. 1969bc. Vol. II-III. Tokyo.

АВТОРЫ

- Ай Шэнгу* научный сотрудник Шэньянского Центра исследования Восточной Азии, КНР
- к.и.н. *Болдин Владислав Иннокентьевич* старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- к.и.н. *Васильев Юрий Михайлович* старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- Галактионов Олег Сергеевич* научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- к.и.н. *Гельман Евгения Ивановна* научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток, старший преподаватель ДВГУ
- д.и.н. *Деревянко Евгения Ивановна* Зав. сектором Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Жучкова Светлана Михайловна* аспирант ДВГУ, Владивосток
- к.и.н. *Ивлиев Александр Львович* Зав. сектором Института истории ДВО РАН, Владивосток
- д-р *Исао Усуки* Зав. лабораторией Института сохранения культурных ценностей, Нара, Япония
- к.и.н. *Клюев Николай Александрович* старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- к.и.н. *Кляшторный Сергей Григорьевич* Зав. сектором Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН, Санкт-Петербург
- Коломиец Сергей Артурович* зав. фондами Музея ДВГУ, Владивосток
- д.и.н. *Кочешков Николай Владимирович* главный научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- д.и.н. *Крадин Николай Николаевич* старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- д.и.н. *Кроль Юрий Львович* ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН, Санкт-Петербург
- д.и.н. *Кузнецов Анатолий Михайлович* Декан факультета политологии ДВГУ, Владивосток
- д.и.н. *Кычанов Евгений Иванович* Директор Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН, Санкт-Петербург
- д.и.н. *Ларичев Виталий Етифанович* Зав. сектором Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Леценко Нина Васильевна* младший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- д.и.н. *Медведев Виталий Егорович* главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- д.и.н. *Можейко Игорь Всеволодович (Кир Булычев)* главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва
- к.и.н. *Нестеров Сергей Павлович* старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
- Никитин Юрий Геннадиевич* научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- к.ф.н. *Певнов Александр Михайлович* старший научный сотрудник Института лингвистики РАН, Санкт-Петербург
- д.и.н. *Скрынникова Татьяна Дмитриевна* ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ
- д.и.н. *Совастьян Виталий Владимирович* Зав. кафедрой всеобщей истории ДВГУ, Владивосток
- проф. *Сунь Цзиньцзи* Директор Шэньянского Центра исследования Восточной Азии, КНР
- Хорев Валерий Александрович* научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток
- Чжуан Янь* научный сотрудник Шэньянского Центра исследования Восточной Азии, КНР
- к.и.н. *Шавкунов Владимир Эрнстович* старший научный сотрудник Института истории ДВО РАН, Владивосток

Содержание

<i>Н.А. Ключев</i> Эрнст Владимирович Шавкунов: мечта воплощенная в реальность ..	5
Библиография научных трудов д.и.н., проф. Эрнста Владимировича Шавкунова	9
<i>И.В. Можейко</i> Фантастическая Шайга	20
<i>В.Е. Ларичев</i> Воплощения времени (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве)	25
<i>В.Е. Медведев</i> Поселение Перевал на юге Приморья	40
<i>С.А. Коломиец</i> Керамический комплекс многослойного памятника Сенькина Шапка	49
<i>J.L. Kroll</i> Correlative thinking and the histories of Ssu-ma Ch'ien and Pan Ku	53
<i>Т.Д. Скрынникова</i> Семантика керексура	71
<i>Н.Н. Крадин</i> Общественный строй Жужаньского каганата	80
<i>С.Г. Кляиторный</i> Древнетюркская религия в памятниках рунической письменности	95
<i>Е.И. Кычанов</i> Тангутская текстология	98
<i>А.М. Певнов</i> Тюркизмы в чжурчжэньском языке	104
<i>Сунь Цзиньцзи, Ай Шэнъю, Чжуан Янь</i> Этническое происхождение бохайцев ...	107
<i>Е.И. Деревянко</i> Бохай и Приамурье	115
<i>В.И. Болдин</i> Бохайские гончарные печи (по материалам Корсаковского селища)	124
<i>С.П. Нестеров</i> Современное состояние изучения раннесредневековых этнокультурных процессов в бассейне реки Амур	127
<i>Ю.М. Васильев</i> Холодное оружие покровской культуры	139
<i>Ю.Г. Никитин</i> Население долины р. Суйфун в предгосударственный период ...	147
<i>Е.И. Гельман, В.И. Болдин, А.Л. Ивлиев</i> Раскопки колодца Краскинского городища	153
<i>В.Э. Шавкунов</i> Средневековые городища южной части Приморского края	166
<i>Н.В. Леценко</i> Предметы из дерева и кости в хозяйстве и быту чжурчжэней	174
<i>А.Л. Ивлиев</i> Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи	181
<i>В.А. Хорев, О.В. Галактионов</i> Необычный предмет оружия с Ананьевского городища	185
<i>Isao Usuki</i> Mokhe – Jurchen type rectangular belt ornaments	186
<i>А.М. Кузнецов</i> Шаманизм – как антропологическое явление	192
<i>Н.В. Кочешков</i> Тунгусские элементы в культуре аборигенов Нижнего Амура ...	200
<i>В.В. Совастеев</i> Основные этапы развития политической культуры Японии в XIX-XX вв.	203
<i>С.М. Жучкова</i> Зарождение и начало деятельности политических партий Японии в эпоху Мэйдзи	205
Авторы	213

Научное издание

Коллектив авторов

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

К 70-летию Э.В. Шавкунова

Компьютерный набор и верстка Н.Н. Крадина

ЛР 020277 от 18.02.97. Подписано к печати 23.02.2000.
Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 25,11. Уч.-изд.л. 30,05.
Тираж 500 экз. Заказ 31

Издательство Дальневосточного университета
690600, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690600, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56